

Гражданин Ватикана (вторая книга казанской трилогии)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

V.S.

V.S.

Гражданин Ватикана (вторая книга казанской трилогии)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63946866

SelfPub; 2021

Аннотация

Пример того, что в жизни есть две беды: первая – когда твои желания не сбываются, и вторая – когда сбываются. Содержит нецензурную брань.

V.S.
Гражданин Ватикана
(вторая книга
казанской трилогии)

Предисловие от рассказчика

«Мне трудно очаровывать людей, потому что я никакой не

очаровательный. Проницательные люди сразу чувствуют

моё презрительное отношение к ним, а простым людям

просто не нравится моё лицо, – лицо подлеца»

Павел Гончаров (Поль)

Впервые я увидела Поля зимой две тысячи седьмого года, когда пришла доучиваться на заочное отделение Российского Государственного Гуманитарного Университета. Окинула свою группу взглядом, выбирая с кем завести вежливую беседу. Поль, ссутулившись, стоял напротив окна и рассматривал грязь, которая скопилась между батареями. Все студенты ходили парочками, а он стоял один, – вот я и подошла

к нему. До самого окончания института в две тысячи одиннадцатом году мы сидели за одной партой, а потом, вдвоём выбрав самую строгую преподавательницу в качестве научного руководителя дипломной работы, окончили-таки обучение по специальности «юриспруденция». Скажу вам честно, – более проблемного человека я в жизни не видывала. В перерывах между сессиями (напоминаю, что учились мы по заочной форме) я с Полем не общалась – мы не встречались и не созванивались; разве что в последний год учёбы наши контакты участились.

Вернёмся в день нашего знакомства. «Ты новенькая Маша?» – спросил Поль. «Да, раньше в Университете училась, а ты?..» «Здесь почти все раньше где-то учились», – продолжил Поль, – «Тебе сколько лет?» «Двадцать шесть, ты...» «Мда, не девочка», – сказал он. «Вот это хамство!» – подумала я. Думать вслух – одна из черт твоего характера, мальчик?..

Он был из тех, кто у парикмахеров спрашивает: «А у меня хорошие волосы?», а у стоматологов спрашивает: «У меня ведь хорошие зубы? Лучше среднего?» Почти за пять лет общения с Полем, я так и не поняла, – нравится мне этот человек или раздражает. Понимаете, он был настолько откровенен в высказывании своих суждений, что иногда становилось неловко слушать, порой хотелось осмотреться по сторонам, чтобы убедиться, что никто больше не находится рядом. Одной из сторон его незаурядного ума была постоян-

ная депрессия. Часть негативного потока своего сознания он неизменно выливал на меня. Казалось бы – с таким багажом знаний и подвижностью воображения – живи в своё удовольствие, но это было не про Поля. Он сам как-то сказал, цитируя какое-то литературное произведение: «Кто-то готовится к смерти заранее. Некоторые за сорок лет». Любитель цитат. Его проблема была в том, что он смертен, – он сам так сказал. Ну, что тут ответишь?! Ещё он считал проблемой то, что не мог находиться одновременно в разных местах; тут тоже без комментариев.

Последние два курса я работала в магазине отделочных материалов и, по окончании учёбы была повышена до управляющей. Была у меня и другая работа... А Польша после института, благодаря связям своего отца, устроился работать в районный суд Центрального района.

Значит так, – летом две тысячи одиннадцатого года мы защитили дипломы, – где-то в середине ию.. ..ня, а через год и полтора месяца, – в конце августа две тысячи двенадцатого года состоялась церемония прощания с телом безвременно (никогда не понимала значения этого слова) погибшего Павла Павловича Гончарова, которого родные и близкие (ещё один штамп) звали Польша; закрытый гроб, в котором лежало то, что удалось выловить из озера. Церемония проходила в помещении крематория, через полчаса останки превратились в горстку пепла. Мать Поля активно возражала против кремации, – приставала ко всем с одним и тем же разго-

вором, мол «...даже могилки не будет, приходить-навещать некуда». Но касательно останков было всё решено самим Полем и, соблюдением процедуры строго руководил непонятно (ни для кого, кроме меня) откуда взявшийся красавчик-адвокат. Было ли в его договоре прописано нежно обнимать – вначале меня, а потом опоздавшую на церемонию прощания, двоюродную сестру Поля – этого я тогда не знала, но в атмосфере мероприятия чувствовалась напряжённость, которая неизменно возникала, когда Польша прикладывал к чему-то руку. На церемонии прощания присутствовали, помимо родителей, сестры, адвоката-распорядителя, какого-то мужика с работы и меня, два друга – Тони и Аркадий. В тот день, отправляясь в крематорий на церемонию, мне на мобильный телефон пришло уведомление о том, что на мою электронную почту пришло новое письмо, – письмо было с незнакомого адреса, вот его содержание:

«Когда я учился в десятом классе, у меня появился Интернет. Так как в то время – а это был две тысячи первый год – не были распространены, как сейчас, социальные сети, – все зависали в чатах, – это считалось прикольным. И вообще, на заре российского Интернета, его пользователи себя считали членами некоего элитарного клуба, и, на то были причины, ведь даже сотовый телефон считался роскошью, а уж если ты имеешь возможность писать со своего мобильного смс-ки, то ты счастливчик. Это так, – отступление. Вернёмся к Интернету. Знаешь, чаты по интересам, по географическо-

му нахождению или по возрасту. И вот, на сайте mail.ru был огромный список чатов, самым крутым из них считался чат «для тех, кому за тридцать два». На других чатах было полно малолеток и любой диалог рано или поздно упирался в личные оскорбления, а в чате «кому за тридцать два» собирались зрелые люди (или те, кто хотел сойти за зрелого разумного человека). Не припомню всех подробностей, но скоро я познакомился с одной девочкой, ей было двадцать пять лет. Мы с ней обсуждали разные вещи, в основном наши диалоги крутились около темы взаимоотношения полов, – я ей рассказывал о своих невинных отношениях с моей девушкой, а она мне рассказывала о том, что рассталась со своим парнем и что этому предшествовало. Мы обменялись адресами электронной почты. Её почта была на mail, а моя на Яндексе; я, помнится, в качестве логина использовал имя какого-то киногероя, а эта девочка использовала своё собственное имя и фамилию, разделяя их при написании нижним подчёркиванием, а в конце писался год регистрации почтового аккаунта, – кстати говоря, так делали многие, сейчас так тоже делают. Эта девочка скинула мне свою фотографию, и я скинул ей своё лучшее, на мой взгляд, фото. Спустя год я гулял по Эрмитажу; долгое время рассматривал мумию фараона, которая лежала в стеклянном саркофаге на первом этаже музея; на этом же этаже в Эрмитаже находится кофейня, а раньше (может и сейчас) рядом с кофейней располагалось Интернет-кафе, которое я не преминул посетить. Я зашёл в

свою почту и обнаружил три новых письма, два из которых было от моей знакомицы, она сообщала, что в таких-то числах будет находиться в Петербурге и предлагала встретиться в Эрмитаже, – познакомиться по-настоящему. Я посмотрел на дату и обрадовался, потому что понял: сегодня и завтра она будет в городе. По прочтению второго письма от своей подруги по переписке, которое пришло каких-то полчаса назад – она его отправила как раз в то время, когда я разглядывал мумию – моё сердце забилось чаще, потому что из этого письма следовало, что она пишет сидя в Интернет-кафе Эрмитажа! Как только до моего сознания дошло, что моя заочная подруга может находиться в нескольких метрах от меня, я как ошпаренный вскочил и начал метаться по Интернет-кафе, вглядываясь в лица посетителей. Не обнаружив своей знакомой, я вернулся за компьютер с намерением написать ответ, но, к сожалению, мои пятнадцать минут истекли, а денег на продление времени у меня не было. Вместо окна с Яндексом, на экране компьютера красовалась реклама какой-то авиалинии, что-то вроде: «Летайте нашими авиалиниями, – из Москвы в Нью-Дели, из Нью-Дели на Бали, далее – везде». Потом мы ещё несколько раз переписывались, но контакт прервался, – мы как-то потеряли друг к другу интерес. Так мы с ней никогда и не увиделись. Конечно же, она теперь не вспомнит меня – какого-то мальчика, который ей рассказывал о своей жизни, и уж тем более по истечении стольких лет, ей ничего не скажет моё имя. А вот её

имя и фамилия мне запомнились на всю жизнь, потому что там, где я родился и рос, таких чудных фамилий и имен не встречалось. Ну, сами посудите, как человек из наших мест может не запомнить такое звучное имя: «Макпал» и такую странную фамилию: «Тимералиева»?!»

С трудом дочитав это страшно занудное письмо и поняв из него то, что должна, я отправилась на церемонию прощания с останками.

Наверное, для предисловия достаточно. Ах да, ещё: если найдёте место в тексте, где я пишу про себя от третьего лица – не удивляетесь. Далее следует не очень связный рассказ про то, что произошло в отрезке времени с (плюс-минус) ..08.2011 по (опять же плюс-минус) ..08.2012. Повествование основывается на записках самого Поля и на моих пояснениях к этим запискам. Свои пояснения я вплела в тело повествования, чтобы эта писанина выглядела подобием литературного произведения. Главы, написанные мной, я надписала как «глава от рассказчика»; главы, состоящие из заметок Поля – все остальные. Что ещё? По собственной инициативе я разделила весь материал на две части – для удобства восприятия, – так подчёркивается, какой-никакой, сюжет; в реальном времени граница между частью «один» и частью «два» проходит ровно между две тысячи одиннадцатым и две тысячи двенадцатым годом. Начнём? Начнём.

Часть

I

Секретарь судебного заседания

**Когда я был молодым и безответственным –
я был молодым и безответственным
кто-то из президентов США**

Глава от рассказчика

«Трагическая гибель в автокатастрофе» – полоса в бесплатной газете. «Опасный участок на дороге. Куда смотрят городские службы!» – гневная статейка в другой бесплатной газете. Авария произошла ранним утром в понедельник тринадцатого августа две тысячи двенадцатого года, – примерно в 04.15 утра на дороге «Фермское шоссе» с односторонним движением ведущей от посёлка «Мирный» в сторону центра города вдоль озера; автомобиль марки Volvo был обнаружен в семь тридцать утра того же дня, переднее колесо с правой стороны оторвало от удара; тело, силой инерции выброшенное из лобового стекла, упало в озеро «Верхний Кабан», – извлечено силами правопорядка через шесть дней из озера «Нижний Кабан», когда оно причалило в самый разгар вечернего купания городского пролетариата к пирсу у театра Камала. Надо ли говорить, что ужасные ошмётки произвели настоящий фурор, – в серой жизни пьяной молодёжи случилось событие, о котором они будут рассказывать своим, по неосторожности рождённым, детям и, так же рождённым, внукам; да что рассказывать – показывать видео снятые на камеры мобильников. От аварии и пребывания в во-

де тело представляло собой ужасающее зрелище – не сразу поняли, что это раньше был человек; на его идентификацию ушло время; я на пару с отцом «жертвы трагедии» (мать в то время привидением бродила в вязком корвалоловом воздухе квартиры и, было не похоже, что ей до случившегося не было дела), принимала участие в опознании. «Павел Павлович Гончаров...» – прочитал заключение судмедэксперт – «...погиб тринадцатого августа две тысячи двенадцатого года в отрезок времени с 04.10 до 04.30 в результате черепно-мозговой травмы, полученной при ударе... Водитель не был пристёгнут ремнём безопасности... Ремень безопасности застёгнут за спиной водителя... Алкоголя в крови не обнаружено...». Он не пил. «Он не пил! Он ведь уже давно не пил, – вёл здоровый образ жизни!», – пропищала его сестра мне в плечо (откуда она только взялась), когда мы вышли из здания морга. Остатки татуировки на левой лодыжке и телефон фирмы «Яблоко» в застёгнутом кармане олимпийки развеяли последние сомнения в принадлежности тела. Сестра сказала, что в ночь, когда произошла авария, Поль приезжал к ней и они полтора часа катались по городу, и что он был что называется «на подъёме», был полон энергии и жажды действия, – на себя непохож. «Был, был... Не похож...», – эхом повторяла я, поглаживая её жёсткие волосы. За неделю до трагедии Поль попал в мелкое дорожно-транспортное происшествие, при котором сработала фронтальная подушка безопасности, – на момент катастрофы тринадцатого ав-

густа, машина не была оборудована подушкой для водителя.

Всё было примерно так... В августе одиннадцатого года Поль только-только устроился на работу в Центральный районный суд города Казани; вчерашний студент, выглядевший, как школьник старших классов; симметричное лицо, густые волосы, зелёно-серые глаза, нос... в меру волевой подбородок, весьма умеренное телосложение довольно правильных пропорций. Пока не началось заседание, он сидел с видом скучающей рок-звезды в приёмном отделении реабилитационной клиники для рок-звёзд. Типичный позёр, пытающийся скрыть своё полное невежество за маской равнодушия. После начала заседания Поль не сводил глаз со следователя главного управления, – рыжеволосой симпатичной еврейки. Красавчик-адвокат, в свою очередь, не сводил глаз с Поля. Следователь, видимо, тоже заинтересовалась Полем, даже пропустила свою реплику, когда судья к ней обратился. Когда судья обратился к красавчику-адвокату, он попросил повторить вопрос, поскольку тоже отвлёкся, странно – адвокат не мог припомнить, чтобы раньше с ним такое бывало. Когда Поль заметил его взгляд, то стал делить своё внимание между ним и ней поровну. Заседание было посвящено очередному продлению меры пресечения в виде содержания под стражей на время следствия; обвиняемый – нищий, следовательно, адвокат – бесплатный, прокурор – бесплатный, судья – неподкупный, секретарь – равнодушный, конвой – сонный; всем на всё наплевать. Адвокат, наверное, подумал,

что Поль – один из «тех самых», ну, вы понимаете, о чём речь. Но, про такого человека, как Поль, ни при каких обстоятельствах нельзя было сказать, что он-де «один из кого-то». Я в таких вещах редко ошибаюсь – не зря ведь доучилась до третьего курса на психолога. Многие, даже довольно умные люди, попадают в сети «иллюзии общности по интересам»; по национальному признаку, по признаку вероисповедания, по политическим взглядам, по гастрономическим пристрастиям, половым предпочтениям и так далее. Даже я стараюсь избегать нахождения в толпе, даже в толпе из двух человек; Полю было в этом плане ещё легче, – и он избегал нахождения в толпе, и толпа избегала присутствия Поля в себе. «Я не хотел бы являться членом клуба, куда берут таких как я», – не в тему, но почему-то пришло на ум это чьё-то высказывание.

Шла первая неделя его работы в суде в качестве секретаря судебного заседания; в тот день красавчика-адвоката (мы с ним увидимся позже при других обстоятельствах) вызвали на заседание в качестве бесплатного адвоката для каких-то разбойников (два идиота, угрожая ножом, ограбили постояльцев гостиницы, прямо в лобби, на виду у множества людей и камер видеонаблюдения). Дело было безнадежным: что первый, что второй подзащитный – безнадежно тупые малые, каждый имел за плечами несколько ходок; старший из них не придумал ничего лучше, чем хамить судье. Адвокату всегда почему-то было стыдно перед другими

участниками процесса в такие моменты, хотя все прекрасно понимали, что адвокат не может влиять на мировосприятие подзащитных. За такие вот (по назначению) процессы Красавчику (а точнее коллегии) платили минимальную ставку от шестисот до девятисот рублей за заседание (двести пятьдесят рублей – ознакомление с материалами дела, остальное – за присутствие на процессе). Прошёл слух, что с первого января две тысячи двенадцатого года ставки за назначенные дела будут пересмотрены; надейтесь. В основном Красавчик вёл договорные дела, являлся постоянным адвокатом для одной крупной компании по продаже автомобилей с пробегом (на них частенько подают в суд), для сети минимаркетов (их держат представители кавказской национальности), одно общество с ограниченной ответственностью (его друг детства – легализовавший свой «по выколачиванию долгов» бизнес, бывший группировщик), и один индивидуальный предприниматель (институтский товарищ нашего Красавчика), – сфера интересов которого весьма широка, но в основном недвижимость; наклёвывалась букмекерская контора, но пока ничего от них слышно не было. В семье Красавчика не было юристов, а тем более адвокатов, – Красавчик – первый. Папа Красавчика был врачом. Не старайтесь вникать в трудовую биографию Красавчика, – для понимания сюжета это не важно. Прокурор: «Дайте мне какую-нибудь бумажку для вида». Ей дали стопку тетрадных листов. Она положила их перед собой на столе и скомандо-

вала конвою: «Запускайте».

Вернёмся к Полю. Он как-то сказал: «мы ведём себя по-разному с разными людьми», уж не помню, в каком контексте это было произнесено. Со мной, как я уже говорила, он вёл себя предельно искренне, – мы совершенно без обиняков говорили о погоде, спорте, кино, домашних питомцах, «Российской газете», моих парнях и девушках; хотя я не думаю, что Поль так уж нуждался в доверительных отношениях с кем-либо, скорее напротив – старательно их избегал. Очень сомневаюсь, что у него вообще были друзья. Такие как он не ходят ни на одну из встреч выпускников с момента окончания школы, таким как он никто никогда не звонит по личному делу, разве что родственники, которых он ещё не успел настроить против себя. В последнюю нашу встречу Поль сказал, что не знает человека, за которого готов отдать собственную жизнь, из чего следует, что не может называться кому-то другом; да, в последнюю встречу и сказал... Хотя, мне saddётся, что за своих попугаев он, не раздумывая, бросился бы в огонь. Было ли хоть двое-трое человек с кем Поль время от времени общался? Едва ли... Верно будет предположение, что никто не мог сказать, что знает Поля (да что там, мы не знаем сами себя); с родителями взаимопонимания не испытывал (готова спорить), – не верил в родственные связи («знаешь, Муся, я не верю в родственные связи»); странно общительный и замкнутый одновременно, мог произвести впечатление недалёкого болтуна и интеллектуала-мизан-

тропа-филантропа (нужное подчеркнуть). Поль хотел жить, зарабатывая писательством (об этом он мне сказал, чуть ли не в первый день знакомства), но понимал, что шанс на этом заработать – ничтожно мал, особенно в России. «Кажется, я почти перестал быть чистоплюем», – скажет Поль позже. Из этой мимолётной фразы можно сделать вывод о том, что он усилием воли придавал гибкость собственной совести, дабы при необходимости не встретить сопротивления с её стороны. Но я-то знаю, что чистоплюем Поль никогда не переставал быть, – не тот случай. За эти без малого пять лет чаще всего в его глазах читалось отчаяние, редко когда пробежал проблеск надежды, но этот проблеск был с такой долей безумия, что мурашки бежали по спине при мысли, что эти самые надежды оправдаются. Отчаяние как предчувствие скорой гибели? Сбавим градус.

Прошу простить мне моё хасидское равнодушие по отношению к прерванной жизни; «...мы все умрём, Мэри Бёрк...» – сказал герой любимого мной фильма, «...мы все давно мертвы», – говорю вам я. Жаль, конечно, что Полю не удалось стать автором многих и многих любимых народом произведений, стяжать славу и почёт, как он мечтал; всё равно его несбывшиеся книги, как и миллионы книг написанных, никого ничему бы не научили. Поль-Поль, мне все эти заморочки нужны как собаке пятый Айфон, но ты мне оказал услугу и теперь я плачу тебе тем же. Природа устремляется за искусством; написанные мною слова отливаются в

полудрагоценном металле, – отныне и навеки эту историю будут помнить такой, какой расскажу её Я.

Глава 1

– Да-да, он закончил-таки институт... Кто? Какая специализация? Сейчас. Какая у тебя специ... альность?

– Гражданско-...

– А, не важно... Не важно, иди, погуляй (шёпотом).

Я вышел за дверь бани, оставив её полуоткрытой, чтобы было удобнее подслушивать разговор. Отец продолжал разговаривать по телефону.

– Кем хочет стать? Не знаю, не знаю. Писателем, говорит... (пауза). Нет, не пьёт.

В двадцать пять лет спрашивают о том, кем я хочу стать! В нашей стране принято решать этот сакраментальный вопрос много раньше. Мне близка мысль Чинаски: «...эта жизнь, в которой каждый должен чем-то заниматься; кто-то установил это правило, что все должны быть заняты, должны кем-то быть... Дантистом, пилотом самолёта, борцом с наркотиками, швейцаром, проповедником и так далее. Иногда, я просто устаю от мысли о тех вещах, которые мне не хочется делать; о тех профессиях, которые мне не хочется осваивать; о местах, в которых я не хочу побывать, например, в Индии...» Да, я хочу стать писателем и, искренне надеюсь, что мои заметки лягут в основу какого-нибудь произведения, может даже авантюрно-приключенческого романа.

Я решил, что слышал достаточно и пошёл на берег озера – покурить.

Мой роман с профессией агента по недвижимости в Санкт-Петербурге оказался скоротечным (снимать через меня жильё никто не хотел), – через четыре дня кончились деньги и стало не на что ездить на работу, а ехать приходилось долго, – дом папика был в 55 километрах от ближайшей станции метро, и, чтобы добраться до работы и обратно необходимо было заливать в бак десять литров бензина – на меньшее моя машинка не соглашалась, ещё пришло время менять масло; да и метро не бесплатно. Работа в казанском суде – это был вариант на крайний случай, я только не предполагал, что этот случай придёт так скоро. Я испытывал прилив сил после окончания университета и надеялся, что этой инерции мне хватит на то, чтобы закрепиться в самом, на мой взгляд, хорошем городе России. В дальнейшем я планировал уехать в Калифорнию и начать с чистого листа; сжечь все мосты. Собирался купить в России квартиру для дальнейшей сдачи внаём, чтобы были деньги на жильё и бензин в США. Мне кажется, что США – подходящая страна для моего проживания: там хорошие дороги, работают законы (в отличие от наших), к тому же в США сняли великое множество замечательных фильмов, на которых я вырос и, этот последний аргумент – самый главный. Последние два года учёбы в Казани я подрабатывал в качестве таксиста, – узнал город... В жизни полно разного рода ненужных знаний, я считаю, что

приобретение их только отвлекает от главной цели, если вы её конечно имеете, господа... Батарей энтузиазма были разряжены. Теперь придётся сделать шаг назад. Я делаю.

Через двое суток я гнал своё «синеватое недоразумение» в сторону Казани. Все любят роуд-муви; разве нет? Но рассказывать особо нечего. Примерно на половине пути вся жидкость в организме была заменена энергетиком; все поры пропитались никотином. Пока не закончились деньги на телефоне, я переписывался с Эн. В числе прочего я написал ей: «Послушай Ундервуд – «Химия и жизнь», – мне кажется это про нас». «Сектор Газа» был прослушан по первому кругу и пошёл на второй; «я вам не чета, я – супермен, я – рок-звезда...» Тщетно пытаюсь вызвать ностальгию посредством песен, на которых я вырос и под которые делал первые глотки алкоголя, я, всё же, не мог не думать о будущем. Единственно важным знанием за почти десять лет учёбы на юриста, – перед законом не все равны; рано или поздно такое положение дел вредило всем, – эта мысль была последним прибежищем идеализма в моём циничном мозгу. Я не очень страдал по этому поводу, поскольку ненавидел (и продолжаю ненавидеть) людей, страх и ненависть – эти два родственных чувства; у меня даже был собственный афоризм на эту тему: «если бы жизнь была справедлива – не было бы ни Ада, ни Рая». Впрочем, в Ад с Раем я тоже не верил. Во что я верил, так это в то, что когда есть крыша над головой и еда – это «и есть наша лайф», – пел из колонок уже теперь Васильев.

«Я верю в свой гонорар», – сказал Корсо. Вот так простенько соображала моя голова на тот момент. Пришло время для зелёной остановки и я зелёноостановился. Какое счастье проехать через такие города как Вологда, Ярославль, Владимир, Нижний Новгород, Чебоксары; проезжать не останавливаясь. Хотя в Ярославле пришлось завернуть в общепит. Центральная улица Ярославля в три часа ночи произвела на меня хорошее впечатление. Пространство около ресторана быстрого питания было хорошо освещено, и возникло ощущение уюта и безопасности; тёплая ночь усилила приятное впечатление. Я разложил еду и напитки на капоте автомобиля и не торопился заканчивать трапезу. Минут через десять мимо прошествовала толпа пьяных ребят. Мне пришло на ум моё давнишнее умозаключение: лучше пасть жертвой коварства, чем тупости. Вскоре я уже гнал на восток, разрезая ночную мглу светом единственной работающей фары.

Несмотря на то, что у меня не горела одна фара, меня ни разу не остановили дорожные полицейские, даже в, мать её, республике Чувашия, I am lucky-man, не иначе!

Усталость взяла верх, и я свернул с дороги. Мне приснился сон: я был в числе делегации, которая явилась на двор какому-то древнему царю; на званом ужине царь, в числе прочих увеселений, представлял послам слепого рассказчика, фантазия которого рисовала перед слушателями удивительные миры. Нам объяснили, что сразу после рождения будущий рассказчик был специально ослеплён, и с тех пор по-

знавал окружающий мир только по рассказам других людей; в частности к слепцу был приставлен особый человек, который читал ему художественную литературу. Только слепой рассказчик собрался удивить всех собравшихся очередным рассказом, как я проснулся.

После четырёхчасового сна (с двенадцати до шестнадцати) в трёхстах километрах от Казани, я проснулся ужасно перегретым и искусанным комарами. Мне срочно нужно было выпить фруктового сока, а потом пол-литра газированной минералки. Я рванул с поля, на котором спал и через десять минут подъехал к магазину. Получив необходимое количество жидкости, мой организм захотел курить и плакать. Первое я тут же осуществил, второе отложил на потом. Требовалось сменить пластинку, поскольку после сна я – другой человек. Поискав радио и наткнувшись на какую-то доисторическую песню: «Там, все-все там, все-все там, все-все там, Ждет меня Амстердам». – Ещё не хватало! Я поставил Сплина, которого недолго слушал в самом начале пути. Немного помотав вперёд, я нашёл «старые добрые» песни и, на этот раз, вникая в каждое слово, начал слушать. По времени ехать оставалось ещё часов пять-шесть. «Я не хочу, я не хочу, я не хочу домой», – читал мои мысли Васильев. Мне стало совсем печально. Если подумать, то дома у меня не было. Была квартира в Казани, которая принадлежала маме и, был недостроенный дом под Петербургом, который принадлежал папе. Я, за последние восемь лет, переезжал туда-сюда несколько раз;

менял города и работы. Не менее четырёх раз я говорил (отцу, матери, Тони, Аркадию, Мсти, себе), что приезжаю в тот или другой город навсегда. Теперь я поуменел до того, что помалкиваю на эту и некоторые другие темы. Окончание любого путешествия – маленькая смерть. Я старался не останавливаться надолго. Папа мне много раз рассказывал один и тот же анекдот про старого еврея, который несколько раз уезжал на ПМЖ в Израиль из Союза и несколько раз возвращался обратно, имея в виду, что я такой же; «...когда ответственные товарищи поставили перед ним ультиматум об окончательном выборе, задав ему вопрос: «выбирайте – где вам по-настоящему хорошо!» старый еврей ответил: «по-настоящему хорошо мне в дороге». Предпоследними словами папика были: «Вот ты говоришь: творчество; а знаешь ли ты, что бизнес – это тоже творчество?» «Знаю», – ответил я и уехал.

У меня мало всего, значит, у меня мало поводов расстраиваться. А вообще-то, чтобы расстраиваться, повод необязателен.

А если снимся – это сон с тяжёлого похмелья,
Я знаю – я останусь цел и невредим,
Когда взорву все города и выкурю всё зелье...

Глава 2

Председатель мне назначил ровно на девять утра, а я при-

ехал ровно в десять, – не слишком умно с моей стороны. Благо Команданте подошёл к одиннадцати.

– Два дня назад отмечал день рождения, – начал Команданте.

– Нет, я был в дороге, – кашлянув, ответил я.

– Ах да, ты же у нас не пьёшь, – проговорил шеф, глядя на рядом стоящую секретаршу.

– Угу (информация была устаревшая, но я не стал противоречить).

– Саша?

– Павел.

– Ну да, ну да.

– Бла-бла-бла?

– Бла-бла.

– Бла-бла?!

– Бла.

(...а я батюшку-то вашего знавааал, а я батюшку-то вашего знавааааа-а-ал... Ла-ла-ла-лаа-лаааа...!)

– Где хочешь работать?

– Здесь, – выдал я заранее подготовленный ответ.

– Здесь?!

– Это был бы идеальный вариант... – начинал потеть я.

– А ты не сломаешься? – тут впервые я увидел этот взгляд.

Это был взгляд разочарования, такого, знаете, ожидаемого разочарования. Верно, жизненный опыт Команданте подсказывал, что люди слабы и трусливы, ждать от них ничего не

стоит.

– Не сломаюсь. (Я не особенно изощрялся в ответах на вопросы одного из самых влиятельных людей города и субъекта Федерации, просто... даже не знаю почему, наверное, знал, что время для проявления остроумия ещё найдётся).

– Наденька, у нас всё ещё вакантно место секретаря судебного заседания? (Наденька носила русское имя, но татарское отчество и фамилию, так что она тоже не явилась исключением из правил).

– Да, Команданте (конечно, она не называла его «Команданте», но в своих заметках я буду называть нашего шефа именно так, – сложное отчество).

– Это очень ответственная должность, с неё начинали многие судьи. Оформляйте. Наденька, теперь у нас работает (заглядывает в мой паспорт) Павел Павлович Гончаров (мой характер больше соответствовал литературному герою писателя Гончарова – прим. П.П.), – сын моего армейского друга, с которым мы до сих пор общаемся (раз в два года, – прим. автора), только никому об этом не говорите; ха-ха... Всё.

Отлично, подумал я; нет ничего хуже, чем великолепное начало. Что касается алкоголя, – пару месяцев прошло, как я возобновил питание; четыре года назад наши с алкоголем отношения стали очень напряжёнными, и мы приняли решение на время разбежаться, в общем, как поёт «Ундервуд» – мы расстались друзьями.

Так я из пустого места, за секунду, стал «секретарём су-

дебного заседания»; ещё через пятнадцать минут начался мой первый рабочий день, который я провёл в нескольких, весьма напряжённых очередях, – к наркологу, который сказал мне на выходе что-то типа: «не подведи того, кто дал тебе эту работу», к психиатру, к терапевту и к ксероксу в магазине «1001 мелочь».

– Завтра я тебе всё объясню... Что делать, что не делать... Делопроизводство... График-мрафик-наркотрафик. – сказала на прощанье Наденька Юсуфовна.

Этот день я завершил безудержным весельем в компании одного из двух моих друзей – Антона (Тони). Обсуждали карьерные перспективы, пили пиво и, снова пили пиво (мы бы и от водки не отказались, но с двадцати двух ноль-ноль до десяти часов утра продажа спиртных напитков с массовой долей этилового спирта более пяти процентов... ну, сами знаете). Разговор был такого типа:

– Теперь у нас свой человек в суде!

– Да, можешь воровать, убивать, обманывать; потом мне звонишь, я иду в зал заседания, чтобы посмотреть, как тебя посадят.

– Ха! Ну а как же госзакупки?

– Отдельная тема, и тоже мимо меня (так выражается мой младший брат). Весь мир театр, а люди в нём актёры, а я в нём – рабочий сцены низшего пошиба.

– Мда, судья – режиссер; помощник судьи – ассистент.

– Я – секретарь – мебельщик...

– Как интересно происходит движение по карьерной лестнице? Через постель?

– Даже если так, то я всё равно никому не скажу. Даже тебе...

Ещё мы катались на моей машине в состоянии алкогольного опьянения и на машине Тони и обсуждали последствия того, как попадёмся в лапы органов правопорядка и тогда не видать водительских прав и, возможно, работы в суде. Мне было так хорошо и беззаботно, как может быть хорошо и беззаботно государственному служащему в перерыве между служениями государству.

Глава 3

На моих глазах «заполировали» на тюрягу молодого таджика; он моложе меня, но у него двое детей. Он избил и ограбил несовершеннолетнюю девчонку. А может не он.

– Образование, – промямлил судья.

– Доктор.

– Что?! Повторите?

– Он доктор, доктор медицины, – пояснила переводчик.

Странно, что доктор (он же врач) совершает подобное преступление. Я для себя решил, что молодой таджик невиновен, а все присутствующие представители системы – сволочи.

– В гражданском производстве трут-мнут, а мы осуществляем правосудие, так-то ёпрст!.. – сказал судья в перерыве,

облокотившись на край стола. У меня возникло ощущение дежавю.

Через час я пил чай в компании молодых помощников судей. Чай «Ак Бар». Наша жизнь намного карикатурнее, чем наше даже самое сатирическое представление о ней.

Четыре дня спустя я спал на рабочем месте, слюни текли по рукаву и капали на стол. Спали все работники кабинета, предварительно выключив свет. «Я – Оскар Шелл – внук бабушки», – промямлил я, когда меня разбудили. «А что это у тебя играет?» – спросил я у помощницы, имея в виду музыку, доносящуюся их колонок компьютера. «А это Надежда. Она раньше была ну просто сверхпопулярна». «О, можно мне скинуть на флэшку?»

Каждый сотрудник считал своим долгом напугать меня перспективой огромного количества предстоящей работы. Все говорили об этом сидя передо мной, закинув ногу на ногу и попивая кофе или чай. Я по-прежнему ничего не знал и не умел; интересно, как скоро начальство выяснит, что я неспособен к обучению и выгонит меня в шею.

Вызвали в отдел кадров (Наденька Юсуфовна).

– Пока одиннадцать. После присвоения классного чина – двенадцать. После присвоения следующего классного чина – тринадцать. Кажется, всё. Имеешь право на отпуск. За выслугу лет – плюс один день отпуска за каждый год службы; но не более сорока одного, – это через десять лет.

У меня встал комок в горле (скоро он станет моим по-

стоянным спутником, появляясь и по другим поводам). Глаза наполнились слезами, – пришлось несколько раз глубоко вдохнуть. Какие ещё десять лет – подумал я, – не знаю, что будет в следующие пятнадцать минут. Не хочу я здесь десять лет... не хочу я тринадцать, не хочу сорок один... какого дьявола! У меня не было иного источника доходов кроме этой треклятой работы, родители мне ничем помочь не могли, кроме крыши над головой и еды. Потребности молодого организма и пытливого ума требовали изрядных расходов; не найдя удовлетворения этих самых потребностей, организм впадал в депрессию и требовал лекарства от безысходности, – алкоголя и никотина, может иногда лёгких наркотиков. Мне давно пора было сесть на антидепрессанты, но всё не досуг сходить к врачу.

– Спасибо, мне ещё где-то надо расписаться? Нет. Тогда я пойду. До свидания.

Наверное, стоит рассказать читателю немного о себе, я же главный персонаж... своих заметок. Следующую главу посвящу исключительно своей персоне.

Глава 4

Зачем мы общаемся с людьми, которые нам не нравятся? А потом ещё рассказываем о неприятном опыте общения людям, которые нам тоже не нравятся. И так из года в год.

Я. У меня нет пистолета. У меня нет счёта в банке. Мне, как и всем потомственным беднякам, не свойственно откла-

дывать деньги про запас; если у меня есть немного денег, то уже нет желания работать. Естественно, так ничего не заработать и не купить. Для бедняков в России существуют кредиты. Собственно, на бедняков все эти кредиты и рассчитаны, все эти 24% годовых, 36% годовых, 59% годовых... Помимо бедняков, этими банковскими услугами пользуются ещё дураки.

Я. Я? Есть ли я? Вечером я такой? Утром меня всё равно что нет? Я не могу привыкнуть невысыпаться. «Трез Диаз», «2012», «4:44», «Меланхолия», «Утро Поля»... Если бы у меня был пистолет, – я бы с шестидесятипроцентной вероятностью покончил с собой утром – перед осознанием необходимости идти на работу. Я не чувствую течения времени. Для меня всё одновременно удивительно и очевидно. У меня пока нет пистолета. Пистолет буден приобретёт для моего сердца. Я записываю эти строки отчаянно пьяным, поэтому, можете не сомневаться в моей искренности. Я как Хэм, я как Томпсон, я как я, как я, как я.

Стоя в глухой пробке, пишу смс-сообщение Аркадию: «Сегодня во сне я летал. Парил над Суевой в общем и над городом в частности, ловко облетая высоковольтные провода и значительно экономя на бензине. Мечта каждого казанца. Только это была не Казань, а тот город, куда я всё чаще возвращаюсь во сне». Ответ Аркадия: «Тот город, откуда вернулся недавно?» Я: «Нет же. Во сне я его посещаю. Он с причудливой архитектурой. Я пока не имею собственной недви-

жимости в нём, может после смерти мне дадут в нём студию по договору социального найма с возможностью приватизации по прошествии тысячи лет». Как бы сейчас вернуться в него!..

А если юридически сухо, то приведу несколько строк из автобиографии, которую меня заставили написать при приёме на работу:

«Я, Гончаров Павел Павлович, родился 12 августа 1985 года в городе Казани. Отец (на момент моего рождения) работал директором магазина «Ветеран», мать – студентка Казанского Финансово-Экономического института. После окончания школы с углубленным изучением французского языка, я поступил в Российский Государственный Университет – филиал в Петербурге, факультет юриспруденции. На третьем курсе вступил в брак с уроженкой города Петербурга, через два года мы, по обоюдному согласию, развелись. Детей не имею. После развода перевёлся на пятый курс в Российский Гуманитарный Университет – филиал в Казани – факультет юриспруденции. В июне 2011 года получил диплом РГУ по специальности «юрист». Ни о каких увлечениях алкоголем и наркотиками, ни о сексуальных и гастрономических предпочтениях я распространяться не стал, поскольку в инструкции чётко было сказано, что нужно осветить. Так был пункт: «Из какой семьи» (!) Это как понимать, – типа «бояре мы», или «я из люмпен-пролетариата». Наверное, ещё дореволюционная форма анкеты. Ах да, ещё

был пункт: «о себе». Я написал: «увлекаюсь чтением художественной литературы, страноведением (пространно, не так ли?) и кино». Ещё я не умею радоваться жизни и вижу в людях только плохое, не чувствую течения времени (это я уже говорил) и живу одним мигом, искренне веря в то, что любая секунда может быть последней; это я тоже не написал. Чистая правда. Вот такой средненький житель казанской губернии, – без заслуг, без претензий на заслуги.

Глава 5

День пятый, ничем не примечательный, кроме того, что я опоздал на пятнадцать минут, – с кем не бывает при таком-то трафике. На следующий день опоздал на полтора часа. Уже что-то!

Мне понравилось стоять в этой трёхчасовой пробке, выпавшей примерно на шестой рабочий день; мой личный «Космополис». Основная часть пробки была на одной из самых застраиваемых улиц нашего города. Я прикидывал, как приобрету маленькую уютную квартирку в самой высокой новостройке и буду смотреть на ночной город из окна, буду смотреть на Кремль, на мосты, на несущиеся ночные автомобили, на плетущиеся дневные автомобили, вдыхать прохладу ночного сплина... Вот где бы я хотел испытывать социальное одиночество.

– Едешь ты там или нет?! – соседи по потоку.

Пришло сообщение от Эн: «Ненавижу этот город, я в

пробке». Я набираю ответ двумя руками, подруливая колёном (работа таксистом не прошла даром): «Я кое-что в этом городе люблю». Эн: «Что здесь можно любить-то?!». Я: «Игру Света и Тени на лазурной глади предрассветных луж», – чёрт его знает, что я хотел этим сказать.

Поясню для читателей. Мне давно нравилась моя кузина и, полтора месяца назад я, с нитевидным пульсом от страха и смущения, в этом ей признался. Конечно, я не рассчитывал, что она перелезет с водительского сиденья на моё пассажирское (дело происходило в её машине посередине поля, за городом, в изрядном подпитии) и взгромоздиться на меня. Скорее, я ждал, что она плюнет мне в рожу, и я, со спокойным сердцем уеду в Петербург, перечеркнув прошлую жизнь и придав забвению свою телефонную книгу в мобильном, и адреса электронных ящиков на Яндекс. Но, не произошло ни того, ни другого. А произошло совсем третье, а именно: она дала мне понять, что готова рассмотреть этот вариант, если его вырвать из контекста наших родственных уз. Ух! Это понимание дошло до меня не сразу. Я не самый сообразительный человек. Сказать, что я схватываю всё на лету, значит погрешить против истины. Осознаю этот факт – это уже неплохо. Надо отдать должное тактичности и мудрости Эн, – она ни коем образом не усугубила моё смущение от отказа, напротив – облекла отказ в такую форму, чтобы я одновременно и умирал пыл и продолжил надеяться на положительный результат. Наташа Ростова не удостаивала быть

умной, ибо была мудрой! Чего стоит моя начитанность, если я всю жизнь веду себя как дебил. Вот, мать её, жизнь! Результатом моего признания (ожидаемого ли? неожиданно?) явилось то, что мы стали общаться раз в тысячу больше (лучше), чем раньше. Может и по этой причине, я довольно легко внутренне согласился на свой «крайний вариант» трудоустройства (работа в Центральном Суде города Казани) и, предвкушая новые впечатления на ниве попраiania общественной морали, выехал из Питера после двухнедельного там пребывания.

А сейчас я стою в пробке, уважаемые читатели. Стою в чёртовой пробке и передумываю дьявольскую прорву мыслей.

Глава 6

День седьмой. Я подшиваю дела. Довольно быстро я набил руку, вследствие чего утратил осторожность. Первое, второе, пятое дело сшил без происшествий. К седьмому делу я подшил указательный палец своей левой руки.

– Сука, – громко прошипел я прямо во время заседания, – свой палец указывать в описи? – пошутил я на ухо сидящей справа помощнице судьи. Она улыбнулась и отвела взор. Шрамы украшают канцелярских крыс, это вам скажет любая канцелярская крыса.

Сидя на временном рабочем месте, я невольно подслушивал разговоры помощников судей и секретарей судебных за-

седаний. Что-то о кредитах (льготных!) от ВТБ (под 40% годовых!). Я подумал, что никогда не хочу брать кредиты. Хочу «вырубить» сказочный гонорар за свой дебютный роман (после такого-то успеха, можно писать всякую дрянь и продолжать богатеть), купить скромный кабриолет марки BMW и уехать с Эн в Париж на несколько недель, предварительно нажав кнопку «поднять крышу». Какие-то детские мечты, право же! Хотя, почему нет. Под эти мысли я и погрузился в послеобеденный сон своего седьмого рабочего дня.

Подхожу к метро, пишу смс Аркадию: «У меня вид задраченный, как у Эдварда Нортон в «Бойцовском клубе», – такая же бело-серая рубашка со следами кро... супа». Еду в вагоне, приходит ответ: «А у меня такой же вид, но рубашка чистая. И суп... Суп Нортон... Суп». Ха, думаю, суп Нортон, Эдвард Ролтон. Голова не варит. Поднимаю голову, вижу электронное табло, по которому бежит строка: «Если кто-то предлагает освободить вас или вашего родственника от уголовной ответственности, знайте, это мошенники. Немедленно сообщите в полицию по номеру 02». Ха, снова думаю я, а если вы сами просите освободить себя или родственника от уголовной ответственности... на этом мысль оборвалась, моя станция, конечная. Для меня на сегодня всё.

Этот день был тяжелее всех предыдущих вместе взятых, – я не смог уснуть прошлой ночью.

Глава 7

Квест. Спустись на цокольный этаж. Кабинет 012. Спроси у бабушки в больших очках, где находится шкаф с ключом от гражданского архива. Когда получишь ключ иди в сторону кабинета завхоза, и, не доходя пяти шагов, сверни направо. Там тебе дорогу преградит дракон, охраняющий шкаф с фамилией нашего судьи... Не люблю квесты, мне по нраву action! Так-то. Если уж работать на государство, то в какой-нибудь сверхсекретной конторе, и быть не секретарём, а аналитиком, ну, помните как в фильме «Три дня Кондора», снятого по книге «Шесть дней Кондора», – там главный герой должен был весь рабочий день читать детективные романы и прочую художественную литературу на околориминальную тему, чтобы выискивать в ней всякого рода интересные приёмчики, типа пули, изготовленной из льда...

День девятый. Шью дела с остервенением похмельного сапожника. Представитель какого-то муниципального образования – худенькая брюнетка – подсаживается рядом, бросает взгляд на мою, полную всякого барахла, сумку. «Всё своё ношу с собой?», – шутит она. «Здесь есть и чужие вещи», – с видом умалишённого отвечаю я. Люди, в основном, забыли смыслы старинных изречений. Взять хотя бы данное изречение. Смысл его не в том, что всё барахло носишь с собой, а в том, что нужно жить так, чтобы не иметь никакого барахла. Да и хрен с ним. Приспособили и приспособились, – ведь в этом залог выживания человека как вида. Я – Зингер, концептуальная модель.

Заседание. Злодей в клетке. Судья, секретарь, помощник – на своих местах. Встали-сели. Прокурор, адвокат, конвоиры, следователь. Так-так, кто это у нас тут, – лучик света в тёмном царстве?! Уху...! Следователь – та ещё бестия, рыжая, на еврейку похожа. Ухх-х-ху... Есть чем заняться в ближайшие полчаса. Ловит мой взгляд – я отвожу, ловлю её взгляд – отводить. Смотрим друг на друга – никто не отводит. Судья: «Следователь, вы?». Бестия: «Что? Уважаемый суд, прошу повторить вопрос... Ваша честь...» Так, а адвокат тоже ничего, – модельная внешность, модная одежда; и какого чёрта он делает здесь по назначению?!

После обеда я почувствовал странные ощущения на теле. Какие-то вмятины и выпуклости. Моё тело превращалось в шестерёнку! Я не против какое-то время побыть частичкой системы, только не хочу, чтобы эти вмятины оставили следы на моей бессмертной (А-а-аллилуя!) душе. Аминь. «Часть команды, часть корабля, часть команды, часть корабля...» Сидя на процессе, я заметил некоторую особенность в поведении почти всех участвующих в деле в качестве стороны мужчин: почти все мужчины (взрослые и состоятельные) ведут себя на суде как маленькие мальчики, которых вот-вот накажет строгая воспитательница, – они что-то блеют, отвечают на вопросы дрожащим высоким голосом, потеют без повода... Может испытывают сексуальное возбуждение от унижения и страха? За стенами суда они не такие. За стенами они – уверенные в себе мачо, самцы, хозяева жизни,

хозяева положения, ну или хозяева гаража.

Моим ботинкам необходимо отвести отдельную главу.

Глава 8

С моими ботинками надо что-то делать. Левый издаёт при ходьбе хлюпающий звук. Правый интеллигентно поскрипывает. Хорошо, что когда я сижу, они ведут себя тихо. На улице, среди шума машин, эти звуки не так отчётливы, но в тихих судебных коридорах (большие деньги любят тишину) этот дуэт привлекает всеобщее внимание. Ну, представьте, – люди сидят со скорбными сосредоточенными мыслями и лицами – ждут пока секретарь их вызовет, некоторые из них ждут в наручниках, и тут, совершенно «мимо кассы» иду я, – в скрипяще-хлюпающих ботинках; о каком сосредоточении может идти речь. С первой зарплаты необходимо купить хорошую обувь. Смешно, – моей зарплаты не хватит даже на шнурки от хорошей обуви.

Глава 9

Эн! Бендисьон Альварато души моей! Эн, ты мне так безразлична, что мне безразлично всё остальное! Я в плену. Снова вляпался в эту передрагу, и, на этот раз, всё гораздо серьёзнее. Просыпаюсь. Вспотел и замёрз одновременно. Выходной день. Пишу сообщение Аркадию: «Всё-таки так попсово сняли «Ромовый дневник». А всё конъюктуры для! Я испытываю (давно забытое) чувство досады (это уже не

о фильме)». Аркадий: «Почему (не о фильме)?». Я: «Меня прокатали на дорогой машине, а за руль не пускают. Вот её сообщение: «...посмотрим в общем. Даже если мы останемся наедине, – ничего не будет. Вчера и так слишком далеко зашли!» Аркадий: «Предварительные ласки? Довольствуйся сиденьем пассажира и... минибаром». Я: «Предварительная любовь. Я в последнее время налегаю на минибар, прямо по заветам папика. Этот случай ведь (как казалось про все случаи) особенный. Моей творческой биографии необходим такой эпизод! Это не любовь, это гораздо серьезнее. Ты дома сегодня?» Снова я: «Продолжая говорить метафорично, – я вовсе не хочу становиться владельцем этого авто (налоги, ремонт...), мне даже не нужно генеральной доверенности, сойдёт и обычная. Я просто хочу прокатиться, может быть несколько раз». Она говорит: «А что будем делать, если я забеременею?». Ну, я вам уже говорил. Что я должен ответить: «Будем рожать уродов (с 7% вероятностью)». Я, конечно, сказал то, что ближе всего к правде: «Эн, малышка, я не хочу детей, я буду думать, что живу не своей жизнью, я не смогу быть счастливым, я не хочу оставаться на одном месте». Чёрт возьми, Эн, как ты не понимаешь, что глупо строить какие-либо планы, – жизнь такая непредсказуемая штука, – я не загадываю даже, что буду есть на ужин, будет ли вообще этот самый ужин!.. Детка-детка, давай будем счастливы здесь и сейчас! Давай продолжим целоваться, – для меня это как свободное падение...

Да уж, Реальность вцепилась в меня мёртвой хваткой, выкрутила руки назад и заставила встать на одно колено, в любой момент Реальность могла в ультимативной форме попросить меня лечь лицом на асфальт. О да, сука-Реальность жестока с такими ничтожествами как я. Как тут не вспомнить Луи Селина. Моё путешествие на край... просто на край. Все последние годы я стремился ослабить оковы Реальности, а для этого был социально пассивным, политически индифферентным, психологически рассеянным и, на всякий случай, не верил никому. Теперь же мне предстояло играть гендерную роль, текст которой я давно забыл. Я уже играю, импровизирую как могу. Я был почти свободен, но Реальность поймала, когда я уже «перелезал забор»...

Глава 10

Спустя сутки. Может, спустя вечность. Воскресенье. Стой-стой. Я не могу дышать. Я еду... Еду... Не могу рулить, этим ведром.

– С вашего позволения, я остановлюсь на перекур?

– Извольте.

Мне надо написать сообщение. Я не могу дышать. Ты так глубоко во мне... Я не буду умолять о помиловании; голос её разума сказал, что со мной надо завязывать. Она написала, что: «Нам надо прекратить, иначе всё закончится плохо... Давай общаться, как брат и сестра». Пишу сообщение: «В качестве последнего слова приговорённого к разбиванию

сердца (опять грёбанная патетика): хочу сказать, что во всех оставшихся для меня женщинах я буду искать твои черты, но, чёрта с два найду хоть в одной. Я поймал себя на мысли, что строю планы совместной с тобой жизни. Ты – во всех известных смыслах, исключительная девочка. Целую (конечно, невинно)». Ну, где ты ощущение свободы?! Что-то я не очень счастлив от того, что меня минула сия чаша. Мне надо выпить...

– Мы поедем?

– Да, конечно...

Я буду водку и пиво, курю Мальборо Лайт, как Д. Паркер. Меня ждут привидения и сны про войну. Необратимость и Идеал. У меня был шанс стать нормальным человеком, но, от не меня зависящих причин, его больше нет. Я не бегу от судьбы, – только надеюсь, что она будет счастливой. Я учусь не надеяться; как только смогу – стану свободен. Возможно ли, что я люблю тебя только потому, что люблю себя (ведь ты – моя не самая дальняя кровь), возможна ли такая перверсия? Может и вправду – это мой единственный шанс полюбить?.. Сегодня я гуляю, это не обсуждается. Приняв первые сто, я сажусь за руль и еду навстречу своему другу Тони. Тони находится около заведения, где по воскресеньям играет его младший брат. Когда я подъехал к заведению, оно было уже закрыто, Тони стоял в кругу незнакомых мне лиц и поддерживал разговор сразу со всеми, особенно с совсем юной блондинкой. Эти лица вполне могли быть ещё школь-

никами. Тони был пьян настолько, что проявлял агрессию ко всему существу. Поздоровавшись со всеми, я довольно навязчиво стал препровождать Тони в предварительно открытую дверь пассажирского сиденья. Тони довольно заметно сопротивлялся. Я не стал настаивать и решил немного побыть в компании незнакомцев и незнакомок. Высокая брюнетка предложила выпить водки. Водка у них была в бутылке из-под минералки, минералка у них была в бутылке из-под минералки; это для того чтобы незаметно пронести спиртное в клуб. Я не видел причин отказываться от выпивки, ведь я уже был полупьян. Перед тем как сесть за руль пьяным я выпиваю немного Корвалола – для запаха; в случае задержания инспектором ГИБДД можно разыграть сцену «про истеричку». Предложенная мне водка пошла на удивление плохо. Я решил, что это знак. Затолкав Тони в машину и включив на полную «Ленинград» (я почти всегда слушаю «Ленинград» когда езжу пьяный), рванул с места. «А ты сегодня французской помадой, а напмадила губы свои! А мне кажется будто измазан а весь твой рот в моей алой крови...» Конечно, мы на этом не остановились. На пути супермаркет с огромным выбором лекарства для души. «...Любишь ты лишь сосать мою кровь», – хором орали мы, глядя друг на друга. Водка-водка-пиво-сигарета-пиво-водкаааа... Закрутившись в вихре дружеского общения, мы утратили контроль над временем и пространством. На каком-то этапе я потерял из виду Антошу. Последний проблеск сознания на-

стиг меня, когда я аккуратно парковался на детской площадке, в магнитофоне играл уже не «Ленинград», а «...согреет ветер полусумрачных витрин, мы с тобой на целом свете, ты мой раб и господин... Я усну, а ты не бойся просто думать обо мне... Нежный сон, мой успокойся, ты прошепчешь в тишине... Значит мы увидимся, зна-а-чит мы увидимся... Увидимся-увидимся», – очевидно, это была та певица, которая мне нравилась, когда я ещё учился в школе, но почему-то эта песня пелась голосом Антона Салакаева с характерным проигрышем на баяне...

Прилипнув щекой к стеклу, я посмотрел на звёзды и тотчас же ощутил невыносимую благодарность за то, что живи, возможно, проживу ещё энное количество времени. Рука привычным движением потянулась к ручнику, но нащупала... Огогошеньки, что это у нас тут?! Пистолет! Пистолет для моего с-с-сердца. Пистолет для моей бесссссмертной душшшшиииииииии...

Глава 11

Понедельник. Я проснулся по будильнику только потому, что был ещё пьян. Где-то впереди ждала полтора часовая пробка. После обеда меня охватит похмелье, но до него ещё надо дожить. О том, чтобы позавтракать речи быть не могло; даже вода пыталась сразу вырваться наружу.

На дороге (привет Керуаку). Мне в таком состоянии совершенно необходимо слушать какую-нибудь особенную му-

зыку. «Aerosmith» казался тем, что надо. Первая-вторая-третья... О Боже! Я вспомнил из-за чего нахожусь сейчас в таком состоянии. Волшебник Тайлер пел:

*«Don't wanna close my eyes, I don't wanna fall a sleep
'Cause I'd miss you baby and I don't wanna miss a thing
'Cause even when I dream of you the sweetest dream will
never do...»*

I'd still miss you babe and I don't wanna miss a thing»...

...и моё дыхание становилось учащённым.

Если мой пламенный мотор не «стуканёт» во время рабочего дня, то первое что я сделаю, зайдя в квартиру, будет «кровавая Маша»; в высокий прозрачный стакан положу несколько кубиков льда, налью не менее семидесяти пяти грамм водки, залью кровью мёртвых помидор, посыплю красным молотым перцем (помогает сбалансировать вес), посолю, размешаю длинной барной ложечкой и... А сейчас рекламная пауза. ...Выпью. Повторю. Буду повторять, пока не закончится водка. Потом подумаю о том, что делать дальше. А может, скажу: «Я подумаю об этом завтра...»; да-да, как Скарлет О'Хара. Мда, Павел О'Хара...

День ещё не закончился. Ещё каких-то полчаса. Судья у нас остроумная, говорит мне: «Поль, у тебя ведь высшее юридическое образование?». Я: «Да, конечно». Судья: «Сходи в магазин, купи «Парламент» что-то там «blue». А по-

мощница – не остроумная. «Ты смешной», – сказала неостроумная помощница. А я подумал: «Я умираю, сука! Что тут смешного?! По всем документам я – человек, у меня есть паспорт, права, пенсионное удостоверение, полис обязательного медицинского страхования, свидетельство о разводе... Кокаина мне, священника мне! Моя голова сейчас взорвётся! Мусульмане – ни у кого нет таблетки от головы!» Пришло сообщение от Тони: «Я вчера пистолет потерял. Ты у себя в машине не находил?»»

Глава 12

Вторник. Странно – я чувствую, что выспался, – опасно. Ага, желудок не работает. Пью воду, пью ещё... Меня начинает рвать. Меня продолжает рвать. Вчера я допивал оставшуюся водку и общался по Скайпу со своим младшим братом – Мстиславом. Его мама, видите ли, была подающей надежды виолончелисткой, – закончила Питерскую консерваторию, сейчас работает торговым представителем на «курице». Он перешёл в десятый класс и вчера был первый учебный день. Мы болтали ни о чём до тех пор, пока Мсти не задал вопрос.

– Как у вас с Эн?

– Э! Никак, всё нормально, никак... (Дело в том, что я, прибывая в полуобморочном состоянии от алкоголя, проболтался Мстиславу о своих романтических планах относительно нашей общей двоюродной сестры).

– Прогресс есть?

– Нет, она перечеркнула все t, сказав, чтобы я шёл «куда подальше» с этим вопросом, а по остальным обращался...

– Ладно.

– Ты ведь никому не сболтнул, – я весь зачесался от напряжения.

– Нет-нет, тэкет изи, мэн, тэкет изи...

Я знал, что Мстислав не болтун. Мсти – умный парень, умный каких мало. Если Мсти и разболтает что-нибудь, то только потому, что считает это не очень важным и, в большинстве случаев, это действительно оказывается не очень важным. Ещё он сказал, что мне нечего стыдиться, что всё так произошло, потому что мы много времени приводим вместе, я, вроде как не вижу других женщин... Но, что-то мне подсказывало, что причинно-следственные связи неправильно интерпретированы.

– Не болтай Мстислав, для меня это очень важно, – я прилип к камере, чтобы по моему скорбному лицу было видно, что мне это действительно важно.

Теперь он знает, что «для меня это очень важно». Мы ещё немного поболтали. Обсудили нашего троюродного брата Диму. «Дима каждый день набуханный», – докладывает Мсти. «Каждый коротает время по-своему», – философствую я.

Мне так понравилось общаться через компьютер, что я не сделал практически ничего из того, что задумал на вечер.

Приехал на работу с опозданием в пять минут. Поднялся к нашему судье. Через двадцать минут она мне сказала, что Команданте выйдет пятого сентября, а сегодня четвёртое.

Сегодня пойду обедать в Макдональдс, – отличный вариант для тех, кому ничего не лезет с похмелья. Э-э-х! Правовыми нормами, «струны на моей гитаре вьются! Пара-ру-ра-ру-рам-пам!»

Вечером меня посетил Аркадий.

– Как дела у семейного человека, – спросил я друга.

– Брак – это работа, – уклончиво ответил Аркадий.

– Знаю... – потупил взор я. – Я и развёлся-то потому, что мне надоело приходить с работы на работу...

– А как твоя работа на президента? – поинтересовался Аркадий.

– Ничего не могу понять в этом секретарском бумаговороте, поэтому каждую свободную минуту читаю Чинаски, если не ем и не сплю.

Глава 13

Пятое сентября. Раннее утро. Пересёкся с мамой на кухне. Решил поговорить ни о чём:

– Мне приснилось, что ты, я, бабуля Лариса, бабуля Томочка, тётя Валька, папик, ещё кто-то из наших родственников едем в вагоне поезда, а машинист этого поезда – тоже бабуля Томочка. Умереть-то она умерла, но везёт нас всех на этом поезде... Может, она нас везёт к неминуемой гибели.

ли? Может, мы все сможем устроиться после смерти машинистами поездов? Ты хотела бы стать машинистом?

– Мне пора на работу, – мама не расположена говорить по утрам.

– Да. Мне тоже, – ответил я, пожалев, что начал этот разговор.

Команданте выходит на работу после очередного заграничного вояжа. Надо быть полным кретином, чтобы сегодня опоздать на работу. Я проснулся более чем заблаговременно, но выехал как всегда поздно. Оставалось каких-то полчаса до той минуты, когда я должен приложить электронную ключ-карту к ридеру на проходной. Среда – самый напряжённый день в части автомобилепотока. Вчера я уже попробовал ехать по «встречке», сегодня же мне предстояло ехать по «встречке» через две сплошные, если я не хочу вернуться на вольные таксистские хлеба. Сначала первые скромные сто метров. ГИБДД нет. Повезло. Еще сто пятьдесят. Ментов нет. Если есть Бог, то он должен меня покарать. Я уже подсознательно хочу, чтобы меня поймали. Встречные машины, которые ехали по своей стороне в крайнем левом ряду, шарахались от меня как в голливудском фильме. Я отметил, что будь у меня дешёвая задумчивая «четырёхступка» вместо пятиступенчатой механики, что стоит на моём «ведре», я бы не смог вытворять на дороге то, что в данный момент вытворяю. Для таких «опоздунов» как я – пятисту-

пенчатая «ручка» – то, что доктор прописал. Так-так, если не продолжу ехать по встречной полосе, то не было смысла начинать, время ещё не нагнано. БэЭмДаблью Икс Три выезжает на «встречку», – я принимаю решение ехать за ней «бампер в бампер». Загорается зелёный и, я резко ухожу направо с крайне-крайне-крайне левого ряда. Охе... отлично. У меня в запасе ещё двадцать минут, а оставшийся отрезок дороги (который не объедешь) тянет минут на десять. Мост «Миллениум» – это ещё минуты четыре. Итого... Исходя из оптимизма (как говорил герой Гая Риччи) я приложу карточку без пяти минут девять, тем самым приеду на работу без опоздания. Ухух! Кто молодец? Я! Кто злостный нарушитель? Я! Кто крутой бескомпромиссный герой асфальта? Кто ездит в черте города 79 километров в час, а на трассе 109 километров в час? Я! Я! За такую езду не то, что права, паспорт отбирать надо!..

Оптимистический вариант оправдался, и я подруливаю к парковке без шести девять. Чёрт возьми, какие же у наших рядовых сотрудников дорогие машины (BMW, Audi и еже с ними), седаны и хетчбеки здесь не в почёте, – народ предпочитает внедорожники; самый бюджетный вариант – Тойота Rav4. А зарплата у них на пятьсот рублей даже не больше, чем у меня. Лотерея? Нет, конечно. Российская мечта? Да! Российская мечта – она как американская, с той лишь поправкой, что всё сделали за тебя твои родители. Не могу сказать, что не завидую; я очень завидую, я очень-очень, мать

его, завидую. Как раз в тему по дороге слушал Нойза МС, в числе прочих, песня «Мерин», а следом за ней песня со словами «...на спасение бездо-о-омных поросят». Что интересно, – все мои коллеги были умными, трудолюбивыми и, одновременно, богатыми людьми, их не в чем было упрекнуть! Более успешных людей я ещё в своей жизни не встречал, причём в такой концентрации. Хотя завидовать более успешным людям – сродни наивной вере в бессмертие, подумайте над этой мыслью на досуге.

До меня начало доходить, что сотрудники делятся на две категории: первая – обыкновенные люди, которые сидят на своих секретарских и помощнических должностях десятилетиями и вторая – уже и без того обеспеченные мальчишки и девочки, которые, как только позволит закон «о трудовом стаже», незамедлительно двигаются по служебной лестнице. Естественно, я относился к категории, которая сидит на низкооплачиваемых должностях пожизненно. Мне необходимо что-либо предпринимать; я не слишком дорожу этой рутинной (ни статуса, ни денег, пистолет тоже не выдали, ни какого-либо другого интереса), поэтому надо пробовать всякие варианты, держать нос по ветру, «шуршать платьями» и прочие меткие выражения на эту тему. Томпсон примерно по тому же поводу написал: «Я разделял преходящий оптимизм, что некоторые из нас действительно чего-то добиваются, что мы избрали честный путь и что лучшим из нас, в конечном итоге, удастся перевалить через вершину. В то

же время, меня не оставляло темное подозрение, что жизнь, которую мы ведем, утратила свою цель, что мы все – актеры, подгоняющие сами себя в эту бессмысленную одиссею. Именно напряг между двумя этими полюсами – беспокойным идеализмом с одной стороны и ощущением надвигающегося страшного суда с другой – заставляли меня шевелить поршнями». Лучше не скажешь.

Сегодня снова поеду вниз по улице – в Макдональдс, надо перепробовать всю отраву.

Забавно – два дня назад я видел, как под лестницей второго этажа мужик с бородой читал намаз, постелил коврик, возвёл длани к небу, всё как положено... Мусульманин-ортодокс... Ха! Ортодокс, ортопед... Ха-ха! Я почему вспомнил того мужика, – сегодня видел бабку, которая истово крестилась у входа в зал заседания. Интересно – у них там «гражданка» или «уголовка»? Кстати, как вы уже догадались, ГИБДД меня так и не поймали, – Бога нет, ну или у него по средам выходной.

В обеденный перерыв я съездил в Макавто, и, когда поел, меня охватила тоска. Пустота в душе дала о себе знать сразу после потребления фастфуда. Место под вторую половину в своём сердце я уже освободил (вытряхнул хлам из платяного шкафа души и сказал: «вот, малышка, сюда можешь положить свои вещи, вот полочка для твоих вредных привычек, вот отделение для милых странностей, на эти крючочки можешь повесить свои страхи, а на вот эти – свои на-

дежды и представления об идеале...» Я уже отчётливо видел её «длинные волосы» в «раковине моего самообладания»), а нового жильца там так и не появилось. Я написал сообщение Эн: «Я заеду к тебе после работы, Эн? В 19.00?». Мне было не по себе. Ответ пришёл, когда я уже находился на работе: «Сегодня не получится, подружка попросила помочь ей в подготовке свадьбы, поэтому после работы я не еду домой. Может в следующий раз? Не обижайся:)». Блин, эти поганые смайлики, в конце (или в начале) любого сообщения, меня просто убивают. Вот ещё, с чего мне обижаться. И с чего ты взяла, что я приеду не по поводу свадьбы тоже?! Конечно, я хотел приехать просто так, просто, чтобы увидеть мою малышку, которая будет на меня смотреть как на чужого человека, каким я собственно для неё и являюсь. Я ей ничего не написал в ответ. Её безразличие ко мне несколько притупило мою тоску, – моим принципом было любить тех, кто любит меня и не иначе.

Через полчаса заканчивается рабочий день. Сегодня необходимо подработать в такси, – деньги кончаются, залезать в зарплатную пластиковую карточку я пока не хотел. Я почти каждый день брал по одному заказу по дороге домой из суда, чтобы люди оплачивали моё пребывание в пробке, но сегодня надо поработать и вечером тоже.

– Ох...еть! Я сегодня из Перми приехал быстрее, чем потом по Казани до гостиницы!.. – мой пассажир – мужчина

лет сорока с бриллиантовым гвоздиком в ухе, злоупотребляющий одеколоном.

– О, Пермь! Та самая Пермь, – культурная столица России! – я начал скрипеть мозгами по поводу того, что же я знаю о Перми.

– А?

– У вас живёт и работает самый знаменитый в России галерист. Как там его?.. Гельман! И руководитель то ли оркестра, то ли театра – иностранец. Фамилии не припомню.

– Культурная столица?! Х..й там! Ни х..я подобного, доложу я тебе! Зае...л этот престарелый п..р – Гельман со своими зелёными человечками и со своим другим пи...ром... как там его... не помню, короче. Ты бы видел, что эти два долбо...ба с нашими автобусными остановками сделали, – без слёз не взглянешь, ёпте! Так что никакой культурой в Перми не пахнет, малец! Я вот думаю, – может в Казань перебраться, у вас тут красота, движуха; один Кремль и Кул Шариф чего стоят! – дяденька был ценителем прекрасного.

– Да, стоят; наверное, четыре-пять миллиардов можно выручить, – я старался уловить умонастроение моего пассажира, который стал беженцем из пермского бескультурья на наш остров толерантности.

– Вот именно! Культура, кха!

– Беру свои слова обратно, насчёт культурной столицы России; вижу, как вы измучены экспериментальным искусством продавшихся Москве артдеятелей.

По закону жанра, дальше я должен был начать глумиться над обывательской серостью моего собеседника, который в масштабах истории МХК, не мог претендовать даже на роль грязи под копытами памятника одному из трёх поросят, но... с довольно давних пор подобное поведение не было моим правилом в подобных случаях; я и человек, севший в мой кэб, были на одной стороне, у нас были одинаковые вкусы, одинаковые желания, одинаковые воззрения на всё на свете, одинаковые носки. У меня есть веский повод любить всех этих идиотов, – они мне платят; мне приятнее брать деньги от человека, который ко мне доброжелательно расположен, даже не знаю почему.

Глава 14

Четверг. Решил выехать пораньше, чтобы не было необходимости повторять вчерашних подвигов со «встречкой». Хотя всё-таки пришлось применить на практике «теорию малых обгонов».

Работа началась с отсылки сотен писем, истцам, ответчикам, третьим лицам, экспертам и прочим, подьедающимся на ниве правосудия субъектам. Адреса, индексы, фамилии, названия фирм и организаций, все эти ККУ, ЖБИ, УФК при РТ, МКУ КЗИО ИК МО Казани, МВД РФ при РТ, ОНД Приволжского района по городу Казани УНД ГУ МЧС РФ по РТ и наоборот. Эх, послать бы все эти УНД по РТ! Но, лучше всё-таки отправлять письма, чем подшивать дела, – меньше

ше вероятность заколоть себя шилом или проткнуть иглой. Кстати, это шило – это такая опасная вещь, по сути – это просто отвёртка заточенная до неузнаваемости; в смысле, нельзя было узнать – какой отвёрткой раньше было это смертоносное приспособление – крестовой или обычной. Вот если этой штукой кого-нибудь заколоть, а наутро незаметненько принести обратно – оружие убийства никогда не найдут, – кому придёт в голову искать оружие убийства на столе секретаря судебного заседания. Ну, кровь-то надо с неё смыть. Ха, батюшка, а у вас крестовой отвёртки не найдётся? – люблю эту шутку.

Отсидел сотню гражданских дел. Поймал себя на мысли, что верю обеим сторонам, когда те (порой со слезами на глазах) доказывают свою правоту. Накал страстей в гражданском процессе намного сильнее, чем в уголовном. Почему? Только что двум глубоким старикам удовлетворили иск к муниципалитету о признании незаконной невыдачу им квартиры взамен аварийной (смысл, по крайней мере, был в этом). Они прослезились, чуть не пали в ноги нашей судье и ушли в закат, Хэппи Энд, зрители рыдают. Надо бы взять себя в руки и снова перестать верить людям, иначе можно влипнуть.

Иду в почтовый отдел. Там, как и в почте США, работают инопланетяне, только наши даже не скрывают своего инопланетного происхождения.

До шести вечера осталось два с половиной часа. И когда я уже не надеялся на то, что сегодня будет что-то инте-

ресное, кое-что интересное начало происходить. Для начала промелькнул двадцатиоднолетний мальчонка, который хотел выставить злобными циниками ГИБДДшников, тем самым вернув свои права, справедливо отнятые у него за вождение «под мухой»; он сказал, что выпил «Корвалол» (пи...ди больше), ибо он «сердечник» (на учёте в больнице не состоит, пятница вечер...), – судья сделала вид, что верит каждому его слову, потом отняла права на полтора года. Когда он вышел, она сказала: «На одну машину в городе меньше. Пригласите следующего». Следующий процесс был по иску мужика на страховую компанию, – требовал выплатить ему деньги (что-то около двух с половиной миллионов рублей) за разбитый автомобиль БэЭмДаблю Икс пятой модели. Вроде как обычное дело; такое ощущение прошло, когда представитель страховой компании начал изображать из себя Шерлока, сунув под нос нашей судье какие-то фотографии с изображением спидометра. Сначала я слушал в пол-уха, но очень быстро понял, что надо слушать в пять ушей, чтобы не пропустить ни одного слова. Короче, если выделить рациональное зерно в невнятном бормотанье представителя страховой, то получается, что они не желают платить истцу по следующей причине. Истец-де заблаговременно разбил свою незастрахованную машину, а потом купил полис КАСКО, предъявив на осмотр другую машину, предварительно прикрутив к ней номера со своей разбитой и, теперь цинично желает получить якобы причитающиеся за ущерб деньги. С

момента покупки полиса и до происшествия (которое имело место в одном из тёмных переулков в начале марта этого года в четыре утра – как раз когда ну просто все уже спят) прошло «приличных» пять дней. Он, типа, имел плохое предчувствие и застраховал свой джип. Казалось бы – невинное мошенничество, человек бьёт машину, не желая чувствовать себя дураком всю оставшуюся жизнь – решает застраховать дорогую игрушку задним числом (ну кто бы так не сделал при возможности?!), но картинка, по ходу рассказа представителя страховой, начала проявляться более криминального содержания, чем сначала показалось моему наивному уму. Итак...

В доказательство своего подозрения представитель страховой компании показал (те самые) фотографии спидометра, на которых видно, что с момента покупки страхового полиса и до момента аварии (5 дней!) автомобиль проехал всего четырнадцать километров, хотя! хотя, даже если автомобиль проехал за эти дни только в сторону места ДТП, то он всё равно должен был проехать как минимум шестнадцать километров! И это ещё не всё. Эти дельцы отказались направлять авто на ремонт, требуя деньги и, довольно быстро продали то, что осталось от машины после аварии. Не исключено, что покупатель битой машины – член их банды, который теперь должен повернуть ту же схему от своего имени и, конечно, с другой страховой компанией. Кстати, представитель истца (афериста) – довольно прожженный малый, –

«по замазкам вроде бы фраер, но не фраер точно», – говорил очень бодро, со знанием дела, предвосхищал вопросы судьи и ответчика, складывалось впечатление, что он не впервые участвует в подобном разбирательстве. Всё шло нормально. Дальше представитель страховой вызывает свидетеля, – мента, который составлял протокол ДТП. Мент: «Мне показалось подозрительным, что не было запаха пороха. Знаете ли, уважаемый суд, когда срабатывают подушки безопасности – очень долго пахнет порохом, ведь именно взрыв порохового заряда раскрывает подушки...» Я вдруг вспомнил ещё один факт, отсутствие которого могло бы показаться странным, если бы менты догадались этот факт установить, а именно ожоги. Ожоги на запястьях водителя. В британской передаче Top Gear рассказывали, что ВСЕГДА, при срабатывании центральной подушки, на запястьях водителя остаются ожоги, даже если он сидит в шубе, – подушка задирает рукава с огромной скоростью, делая эпиляцию всего на своём пути. Меня так распёрло от гордости за наличие такого знания, что я не мог усидеть на месте. В итоге, шёпотом спросил сидящего ближе всего ко мне участника дела, – это был представитель истца: «Как насчёт ожогов? Были?». «Они бывают не всегда. Это вовсе необязательно...», – прошипел он мне в ответ. Дело было отложено... У меня случился душевный подъём. Я уважаю мошенников и люблю узнавать новые схемы; конечно, в художественных целях.

По дороге домой я, как всегда, взял один заказ в такси. До-

ставив по адресу человека, я остановился на развилке неподалёку от дома Эн. Я думал куда повернуть – направо – к Эн, налево – к себе. Пока пропускал авто с главной дороги, решил набрать номер Эн. Она не взяла – повернул налево.

Часа через два, когда я уже ковырялся зубочисткой в зубах после ужина, Эн перезвонила.

– Звонил?

– Да, я был около твоего дома... и... решил набрать тебя...

– А! Я снова была у Эльмиры, – мне приходится ей помогать с подготовкой свадьбы, я говорила – у неё завтра свадьба. Ты знаешь, я порядком подзае...лась.

– (Мои нервы были на пределе, голос заметно дрожал, я еле сдерживал рыдания) Понятно. Увидимся на... днях? Я бы... увидеть... тебя... хотел..., – комок в горле не давал даже дышать, не то что говорить.

– Конечно. Но только уже после свадьбы.

– Прямо как в Кавказских республиках, – на последнем дыхании пошутил я.

– Ха-ха-ха, точно. Ну пока.

– Ага, пока Эн.

Через одну десятую секунды после того как трубка была повешена, я огласил квартиру неистовым рёвом. Буквально сразу схватил мобильный и написал сообщение Эн: «Я ску-чаю по тебе. У меня ком в горле. Такое ощущение, что я потерял всё! Что за ччччёрт! Не отвечай на это сообщение», –

я не хотел выслушивать ответ, – тогда казалось, что человек, как бы, не читал твоего послания, а данное послание говорило: «Я слаб. Я весь в твоей воле. Убей меня гуманно». Проревевшись, я начал делать свои дела. Где-то через полчаса услышал звук входящего сообщения. Смс от Эн: «Всё пройдёт. Просто надо закрыть эту тему раз и навсегда. Между нами ничего не может быть, – я чувствую себя виноватой, что дала тебе повод подумать, что может быть иначе». Это было жестоко, но... подействовало отрезвляюще. Ах ты чёрт, ну неужели можно на полном серьёзе загадывать на будущее?! Увы мне, увы!

Через час я выехал в ночной город – заработать немного «бабулек», проветрить голову и, может быть, повстречать Вдохновение. «...балтийские глаза, вот вам приморских серенад...»

Но первое, что я повстречал, была красивая девушка, которая старалась вести себя нарочито интеллигентно, некоторые люди таким образом компенсируют своё сильное алкогольное опьянение. Через полминуты нашего с ней путешествия, стёкла безнадежно запотели. Переводя обдур с ног на лобовое стекло, я подумал, что будь я очкастым ботаником, то стёкла на моих очках тоже бы запотели. Смешно... Когда девочка выкарабкалась из машины, я написал сообщение Аркадию: «Я поймал себя на мысли, что люблю запах крепкого алкоголя, исходящий от красивых девушек». Может этот факт имеет вполне научное объяснение, – подумал

я отдельно. Через минуту Аркадий написал: «Только без перегибов на местах! Пикантная алкогольная горчинка – и не более. А то потом начинается бардак... Форменный, батенька, бардак...» Готов спорить, что Аркадий в данный момент «под градусом». Эти его стилизованные под компартийный бред заключения...

Глава 15

Моё здоровье зависит от погоды, мой почерк зависит от ручки, которой я пишу, моё настроение зависит от...

– Поль, тебя с понедельника ставят секретарём к Арбенину. Знаешь?

– Теперь да, – чёрт! Это же судья по гражданским делам! – и как надолго?

– На две недели.

Придётся две недели пожить на работе. Это так же как сходить в поход, наверное...

Её волосы на ощупь, как тонкая проволока... Запах её тела чем-то напоминает крыжовник. Я снова чувствую этот запах. Её немного тонкие губы оказались удивительно мягкими... Говорят, что невозможно вспомнить запах, но это ложь, ибо я его могу вспомнить и вспоминаю. Неужели для неё ничего не значило то, что было между нами, – это лучше чем секс, это нежность в наивысшем проявлении. «Нет, мне не надо снять проститутку», – ответил я на вопрос Аркадия заданный неделю назад. «Разве она не понимает, что после

того что между нами было, я, как и сто процентов мальчи-ков на моём месте, влюбился окончательно», – прохныкал я в жилетку Аркадию. Мне не надо проститутку, я не хочу уподобиться Хемингуэю, который яростно счищал со своих зубов чувство вины наутро после борделя, каждое дьявольское утро. Мне стало легче просыпаться по утрам, может потому, что даже от сна нет отдыха. Необходимо пойти к психиатру и выклянчить рецепт на какие-нибудь термоядерные таблетки. Как-то я уже занимался вопросом медикаментозного регулирования своего приграничного состояния, а именно, пошёл в аптеку и сказал фармацевту, что у меня, мол, депрессия, что мне жить и «строить» неохота. Она сказала, что весь «термояд» у них по рецепту и что она может мне продать только «Негрустин». «Негрустин?», – иронично переспросил я, – мне нужно что-то покруче, чем какой-то «Негрустин», мне надо что-то типа «Так-то лучше», или «Вот теперь мне всё пох..», или даже «Не делай этого пареньь!»! Вот что мне, возможно, поможет, а не какой-то там ёба..й «Негрустин»! Ладно, до свидания, – сказал я обречённо аптекарю и, шаркая ногами по кафелю, отправился к выходу. Да, это было тогда, где-то с полгода назад, тогда меня ещё грела перспектива окончания института («...мундиры напялили, стаканы наполнили...»), а сейчас никаких видимых ориентиров не осталось, сейчас я чувствую себя не в пример в большей опасности.

Вернёмся в день сегодняшний. Пятница, – это хоть ма-

ленький, но повод «негрустить».

– У нас есть «явочка», – сказала судья.

Что ж, послушаем, может что-то путное, а не опять эта дурацкая незаконная перепланировка квартиры.

Пока ничего не началось, ещё поговорю с читателем. Вчера состоялся один из крайне редких диалогов с мамой. Я, пребывая в отчаянии и балансируя на грани душевного коллапса, решил обмолвиться словом с мамой, – вдруг полегчает... «Мне бы надо записаться к психиатру», – сказал я, стоя на кухне и размешивая сахар в чае. «Что такое, Поль?». «У меня депрессия». «Что? Приступы ярости?», – она специально что-ли меня раздражала?! «Да не ярости, чёртова идиотка, у меня депрессия, депрессия, я жить не хочу, я не хочу, чтобы жили другие!!!», – заорал я, и слёзы покатались по щекам, но тут же прошли. «У меня приступы ярости, только когда я разговариваю с тобой», – уже спокойно добавил я. Надо бы перед едой употребить «Корвалол», – хрен его знает, – помогает он мне или наоборот, но от сознания принятого лекарства мне становилось легче, наверно эффект плацебо.

Я специально привёл этот эпизод с матерью, чтобы читатель понял наши с ней отношения. Почти все контакты заканчивались приступом ярости с моей стороны, я считал её законченной тупицей и, буду считать всегда. Так как ничего не менялось и, чтобы не мотать нервы друг другу, мы решили свести контакты к минимуму; это стало довольно про-

сто осуществить, когда я начал работать в суде, поскольку уезжал рано утром, когда она ещё спала, а приезжал, когда она уже уходила на работу в вечернюю смену. Я испытывал чувство вины (как иначе?!), за то, что отношусь недостойно к своей матери, но ничего поделать не мог, кажется, у меня была аллергия на неё, я обвинял её во всех своих неудачах, конечно сознавая, что причина недовольства жизнью – только моя вина; но, что действительно было, так это то, что я, на химическом уровне, вынужден был воспринимать её мнение (нет, не следовать ему, – воспринимать), как бы это объяснить... она являлась моей матерью и, я ощущал какую-то неведомую связь с ней, как будто её интеллектуальная ограниченность являлась непреодолимым барьером для меня самого. Моя собственная жизнь была в плену её глупости; она была уверена, что знает меня полностью и, я не знал, как разбить эту максиму даже для своего понимания. Ещё она считала, что сделала для меня много больше, чем я заслуживаю своим поведением и отношением к ней, считала, что положила свою жизнь на алтарь моего благополучия (каждый раз приводя в пример каких-то алкашей и наркоманов); я не припомню, чтобы я когда-то являлся сколько-нибудь видимым препятствием на пути её жизненных устремлений. Устремления же эти были под стать её зашоренному восприятию действительности. Любая дура боится остаться одинокой, наверное, потому, что боится остаться наедине со звенящей пустотой своего сознания. Мать была не исключени-

ем, – несколько сожителей, которые были свидетелями моего взросления. Они были более или менее одинаковые, и все более или менее ненавидели меня. Если первого я просто-таки боялся (не чувствовать себя в безопасности в собственном доме – не лучший способ сформировать здоровое сознание), то других просто открыто презирал, иногда мне было даже стыдно за это перед ними, – всё-таки они были не злодеи, а просто люди, со своими слабостями и страхами, но, извините, я ещё в детстве решил делать ставку на недостатки людей, а не достоинства, и пока эта фишка ко мне возвращалась. Итак, этот комплекс матери-героини доводил меня до белого каления (отдельным пунктом). Я давно уже не стеснялся обзывать её самыми последними словами (мне причиняло это не меньшую боль, уж поверьте), я сам выкачивал из себя жизненную энергию во время этих приступов, хотя мама была уверена, что я, напротив, таким образом, восстанавливаю силы. Много лет назад она прочитала в одной из книжек «для тупых матерей», что рождённые такого-то числа, такого-то года дети являются энергетическими вампирами, которые, отныне и впредь, будут пополняют запасы жизненных сил за счёт других людей, так вот она считала, что «этими конфликтами» я-де пополняю свою энергию, и что я буду и дальше искать конфликтов, дабы жить. Получалось, что даже на уровне тонких материй, я был полностью зависим от неё. Ну не бред?! Я, конечно, был зависим от мамочки, но на довольно примитивном уровне, – мне негде

было жить и не на что питаться. «У каждого человека свой персональный Ад», – сказал Ч. Буковски; необходимость общения с матерью – был одним из моих персональный Адов, да-да у меня их больше чем один. Как я уже сказал, после этих «сеансов родственного общения» я чувствовал себя как выжатый лимон, выходит книжка «про энергопиявок» бесстыдно врала. Также, я не нуждался в конфликтах с другими людьми и, после общения с мамочкой долго не мог прийти в равновесие. Я думаю, что стал бы счастлив, когда она умрёт. Но, почему-то, всегда улыбался, когда слышал её счастливый смех...

Процесс давно идёт, ничего интересного, но надо сделать паузу. Уверен, судья думает, что я увлечённо тренируюсь печатать протокол судебного заседания, а я пишу эти строки.

Примерно за час до обеда, когда я безнадёжно засыпал и не знал, как скрыть этот факт, судья попросила сходить меня в канцелярский магазин за три сотни метров вниз по улице, я, конечно, с радостью согласился. Мой путь пролегал через кебабную и я не смог отказать себе в удовольствии съесть «горячую собаку». Купив канцтовары, на обратном пути выпив гранатового сока, я вернулся в суд, дожидаться своего законного обеденного перерыва и писать эти строки.

Кстати, пока стоял в очереди за соком, передо мной были две бабули. Обе – те ещё стервы. Одна мотала продавщице нервы по поводу глубоко замороженной курицы, другая говорила, не обращаясь ни к кому конкретно, что-то про то как

раньше было лето – так вот лето, зима – так зима, чайная колбаса пахла мясом, а не как сейчас – чаем. Продавщица прощедила сквозь зубы: «Вот и валите в своё «Раньше». Когда не надо у бабушек очень хороший слух. Есть мнение (я его разделяю), что ничего раньше лучше не было, просто люди мечтают вернуть свою молодость, – то время когда им было хорошо независимо от того чем пахла чайная колбаса (мясом ли, шахматами ли); в этом вопросе у нас с мамочкой полное единогласие, причём высказала эту мысль именно она. Шагаю и пишу сообщению Аркаше: «Она предпочла безумному писателю и потенциальному человеку-легенде карабкающегося по служебной лестнице лопухого татарина; карабкается, мать его, как восходящий рак прямой кишки. Её могла ждать удивительная (как ЛСД-приход) жизнь, а сейчас её ожидает ЛСД-телевизор после работы». Ответа не последовало. Начала читать Минаева, видишь ли, – это уже я говорю сам себе, – скачала все его книги, распечатала на казённом принтере и читает! Да я этого Минаева на духлесс не переносу!

– Ах да, девочки, кто этот мужик, который постоянно здоровается со мной?

– Это как раз тот судья, у которого ты будешь с понедельника.

Был, кстати, ещё один судья, к которым здоровался я, но

он почти никогда не отвечал; сегодня я поднимался по лестнице на свой четвёртый этаж, а он шёл следом, я, как всегда, поздоровался, он что-то промямлил в ответ. Может он пылится на мою задницу? – подумал я. Тут сверху стала спускаться какая-то девушка-клерк (приталенный пиджак, обтянутая форменными брюками задница). При виде её, в глазах судьи блеснул огонёк. Моё предположение не подтвердилось. Это, кстати, судья Петрик (нет, не родственник изобретателя-афериста) – задрот и ботаник, его называли и так и так.

Вышел на парковку и направился к своей машинке, рядом стоял заведённый Порше Каен, я осторожно открыл свою дверь, чтобы, не дай Бог, не задеть Порше, и сел. С заднего сиденья Каена вышел судья по уголовным делам Родионов; отвинтив окно, я поздоровался с ним; «добрый вечер Павел», – ответил он. Вежливость – лучшее оружие...? Порше медленно тронулся, его номера «вб14тм», причём цифра «четыре» подретуширована до вида «единички» – ловкий ход, чтобы избежать автоматической видеофиксации, я бы тоже не отказался от такого бонуса, никто бы не отказался от такого бонуса. А вы?

«Чиновник защищен от критики своей сословностью. Он очень хорошо знает, что, как бы он ни накосячил, каких бы ляпов ни насажал, худшее, что ему грозит, – переброска на другую должность, не хуже первой. Чиновничья каста своих

не сдает, вот в чем дело. Она вне критики и вне общества, как опричники во времена Ивана Грозного. Мы охотно употребляем такие понятия, как «репутация политика», «репутация артиста». А вот у чиновника нет и не может быть репутации. В лучшем случае – имидж, да и то у высших государственных лиц. Чиновник средней руки – лицо абсолютно не публичное. Может быть, поэтому в дореволюционной России представителям чиновничьей корпорации дали название «крапивное семя». То есть поначалу едва заметное, но, по сути, весьма жгучее и неискоренимое. А в перестройку чиновников называли аппаратчиками, что тоже очень близко к их сущности. Заметная черта чиновничьей психологии – постоянное перекалывание ответственности и поиски стрелочника», – сказал на страницах журнала, заменяющего мне уже почти десять лет телевизор, музыкант Владимир Преображенский. Комментарии излишни.

Мой взгляд снова прилип к транспортным средствам коллег. В голову ворвался целый поток мыслей, краткое содержание которых следующее: я не из той ступени рода, которая может позволить себе работать на статус. Их родители положили свою жизнь на то, чтобы обзавестись связями и кое-каким имуществом, – теперь их отпрыски могут работать на низкооплачиваемых должностях, при этом, не отказывая себе в полноценной жизни – дорогих машинах, отдыхе несколько раз в год за пределами России, забывании снимать деньги с зарплатной карточки. Я же, если бы хотел и даль-

ше торить юридическую стезю, должен пройти путь, который прошли их родители, и только мои гипотетические дети смогут иметь такую жизнь, которой я бы не отказался жить (в отсутствии более радужной альтернативы конечно), жизнью, которой живут большинство моих молодых коллег. Кто работает с «перспективой» было видно уже на парковке, – японские, немецкие, английские марки. Ещё была прослойка работников, которые трудились не один десяток лет на должностях помощников и секретарей, они смотрели на молодых коллег с чувством превосходства (многие из них сдали экзамен на должность судьи; пересдали, когда срок истёк) и ненависти – понимали, что никогда не поднимутся выше. Возможно, я ошибаюсь, когда считаю, что упорный труд в данном конкретном случае бесполезен. Кто-то скажет: бессмысленно сидеть, сложа руки и строить разные теории о благополучии, а я отвечу: но, крутить педали на велотренажёре, мечтая обогнать самолёт, – тоже бессмысленно.

О чём же я думал, пока возвращался из канцелярского магазина?! Сейчас я вспомнить не мог. Вроде что-то кажущееся неважным, но являющееся важным. Иногда у меня такое чувство, что я что-то упускаю, – что-то жизненно необходимое попадает на «слепое пятно» повседневности. Я завёл машину и уехал.

Глава 16

– Привет, вот твои бананы. Ты выглядишь хорошо, навер-

ное, тебе больше не надо возвращаться в больницу.

– Спасибо. Хорошо, говоришь; как дела на работе?

– С завтрашнего дня мне дают собственного судью. Две недели каторги.

– Хорошо...

– А я так и не собрался переночевать в твоей квартире. Как-то не собрался вот... Ты сколько ещё в больнице пробудешь? Ах да, собираюсь свою парикмахершу пригласить куда-нибудь, мы с ней уже больше двух лет знакомы, она красивая и умная.

– Правильно, Поль, соберись с духом и пригласи... куда-нибудь...

– Да вот хоть в твою квартиру, пока ты в больнице лежишь! Ты ведь не против, бабуль?

Суббота. Работа, которая держит штаны.

– А вы сами-то курите?

– Только пассивно.

– Ах-ха!...

Через пять минут она дала мне на пятьдесят рублей больше, якобы за быстроту. При других обстоятельствах мужчине было бы оскорбительно.

Понедельник всё-таки наступил, за ним вторник, – даже в этом чувствуется какая-то неизбежность, отсутствие выбора... Пишу Аркадию: «Я задремал немного на работе и вдруг в ушах раздался писк похожий на ультразвук, а потом трубы

преисподнии грянули на все лады. Один из приспешников Сатаны вскочил на мой стол, разодрал рубашку на моей груди и вонзил когти в сердце! Я проснулся во время слов: «... суд удаляется в совещательную...» Я не какой-то там сумасшедший! Ррр-ав-ав-авввав!» Ответа не последовало.

Пятая авеню. Пятая авеню моей мечты; норковый полушубок на голую майку; падает редкий для этих мест снег, я чувствую позднюю осень; я чувствую близость того места, которое могу назвать домом; не отхожу далеко от дома, чтобы, в случае предчувствия смерти, успеть вернуться, вернуться, чтобы умереть глядя из окна на самый вертикальный город Земли; мне только нужен продуктовый магазин, – туда и обратно, еда для поддержания функций организма, немного порошка для удержания Вдохновения; бархатный сезон моей единственной жизни.

Глава от рассказчика

Дмитрий Дмитриевич Степанов довольно поздно возвращался с работы, так было, за редким исключением, ежедневно. Но он не слишком уставал от своей работы (больше уставал от времени проведённого дома), хотя и делал-то немало; всё дело было в деньгах, – когда доход составляет больше, чем фантазия на то, чтобы его потратить – начинаешь думать, что жизнь удалась.

Дмитрию недавно исполнился 31 год. Этим поздним летом (2011 года) он стал отцом замечательной (как ему каза-

лось) (да ладно-ладно, действительно замечательной) девочки по имени Римма Дмитриевна Степанова. Дима ехал домой на выдавшей виды Ниве, но теперь этот факт (а именно факт того, что он эксплуатирует подобную машину) его не беспокоил, поскольку максимум через два месяца официальный дилер Тойота в городе Набережные Челны обязался доставить, для его Диминого владения-пользования-распоряжения, новый большой и престижный (в этих краях) внедорожник – Land Cruiser Prado, серебристого (а не чёрного) цвета. Дима мог по праву гордиться собой и своими достижениями, но он был не самый глупый человек на материке, и кое-что не давало ему покоя, несмотря на благоприятный семейный и рабочий климат. Дмитрию не давала покоя одна маленькая мысль, мысль о том, что всё складывается немного не так, как он задумал. Некоторые читатели знают, что когда у тебя в жизни всё идёт наперекосяк – это повод мобилизовать все ресурсы, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону; когда же всё идёт как бы по плану, но с незначительным отклонением – это повод впасть в глубочайшую депрессию. Дима, вроде бы и хотел всего того, что сейчас имел, но его не оставляло чувство, что чья-то воля всё же преобладала над происходящими событиями (чья-то воля, которая не желала Димочке добра), а он – Дима – был частью чьих-то планов. Да, и ещё ведь рождение ребёнка – это вещь неотвратимая, это не покупка недвижимости или автомобиля в кредит – тут задний ход не дашь. Каждый раз, когда Дмит-

рий подъезжал к подъезду и должен был подниматься к себе на пятый этаж, где его ждала жена и двое детей (один ребёнок – от первого брака жены), настроение у него уже было хуже некуда. Бывало, он подолгу сидел в машине перед подъездом и пытался собрать воедино разрозненные мысли, и, когда события его жизни почти укладывались в его голове в стройную систему, происходил какой-то сбой, и ему приходилось начинать думать обо всём заново. В такие моменты, Дмитрий просто доходил до круглосуточного ларька, покупал две бутылки пива и возвращался в машину. Выпив их подряд и выкурив несколько сигарет, Дима, наконец, поднялся в квартиру, где его ждала жена и... ну вы помните. Сухо здороваясь с женой (но стараясь не переборщить) и совсем не обращая внимания на детей, он мыл руки, переодевался в домашнюю одежду и садился за стол. Жена знала, что сейчас лучше ни по какому вопросу к Диме не обращаться, иногда она забывалась и спрашивала о чём-то малозначительном бытовом, чем доводила мужа до белого каления. Он ничего не говорил жене, но думал примерно такие мысли, точнее обрывки мыслей: «...я тут работаю... я зарабатываю... мне ещё надо решать дурацкие проблемы обустройства быта?!.. я устал... муж устал... сука...» Мрачное расположение духа не оставляло Дмитрия до тех пор пока он не съедал ужин. Запивал ужин Дима непременно ещё парой бутылок пива, заблаговременно перелитых заботливой женой в высокий стакан. После еды мир становился не в при-

мер лучше, проблемы не казались неразрешимыми, да и не являлись проблемами вовсе, смысловые тупики исчезали в неизвестном направлении. После ужина Дима сидел за обеденным столом и улыбался отсутствию каких-либо мыслей в своей полегчавшей голове. Однако в этот вечер улыбался недолго. Он что-то начал вспоминать. Какое-то событие сегодняшнего дня мешало Диме полностью абстрагироваться от внешнего мира в уютной атмосфере дома. И сам факт того, что он не помнил, что именно вселило в него эту обеспокоенность, нарушал душевное равновесие в первую очередь, потому что, не припомнив события, нельзя оценить его важность, уровень сложности и опасности обострения и, уж конечно, не получится начать решать проблемы с ним связанные. Все эти теоретические умозрения порядком портили вечернюю трапезу и добавляли раздражительности в ответах Димы на вопросы жены; она, как женщина чуткая, это прекрасно сознавала.

– Тебя что-то беспокоит, милый. – То ли утвердила, то ли спросила она. Дима посмотрел на неё рассеянным взглядом и позволил себе промолчать на её вопрос, что, скажем прямо, он позволял себе в исключительных случаях. Дмитрий помнил, что его немного беспокоила откуда-то неожиданно появившаяся зависимость от массажных салонов и обедов в дорогих заведениях родного города; те и другие появлялись по городу со скоростью игровых автоматов. Если суммировать все затраты на эти необязательные развлечения, то по-

лучалась кругленькая сумма, которой могло бы хватить на ипотеку... И раньше Дмитрий ел в обед и время от времени онанировал, но сейчас отдал эти две потребности организма на аутсорсинг, за что неизбежно переплачивал, порой втридорога.

Утро. Осеннее утро в Набережных Челнах – это не осеннее утро в Нью-Йорке, даже не осеннее утро в Новом Орлеане; это, как говорил О.Бендер, не Рио-де-Жанейро, а гораздо хуже. Дмитрий услышал будильник и осознал себя пробудившимся ото сна. Ещё не открыв глаза, Дима понял, что начался очередной день его (а не чьей-то) жизни. Все знают это ощущение, когда просыпаешься, успеваешь (а чаще не успеваешь) удивиться тишине в мыслях, как вдруг подробности твоей жизни (как всегда неправильно интерпретированные твоим ограниченным мозгом) устраивают адскую какофонию в стенах черепной коробки, лезут без очереди на рассмотрение; каждая вшивая проблемка, узрев пробудившегося хозяина, стремится быть если не решённой, то хотя бы рассмотренной в приоритетном порядке. Помимо всех обычных утренних мыслей, появилась та, вчерашняя вечерняя, которая не поддавалась препарированию перед сном и стремилась отвертеться сегодня. Если не встать с постели прямо сейчас, то можно уснуть заново и проспять. Включив утренний автопилот, Дима «залетел» в ванную, затем спланировал в прихожую – нажал кнопку автозапуска на брел-

ке, и наконец, произвёл вынужденную посадку на унитаз. «Автопилот» больше нужен по утрам, чем по вечерам, когда идёшь с пьянки. Утро ведь гораздо более жестокое время суток, чем вечер. Вымыв руки и нажав кнопку «вкл» на электрическом чайнике, Дмитрий принялся есть мясную нарезку. Начавшаяся икота говорила о том, что пора прекращать есть. Проглотив последние два кусочка почти не жуя, Дима поставил тарелку с нарезкой в холодильник, закрыл дверь холодильника, открыл снова, закинул в рот две оливки с косточками. Кофе плюс вода. Чай плюс сахар. Конфета в карман – как маленький, привычка с детского сада. Вниз пешком. Машина уже тёплая. Московское время – семь часов пятьдесят девять минут. Кивок в знак приветствия соседу. Радио: «Как же глупо, как же странно, – осень к нам пришла неожиданно». «Да уж...» – подумал Дима, сам не поняв о чём. Телефонный звонок. Радио пришлось выключить. Дима смотрит на экран телефона и вспоминает то, о чём должен был вспомнить и без звонка, но не вспомнил...

Глава от рассказчика

...И вспоминает то, что мог бы вспомнить без звонка, но не вспомнил.

Двенадцать-тринадцать лет назад Набережные Челны были немного другим городом, нежели сейчас. Был другой город не только в плане застройки и численности населения, но и в части отношения к частной собственности и частной

же инициативы эту собственность иметь. Капитаны протокапиталистических батальон, за редким исключением, преданы земле и забвению. Немногие выжившие покинули город в разных направлениях, ещё более немногие остались в городе, – кто в шкуре буржуа, кто в шкуре нищих блатных романтиков. Дима и Лёша (по кличке Лексус) были школьными друзьями. Лексус был из тех людей, про которых говорят: «делает деньги из воздуха». Сразу необходимо сказать, что Лексус был намного умнее своего псевдонима, он с юности понял, что головой можно заработать не в пример больше денег, чем обрезком трубы, – этим своим пониманием он качественно отличался от подавляющего большинства своих школьных и дворовых товарищей. Челны в плане разгула преступности были карикатурой или ускоренной версией Казани, – бессмысленные смертельные битвы были ещё бессмысленнее, легальный бизнес чувствовал себя ещё более ненужным органом, чем аппендицит или хвост, невинные жертвы бандитского произвола были ещё невиннее. Благо, понимание того, что пора заниматься бизнесом, а войну оставить на послерабочее время в качестве хобби, пришло к местным пассионариям тоже быстрее, чем к их коллегам в Казани (быстрее, но не раньше). Когда в Казани царила эпоха Просвещения, в Челнах ещё был каменный век.

После девятого класса пути Димы и Лексуса ненадолго разошлись, – Лексус пошёл в техникум, а Дима остался до одиннадцатого класса. После техникума Лексус не закончил

какой-то обыкновенный институт, а Дима закончил срочную службу в армию. Дима служил в Ленинградской области, ходил в самоволку в Петербург, полюбил город с его архитектурой и нравами, отдохнув после армии два месяца в родных Челнах, вернулся на постоянное место жительства в Питер. Первый год на новом месте Дима снимал комнату в самом сердце Северной столицы. По размерам эта комната походила на опрокинутый на бок шкаф, обстановка в ней тоже напоминала убранство платяного шкафа. Зато! Зато квартирная плата была «как у клопа», – как сказал герой фильма Гая Риччи. Квартирная хозяйка Димы была копией старухи-процентщицы из романа Достоевского, нрава такого же. Диме не позволялось докупать и использовать какие-либо бытовые приборы, кроме тех, что уже имелись в комнате (в комнате, из бытовых приборов, имелся крючок для шляпы) – ни телевизор, ни DVD, ни компьютер, ни электробритву. Примерно в таких помещениях отбывали наказание воспитанники Царскосельского лицея. В распоряжении постояльцев этой пятикомнатной квартиры была газовая плита (в порядке живой очереди), ванная (чаще) с холодной водой, туалет...

Через четыре года и два с половиной романа с уроженками Петербурга и Ленинградской Области Дима уедет обратно в Челны и женится на деньгах и связях.

Глава от рассказчика

Итак. Телефонный звонок. Дима смотрит на экран теле-

фона и вспоминает то, что мог бы вспомнить и без звонка, но не вспомнил...

Лексус: «Привет, браза, ты поговорил с дядькой? Он сможет порешать этот вопрос?» Дима: «Как раз собирался набрать его номер, и ты звонишь». Ощущение, что прошлое (хоть и после косметического ремонта) возвращается, снова отозвалось где-то в животе противным бульканьем напоминающим наступающую диарею. Лексус: «Сразу! Сразу перезвони! Понял?» Дима силился припомнить, – должен ли он что-то Лексусу, потому что Лексус вёл себя так, как будто «должен». «Я постараюсь... В смысле я позвоню, не знаю что как...», – Дима определённо не мог взять себя в руки при разговоре с Лексусом. В их общей с Лексусом юности было много того, за что в развитом обществе принято сажать в тюрьму, а Лексус как-то сам собой стал во главе их организованной дружеской группы. А что до Димы, то он, хоть и не был социопатом (социофобом, кстати, тоже не был), но предпочитал придерживаться некой независимости во взглядах и поступках, а также расстояния в общении с окружающими; Дима ни в коем случае не оспаривал лидерство Лексуса, да и вообще считал данный статус скорее бременем, чем преимуществом, и всё же по мере взросления вынужден был оставить активное членство в банде по интересам, о чём ни он сам, ни банда никогда не жалели. «Давай-давай! Мой мальчик», – Лексус повесил трубку. «Сам ты «мой мальчик», говно куриное», – почти прокричал Дмитрий. Настроение было

испорчено уже в семь часов утра. Может быть перед работой заехать в «релакс». Чёрта с два, – в такую рань девочки ещё спят.

Очевидно, что наступила осень.

Глава 17

Я уже пятый день обедал в кафешке напротив прокуратуры. Приходил туда ради пирогов, – замечательные лимонники и ватрушки, и изжога проходит уже через два часа. Уставшись в телевизор и жуя пирог, я не заметил, как за мой столик подседа помощница судьи; «у неё все-таки потрясающая фигура, – узкие плечики, длинные ноги, красивая осанка», – думал я;

– Когда я только начала ходить в эту кафешку, здесь не было ни телевизора, ни выпивки, – начала разговор помощница.

– А пианист хотя бы был?

– Что?

– Как только прокуратура оценила местный бизнес-ланч, здесь быстренько появилась лицензия на алкоголь, не удивлюсь, что лицензия на наркотики скоро появится, – начал острить я.

– Ахах!...

Вернувшись на рабочее место, я, по известной присказке, начал бороться со сном. В моём случае было так, – до обеда я боролся с голодом и со сном, а после обеда – с тяжестью

в животе и со сном.

– Кофейный аппарат установили в фойе, а кокаиновый аппарат не устанавливают! – продолжал я упражняться в остроумии теперь уже на другой помощнице.

– Ты бы не выражался в здании суда..., – сказала она на полном серьёзе.

Я прикусил язык. Правда, ненадолго.

Вечером мы с Тони немного «приняли на грудь». Идя, уже неверными шагами, за добавкой, Тони мне говорит: «Приколись, – мы идём неверным шагом...» Я: «Ах, они суки! Неверные... шаги». Я: «Приколись: я люблю работниц муниципальных унитарных предприятий, всё время хочу за сиськи взять ИХ! Это не всё. Я люблю работниц государственных учреждений, хватаю их за сиськи без предубеждений!». На этой глубокой философской ноте память о прожитом дне покинула меня.

Глава 18

Как я и предполагал, к пятнице стало очевидно, что я не справляюсь с порученной мне работой. Я спал десять часов в совокупности за всю неделю, когда-то три, когда два с половиной, всегда мне снилась работа. Единственный за неделю разговор с матерью был примерно такой:

«Нахер мне твои "конечно"! Нет тут ничего конечного! Ты думаешь, мне нужно твоё одобрение, когда я высказываю какую-нибудь мысль?! Хера-с-два! С твоей фантазией и умом

ты могла бы стать президентом республики!..» – похоже на монолог, но и её реплики тоже были, просто я забыл какие.

Изображение в глазах то и дело раздваивалось или расцветывалось. Я узнал, что можно заснуть на рабочем месте не только от безделья, но и во время интенсивной работы. Пишу сообщение Аркадию: «От недосыпа начались галлюцинации, – все ходоки стали копиями известных мне актёров, даже не приходится включать фантазию, – смотрю сейчас на Джеймса Гандольфини. Я дважды падал со стула во время заседания. Трубы в ушах звучат всё чаще и громче. Я, нахер, скоро порежу всех!» Но сначала выплыву. Вздрыгнул от того, что поймал себя на мысли, что снова падаю со стула. Ответа от Аркадия не последовало. Извещение, оповещение и уведомление – это пять разных вещей!.. Строю планы увольнения и ухода на вольные хлеба. Это пять разных хлебов...

Пятница первой недели; все давно ушли, я делаю то, что не успел; радио ON; начала играть та самая песня, которую я ассоциировал с Эн, – к горлу подступил ком (тот самый); *el amor me quema, la música suena, la noche de cristal es belleza* у...; я хочу уйти и даже могу уйти, но мне некуда идти, понимаете – НЕКУДА! Мы оправдываем химию отношений мистикой любви. Мы заполняем социальные шаблоны своими телами, мы заполняем их своим временем и жизнями, мы заполняем их своими душами и зарплатами.

Решил сделать перерыв в своей механистической работе

(мануфактуры не исчезли!) – сходить в кафешку напротив прокуратуры. Как я и думал, в девять вечера здесь пили со- всем другие напитки, но люди те же, – покрасневшиеся му- жики в дорогих и не очень рубашках с расслабленными гал- стуками или вовсе без оных. «Мне быстрых углеводов, сдобы и растворитель», – скомандовал я буфетчице. «И Мальбо- ро Лайт», – добавил я к заказу, слегка поколебавшись. «Так поздно с работы?», – поинтересовалась буфетчица. «Да-а, и снова возвращаюсь на неё сейчас, много дел», – напустил деловой вид на себя я. По плазменной панели крутили ка- нал с русскими клипами. «Катя, возьми телефон», – пели мальчишки. Я вспомнил о своих длинных волосах, которые пришлось отрезать меньше месяца назад, чтобы потрафить дресс и фейс кодам конторы. Я бы хотел попробовать свет- ский образ жизни, но для мужчины это выполнимо, только в случае высоких доходов, поэтому я не стал развивать эту мысль в голове, быстро съел сладости и вернулся в суд.

Кстати, когда выходил сегодня из здания суда, встретил Команданте; он стоял и разговаривал с каким-то таким же вальяжным мужиком; я поздоровался за руку с обоими. «Па- па не приехал?», – спросил Команданте. «Пока нет, и не зво- нил даже», – ответил я. Я было двинулся в сторону кафешки, но Команданте остановил меня следующим вопросом: «Как работа? Справляешься?». «Пока непонятно», – ответил я. Подавив желание броситься ему в ноги и умолять перевести меня на уголовное производство, я с якобы непринуждён-

ным видом попиллил дальше. На обратном пути с обеда, в зарослях около здания суда, я увидел мальчика, который у нас работает и с которым я сегодня ещё не здоровался, мальчик курил. Кивнув ему в знак приветствия, я получил в ответ долгий приветственный жест рукой. Он носил синие линзы и облегающий форменный костюм, вид у него был довольно гармоничный. Это он протянул мне левую руку и едва сжал мою, когда сидел ко мне в пол-оборота в зале заседаний на инструктаже для секретарей и помощников несколько дней назад. Это он два дня назад сел на переднее пассажирское сиденье моего автомобиля, когда я дремал на водительском после обеда (!); я поднял спинку сиденья и уставился вопросительным взором на незваного гостя, зачем-то я начал трогать руль, как будто хотел убедиться, что это действительно мой автомобиль а не чужой, что не произошло то, что произошло в фильме «Ирония судьбы», но только не с квартирой, а с авто... чёрт возьми, что он тут делает?! что делает мой коллега в моей машине?! Хм, мой коллега в моей машине, я сплю что-ли? Вдруг мой коллега (в моей машине) приблизил своё лицо к моему лицу и поцеловал меня в мои (в чьи же ещё!) губы, точнее в уголок моих губ! Я не думал в этот момент о переизбытке местоимений, я думал о том, почему никак не могу проснуться и, с ужасом, быстро осознавал, что ни фиги не сплю. Я судорожно искал левой рукой ручку двери, одновременно думая о том, как удачно я припарковался утром – никто не мог видеть произошедшего из

окон суда, хотя могли быть случайные прохожие – стёкла-то не тонированные. Раздавшийся голос парализовал моё тело и мои мысли.

– Тебе нравится? – то ли спрашивая, то ли утверждая, тихо произнёс он.

– Не знаю! Нет!! – вскричал я, не узнав свой голос. Он повторил попытку приблизиться, но я дёрнулся в противоположную сторону и сильно ударился затылком о боковое стекло.

– Ой! – сказал я, удивившись тому, что не почувствовал ни малейшей боли (зашкаливший адреналин верно отодвинул болевой порог за линию горизонта).

– Ой! – эхом, и как-то с досадой, произнёс незванный гость.

В следующее мгновение он уже неловко выбирался из машины, смущённо бормоча что-то вроде: «я прошу прощения, я подумал, что... извиняюсь, недопонимание... произошло»...

Оставшись наедине с самим собой, я ещё раз прокрутил в голове только что произошедшее событие; тело покрылось гусиной кожей; мне и раньше оказывали знаки внимания люди одного со мной пола, но никто ни разу не пытался воздействовать на меня «органолептическим способом» (как выражаются ДПС-ники, которые скручивают у тебя номера, на ощупь определив, что люфт руля твоей машины на полпроцента выше нормы), всегда вербальные объяснения с моей стороны перечёркивали все т, упреждая далеко идущие на

мой счёт планы. Отец говорил, что лесбиянки и гомосексуалисты видят, что называется, издалека вероятного партнёра. Или это он говорил только о лесбиянках?.. Наверное, я пребывал в аффективном состоянии, поскольку меня непреодолимо потянуло ко сну. До конца обеда оставалось ещё двадцать минут, будильник на телефоне был заведён, я провалился в сон, даже не опустив спинку кресла, но предусмотрительно нажав кнопку центрального замка, – с меня хватит моральных потрясений на сегодня.

Небольшой флэшбек закончился, вернёмся в настоящее, а именно в вечер пятницы. После еды КПД моей работы, и без того крайне низкий, устремился к нулю. Время двадцать один пятьдесят девять, позвоню, пожалуй, Коле-механику и запишусь на смену масла на воскресенье; на дверях его мастерской написано: «запись на смену масла в удобное для вас время».

– Ало, Коля?

– Да.

– Коля, здравствуйте, я бы хотел записаться на смену масла, на воскресенье. На вторую половину дня.

– Только на первую.

– Хорошо, как насчёт одиннадцати.

– Давайте пораньше...

– Хорошо, половина одиннадцатого.

– Девять. Только девять.

Воскресенье! Девять!

– Хорошо, – значит «воскресенье девять».

М-да, «удобное для вас время...» Типа, григорианское летоисчисление – удобное для вас время?

Я ненавижу это синее ведро, но как гласит мексиканская поговорка: «Тот, кто не заботится о своей лошади, должен ходить пешком». Моя сучка на лошадь не тянула, максимум ослица... Но, с мексиканцами не поспоришь, ведь их больше чем меня.

В двадцать два десять я выходил из дверей суда. Прямо около входа-выхода стояла служебная машина Команданте, водитель сидел внутри; я прошёл к парковке, может мне показалось, но кажется, водитель мне кивнул в знак приветствия. Мы встречались с ним около полутора лет назад, когда Команданте решили посидеть в ресторане с моим папиком, но вряд ли он меня запомнил. Я положил свою сумку в багажник и завёл машину, в окнах Команданте на втором этаже горел свет.

Всё, пока домой. Как всегда, взял один заказ в качестве таксиста в сторону своего дома, чтобы, как я уже говорил, люди оплачивали мой обед. По иронии судьбы заказ был почти до дома Эн. Я набираю номер Эн, чтобы она вышла, и мы непринуждённо побеседовали-покурили, чисто по-родственному. Третий гудок, четвёртый, пятый... Доставил пассажира, набираю ещё раз, – шесть гудков, – Эн не берёт трубку. *El amor me quema, la música suena, la noche de cristal es belleza...* Набираю Тони, – сегодня пьём!

Глава 19

Понедельник, семнадцатое сентября; месяц и два дня, как я числюсь на этой работе. Еду по встречной, потому что долго просидел в туалете; те, кто едет мне навстречу, показывают средний палец, те, кто едет следом за мной, дублируя мои манёвры, – обгоняя, показывают большой палец. Началась вторая неделя моей страды у судьи Арбенина.

Я несколько раз прошёл по фойе, прежде чем заметил на месте кофейного аппарата большую фотографию судьи Родионова перевязанную чёрной лентой. Под фотопортретом лежало несколько гвоздик. Родионов, который шутил. Родионов, который «...мы здесь вершим правосудие, так-то, мать твою!...». Родионов, который судил уголовников. Родионов, который что-то там делал на заднем сиденье Каена. Теперь он – Родионов, который умер; от инфаркта, в ночь субботы на воскресенье, в больнице, куда его доставила скорая помощь с жалобами на боли в груди. Ему было всего шестьдесят два года, меньше, чем Хантеру Томпсону, когда он – наркоман и алкаш – вышиб себе мозги, предварительно запершись в своём кабинете. М-да... А кофейный аппарат зря забаррикадировали. Непонятная радость обуяла меня от сознания, что кто-то умер и этот кто-то – не я; пока не я. Что-то происходило, одно сменялось другим, другое – третьим. Мда... А кофейный аппарат... а, чёрт!

Интересный заявитель, – болен открытой формой тубер-

кулёза; подал в суд на органы ЗАГСа за то, что они отказываются выдавать его новорождённому сыну свидетельство о рождении на русском и английском языке, а выдали на русском и татарском языке. В заявлении он использовал такое выражение: «Выдали свидетельство о рождении на русском и на неизвестном мне языке». Такой предсмертный национализм никому из участников дела не импонировал. Наверное, только я был на стороне несчастного умирающего психа. Чтобы состав суда и участники не заразились смертельной болезнью, откуда-то приволокли специальную кварцевую лампу, которую направили прямо на заявителя. Пока заявитель рассказывал вкратце суть своих претензий, он несколько раз заходился кашлем, потом отхаркивал мокроту в платок и продолжал. Естественно, все старались не дышать, и про себя брезгливо материли больного. Ребёнок без документов, тоже больной этой самой болезнью, не мог получить медицинскую помощь, и, обе стороны использовали этот факт как аргумент в свою пользу, по крайней мере, делали вид, что это аргумент в их пользу, но, упрямый факт всем назло выглядел нейтрально. «А где мать ребёнка», – спросила здоровенная прокурорша. Откашлявшись, заявитель ответил: «После рождения больного сына, она сказала, что вы мне оба не нужны – больные, и ушла». Все напряглись. Через какое-то время судья объявил перерыв и, всех как ветром сдуло из зала. Остались только я и здоровенная прокурорша.

– А что все такие пристрастные, – завёл я беседу.

– Закон есть закон есть закон есть закон есть закон есть закон есть закон... – понижая громкость голоса, ответила она.

– Почему бы вам не дать его сыну свидетельство о рождении на русском и английском? – я не стал ждать её ответа, потому что знал – ответа у неё нет, продолжил. – Я тоже не хочу, чтобы мои документы были на татарском языке, и, когда я получал в четырнадцать лет паспорт, моя мама заплатила деньги (взятку), чтобы не делали вкладыш на татарском языке! И все платили этим жирным татарским старухам в паспортных столах, чтобы они не подшивали татарский вкладыш к паспортам.

Прокурорша сидела с каменным лицом. Я знал, что она была русская. Или она, прежде всего прокурор?! Или женщина? Или мать? Или госслужащая? Или конь с железными яйцами? Или человек? Мне было наплевать на всё, я продолжал рассуждать вслух.

– Вам не кажется, что система должна быть немного гибче? Ну, знаете, как в притче о гибкой ветви под снегом и толстом суке под тем же снегом. Гибкая вервь прогибается и сбрасывает с себя снег, а толстая, – знаете что? Толстая ломается! Так-то! – я напустил на себя безумный вид взлохмаченного революционера. – Знаете, что я хочу вам этим сказать? Что не равен час и грянет революция! О-го-го! И не сексуальная (хотя вые...т многих), а та самая – настоящая, когда «никто» станет «всем», а... – участники процесса вва-

лились в зал во главе с судьёй, прервав мою проповедь.

Вторник. Мне становится наплевать на результат моей работы, наверное, это реакция психики сродни реакции физического тела на увечье, когда шок нейтрализует боль. Все куда-то подевались, я откатился на стуле от письменного стола и прижался затылком к стенке, – так я мог подремать минуточку-две не рискуя рухнуть на пол. Только начались сны, как дверь открыли – пришла девочка, которая разносила иски по судьям, я не знал её имени. «Привет», – сказала девочка разносящая иски. «Привет», – ответил мальчик, который новенький, который всегда спит на ходу. «А что, судьи нет», – задала девочка риторический вопрос, потому что в этот момент смотрела в пустое пространство кабинета судьи. «Есть, только сейчас он невидимый», – с абсолютно серьёзным лицом проговорил я. «Ха-ха», – довольно быстро отреагировала девочка. Кстати, о шутках, – судья, у которого я работал эти две недели, обладал отличным чувством юмора, этот юмор был замешан на эрудиции, интеллигентности, хорошем вкусе, широком кругозоре и знаниях реалий современного мира. Лет восемь-десять назад я бы смотрел ему в рот. Например: какой-то представитель, передал ему привет от какой-то его одногруппницы, которая заведовала правовым отделом в каком-то «плюшевом» институте. Он с серьёзным видом два раза переспросил её имя, а потом, с ещё более серьёзным видом говорит: «Она ничё что-ли?». Ржали

(именно ржали) все. Шутка становится удачной и от того тоже, кто её произносит. Однако, время обеда. После обеда я взял за правило минут двадцать спать у себя в машине, опустив спинку сиденья водителя; зимой конечно, так не получится, да и меня уволят, наверное, до зимы-то!..

Обед прошёл не очень. В кафешке кто-то переключил канал и теперь там шли передачи типа «Люблю, не могу» и «Давай поженимся» и иже с ними; когда показывали жирных тёток, аппетит портился.

После обеда, войдя в кабинет, я оказался в разгаре обсуждения автотранспортных средств наших коллег и финансового положения их родителей, как чего-то неотрывно связанного с их автотранспортными средствами. В числе сплетничавших был начальник одной из канцелярий, – копия Мэтью Макконахи, только татарин. Мне он интенсивно не нравился первые дни. Я примеривался к его здоровью и жизни, – что произойдёт быстрее, – асфиксия или перелом шеи? Идеально сидящий костюм, лёгкая небритость, профессионал своего дурацкого дела. В нём было всё, что меня бы взбесило ещё вчера, но сегодня я был к нему равнодушен. Разговор продолжался.

Прозвучал термин «золотая молодёжь». Спустя ещё секунду мне был задан вопрос: «А ты, Польша, представитель «золотой молодёжи?». Для пущей образности я решил ответить вопросом на вопрос: «Вы видели на чём я езжу?!» «Нет». «Ладно, вы видели мои ботинки?..»

Затем разговор перетёк на некоего работника нашего суда, который в скором времени должен был стать судьёй. В основном говорили по-татарски, я мало что понимал. Мне в пору спросить у какой-нибудь Даши: «А что такое «халяр ничек?», а она бы мне ответила: «Как поживаешь или как дела»; а я такой: «что, им всем интересно как у меня дела?»; а Дашка мне циничной интонацией: «Нет, им наплевать как у тебя дела, им на всё наплевать, кроме денег». Отвлёкся на киноаллюзии. Потом перешли на смесь русского и татарского, – тут я уже мог вставить свои пять копеек.

– Он пришёл в наш суд ещё совсем молодым. Сначала помогал завхозу, потом, где-то с третьего раза, поступил на юрфак КГУ, потом Команданте заметил его и взял к себе секретарём (пять долгих лет он проработал секретарём, уу-уу!), потом ещё два года работал помощником (уууу!), теперь за него просит сам Команданте и ему гарантирован статус судьи. Все эти годы он ни с кем не встречался, только в начале лета на горизонте его либидо появилась прелестная работница канцелярии (со скверным характером). А ведь он из деревни, из бедной семьи. Он сказал, что не скажет ничего родителям, пока не получит статус... Вот обрадуется его старик и заплачет от счастья мать! – говорила помощница, обращаясь сразу ко всем.

Я уже четыре дня назад заметил, что местная публика не чурается сплетен. Интересно, – обо мне что-нибудь говорят?
– Я сейчас умру от умиления, – как можно наглее про-

говорил я. – Всю молодость положить на служение системе, чтобы в одну прекрасную ночь – с субботы на воскресенье – умереть от инфаркта (это была, конечно, аллюзия на кончину Родионова, чей портрет, по-прежнему, разделял меня с кофейным аппаратом), – я продолжать настраивать против себя общественную мораль.

Конечно, это была авторская интерпретация жизнедеятельности данного человека. Правда же звучала так, – даже таким умным, целеустремлённым и трудоспособным людям, как этот мальчик, приходится всю жизнь добиваться карьерного скачка, что тогда говорить обо мне, который не только не может протокол составить и уведомления разослать, но и не стесняется говорить об этом всем и каждому. Мне в голову пришла мысль немедленно уволиться. Уволиться, тем самым окончательно испортив отношения с папиком. Он меня считает безответственным придурком, похоже, он прав. Я, к тому же – трусливый и ленивый, я часто презираю сам себя, хоть даже за то, что боюсь мечтать в полную силу.

Когда кости очередного объекта были тщательно перемыты, головы зачинщиков разговора синхронно повернулись в мою сторону.

– А чем ты вообще увлекаешься, Поль?

– Да-да, хобби у тебя имеется?

– Да, имеется. В свободное от работы время я спасаю жизни. (Пауза) Я – супергерой. Днём я – незаметный судебный служащий, а ночью – бесстрашный борец с преступностью.

Иногда приходится быть супергероем и в дневное время, вы же замечали, что иногда я опаздываю с обеда, – обратился я к секретарю и помощнице. – Если бы не я, – продолжил я с невозмутимым видом умалишённого, – город бы захлестнула волна преступности, знаете ли... Нагрузка на суды увеличилась быкратно... Прошу только, не говорите об этом никому, мне ни к чему популярность.

Коллеги переглянулись между собой, затем как по отмашке разразились хохотом. Что и говорить, шутка удалась. В дверь заглянула тётенька: «Я могу задать вопрос по решению, если возникнет?» – заискивающе спросила она. «Суду вопросов не задают», – отрезает помощник, возбуждаясь от своего величия. Так-то, гражданочка, не верь, не бойся, не проси...

Двадцать два часа двадцать две минуты; удача при мне. «Как мне тебя найти? Дай телефон, чтобы я мог с тобой связаться». Я: «Не надо со мной никак связываться». «Мне нужен человек, который даст мне правильный юридический совет, которому можно позвонить в любое время, который не пнёт меня под зад ногой...» Я: «Мне очень жаль, но я не могу стать для вас таким человеком, у меня, видите ли, совсем нет свободного времени. Да... я не располагаю, знаете ли, свободным временем, к тому же работаю даже по выходным, к тому же плохо знаком с трудовыми право... отношениями». «Нет-нет, братишка, ты меня не понимаешь, просто сведи

меня с нужными людьми». Чёрт возьми, мужик, ты себя видел?! «Там нет нужных людей для вас», – как можно мягче выговорил я. Иногда пассажирами моего кэба были первосортные дураки. «Мы-то сами из деревни, но не какие-то там колхозники, усёк?!» «Конечно», – примирительным тоном ответил я. Ещё какие «не колхозники», я это усёк в первые полсекунды.

Как только «неколхозники» покинули мой автомобиль, мой телефон зазвонил. Муся. «Заедешь?» – спросила Муся. «Виз плеазюр», – ответил я.

Спустя сорок минут.

– Нравится вид? – спросила Маша, в очередной раз вернувшись на кухню из другой комнаты.

– Да.

– Мне тоже.

– Возносишься над Суетой? – я с завистью смотрел на весь Ново-Савиновский район из окна Муси.

– Иногда.

Я стоял около окна, которое было на десятом этаже. Моё сердце сжала невидимая рука. Испуг быстро сменился приятной болью. «Благословен Господь, даруя нам страдания,

Что грешный дух влекут божественной стезей;

Восторг вкушаю я из чаши испытанья,

Как чистый ток вина для тех, кто тверд душой!» – вспомнил я четверостишие из Бодлера. Из окна видны многочисленные дымящиеся трубы. Я начинаю смеяться при мысли о

том, что от близости вредных производств у Муси, должно быть, есть жабры.

– Чему ты смеёшься?

– Я подумал про жабры. Мне нравится, как одна мысль накладывается на другую. Уе-уеее...

– Познаёшь Суть Вещей... Уе...

– Постигаю... Уе-уеее...

Я подумал, что мы находимся «где-то» и «когда-то». Меня поразила эта мысль. Овощи на раскалённой сковороде начали резко пахнуть.

– Ты смотришь за овощами? – прокричала Муся из ванной.

– Да.

– Ты слышал о «дилемме заключённого»? – Муся незаметно подкралась ко мне, заставив меня вздрогнуть.

– Нет. Что это такое?

– Если совсем коротко, то «дилемма заключённого» доказывает, что сотрудничество необходимо, только если ты имеешь дело с равным себе противником, – Муся стала какой-то серьёзной.

– А почему ты об этом заговорила? – её серьёзность передалась мне и превратилась в тревогу.

– Забудь...

Через какое-то время она вернулась из ванной с мокрой головой и намотанным на тело полотенцем, начала помещивать овощи. Полотенце начиналось чуть выше груди и за-

канчивалось чуть ниже попы. Ещё мне понравилось как выглядели её осветлённые волосы мокрыми. Запах шампуня перебил запах овощного рагу. Мне захотелось попить шампуня. Мысль о шампуне овладела мной полностью.

– Я хочу попить шампуня, – сказал я Мусе.

– Я последние капли использовала.

– А...

Я почувствовал, что дом начал двигаться подобно океанскому лайнеру или космическому кораблю.

Прошло какое-то время. Я сидел в кресле, моя голова была около моих коленей, я смеялся и не мог разогнуться.

– Скажи, скажи ещё раз! – просила Муся.

– Я не смогу объяснить ещё раз, я вообще забыл над чем я смеюсь. Палюсь!

– Ага «щас спалюсь!»

– Щас спалюсь...

– ..И всей спалю! – развеселилась Муся.

– Что?! Как ты сказала?!

– Что? «Щас спалюсь и всех спалю»?

– Да! «Щас спалюсь и всех спалю»! Это откуда?! Где ты слышала это выражение?

– Нигде...

– В Интернете? В фильме?

– Нет. Мы с тобой только что его придумали.

– Получается, что ты его только что придумала! – меня бросило в жар, сердце заколотилось ещё сильнее.

– А что такое? – забеспокоилась Муся.

– Это же гениально! Если это выражение было придумано только что, значит мы можем его запатентовать! Это выражение можно писать на футболках, на задних бамперах автомобилей, это может быть слоганом для избирательной кампании на будущих президентских выборах! Это выражение – интеллектуальная собственность. Мы станем получать роялти с каждого, кто захочет использовать это выражение для своих целей.

– А так можно?..

– Ну конечно! Помнишь историю с производителем гуталина, который купил у Пушкина права на использования в рекламе своей продукции строчки из его стихов: «Белее дня, чернее ночи»? Ещё в фильме «Форес Гамп» был такой эпизод, где Гамп вытирает лицо чьей-то футболкой и на ней остаётся след, который тут же выходит в тираж! Или «смайлик»? Или... Или... улыбка Моны Лизы... Нет, это не то. Причёска Элвиса... Нет, не то. Ну сама придумай.

– А кто захочет купить у нас права на использования выражения «Щас спалюсь и всех спалю» в своих коммерческих целях?

– Кто-нибудь захочет. МЧС? Говорю, – футболки с такой надписью будут носить люди. Помнишь «Татушек», которые надели футболки с надписью «Х..й войне» потом ещё придумали «Пи..да Миру»? Ещё всякие смешные надписи на майках типа «Все бабы как бабы, а я – королева» или «Самый

пьяный папа на свете».

– Да.

– Ну вот!

– Ещё по одной?

– Давай. А разве ещё есть?

Я был в восторге от идеи запатентовать столь удачную фразу. Пока не забыл, достал телефон и сделал заметку. Муся достала маленькую плитку шоколада. Через мгновение я понял, что это не шоколад.

– Чёрт возьми, сколько здесь? Десять грамм?

– Почти угадал.

– Откуда эта роскошь?

– Из Петербурга. Наверное...

Мы дунули ещё по три.

– Меня завораживает узор на твоей рубашке... – откуда-то издалека сказала Муся.

– Ага, она белая. Почему мы не курим через воду, – в горле першить не будет, – спросил я уже не своим голосом.

– Терпеть не могу эти бурбуляторы, это всё равно... что... «пить кофе через вуаль».

– Понимаю...

– Слууушай, помнишь я тебе говорила об астрологе... Ну, вообще-то она не астролог, а специалист по Фэн-шуй... Она предсказывает судьбу по дате рождения. Я же тебе рассказывала про Марину?

– Да... У меня нет три тысячи рублей.

– Ну, когда будет...

– Тогда я возьму у тебя её номер. Я вообще-то люблю все эти штучки-дрючки... Вот... Вот сейчас ты мне напомнила Кортни Лав. У меня была подружка – копия Кортни Лав. Представляешь, аххаа...

– Ага. И что с ней стало? – последние пять минут Муся не открывала глаза.

– Ничего. Видел недавно, кассиром в Пятёрочке работает.

Спустя вечность. Спустя полчаса я завёл машину и поехал. Я боялся кого-нибудь сбить. Я боялся, что меня остановит ГИБДД. Я боялся попасть в ДТП. Я боялся слушать ДДТ. Я боялся всех аббревиатур. «Не сходи с ума, тёмная ночь; не порть мне песню мою, я ещё её пою, я ещё её пою». Что-то мне всё равно страшно. Ну же Надежда, давайте петь вместе: «Не сходи с ума,

Тёмная ночь,

Не порть ты мне мои слова,

Не сходи с ума ты,

Не сойду с ума я».

Спустя пять тысяч лет я, наконец, припарковался около своего жилища. Впереди был путь от машины до подъезда, путь длинной в столетия. Я думал, что не доживу до того момента, когда приму душ и сяду в кресло перед компьютером.

К сожалению, на кухне я повстречал маму. «Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем

Явился вдруг поэт – не в силах слез унять,

С безумным ужасом, с мольбой, с богохуленьем

Простерла длани ввысь его родная мать!» – вспомнилось ещё одно четверостишие.

Я вспомнил звук её голоса и, меня затрясло от злости. А потом я услышал её голос наяву.

– По телевизору про одного мальчика рассказывали...

– Всё! Хватит про это!

– Ты ведь ничего не знаешь. Не в курсе никаких новостей.

– Отвали-ка от меня срочно, – прошипел я сквозь зубы.

– Начинается...

– Твоё дело несложное – знай, переключай кнопки на пульте. Жри, сри, смотри Малахова!

– А что у тебя с глазами?!

– Я накурился, понятно? Чёртова идиотка!!

– ?!

"Родила б лучше я гнездо эхидн презренных,

Чем это чудище смешное... С этих пор

Я проклинаяю ночь, в огне страстей мгновенных

Во мне зачавшую возмездье за позор!»

День явно затянулся, поэтому я решил не чистить зубы.

Глава 20

Если отбросить излишнюю чувственность мировосприятия, то всё упирается в деньги. Для ощущения полноты жизни и чувства полноценности мне необходимы некоторые материальные ценности: квартира, хорошая машина, доход и,

свободное время. Доход и свободное время... Алкоголизм и здоровая печень.

У Команданте сегодня день рождения. Папа: «Тебя позвали на банкет?» Я: «Шутишь?! Даже многих судей не позвали. Я думаю, к нему приходили только Боги, даже Полубогов не было». Ну да, Боги, которые с трудом говорят на русском. Папа заставил меня купить Джонни Уокера Блэка, обещав вернуть деньги; я купил Блэка, засунул его в подарочный пакет и, дождавшись аудиенции, вручил Команданте. Папик закинул на мой мобильный две тысячи рублей.

Среда – тот день, когда стала очевидна моя профнепригодность; все начинают меня тихо ненавидеть. Мне пора увольняться. Папик расстроится...

Вечер среды. Мы встретились с Тони.

– Как дела на работе?

– Не будем об этом, знаешь, что я бы сейчас хотел? Сидеть в пивной, где пиво стоит двадцать рублей за пол-литра, да ещё сухарики бесплатно, и пить это пиво пока живот не лопнет.

– Так всё плохо?..

– Угу...

К вечеру четверга мои нервы расшатались настолько, что мне было всё равно над чем рыдать, – над «Завтраком у Тиффани» или над «Три метра над уровнем неба». Я думал об Эдгаре По, о Чарльзе Дарвине, о Фрэнке Делано Рузвельте с его кузиной Маргарет Стакли, о Сирано де Бержераке, о

дальневосточных леопардах и других примерах умеренного кровосмешения. Тоска щемила сердце, но убежать от самого себя я не мог. Зависть от каждодневного лицемерия дорогих авто моих коллег усугубляла моё состояние. Я пытался развеяться остроумными разговорами с помощницей и судьёй, но от этого только терял последние силы. Вот бы сейчас оказаться в романе «Колыбель для кошки», большинство людей уже погибло, тебе остаётся только пуститься во все тяжкие эксперименты с алкалоидами и опиатами, впереди пустота. Есть ли мы как таковые? Или мы всего лишь совокупность мнения о нас других людей и, какое мнение перевесит, так мы и поступим, так мы и подумаем, так мы и почувствуем; думаете, я не знаю, что великое множество писателей (и других деятелей культуры) выносило этот вопрос на риторическое обозрение! Знаю-знаю... Впрочем, алкоголь бы сейчас порядком разгрузил мою психику, но утро придёт с вероятностью 99,99... процентов и, наступит сожаление что не умер ночью, плюс, в качестве бонуса, чувство вины, которое само по себе вреднее того, от чего оно наступает.

Глава от рассказчика

– Алло...

– ...

– Алло, дядя Паша?!

– ... Да!

– ...Аллллоооо!

- Сейчас выйду на лужайку...
- Дядя Паша...
- Да, привет Дима, как сам?
- Нормально, работаю, жена, ребёнок и... её ребёнок.
- А! Понятно. Собираешься в Питер?
- Нет, я хотел поговорить кое о чём... Тут мой старый друг – Лексус – Алексей, может помнишь, дядя Паш?
- Тот, который тебя на деньги кинул?
- Да не то чтобы кинул, ну в общем да, это он. На него, в общем, завели уголовное дело, оно слушается в Центральном суде Казани... В общем.
- Отличная новость! И...
- Да, неплохая. Ты же знаком с председателем Центрального суда?.. Лёша просил поспособствовать ему в этом деле.
- Слушай Дмитрий, я ведь не ты, – я бесплатно работать не буду. Сто тысяч рублей – эта та сумма, за которую я могу приехать, оставив свои важные дела, в Казань и один раз встретится с Команданте. Естественно, что никаких гарантий я не даю, вообще не будем употреблять слово «гарантии» касательно этой ситуации.
- Я всё понял, передам.
- Ну, а как малышка? Растёт?

Глава 21

Пятница. Формально последний день груза ответственности. Теперь мне понадобится ещё как минимум неделя, что-

бы что называется «отписаться», – закончить и исправить все протоколы, сделать все запросы, разослать извещения и повестки, забить данные о ходе движения дел в специальную компьютерную программу, заполнить журнал по форме девяносто, по форме два и, чёрт знает ещё по каким формам. Я не питаю иллюзий, я знаю, что меня могут кинуть на новое испытание чуть ли не в самый понедельник первой недели, и уже не будет помощницы, которая половину работы делала за меня, не будет остроумца и обаяшки судьи Арбенина, музыкальные вкусы и чувство юмора которого мне так нравились (по крайней мере не раздражали). Дадут какую-нибудь судью с шилом в заднице и помощника, который будет меня посылать и проклинать по-татарски и я даже ничего не пойму. Как я и ожидал, у меня не возникает чувство важности и нужности проделанной мной работы. Зато имеется неотвязное чувство, что я портаху. Засыпаю. Пишу Аркадию: «От недосыпа мир делится на полосы, а потом эти полосы разъезжаются в противоположные стороны, как в видеоэффектах дешёвой камеры на заре формата VHS». Протокол судебного заседания. Протокол вашей никчёмной жизни: «Рождение: дата, время, дополнений нет. Ясли, сад, школа, дополнений нет. Первый секс, женитьба, последний секс, дополнений нет. Судебное заседание жизни объявляется закрытым такого-то числа, такого-то года, в пятнадцать часов тринадцать минут, по причине острой сердечной недостаточности. Дополнений нет...» Смотри помощница, я пара-

литик, Стивен Хокинг, мать твою. Джик-джик-жиииик. Катаюсь на кресле с колёсиками, делаю вид, что около правой руки джойстик управления, как на инвалидном кресле. Так, что это? Смс-ка от Тони: «Что почитать из Мураками?» Я: «Из Мураками лучше почитать Довлатова». Тони: «Понятно». Я такой... Могу посоветовать «есличё». А если бы Тони спросил то же у Аркадия, то услышал бы уточняющий вопрос: «Рю или Харуки?»

Примерно часов в пятнадцать тридцать я шёл в канцелярию по гражданским делам, а в этот момент через турникет проходной, показывая открытое удостоверение приставам, шёл тот красавец-адвокат, которого я видел на уголовном процессе примерно месяц назад. Мы встретились глазами и, я понял, что он меня тоже узнал. «Здравствуйте», – промолвил я. «Здравствуйте», – ответил адвокат. Он был одет примерно так же как тогда, – в меру облегающие джинсы, рубашка, сверху куртка из мягкой тонкой кожи похожая на мотоциклетную, только более интеллигентная, на ногах – винтажные туфли. Его манеры были мягкие и какие-то поженски принуждённые, от лицемерия того, как он держался, возникало ощущение как от прикосновения к шёлку или кашемиру. Этот принц точно бы понравился Эн. Может их познакомить, ха-ха... Наверное, к нему бы я точно не ревновал Эн. Да-да, – не чета тем придуркам, которые у неё были; мда, – продолжал я анализировать предыдущую мысль, небо и земля прямо. Моё настроение улучшилось, – если су-

ществуют такие красивые люди, то жизнь имеет смысл, даже если этот смысл в понимании того, что есть только мгновение совершенства и, если ты его застал и осознал, то можешь считаться спасённым, что бы это слово ни обозначало; спасён от небытия, спасён от повседневности, спасён от надоевшего себя.

В двадцать один тридцать я ехал в сторону дома, сзади сидела девушка-пассажир. Почти все люди, которых я вёз в это время, возвращались с работы и большинство из них были настроены на философский лад, все хотели поговорить, а точнее все хотели, чтобы их кто-нибудь выслушал. Я знал, что выслушивание чужих историй – часть работы таксиста, поэтому был заранее к этому готов. Девушка рассказывала про своего парня, о том, что их отношениям подходит конец и, задав мне какой-то личный вопрос, не дожидаясь ответа, продолжила говорить о своём.

Глава 22

Я помогаю копать ему яму. Через какое-то время я понимаю, что это могила для него самого. Сейчас он ляжет спать в последний раз, а утром мы его похороним в этой самой яме, которую он сейчас с моей помощью копает. Мне жалко его, я всегда считал его хорошим человеком и, внутри своего сознания, благодарил за то, что он тратит свою жизнь на мою маму. Работа закончена, он уходит спать. Опираюсь на лопату, провожаю взглядом. Я тихо плачу. Откуда-то берёт-

ся уверенность, что мы увидимся на другом свете.

Просыпаюсь. Суббота. Я проспал до пяти часов вечера. Завтрако-ужинаю. Ругаюсь с мамой:

– Ты знаешь, что «телевизор – это просто маленькое прозрачное окошко в трубе духовного мусоропровода. Ты всю жизнь загипнотизировано смотришь на бесконечный поток помоев, ощущая себя живой только тогда, когда узнаёшь банку от знакомых консервов».

– Ты постоянно мать оскорбляешь. Как тебе не стыдно...

– А ты постоянно о себе в третьем лице говоришь! Совсем ку-ку?!

– Я молюсь... Молюсь, чтобы не стать свидетелем того, как Бог тебя накажет.

– Я бы посмотрел на твою рожу, если бы я при тебе вышиб себе мозги. Ты бы, наверное, знатно пересралась!

Переписываюсь, якобы глубокими мыслями с Аркадием: «Я рад, что не взгромоздил на себя ответственность за других людей. Рад, что у меня нет ни жены, ни детей. В этом мире я отвечаю только за своё туловище, а это где-то шестьдесят килограмм веса, в фунтах даже не знаю сколько...»

Смотрю старинный фильм с Брандо. Снова пишу Аркадию: «Голливудские фильмы про Конец Света захлестнули экран (моего компьютера), шуточные и серьёзные. А что если КС и вправду будет!». Примерно через час Аркадий пишет: «Не будет». Я отвечаю: «Ну-ну, голубчик, не будьте таким пессимистом, надо надеяться... надо надеяться...» Каж-

дый сукин сын, понабравший кредитов, надеется, что упавший астероид или вспышка на солнце спишет долги. Аркадий пишет: «Хочу жить в роскоши». Я отвечаю: «Хочу жить».

Заглянул в клетку к дурачкам на палочках. Последнюю газету они уже «прочитали», я начал стелить им новую. «Вот вам раздел политических новостей республики, – насрите на лицо местного политика; я слышал, что эти граждане любят подобные забавы». У Кеши с Сашей разница в возрасте, по человеческим меркам, больше чем у Чаплина с его последней женой. Мне понравилось это образное сравнение. Я настроился на художественно-оптимистический лад. Позвонил Тони. Встретились с ним около подъезда. Тони рассказывал какую-то хохму:

– Короче, мы притормаживаем, и я спрашиваю: «Куда?» Он мне: «До центра», я: «Сколько?», этот мужик: «Сто, ёпте!» А Стронг такой: «Что ещё за валюта такая «Ёпте»? Северокорейская, что-ли? У нас рубли в ходу...»

Меж тем пора поработать на неквалифицированной, но хорошо оплачиваемой работе. В суд я решил сегодня не поехать, оставлю незаконченную работу на воскресенье и... ещё на неделю.

В воскресенье вечером мы снова ненадолго увиделись с Тони.

– Я завтра ложусь в больницу, алкоголь и табак меня до-

конали, но может быть они ни при чём, – сказал мне Антон, закуривая вторую подряд.

– А я снова бросил пить и курить, но организм всё равно не справляется с нагрузкой, проклятая работа на мистера президента меня добивает, – ответил я. На том и разошлись. Во вторник вроде бы выходной, какой-то национальный праздник, в такие моменты я начинаю любить татар.

Ночь. Корвалол неожиданно закончился. Я лежу под одеялом и дрожу от страха. Вспомнились времена, когда я жил в Питере и числился студентом второго курса РГГУ; это был период новорождённой свободы действий и свободы совести. У меня была работа и возможность не появляться в доме отца неделями. Я вроде ощущал некий страх от неожиданно приобретённой самостоятельности, но эйфория независимости перевешивала, в итоге становясь счастьем быть самим собой. Тогда, бессонными ночами, напиваясь до предпредкомактозного состояния и выясняя отношения с реальностью, которые иной раз оканчивались кровавыми побоищами с малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми, я не испытывал того предчувствия неумолимо надвигающейся катастрофы, которое испытываю сейчас, лёжа на диване в своей комнате в материнском доме; личная ли это катастрофа, или это то, что ждёт нас всех – этого я определить не мог. Весь мир вибрирует, крошится штукатурка, скоро откроются голые несущие конструкции, им не выдержать такого сотрясения.

Глава 23

Понедельник был примечателен только тем, что ровно в шесть вечера я захлопнул компьютер, убрал его в сумку и уехал домой. И ещё примечателен тем, что у каждого второго работника суда диагностировалась злокачественная опухоль рожки; у каждого первого пристава; у каждого третьего судьи. Пьют всё-таки.

Красавица помощница решила со мной заговорить:

– Ты ведь не знаешь татарский язык, чувак? Учи татарский, чувак! – сказала она, подойдя вплотную.

– Я кое-что знаю по-татарски, – сделал я шаг назад, чтобы не упасть в обморок от перевозбуждения.

– Ну-ка!.. – снова приблизилась она.

– Кыш-бабай. Это значит – Санта-Клаус.

– Ты смешной... – выдохнула она в мою сторону ментоловым дыханием. – Девочки говорили, что ты писатель.

– Да это так, – покраснев, сказал я.

– В каком жанре пишешь, – нацеливалась она на долгий разговор.

– А вы в каком жанре живёте? – спросил я как можно мягче.

– В смысле?

– «Разделять искусство на категории можно лишь в теории», – Станиславский сказал, не я.

– Кто?

– Кыс... Кыс... Станиславский, не я...

Вот вы думаете, что мне очень приятно корчить из себя высоколобного зануду? Нет, уважаемые, я бы променял тысячу своих мыслей на тысячу ваших рублей.

Утро вторника. Пишу Аркадию: «Почти до утра думал, что надо бы сходить на приём к психиатру – попросить рецепт на пилюли с названием «Мне нравится жить в этой стране» 200мг. Или с название «Мне все равно» 300 таблеток в упаковке». Аркадий ничего не ответил. Тогда я написал, что собираюсь уволиться с работы и вплотную засесть за написание своего первого романа, по примеру Харпер Ли. Мне хочется сбрить все волосы на теле и сидеть в запертой квартире пока не отрастут». На что Аркадий почти сразу ответил: «Я бы на твоём месте «сидел на жопе ровно (адаптированный перевод «щит хэппенс»), так как слово «суд» в нашей стране ещё что-то да значит. А выражение «писатель-фрилансер» равняется по смыслу «без-работы-без-денег». Я отвечаю: «Думаешь так легко каждое утро идти на три буквы, причём вторая буква «у?»» Ответа не последовало.

Среда явилась переломным днём в некотором смысле. Пауза. Чик-чик, – щёлкаю пальцами перед носом читателя, чтобы сосредоточить его внимание на повествовании. Повторяю предыдущее предложение. Среда явилась переломным днём... в некотором смысле. Председатель собрал весь судейский «планктон» в актовом зале, положил перед собой

все наши личные дела и, в течение полутора часов, каждый, чьё дело оказывалось в руках Команданте, встав со скамейки, отвечал на довольно личные вопросы, которые задавал шеф, обращаясь то на русском, то на татарском. Команданте без остановки хохмил: его шуточки звучали так же коряво, как дословный перевод на русский с татарского. Сначала шли вопросы о том, как человек себя чувствует на своей должности, справляется ли. Потом шли вопросы о личной жизни и о планах на неё, – кто с кем встречается из сотрудников, кто с кем живёт, кто планирует декрет. Люди заметно нервничали, путали слова и смыслы. Девочка, которая сидела рядом со мной – бесспорная красавица, – тяжело и страстно дышала, когда пришла её очередь вставать и отвечать на вопросы шефа. Ритм её дыхания рождал в моём воображении недвусмысленные ассоциации и, даже что-то было шевельнулось у меня в... «Гончаров!», – выкрикнул Команданте. Дошла моя очередь.

– Здесь, – встав, чётко сказал я.

– Как нравится работа?

– Кажется, я не очень справляюсь, – решил честно отвечать я.

– На «уголовку» хочешь? – прочитал мои мысли шеф.

– Да, если это возможно, – не стушевался я.

– Любишь сажать людей?!

– Не знаю, но мне точно нравится за этим наблюдать, – не веря своим ушам, проговорил я.

– Знаешь ли ты, что гражданский процесс – это жизнь?! – спросил Команданте, явно цитируя кого-то из «великих».

Я этого не знал. Зато я знал, что чем мельче уголовное дело, тем смешнее подсудимые, но оставил это знание при себе.

– Ладно, – сказал Команданте после паузы. – До декабря потерпи. Хотя, кто у нас там в уголовной канцелярии? – обратился Команданте к Юсуфовне.

– Аделина, – бодро отреагировала Наденька Юсуфовна.

Аделину кинули в помощь уголовникам после того как её судья – Родионов – умер.

– Аделину – в гражданскую канцелярию, Гончарова – в уголовную. С понедельника, значит, там. А с декабря, – станешь секретарём у уголовного судьи, – шеф захлопнул тоненькую папку с моим личным делом.

Я сел на место, не веря своему счастью. Всё-таки трудолюбие – это не залог благополучия, и я это сейчас доказал всем, кто в этой комнате способен был это понять.

Четверг-пяятниииицаааа...

В пятницу я задержался на работе подольше, чтобы переждать пробки. Проходя мимо запертых изнутри дверей зала заседания, в котором «работал» я, сотрудницы слышали звуки выстрелов и окриков типа «... Джэк-джэк, осторожно сзади! Тра-та-та-та-та!!! Дыщ-дыыыщщщ!!!», – я смотрел новый боевик с хорошо сохранившимся Брюсом Уиллисом в главной роли.

Глава 24

Суббота, как всегда, началась с того, что я начал припоминать очередной субботний загадочный сон, но, на этот раз в памяти были совсем бессвязные обрывки. Я пошёл чистить зубы, налёт на языке свидетельствовал о том, что я неплохо выспался. Белки глаз снова стали отвечать своему названию, то есть стали относительно белыми. Я посмотрел в зеркало на свой живот, встал в профиль и, не без удовольствия отметил, что для своего возраста и наследственности, а также ввиду отсутствия каких-либо ощутимых спортивных усилий, форма тела была близка, в моём понимании, к идеальной, за исключением длины ног, – я всё-таки удлинил бы берцовые кости сантиметров на восемь. В конце концов – продолжал рассуждать я – девушки надевают каблуки, чтобы зрительно (странное слово) увеличить длину ног, почему бы парням, которым это действительно нужно, фактически не увеличить длину ног операционным путём?! «А как же естественные пропорции тела?!» – вопрошала меня мама, когда мы обсуждали с ней вероятность такой операции. Тогда я не знал, что ответить, а сейчас подумал про тех же девушек на каблуках, – увеличив длину ног, они же не увеличивают длину рук в угоду правильности пропорций (как известно – длина тела должна равняться расстоянию от кончика среднего пальца правой руки до кончика среднего пальца левой руки разведённых в стороны рук)! Небольшая диспропорция

в угоду эстетики не окажет сколько-нибудь заметного негативного воздействия на опорно-двигательный аппарат, организм не пойдёт вразнос только из-за того, что брюки будут сидеть гораздо лучше. Да и до педалей автомобиля дотягиваться будет не в пример легче, нежели сейчас; например, мой текущий автомобиль вообще не рассчитан на людей с такой комплекцией как у меня, поэтому мне приходится сидеть в «вальжно-скучающей» позе, только для того, чтобы дотягиваться до педалей. Закончив чистку зубов, я пошёл на кухню разогревать свой поздний-поздний завтрак.

Сделав шесть или семь заказом в такси, я заехал в супермаркет, чтобы купить ежемесячно читаемый мной страноведческий журнал, пока искал глазами нужное название на огромном стенде, набрал номер Тони.

– Чём занят?

– Мы едем к шиномонтаж к Стронгу, – отвечивал Тони.

– Я как раз недалеко от него, сейчас тоже подъеду, – ответил я. Так и не найдя нужный журнал (хотя ценник-то я нашёл), я поехал в автомастерскую нашего общего с Тони товарища. Мне как раз нужно проверить давление в шинах, – что-то последнее время руль ведёт вправо.

Когда я подъехал к мастерской, Тони ещё не было.

– Удивительное всё-таки место – Казань, – здесь можно приходить на работу и не понимать язык, на котором разговаривают все твои коллеги, – сказал я Стронгу, когда тот появился в дверях мастерской. – И самое интересно то, что ме-

ня это никак не беспокоит; когда мир будет полыхать в межэтнических войнах, Казань останется тихим островом толерантности.

– Ну, ещё бы, человек ведь не станет убивать половину или четверть себя, как часть ненавистной ему нации. Как работа? Тебе что-то сделать надо? – спросил Стронг, кивая на машину.

– Да ассимиляция – наше всё. Подкачать колёса не помешало бы. – На этой работе имеются варианты для выгодного брака. Если выдать себя за приличного человека и иметь целью продвижение по служебной лестнице, то достаточно легко найти дочку судьи или прокурора, и даже дочку судьи и прокурора в лице одной дочки. За какую задницу не схвати – окажется, что это задница судейской дочки.

– Держи шланг, качай сам, если тебе давление «два» надо, качай до «двух и четырёх», – этот манометр врёт немного, – сказал Стронг, своим всегдашним равнодушным тоном, протягивая мне шланг.

После того, как я подкачал колёса, а они в этом действительно нуждались, я сказал Стронгу: «Не буду тебя оскорблять предложением денег». «Ха-ха – проявил-таки эмоции Стронг – так виртуозно нам ещё ни разу не отказывали в оплате». Тут подъехал Тони со своей девушкой и с ещё одним нашим товарищем. Мы грызли семечки и смеялись над содержанием рекламной странички о секс-приспособлениях в «Экспресс Газете», которую читала вслух девушка Тони.

– Полная имитация женской попы!..

– Ха-ха-ха!..

– Вагина-девственница...

– Ха-ха-ха!..

– Затычка анальная, для стимуляции точки G и проста-

ты....

– Ха-ха-ха.

Да, нам действительно было весело.

– Ну что, официальная часть вечерней прогулки близится к концу, – шепчу я на ухо Тони, намекая на его страсть продолжать веселье в компании других девушек, когда его собственная препровождена домой.

– Не знаю, не знаю, – загадочно отвечает Тони. Это означает: «Конечно, а как иначе!».

Моё личное веселье омрачает мысль о неуклонно приближающемся понедельнике и необходимости в связи с этим идти на работу.

– Может безалкогольного пива испить, – посылаю я сигнал всем.

– Ну, ты извращенец, Поль, – откликается Стронг.

– Почему это? Я же не собираюсь потом эту бутылку... Хотя ты прав, я – извращенец, – у меня даже в ванной стоит не смеситель, а кровосмеситель!

– Ха-ха-ха, – новый взрыв веселья.

Все смеются. Атмосфера тёплая и уютная.

Воскресенье. Я помню, что мне пригрезилось в предрас-

светном сне, – это была моя школьная подруга – Маша Семенович, она училась в классе на четыре года младше нашего, – красавица-еврейка, чёрные выющиеся волосы, чёрные же глаза, тело словно выточено из камня самим Богом Соития. Будучи нимфеткой, она будила желание даже в преподавателях по благонравию. Теперь же, став молодой женщиной, не утратила (я так думаю (поднимая указательный палец вверх на манер советского киногероя) своей сексуальной притягательности для ценителей прекрасного. В этом сне мы, как будто, вместе работали, а после работы встречались, на манер Ромео и Джульетты, для робких поцелуев и нежных объятий. И, как только поцелуи и объятия стали не такими уж невинными – сон был прерван криком Алексашки – девочки-попугая, – они с Инокешкой учинили семейную ссору. Голова раскальвалась. Мысль о том, что завтра понедельник, усугубило и без того нехорошее настроение. В реальной жизни я и Семенович целовались однажды, на моём балконе, после пары бутылок пива... ээ-х, сколько прекрасных возможностей упущено в жизни, – никогда не умел ковать железо пока горячо, но, я жив, а это, по словам Альберта Эйнштейна, – главное условие для того, чтобы быть счастливым; точнее его слова звучали так: «Родиться на свет – главное условие для того, чтобы стать счастливым». Я родился, с этим не поспоришь, а это значит, что надо вставать и чистить зубы.

Глава 25

Понедельник, первое октября. Я уже должен приступить к новой работе, но до сих пор никак не могу «отписать» и сдать в архив свои дела.

Тем временем слушалось интересное дело: на футбольном поле, которые были в совместном ведении детской юношеской спортивной школы и общеобразовательной школы, упали футбольные ворота и насмерть задавили десятилетнего мальчишку. Ни одна из вышеперечисленных организаций не хотела оплачивать заявленный родителями моральный вред в восемьсот тысяч рублей (изначально родители заявили два миллиона). Это было уже не первое заседание, поэтому стороны пришли к негласному решению – половину суммы оплачивает спортшкола, половину общеобразовательная школа. Но, происходила какая-то заминка, кто-то всё время выбегал – созванивался с начальством. А в зале сидело полно человек – представители РАНО, директор одной школы, директор другой школы, тренер по футболу, отец и мать жертвы, представители каждого вышеперечисленного. Судья дремал у себя в кресле, два или три человека сидели ровно, но с закрытыми глазами, помощник судьи спала, положив голову на предплечья, – все ждали пока очередной выбежавший позвонит, вернётся. На ум пришла строчка из Надежды, которая характеризовала наш вялый процесс: «Будем до утра разговаривать, незачем друг друга оспаривать». Я смотрел на родителей мальчика. Видно было, что оба настрада-

лись, также нельзя было обвинять их в том, что они хотят нажиться на смерти своего сына, вчиняя иски всем встречным и поперечным. На лице папаши читалось пристрастие к алкоголю, мамаша же была обыкновенной затравленной женщиной, каких великое множество; однозначно главой семьи был мужчина. Мой ум настроился на кощунственный лад и, я начал фантазировать о том, какие у этих людей планы на деньги. Может быть за этим наморщенным лбом папаши, у которого было время смириться со смертью сына, в этот самый момент бьётся одна единственная мысль, – мысль о новой машине; предположим, он никогда не имел хорошей, а тем более новой машины, и теперь, благодаря смерти сына, ему представится такая возможность. Вот он сидит сейчас и думает: «Угу, я приглядел корейский седан за семьсот тысяч, плюс то да сё, – страховка, дополнительное оборудование – подкрылки, сигнализация с автозапуском, – пусть ещё на полтинник; получается – пятьдесят тысяч остаётся, – я, как следует, кутну; а что, – живём один раз! Интересно, защита картера в комплекте?..» А, скажем, представитель родителей в этот самый момент думает: «Тупой крысёныш сам виноват, – раскачивался на этих дурацких футбольных воротах, на закрепление которых, ответственные люди положили никелированный болт, вот они и пиз...лись!» А директор спортивной школы думает: «Мне до пенсии досидеть всего ничего, случилось же такое на мою несчастную, забитую посторонними вещами, голову». Забегая на два дня вперёд,

скажу, что директор спортивной школы умер от сердечно-го приступа, что с его стороны было очень мило, поскольку продемонстрировало участникам процесса, насколько сильно переживал трагедию сердобольный и чадолюбивый человек. «Разбуди меня через шесть минут», – говорю я помощнице и наглым образом проваливаюсь в сон.

Через какое-то время кто-то из сидящих с краю, не имея подпорки с одной из сторон, уснув, начал падать, – сидящие рядом и сзади кинулись его ловить, тем самым встрепенув сонную атмосферу заседания.

Позже в тот же день. Что это такое, мать твою!.. Уже на второй рубашке обнаруживаю пятно на рукаве; какие-то жёлтые точки, – может попугаи нагадили?! Собирался застирать рукав по приходу домой, но этому не суждено было сбыться, – как всегда перед заходом в квартиру, я пошёл отжаться на брусках и подтянуться на турнике; делая последние разы на брусках, я услышал звук разрывающейся ткани, «хоть бы это была, порядком надоевшая за семь лет носки, куртка», – загадал желание я, но, это была моя новенькая, голубая в белую полоску, рубашка, это я узнал по приходу домой, тщательно исследовав куртку. Рубашка начала рваться в районе второй пуговицы сверху, ну, верхнюю пуговицу без галстука не застёгивают (сейчас застёгивают, знаю), как известно. Надо бы покупать размер «s», а не «xs»! Но, что делать, если «s» великоват?!

Вторник. Еду на метро, – моя сумка совсем сломалась, до-ехал на ней только до ближайшей ко мне станции. Выхожу на поверхность, обнаруживаю, что вышел не с той стороны от автобусной остановки, матерюсь и, преодолевая боль в спине от тяжелой сумки с ноутбуком, плетусь по верху к автобусу, – мне необходимо проехать всего одну остановку до суда. Кондуктор спрашивает деньги за билет как раз в тот момент, когда двери автобуса открылись на моей остановке; сделав каменное лицо, я выхожу, не заплатив, – мелочь, а приятно. Вижу – рядом идёт помощница, которая подсаживалась ко мне в кафешке, помните? «Привет», – кричу я. «А, Поль, привет!». На ней джинсы-клёши (!) и кроссовки. «В суде переодеваешься», – задаю я риторический вопрос, вперив взгляд на кроссовки. «Да, всегда», – отвечает помощница. Отмечаю про себя, что в этом одеянии она уже не выглядит так привлекательно, как в классической одежде и на каблуках-шпильках. «Опоздываю на совещание», – поддерживает разговор она, – «ещё переодеться надо успеть». До девяти утра остаётся пять минут, мне этот факт почти безразличен. «Если ты в этот момент должна бежать, в буквальном смысле, – не стесняйся, я один дойду», – уловил я её настрой. «Тогда увидимся, я побежала». И она побежала, несколько раз скрывшись из поля моего зрения за объектами городской инфраструктуры и вновь появившись из-за них. Мда, в «классике» совсем другая фигура...

«Отписывание» дел подходит к концу, скорее всего, сегодня – последний день моей работы в этом судейском составе, завтра в уголовную канцелярию. Что-то я уже привык быть здесь, а там – неизвестность.

Время обеда. Пытаюсь перейти проезжую часть, чтобы дойти до кафешки. Рядом со мной тот же манёвр хотят совершить двое полицейских, оба по габаритам выглядят как полковники, – внешние различия формы и количество звёзд на плечах мне ничего не говорят, надо бы выучить на досуге. Вдруг один, обращаясь ко мне, спрашивает: «А где здесь парикмахерская?». Я знал, где парикмахерская, – она находилась немного ниже по улице. Вчера, когда я собирался ехать с работы на своей уже полторы недели как неисправной машине (сломалась печка и, окна запотевали, конечно, не считая того, что из носа капало от переохлаждения) и, как всегда взяв «заказ» в сторону дома, мне, уже второй раз, пришёл заказ из этой парикмахерской. Сотрудницы в восемь вечера заканчивали стричь людей и разъезжались по домам. Все трое жили неподалёку от меня. Мы вполне могли пересечься в обеденный перерыв в кафешке или просто на улице. О чём это я?... Ах, да, о полицейских! Оба были лысые как колени пловцов. «Где здесь парикмахерская?». «Там», – показал пальцем вниз по улице я. Напрашивалась хохма. «А зачем она вам?», – должен был спросить я. Но, не буду врать, не спросил. Момент был упущен.

Еду на метро. Запотевшую машину оставил около бли-

жайшей к дому станции. Стою на одной ноге со всех сторон подпираемый согражданами. Читаю Дж. Дж. Конноли «Слоёный торт», много раз смотрел фильм, снятый по этому его произведению; как и ожидал – книга отличная. Интересная фраза: «Чечня – это русская Сицилия, только в десять раз хуже», – и это пишет английский писатель! В фильме чеченские дельцы были заменены на африканских. Похоже, что наши «кавказцы» достали весь цивилизованный мир. Пытаюсь почувствовать гордость за нашу «самость», но... нет, похоже, я не такой уж дурак. После просмотра фильма «Корсиканец» с Жаном Рено, я начал думать о Казани, как об острове, где царят «корсиканские» нравы. Даже подумывал о написании сценария для фильма на эту тему, конечно в жанре «китч». Моя станция, – не Бейкер Стрит, а Козья Слобода... стрит.

Глава 26

Четверг. Я, опоздав на пять минут, забежал в здание суда. Поднялся на этаж, где находится канцелярия по уголовным делам, но сразу туда не пошёл. Сначала решил сходить в туалет, – почистить пёрышки. Наконец, зашёл в канцелярию, поздоровался с работницами, про себя заметив, что их попы не такие уж большие, как о них отзывались их коллеги. Они не понимали, – кто я такой и что забыл у них. Я сказал, что с сегодняшнего дня работаю у них. Начальница, как я понял по её манерам, спросила: "Кто сказал, что ты ра-

ботаешь у нас?" "Я сам решил – и вот я здесь", – выдержав паузу и, всё же хихикнув в конце, ответил я. "На самом деле, председатель определил меня к вам". "Сейчас узнаю", – мрачно произнесла она и начала набирать номер, зажав телефонную трубку плечом и не сводя с меня, без преувеличения, ненавидящего взгляда. Я стоял в ожидании, сложив руки на ремни перекинутой через плечо сумки. "Ладно, садись", – так никуда и не дозвонившись, сказала начальница отдела. "Вот тут у нас незанятое место", – указывает на рабочее место, – на кресле висит форменный женский пиджак, а стол выглядит так, будто работник вышел на минутку, разве что горячий кофе не стоит рядом с открытым клеем. Я сел, достал из сумки художественную книгу и углубился в хитро-сплетение сюжета. Вообще, нужно сказать пару слов об уголовной канцелярии. Загруженность уголовной канцелярии соответствует загруженности уголовных судей, а поскольку уголовные судьи проводят в день не более двух заседаний, то работницам (а это женщины) соответствующей канцелярии ничего не остаётся, как надоедать своим родным и близким бесконечными звонками с рабочего телефона и... жрать. Да, жрать, кушать, перекусывать, есть, пить чай с «чем-нибудь вкусеньким», замаривать червячка и так далее. С приобретением стажа в трудовой книжке, работница уголовной канцелярии приобретает килограммы на теле. Начальница канцелярии имеет самый большой стаж, а значит она весит больше других. Таков закон. Мне нравится начальница уголов-

ной канцелярии, потому что она похожа на Вуди Харельсона, а я люблю Вуди Харельсона. Но вот что я не люблю, так это запах, стоящий в уголовной канцелярии. Запах здесь закономерен, – сотрудницы любят есть, значит, притаскивают с собой еду. У них есть микроволновка, но нет холодильника и, вечно сломан кондиционер. Отсюда местная поговорка: «Перед уголовной канцелярией не надышишься». Конец.

"Иди в двести шестой к Мустафину, – там будешь помогать". Я переварил информацию, взглянул на часы, – прошёл час с тех пор как я заступил на службу в уголовную канцелярию. Дочитал художественную литературу до точки, оторвал от кресла затёкшую задницу, перекинул через плечо ремень сумки и спустился на этаж ниже. "Делаю карьеру", – мысленно усмехнулся я. Так-так, двести шестой..., фамилию, следующую за этим номером я уже забыл. Вот он – двести, мать его, шестой, фамилия – Мустафин, судья... Только бы не гражданский. Я довольно сильно стукнул в дверь три раза и толкнул её от себя. Сразу за дверью справа сидела женщина-полицейский. "У нас процесс", – прошипела она мне в щель приоткрытой двери и прикрыла дверь, прикрыла тихо, но яростно. Я отвалил в сторонку, сел на ближайшую скамейку и продолжил чтение, попутно отметив, что судья таки по уголовным делам. Этот факт приподнял мне настроение. Оторвав на мгновение глаза от книги, я взглянул на сидящее напротив существо. Пишу Аркадию: "Напротив меня в коридоре сидит персонаж фильма "Довольно добрый чело-

век", – та колоритная алко-бабушка, которая заставляла себя трахать Скарсгарда". Дождавшись отчёта о доставке, я продолжил тайком рассматривать "алко-бабушку". Чёрт возьми, как всё-таки похожа! На шее у неё висел клатч из кожзаменителя, на ногах были грязные белые кроссовки на множестве липучек. Ключи от квартиры и домофона висели на ремне клатча. Причёска сохраняла следы утренней укладки, – фен плюс лак для фиксации! Видно было, что она готовилась к сегодняшнему "выходу в свет". В руках паспорт, значит свидетель по делу. Продолжаю чтение.

"Отойди в сторонку, парень. Ну, быстрее. Прижмись к стене!", – откуда-то взявшийся полицейский, настойчиво просит меня переместиться в другой конец коридора и подпереть собой стенку. Для ускорения понимания просьбы-приказа, полицейский резиновой дубинкой указывает направление, в котором я должен метнуться. "Вас тоже касается", – почти кричит он, наклонившись к уху "киноактрисы". Когда наши с актрисой тела ускоряются в заданном направлении, со стороны лестницы появляются ещё два копа, между ними идёт усатый мужчина с заведёнными за спину руками. Когда процессия скрывается за дверями, в которые несколько минут назад тщетно пытался пройти я, первый полицейский говорит нам с «актрисой» нарочито вежливым тоном: "Присаживайтесь, уважаемые".

Где-то через полтора часа процесс закончился, и я попал внутрь. Поздоровался с судьёй и девушкой-секретарём.

Узнал, что помощник судьи на больничном. С едва скрываемым удовольствием выслушал, что работы для меня де практически нет, и, устроившись поудобнее на свободном кресле, продолжил чтение художественной литературы. За пятнадцать минут до обеда зашёл сотрудник, мытьё костей которого я был слушателем две недели назад. Ну, помните, – тот прилежный мальчик без личной жизни, который со дня на день должен был стать судьёй благодаря высокой протекции, уму и трудолюбию. Он вальяжно сел на угол стола и, набрав побольше воздуха в узкую грудную клетку, начал допрос меня...

Сначала этот ковбой прошёлся по "моим университетам", – где, когда, сколько, в каких именно, в каких городах. Получая ответ на каждый следующий вопрос, он неизменно повторял: "Ну, всё понятно". Между нами говоря, он не производил впечатления человека, которому всё понятно, может кое-что ему и понятно, допускаю, что понятно многое, но никак не всё. К тому моменту моё настроение уже вернулось в негативную норму и мне хотелось придаться к словам, но я этого не стал делать, чтобы не было стыдно впоследствии. Я уже неделю назад заметил, что мальчик изменился, – если до приказа о назначении судьёй он больше походил на амёбу, которая заискивающе тянула ложноручку каждому встречному в коридоре стажёру, то после приказа в его облике и манере держаться появилась не вооружённым глазом заметная твёрдость, черты лица, ранее размытые, об-

рели какой-никакой контур, рукопожатие стало – не соврать – на пятнадцать процентов крепче, голос заметно меньше дребезжал и мямлил. "Тебе много лет для выпускника этого года. Как так произошло?", – продолжал допытываться "мистер-без-пяти-минут-судья (МБПМС)". "Наверное, менял регион или брал академический отпуск?" Что подразумевает МБПМС под словом регион. Регион автомобильных номеров? "Да, я переезжал", – не стал цепляться к терминологии я. "А здесь с кем живёшь, один?" "Живу в квартире матери". "А, с мамой, с матушкой, всё понятно". Секретарь сидела рядом и, как собачка на передней панели автомобиля, покачивала головой, внимая вопросам и ответам. Я нашёл взглядом на столе секретаря шило для подшивки дел и представил, как чётким отработанным движением хватаю его и, без малейших эмоций на лице, вгоняю в глаз Мистера Послезавтрашнего судьи по самую рукоятку и, пока секретарь продолжает по инерции качать головой не понимая ни хрена что происходит, я вытаскиваю отвёртку из глазницы и, вторым, не менее чётким движением, меняю местоположение шила с головы мальчика на горло девочки; на этот раз я оставляю заточенную отвёртку по месту её последнего нахождения, опускаюсь в кресло; из глаза фонтаном бьёт кровь, как в фильмах Тарантино. На всё уходит четыре с половиной секунды, с началом пятой оба тела падают; я бросаю мимолётный взгляд залитым чужой кровью глазом в объектив камеры, вытираю кровь со своих губ, так, как будто это

сахарная пудра от пирожка – надеюсь, никто из вас, коллеги, не был болен чем-то ужасным... Кинокамера поднимается под потолок, играет припев из песни группы "Vacuum" "Let the mountain come to me":

*Let the mountain come to me,
That's how it's got to be
Let them come to me.
Let them come to me.
Bring rain and thunder
To my throne,
I'll do it all alone;
Let them come to me,
Let them come to me,
Bring them home to see...*

"У меня было три версии, почему ты только в этом году закончил институт. Если бы ты сказал, что не переезжал, то я бы спросил, – не был ли ты женат?", – вырвал меня из сладких грёз тихий, но властный голос ковбоя.

– И тут вы угадали, – я был женат.

– И что? Вы развелись?!

– Да.

– А почему вы развелись? – подала голос секретарь.

– Не было какой-то особой причины.

– А мне вот двадцать девять лет и я никогда не был женат,

даже не знаю что это такое! – вновь заговорил ковбой.

– Ну, какая причина? Какая причина, что вы развелись? – не унималась секретарь. И тут я, признаться, слегка сдал: «Господа, я зашёл в этот кабинет пять минут назад, я не знаю имён половины из вас и, если вы думаете, что я сейчас вам начну рассказывать подробности взаимоотношений со своей женой, то подумайте ещё раз». Надо отдать должное их непробиваемости. Выслушав и усвоив эту тираду, они продолжили с того места на котором остановились.

– А какая разница в возрасте была между вами? – ковбой.

– Около десяти лет.

– А, тогда всё понятно. Это получается, что ей сейчас тридцать пя...

– Да, наверное, – с искренним равнодушием сказал я.

– Очень жаль, что ты так ошибся, – безапелляционно сказал он.

– Я не ошибся, всё прошло хорошо, – меня начало потряхивать.

– Я вот не тороплюсь с этим делом, потому что тоже боюсь ошибиться.

Нет, это что-то невозможное!

– Я подчёркиваю!... Подчёркиваю жирной линией, – я не считаю, что я ошибся. Люди женятся и разводятся – это не трагедия, даже напротив – большое счастье, – я начинаю выходить из себя из-за этих дураков, и из-за этого злюсь на себя. Пришла на ум цитата из последней прочитанной мной

книги: «Будь осторожен не только, когда рассказываешь о себе, но и тогда, когда задаёшь вопросы другим». Многих и многих моих случайных собеседников обескураживала моя излишняя откровенность. Так произошло и сейчас.

– Где тебе нравится больше работать: на «гражданке» или на «уголовке», – как бы давая понять, что это последний вопрос, спросил ковбой.

– Буду с вами откровенным: мне не нравится работать вообще, – я сознавал, что до Команданте будет донесена моя жизненная позиция по этому вопросу.

– Да... Ты очень откровенен, – только и ответил он. Было видно, что бедный мальчик поражён. Сказать такое – всё равно, что чертыхнуться в разговоре с Папой Римским.

– Мне надо выйти, прошу прощения, – сказал я, бросив прощальный взгляд на торчащую из органайзера рукоятку отвёртки.

В обеденный перерыв я, как всегда, пошёл в кафешку напротив прокуратуры. По дороге написал сообщение Тони: «Помнишь, я рассказывал тебе про девочку-красавицу, которую подозревал в том, что она родом с острова Лесбос (армянский выучила от подруги-однорукницы)? Ну, так вот, – вчера прохожу турникет, чтобы домой уйти, и она идёт с подругой (не с армянкой). Подруга – ну прямо как мужик выглядит, – походка, стрижка, одежда, Беломор... Приятно, когда подтверждаются предположения, особенно смелые! До вечера».

Спустя сутки и ещё четыре часа. После рабочее дня, по дороге к метро, я подумал, что неплохо бы затуманить крышу лёгкими или не очень наркотиками, потому что напряжение последних дней требовало разрядки. Набираю номер бывшей одноклассницы Муси.

– О привет, хорошо, что ты позвонил, я как раз собиралась тебе набрать...

– Му...

– У моего работодателя расширяется бизнес и, требуются новые сотрудники в новые магазины. Я сразу о тебе подумала. Надо дать ответ в течение трёх, максимум четырёх дней. Подъедешь ко мне на работу не позже семи?

– Я постараюсь, спасибо...

Мда, конечно лестное и заманчивое предложение, – там зарплата раза в три с половиной-четыре больше, чем моя сейчас. Подходя к метро, я уже понял, что увольняться с госслужбы не собираюсь, поскольку работаю здесь не ради денег, а ради... чего-то... неуловимого, чего ещё не понимаю.

Сегодня надо бы поработать ради денег. Пишу Аркадию: «Ты сегодня будешь дома часов в двадцать два?». Аркадий: «Понятия не имею». «Ответ не мальчика, но мачо!» – острою я. Снова сообщение от Аркадия: «Я помню чудное мгновение...» – неделя Пушкина на Яндексe. «Я качал и горбатил, затем кончил и откатился...» – неделя Буковски на Яндексe». Я искренне посмеялся.

Глава 27

– Что заслужил, то и имеешь!

– А чёрт! Ну и много ты заслужила, дура чёртова! Идиотка!

– Ты в точности как дядя Слава, он так же с матерью разговаривал! Тоже весь такой начитанный, не уважает никого! Книжки должны доброте учить!

– Мне нечего тебе ответить, кроме того что ты дура! И не сравнивай меня с дядей Славой, с этим еб..ну..ым ослом!

Звоню папе. Говорю с отцом. «Я готов на самую грязную работу для Команданте за хороший гонорар, неужели у него нет подобных халтур?!» Отец молчит. Считает меня дураком, не иначе.

Час спустя.

– Мы уже четыре дня не можем дозвониться до тёти Вали, – мама имеет в виду родную сестру моей бабушки.

– Надеюсь, она сдохла. Квартира, чур, моя.

Кстати, я давно "облизывался" на её жилплощадь, – двухкомнатная "хрущёвка" в пятнадцати минутах ходьбы от суда. Комнаты не проходные... Балкон... Железная дверь. Ладно, сегодня суббота, надо бы поработать извозчиком на благо будничных обедов.

Ещё час спустя.

– Давно ты в такси, братишка?

– Почти два года.

– Почти два года, да... Ну и как, получается?

– Более или менее.

– Более или менее, да...

Блин, очередной, мать его, мудила. Ещё едем чёрт знает где, грунтовка...

– Далеко ещё, дяденька? Что-то следов цивилизации не видно.

– Да не дрейфь ты! Почти приехали... Там где у меня дача открывается вид на дачу нашего президента, прикинь!

– Ого! Выдели старика? – меня эта тема почти заинтересовала.

– Видел, ёпт! Однажды сижу в своей лодке с биноклем, смотрю в бинокль и вижу на другом берегу двух мужиков и собаку, и кто бы ты думал один из них?!

– Бабай?!

– Точно, ёпт!

– А издалека – собака собакой?! – я повернулся к себе-седнику, чтобы прочитать на его лице реакцию на шутку.

– Говорю же тебе, – два мужика! Один из них и был Бабаем! – его лицо не отразило понимание юмора.

«Ну и дурак», – решил я.

К счастью, через десять минут мы действительно приехали и, я отправился в обратный путь. Первый же заказ забросил меня в леса, а потом в поля под Казанью. Речи не было, чтобы ждать заказа из этой глуши в сторону города, поэтому я снялся с линии и сосредоточился на иллюзии буквально-го одиночества, – это когда ни единого человека нет в поле

зрения, – отличная возможность попытаться почувствовать себя частью даже не планеты, а Вселенной. Я остановил машину посередине поля и стал вглядываться в небо. Открыл окна. Вдохнул холодный воздух полной грудью. Бездонное звёздное небо не заставляло чувствовать себя песчинкой в пустыне мироздания, напротив, я почувствовал себя ровно половиной всего сущего, было только бескрайнее холодное мудрое ночное небо и я. В этот момент я и небо были равны. Мы сидели на качелях оси Земли и уравнивали друг друга. Я подумал о смерти и о том, что любые два человека никогда не поймут друг друга до конца. Разочарование в других и в себе – наш вечный удел. Началось. Горячие слёзы "на три части поделили лицо". Слёзы по всем несбывшимся надеждам всех когда-либо живших людей. Слёзы ни отчаяния, ни облегчения, ни радости, ни печали, просто слёзы Слёз. Слёзы за всю человеческую Глупость. Сейчас могу себе позволить этот пафос.

*Girl, you'll be a woman... soon
I love you so much, can't count all the ways
I've died for you girl
And all they can say is
"He's not your kind"
They never get tired of putting me down
And I'll never know when I come around
What I'm gonna...*

(С тех пор как мобильники научились читать mp3, эта песня стоит у меня на звонке).

Звонок телефона вырывает меня из грёз. Это мама:

– Это я. Ты работаешь? Мы не смогли достучаться. Вызвали мили... полицию... В общем, мент перелез с балкона соседней квартиры...

– Давай быстрее! (Я безумно хочу курить, но не буду, – я, типа, бросил).

– Тётя Валя умерла.

Я выдохнул, сложив губы трубочкой. Лёгкая улыбка коснулась моего лица.

Глава 28

Понедельник, восьмое октября две тысячи десятого года; до Конца Света остаётся немногим больше двух лет. Я бы не хотел умирать со всеми за компанию, но посмотреть на смерть человечества не откажусь, особенно на телевизоре с хорошим разрешением. Я желаю подойти к собственной смерти с эгоистической позиции. Моя смерть – это моё личное дело и, я не хочу, чтобы кто-либо подглядывал за этим таинством. Ещё мне нравится испанская шутка, которую я прочитал у Хэма: «*Нау que tomar la muerte como si fuera aspirina*», что означает: «Смерть нужно принимать, как таблетку аспирина». Ха, «муэртэ» – «аспирина». Если всё пойдёт по плану, то когда-нибудь я приму эту «таблетку».

В туалете на нашем четвёртом этаже закончилась вода. И, так как коллектив состоит почти сплошь из одних татар, – подозрение пало на судью Вакс.

Обед. Стою в огромной очереди в кассу кафешки. Пишу Аркадию: "На Земле так много людей, что самый дорогостоящий фильм – это фильм с сюжетом, в котором остался один человек на свете". Ответ: "Минимум массовки при максимуме затрат". Что бы это значило. Беру еду, иду есть. Я сюда хожу не ради кухни, хотя она неплоха, а ради телевизора, по которому крутят русские видеоклипы. С каждым днём мне всё больше нравятся эти клипы. Среди моря попсы (к которой я отношусь хорошо) и рэпа (тоже «нра») встречаются клипы группы "Пилот", Кипелова, Чичериной и других. Сейчас играет "Каста", в клипе поётся о том, что необходимо мечтать, не бояться мечтать, что жизнь обязательно предоставит возможности для реализации целей. В этом клипе снялось множество знаменитостей, – резиденты Комеди Клаб, актёры, автор "Духлес"а промелькнул; ах, Эн... меня вдохновил видеоряд и основная мысль. Я сказал себе: "Да. Всё в твоих (ну, то есть в моих) руках. Каждый кузнец своего счастья и... сервопривод своего багажника, чего?!.." Понятно, короче. Сальные прокурорские рожи брали еду с собой. Худошавые работники весов и повязки ели здесь... Все жевали и глотали, каждый мечтал о своём.

Вторник-вторник-вторничек. Я вышел из дома «без два-

дцати минут как должен зайти в здание суда». О поездки на метро не могло быть и речи, поскольку шансов успеть доехать, за столь короткое время, на данном виде транспорта не было вовсе. Я резонно решил не заворачивать на парковку супермаркета, где я обычно бросаю машину, чтобы дальше ехать на подземке, а рвануть что есть мочи вперёд. Врубив на полную громкость некогда чертовски популярную певицу (а ныне культовую) Надежду, я перестроился в крайне-крайне-крайне левый ряд (в протоколах ДПС он называется полосой встречного движения), выжал из третьей передачи коробки восемьдесят километров в час и подпевал: «Ты ж одинокая, одинокая... Ты же жестокая, ты жестокая... ну что ты нашла в неёёёём!». Опоздав всего на три минуты, я вновь ощутил преимущество беззакония перед законом.

Вчера меня поставили перед фактом, что первое судебное заседание, назначенное на десять утра – моё, то есть мне предстоит писать протокол и производить все остальные манипуляции с делом вплоть до подшития и сдачи в канцелярию; я уже было занёс «пишущую длань правосудия» над клавиатурой, чтобы накропать первые строки, как раздался телефонный звонок из общего отдела, – это была Наденька Юсуфовна: «Гончарова на третий этаж в кабинет триста три, – секретарь не вышла на работу...». Я одновременно воспрял духом, поскольку ушёл от работы и скис пред лицом неизвестности. Мною заткнули дыру в штатном расписании. Секретарь, слава Богам, уголовного судьи, внезапно не при-

шла на работу, как это похоже на меня лет шесть назад. Судья – умеренно или сильно пьющая бабушка с требующими покраски волосами. Забегая вперёд – скажу, что в конце дня я почти влюбился в неё, а потом возненавидел.

– Фамилия, – спросила судья.

– Гончаров, – ответил я.

– Инициалы.

– П. П.

– Имя и отчество полностью.

– Павел Павлович.

– Как тебя называть.

– Поль Анри Гольбах!..

– Чего-чего?!..

– Поль.

– Это ещё, почему так? – её подпитое лицо нависло тучей над моим рабочим местом.

– Ну, это извечный вопрос...

– Для меня нет, – ей явно были не по нраву мои ужимки.

– Это не я придумал, ещё с детства родители меня называли «Поль», наверное, чтобы на зов мамы из кухни, мы с отцом оба не бежали, – как можно серьёзнее проговорил я.

– Поль, так Поль, – она удовлетворённо кивнула.

Первое заседание было ничем не примечательно, кроме того что подсудимый был героиновым наркоманом и болен гепатитом с латинской литерой «с».

Второе же заседание было очень интересное. Пишу Арка-

ше: "Мне сказали, чтобы я больше не нёс "отсебятину" в протоколах, особенно ничего связанного с совращением малолетних, особенно в делах о перепланировке квартир", – это так, смеха ради. Потом как можно короче пытаюсь передать суть дела, секретарём, на слушании которого сейчас тружусь. "Обвиняемый-50 кг., 165 см. Потерпевший- 120 кг., 198 см. Арматура vs переносица. Счёт 1:0". Ответ Аркаши: "Как говорил Шукшин: «мал клоп...»"

Пока идёт оглашение письменных материалов по делу, я пишу ещё одно сообщение Аркадию: "Обвиняемый – копия Аарон Экхарт, только меньше в два раза. Не-не, – эмбрион Экхарта! Не-не-не, – сперматозоид Экхарта под микроскопом, ха!". Только Экхарт – благородный человек, а глядя на этого пассажира, вспоминаешь плевок.

Помощница судьи была бы не живая, если бы не завела со мной дурацкую беседу о своих дурацких детях. Спустя несколько реплик она возмущённо сказала: «Как можно не любить детей, – ведь это лучшее, что есть в жизни!»

– Мои соболезнования, если вы так считаете, – с каменной рожой вымолвил я и, пока она не отошла от шока после услышанного, продолжил:

– Дети – это самые злые и опасные существа на планете. То, на что способен человеческий детёныш – не способно больше ни одно существо. Жестокость, глупость, жадность, жажда убийства и много другое, – и ещё всё это помножьте на бессмысленность в сотой степени беспричинности. А ва-

ша слепая и тупая родительская любовь – не что иное как врождённый инстинкт создания невинной и идеальной копии себя. А такой акт жестокости, как дарение ребёнку животного, – равносильно медленной казни последнего. Вот, в общем, то немногое, что я думаю о человеческих детях. И если уж допустить в виде исключения из здравого смысла любовь к людям, то можно полюбить зрелого человека, который путём невероятных усилий над собой, в течение всей своей жизни боролся с врождёнными демонами, но никак не ребёнка. Круги ада начинаются с яслей и заканчиваются вторым курсом института, не раньше. Хотя, что я знаю, – у меня же нет детей.

Работница молчала.

На обратном пути, поскольку я был при автомобиле, взял заказ в сторону дома. Путь до клиента проходил как раз через квартиру новоприставившейся рабы божьей Валентины. Бросив короткий взгляд на тёмные окна третьего этажа, я мысленно проговорил: «Я тебя запомнил, квартирочка, ты будешь моей...» Бляха-матрёха, – как же близко от этой жилплощади до моей конторы... Я представил себя идущим ранним утром пружинящей походкой в сторону суда из собственного жилища, иду по тротуару, мимо витрин магазинов, мимо цветочных киосков, мимо заведений сервиса и досуга, иду вдоль огромной автомобильной пробки, – Порши и Мазерати стоят как вкопанные, а моё движение неумолимо. Все прохожие смотрят на меня и радуются, а я так подмиги-

ваю каждому – мол, на транспортных расходах экономлю.

Глава от рассказчика

«Любовь – это купаж разного рода страхов»

Поль Гончаров

Вид с высоты птичьего полёта. Так-так, где же этот автомобиль? Нет, так не пойдёт, пусть будет вид с высоты полёта насекомого. Синий автомобиль подъехал к платной медицинской клинике и включил аварийные огни. Через восемь минут из платной клиники вышла девушка и села на заднее сиденье синего автомобиля. Аварийные огни отключились и машина тронулась. Время вечернего часа-пик. В ту сторону, куда направился синий автомобиль, была значительная пробка. Так как лучшего пути не было, автомобиль занял своё место в пробке. Туда – красные огни, обратно – белые огни. Камера снижается и останавливается напротив лобового стекла. Через немного запотевшее стекло, мы видим водителя, который разговаривает по телефону. На заднем сидении мы видим пассажирку, которая разговаривает по телефону. Через сорок минут с того момента как машина отъехала от клиники её правая задняя дверь открылась и девушка вышла. Синий автомобиль резко принял с места и через пять минут подъехал к торговому центру. Ещё через две минуты на переднее пассажирское сиденье машины села высокая худая девушка с большой сумкой через плечо и средней величины сумкой в руке, вероятно для ноутбука.

Вид с заднего сиденья автомобиля, – зритель может видеть правое ухо водителя и левое ухо пассажирки, а когда собеседники поворачиваются друг к другу лицами – зритель может видеть их профили.

– Перекурим, – тот человек, что слева.

– Конечно, – отвечает человек справа.

После молчаливого перекура, человек слева завёл машину и повёл её на северо-восток.

– В этой одежде ты похож на судью-хипстера, – человек справа.

– Не люблю ни тех, ни других.

– Кого ты вообще любишь?

– Хоббитов.

Машина заметно прибавила скорость. Загорелся жёлтый сигнал светофора, машина отреагировала резким ускорением и, перед самым носом встречных автомобилей, ушла влево.

– Да ты гонщик, – человек справа.

– Ну, так!.. Таксистский опыт плюс иллюзия вседозволенности... Плюс красивая девушка рядом. Ах да, зацени, что я слушаю последние полторы недели. Некогда суперпопулярная певица, а ныне, с моей лёгкой руки (ха-ха, я обладаю таким полномочиём), обрётшая статус «культовая», – Надежда.

– А, Надежда, знаю-знаю такую. Ты ведь в курсе, что она из Казани?

– Да ну!?

– Ну да. Соседка знакомого моего одного знакомого. Вульгарная гопница, больше ничего.

– Вульгарная гопница!.. Так-так... Да знаешь ли ты, что «вульгарная гопница» – это один из моих фетишей, может быть даже на равне с туфлями на прозрачных каблуках и даже брючного костюма на точёной фигуре стервы-офисменеджера.

– ?..

– Знай. Ладно, поставлю тебе какую-нибудь песенку из моих любимых. Ну, вот например.

«Мы расстаёмся в сто первый раз...», – зазвучало из динамиков.

– Как творчество Эда Вуда, – сразу не понять, – наклонившись к собеседнице, перекрикивает музыку водитель, – Вот смотри: "Без любви плохо-плохо, плохо-плохо, у-у-у; от любви плохо-плохо, плохо-плохо", – ну кто сказал лучше?! Или вот ещё: «Нужно ли сидеть без дела, если есть хоть... сантиметр тела». А? Чёрт возьми, я думал она из Ростова!..

– Это что? Намёк такой?

– Нет-нет! Я намёками не говорю. «И я ложь, ложь не понимаю...»

– Всё-всё, я поняла – ты большой поклонник творчества певицы Надежды.

– Точнее не скажешь. Певицы и автора!

Камера вновь следит за автомобилем с высоты полёта на-

секомого.

Спустя десять минут отчаянной гонки, синяя машина заворачивает во двор. Камера около открытого окна водителя.

– Я рада, что эта работа тебе нравится.

– Нет-нет, мне не нравится эта работа, просто эта работа меня... вдохновляет что-ли...

– Как бы то ни было, в прошлый раз, когда мы виделись, ты выглядел как раздавленная помидорка, а сейчас бодрячком.

– Ага, «догоняй кетчуп»...

– Точно, «догоняй кетчуп».

– Сейчас я ещё больше раздавленный, чем в прошлый раз. Одна надежда на то, что заболею и возьму больничный на недельку, если не отдохну, то сгорю нахер!..

– Ну ладно. В общем ты понял, в чём заключается работа, если надумаешь – звони.

– Да-да, понятно... Мусь, я хотел спросить насчёт перезагрузки мозга... Может, на днях сбалансируем «кислотно-щелочной баланс» или хотя бы гашиш?

– Я давно уже не «балансировала». Посмотрю, что можно предпринять. Я тебе, кстати, рассказывала про одну девочку, которая после приёма ЛСД повредила умом: больше не могла работать и общаться с людьми, испражнялась, не контролируя (и вообще не замечая) этот процесс...

– Просто душа покинула тело, наверное...

Пассажирка вышла из машины, открыла заднюю правую

дверь, взяла большую сумку, перекинула её через плечо, взяла маленькую сумку в руку и сказала: «Поль, представь, что ты уже умер». Захлопнула дверь, быстрым шагом направилась к подъезду.

– Да.

Водитель нажал кнопку вызова на телефоне. На экране высветилось имя: «Эн». Выслушав семь длинных гудков, водитель синей машины сбросил вызов, грязно безадресно ругнулся и вывернул из двора налево.

Глава 29

– Поль, иди на обед. Ха! Поль, хватит спать, иди есть.

– Я давал отдых глазам, – прохрипел я, борясь со спазмом в горле. – Очень удобное кресло, спинка выше головы...

– Ну, понятно.

– Надеюсь, я не храпел, когда... давал отдых глазам?

– По крайней мере, мы не слышали.

Обед прошёл, оставив чувство вины и тяжесть в желудке. Начинается последняя серия вчерашней комедии "про арматуру и переносицу". Я звал Тони на это заседание в качестве слушателя, чтобы он ощутил когнитивный диссонанс, но он не пришёл. Вспомнился анекдот: "Встретились медведь и муравей, слово за слово, медведь по морде получил".

– Ну и что там дальше? – спросила помощница, помолчав.

– О чём это вы?

– Ну, медведь получил...

– Всё, чёрт возьми.

Actione! «Я просто испугался, ваша честь, поэтому, случайно нанёс удар потерпевшему по лицу». Права пословица: «самый опасный человек – это тот, кто боится собственной тени». Если верить этой пословице – я очень опасен.

Всё идёт по процессу. Всё прошло по процессу.

Четверг. Вхожу в здание с пятиминутным опозданием. Жалею, что не опоздал на десять, – на встречу выходит Команданте. "Здравствуйте", – промямлил я. Шеф не ответил, только придавил взглядом. Приставы на входе жестами изобразили взгляд на часы и наказание в виде полового насилия, имея в виду то, как шеф наказывает меня.

Я взмыл на третий этаж, хотя необходимости в этом никакой не было. Первое на сегодня заседание начиналось через пятьдесят пять минут. Отойдя от стресса, я, уже восседая на рабочем кресле, спросил помощницу о том, какое дело рассматривается. Получив нужную информацию, я нашёл бланк и напечатал вводные данные. Подсудимые являлись азербайджанцами и нуждались в переводчике. В свою очередь мы нуждались в переводе того, что переводчик переводил, по его мнению, на русский язык. Суть дела была в драке между представителями коренного населения Казани и некоренного населения Казани.

– В ресторане произошла драка, – шепчет мне на ухо помощница.

– А... И кто победил?

– Очевидно, что азербайджанцы победили, – покачивая причёской руссоаффо красного цвета, сказала она.

– Странно, я думал, победителей не судят, – не в силах отвести взгляд от её головы, задумчиво проговорил я.

Допрос первого подсудимого доказал, что недостаток словарного запаса может запутать обстоятельства дела не хуже избытка слов.

– Пётр, вы записали: "...не могу сказать, куда бил потерпевшего"?

–Поль!

Минуту спустя.

–Пётр, значит вам понятно, что "...кто-то лежал на земле, но был ли это потерпевший, я сказать не могу".

–Поль!

Минуту спустя.

– Пётр, ясно да, что "...я и семеро моих друзей пытались защититься от потерпевшего".

–Да-да, записал.

В общем, что такое «имя»? Просто произнесённый голосом звук, если написано на бумаге – набор чёрточек и закруглений. Наименование само по себе не несёт ни смысловой, ни эмоциональной компоненты. Я не сменил качеств, когда судья, перепутав, стала называть меня Петром. Люди меняют качества совсем по другим причинам. "Зови меня хоть Сьюзи", – вспомнил я слова одного киноперсонажа. Итак, что там дальше?.. "...мы отмахивались от потерпевшего семью

парами ног". М-да, эмоции – это вещь в себе. А человеческая жизнедеятельность – это искусственно созданная суэта в пустоте, циничное и безвкусное сотрясение первозданного уравновешенного самим собой безмолвия мироздания.

Я, кажется, начинаю понимать причину того, почему людям нравится наблюдать конфликты других людей, – в этот момент они чувствуют, что мир настроен не исключительно против них. Мир, который они наблюдают из своей головы через глаза, воюет и против самого себя тоже; отдельным пунктом идёт осознание того, что мир – не единое целое, а сумма миров всех чувствующих организмов. Подливая в это размышление немного попкультуры, процитирую известного писателя: «Воин света знает: весь мир объят страхом перед всем миром. Этот страх обычно проявляется двояко: либо через воинственный напор, либо через покорное подчинение. Это две стороны одной медали».

Перед уходом на обед я решил снять деньги с зарплатной карточки. У банкомата, который стоит в здании суда на первом этаже, собралась очередь из сотрудников, – не одному мне пришла в голову мысль о снятии средств. Я приткнулся в очередь, стараясь не пялиться на экран аппарата. Одна из сотрудниц была в игривом настроении и вела шуточный монолог, рассчитывая на дружеское одобрение коллег: «Что, господа юристы, снимаете свои миллионы?! Неужели ж все деньги закончились?! Как же так! Вы что, всё уже потратили?! Как можно! Зачем вам лавэ? А? Вот ты, Поль, зачем

снимаешь деньги, а?!» Я разлепил спёкшиеся губы и затор-
можно промолвил: «Я – наркоман, а наш брат всегда нуж-
дается в деньгах». Сотрудницы в очереди понимающе заки-
вали. Мнения обо мне разделились пополам. В следующее
мгновение головы поднялись наверх, – по лестнице спуска-
лась заместитель Команданте по гражданским делам. «Ре-
гина...» «Петровна...» «Регина Петровна...» «...регинапет-
ровна», – зашелестели отовсюду голоса. Да, её имя, а также
отчество: Регина Петровна. Именно так звали мою бывшую
жену. Совпадение, однако. Регина Петровна – женщина в
моём вкусе, и во вкусе любого нормального мужчины. Ре-
гина Петровна, я тут такой шатаюсь без призору, не могли
бы вы меня растлить? Шутки в сторону. Раз уж Регина Пет-
ровна появилась в кадре, то нужно сказать о ней несколь-
ко слов. Поверьте, уважаемые читатели, эта женщина заслу-
живает гораздо более пристального внимания, чем я смо-
гу ей уделить в данном литературном произведении. Итак:
она (РП) от природы обладала выдающимися половыми при-
знаками... Нет, как-то вульгарно начал... Регина Петровна
– красивая женщина, осознающая свою красоту. Внешни-
ми, всем имеющим глаза, заметными признаками её физиче-
ской привлекательности были: 1) грудь, четвёртого размера,
стремящаяся вырваться из тесного пиджака, – две штуки, 2)
ноги, которые она и не думала прятать от восторженных и
страстных взглядов ценителей – тоже две штуки, 3) глаза, ди-
оптрийные линзы на которых создавали эффект вечно рас-

ширенных зрачков; разумеется, их тоже была пара. Прошу прощения, дорогие читатели, что рассуждаю об этой женщине так, словно я какой-то похотливый недалёкий юнец; всё дело в том, что Регина Петровна будила даже в меланхолических философах (к коим я в последнее время, без сомнения, отношусь) инстинкты, побуждающие к завоеванию и овладению. Часто, когда я вижу красавицу-раскрасавицу, то мысленно называю её богиней, но Регина Петровна в моём сознании не была богиней, она являлась, самой что ни на есть, земной женщиной, земной женщиной рядом с которой хотелось быть земным мужчиной. Да. На вид: тридцать пять, по факту – сорок два. Рост – сто семьдесят пять, немного лишнего веса в нужных местах, длинные тёмные волосы, собранные в узел на затылке, пронзённые шпажкой. В её прикиде было что-то старомодное, что ничуть не портило впечатления об её особе. Отдельный комплимент её слегка искривлённым зубам, которые возводили её сексуальность в абсолют... Регина Петровна не страдала излишней скромностью: ездила на красном Мерседес це-класса купе со стеклянной крышей, такого же цвета были нижние части её туфель, из украшений отдавала предпочтение жемчужным бусам, которые, учитывая всё выше сказанное, никак нельзя было заподозрить в фальшивости. Немного позже я узнаю, что она дочь судьи в отставке Верховного суда республики и мать двоих детей.

Так вот, всё это великолепиие (для тех, кто понимает) спус-

калось в данный момент по лестнице, под которой стояла наша скорбная процессия к банкомату. Женщины зашлись в благоговейном молчании, приставы на проходной перестали галдеть и предались фантазиям. Я на мгновение забыл что существую.

На послеобеденное время было назначено ещё одно заседание. Дело из числа «вот что я люблю», а именно дело «о том, как можно заработать деньги в России». Я убеждён, что мошенников и аферистов не надо сажать в тюрьмы. Напротив – нужно учредить всероссийскую ежегодную (и ежеквартальную) премию «за лучшую аферу». Затем карьера на ТВ, потом Совет Федерации... Когда ловят таких умных и изящный людей, всегда думаешь, что количество победило качество, а этот факт не может не удручать истинного эстета. Всё было придумано просто и гениально, как дизайн продукции фирмы Apple.

Если бы я был склонен к сотворению кумиров, то мой иконостас состоял из портретов великих аферистов, реально живущих и выдуманных; рядом вечно горела бы аферистическая лампадка.

Пришло сообщение философского содержания от Аркадия: «Родители наивно рассчитывали на то, что их дочь будет красавицей, когда называли её Правдой».

Сегодня моей сумке-саквояжу было уделено повышенное внимание со стороны коллег. Когда я шёл на обед, помощница спросила: "Что ты носишь в такой большой сумке?". "Там четыре брикета героина, только никому не говорите". "Ладно, не скажу". На обратном пути с обеда я повстречал группку коллег-парней курящих у входа в здание суда. Они ржали и грубо шутили, а также пердели и рыгали, а также грубо шутили, ну да... Я бы так и прошёл мимо, но среди них увидел одного коллегу, с кем сегодня ещё не здоровался, а значит, должен был подойти, поржать со всеми, возможно порыгать и попердеть, и поздороваться. Когда я подошёл, они как раз обсуждали, на сколько очков по десятибалльной шкале пёрнул один из приставов. Здорово-здорово. "А что это ты в сумке проносишь в суд?" – спросил тот, с кем я здоровался. "Да-да, ёпт! Что таскаешь? Небось, оружие и наркотики", – мгновенно включились в шутку остальные участники перекура.

– Господа, никакого оружия, только наркотики.

– Ха-ха! Только наркотики, говоришь, тогда проходи! Ха!

«Только наркотики, только наркотики, господа; всё согласовано, господа, всё согласовано», – закрутилось у меня в голове, как мантра, это предложение.

– А что это у тебя в сумке, – спросил похожий не Мэтью Макконахи (только татарин) начальник уголовного отдела. И не дождавшись ответа, продолжил, – Странный ты какой-то, и что ты носишь в своей большой сумке?!

– Ещё раз назовёшь меня странным, и я тебя прирежу, – без тени улыбки на лице, отчётливо проговорил я. Он смотрел на меня встревоженным взглядом всего две секунды, которые показались вечностью нам обоим; я должен был следующим словом разрядить атмосферу и, я это сделал.

– Шутка! – весело сказал я. Он обрёл способность двигаться, но не говорить и, применив первую – двинулся полубоком, чтобы не упускать меня из виду, в сторону своего кабинета.

Пришёл на двухчасовое заседание. Слушалось дело о наркотиках, подсудимый – парень из Питера, но уроженец Казани, – в меру интеллигентная внешность, одет в тёмно-синий костюм-тройку. Правильная речь; он заметно волновался; было предварительное слушание.

Пять вечера, пятница; магия чисел. Пишу Аркадию: «Я сейчас "добрых" полтора часа спал, пока судья в совещательной комнате была, благо спинка кресла достаточно высокая для удержания головы. Мне пригрезилась моя последняя влюблённость. Как будто я спешу к ней на встречу, но меня удерживает зависшая касса в "Пятёрочке", а без контрацептивов на этой встрече делать нечего. Так и простоял все 1,5 часа на этой кассе, пока судья не начала меня трясти за плечо со словами: "Пётр, Пётр, зови конвой". Ответ Аркадия: «А ты ей: «Без кондомов не могу!»»

Суббота и воскресенье были заняты сном и небольшим количеством работы в качестве извозчика. В воскресенье вечером, когда неотвратимость наступления понедельника была очевидна, мой организм почувствовал (не без радости) лёгкое недомогание, выраженное в ломоте в суставах, болью при глотании и чрезмерном соплевыделении. К часу ночи я уже твёрдо решил, что на работу не выйду, а поставлю будильник на «без десяти девять», позвоню Наденьке Юсуфовне, скажусь больным, затем вызову врача и снова лягу спать, затем проснусь от того, что придёт врач, нажалуюсь ему на здоровье, закрою за ним дверь, снова лягу спать. Остаток ночи мне снился сон в котором я подбираю слова, которыми буду объяснять Наденьке Юсуфовне почему я не могу выйти на работу.

Следующий день прошёл в точности так, как я и планировал, за исключением некоторый нюансов, а именно: в течение всего понедельника мне на сотовый (поставленный на «вибро») названивала уголовная судья, у которой я работал последнюю неделю. Я знал, по какому вопросу она хочет со мной поговорить, – по вопросу моих подписей на протоколах судебного заседания, а точнее по вопросу отсутствия моих подписей на протоколах. Когда я, наконец, взял трубку и умирающим голосом промолвил: «Аллё...», судья взяла с меня обещание явиться завтра в восемь утра на остановку автобуса, которая находилась в четырёх минутах ходьбы от дивана, на котором я сейчас возлежал. Это было гуманно,

по крайней мере, меня не заставили ехать в суд. Между нами говоря, уважаемые читатели, чувствовал я себя и вправду неважно. Но, как бы я себя ни чувствовал, мне надлежало во вторник в восемь утра быть на остановке автобуса, дожидаться когда подъедет джип судьи с её сыном за рулём, запрыгнуть в него, в двух словах извиниться за то, что всех подвёл, подписать замёрзшей ручкой (предусмотрительно захваченной с собой) два протокола (конечно же, до неузнаваемости исправленных помощницей) и, непрестанно вытягивая обратно обильно льющиеся сопля, откланяться.

Следующий день (вторник) прошёл в точности как я планировал, без всяких нюансов.

Доктор сказал, что я должен прийти к нему в четверг в поликлинику, желательно к восьми утра. Остаток вторника и среду я скоротал пересматривая старые фильмы Аллена; «... тридцать секунд я был большим героем, а потом стал безработным», – не могу себе такого позволить, кстати будет сказано, что я сумел скопить за последние два месяца всего десять тысяч рублей. В скором времени мне предстояли расходы на покупку полиса обязательного автострахования, одного зимнего колеса на штампованном диске, пары кальсон и ещё чёрт знает чего; если бы не моя халтурка, от всего вышперечисленного пришлось бы отказаться. Короче говоря, я, отстояв огромную пробку до поликлиники (пешком было бы быстрее пройти эти восемьсот метров), а потом ещё отсидев очередь в коридоре, зашёл в кабинет к доктору. Напу-

стив на себя несчастный вид, я заговорил: «Доктор, я хотел бы попросить не выписывать меня до понедельника...»

– Вы меня не просите, вы жалуйтесь, а я уж посмотрю, когда выписывать!

И я пожаловался.

– Я очень не хочу идти на работу. Можно меня не выписывать хотя бы до понедельника. Ещё в субботу у нас на работе субботник, – меня заставят убираться на улице, а это мне не прибавит иммунитета.

– На здоровье жалуйтесь, а не на жизнь.

Я, конечно, и так сразу понял, на что мне доктор сказал жаловаться, но хотелось разыграть из себя дурачка.

– Со здоровьем ещё не всё в порядке, – из носа течь перестало только сегодня утром, теперь он просто заложен. Кашель спустился ниже, кажется... Голова кружится.

– Лекарства, которые я выписал, пили?

– Да, «Зет-фактор» – по одной капсуле раз в день, «Пинокиосол» – два-три раза в течение дня, «Ринза-стар» – две таблетки в день после еды.

Доктор велел задрать одежду на спине, дыхнул на фонендоскоп и начал слушать лёгкие.

– Таааак, шумов нет.

– Нет, да?

Интересно, доктор услышал разочарование в моём этом «нет, да?»? Всё верно, я предпочёл бы болеть до конца карьеры. Все-таки оплачиваемый декретный отпуск – это охра-

нительный стимул продолжить популяцию.

Если честно, то из всех лекарств, за эти дни я принял только «Корвалол». Я решил не тратить ресурс печени (и свои деньги) на медикаменты, а предоставить организму возможность самостоятельно побороть болезнь, хм, . . . тем более что «дядя Вова» (российский аналог «дяди Сэма») оплачивает временную нетрудоспособность своего служащего. В моем случае «нетрудоспособность» надо писать так: «неработоспособность». Доктор назначил следующее посещение на понедельник.

– Придёте в понедельник и, если будете здоровы, во вторник пойдёте на работу.

Я вернулся домой. Мои попугайчики, с вечера накрытые платком, уже проснулись и препротивно кричали. Я убрал платок с клетки «своих любимых дурачков», открыл обе двери клетки, приоткрыл жалюзи, чтобы дневной свет радовал птиц и обеспечивал фотосинтез у двух цветков, стоящих на внешних полках подаренного мне мамой шкафа и, взяв короткий разбег, бросился на диван. Полежав так две минуты, я встал, взял со стола компьютер, вернулся с ним на диван и, пристроив его боком на краю своего ложа, включил «Пиратов Карибского моря три». До понедельника была уйма времени.

Глава 32

– Ты видишь это небо, малыш?!

– Не называете меня ма...

– Ответь, ты видишь этот небосвод, ты осознаёшь, что вашему племени конец?

– Мне плевать на «наше племя». Мне, наверное, всегда было плевать.

Я смотрел на небо. Планета, не уступающая по красоте Земле, приблизилась настолько, что люди могли рассмотреть горы и реки на её поверхности невооружённым глазом. Я уверен, что каждый свидетель этого грандиозного зрелища готов был умирать тысячу раз, только бы видеть снова и снова эту красоту. Все кто стояли, задрав голову вверх, уверен, пытались осознать неотвратимость и скорую неминуемость собственной и чужой смерти. Не у кого было просить пощады и отсрочки. Все, все до единого чувствовали себя виноватыми в том, что происходит, ибо какой-то высший разум внедрил эту мысль в мозг каждого человека на Земле. Мы не жались друг к другу от страха, каждый переживал эти мгновения в одиночестве; людей не тянуло на объятия и истерики, каждый был отдельной сущностью в эти мгновения... Да, каждый был отдельным существом, существом независимым от волн, которые порождают массы других существ именуемых людьми. В эти мгновения буквально каждый понял, что именно является величайшей ценностью бытия, осознал эту ценность, но ещё не мог выразить словами, ещё, казалось мгновение и понимание этой ценности обретёт вербальную форму, ту форму, к которой так привыкли люди. Люди на-

чали понимать, что всегда обладали сокровищем, ценность которого не могли себе вообразить, да что же это за сокровище такое, чёрт вас всех возьми!.. Как всё-таки важно, хотя бы перед смертью, узнать правду, почувствовать её лёгкое свежее дуновение на своём лице.

В следующее мгновение вибрации страшной силы сотрясли Землю. Было слышно, как наша планета глубоко и печально вздохнула. Из лёгких людей вырвался выдох умиления, – все поняли, что планета прощается с её самыми несносными детьми – с нами. Кажется, никто не таил обиды, все, напротив, были благодарны за то, что мать-Земля так долго терпела «наше племя» и, не исключено, что будь её воля, планета и дальше терпела наши мерзкие выходки и наше над ней надругательство. Секунду спустя другая планета снова пришла в движение, она шла на сближение. Боже ж ты мой, до чего прозрачный воздух! Мы почувствовали лёгкость в своих телах. Секунда и все поняли, что другая планета своей гравитацией перетягивает наши тела на себя. Люди держались за вкопанные в землю предметы, чтобы остаться на земле. Кто-то начал плакать, это были слёзы прощания, а не жалости к своим никчёмным жизням, слёзы улетали в небо. Древние старики и малолетние дети, все они знали, что заслужили такой конец. Люди начала разжимать руки и уноситься в небо.

– Как тебе нравится такой поворот событий, – голос в моей голове вновь завёл беседу.

– Феерично, – ответил я и разжал пальцы.

Глава 33

Пока я болею, пока меня ничего не отвлекает, хочу рассказать вам о двух вещах. Первое – «о дрожании дела» и второе – «о моём папочке».

Дрожание дела. Дело (судебное, конечно) в данном контексте – бумажная папочка, в которую вложены листы, которые необходимы для судебного процесса. Как правило, сначала в этой папке идёт определение судьи о принятии дела к производству, затем идёт исковое заявление или просто заявление, ну или жалоба или что так ещё бывает, неважно. Затем идёт квитанция об оплате госпошлины, кстати, госпошлину платить не нужно с суммы требования возмещения морального вреда, отсюда и берутся все эти «... прошу, уважаемый суд, чтобы работодатель компенсировал мне моральный вред в сумме один миллион девятьсот девяносто девять тысяч...» Дальше в дело вшиты разного рода доказательства или что люди считают доказательствами, разного рода чеки, копии квитанций, копии трудовых книжек, паспортов, копии копий, распечатки скриншотов и так далее вплоть до самых абсурдных вещей, типа образца обоев или некондиционного листового железа. После того как несчастный секретарь, ценой своего здоровья в части целостности кожных покровов на руках, подошьёт весь этот бред сивого жалобщика в лунную ночь, папка «дела номер такое-то, по иску такого-то мудака к другому мудаку» раздувается до

невероятной толщины, от первого тома дела вегетативно-бюрократическим способом появляется второй, затем третий. Вот, короче, это «охреневшее» дело лежит на столе у какого-нибудь судьи, допустим, по гражданским делам; лежит себе дело и ждёт дальнейших с собой манипуляций, иногда по нему задумчиво постукивает пальцами судья и задаёт вопрос в пространство зала заседания: «Что у нас с этим делом?». Из пространства зала заседания прилетает ответ помощника или секретаря, что-то типа: «Распишитесь в сопроводительных письмах (запросах, частных определениях, протоколе)». В уголовном производстве с делом происходят немного другие манипуляции, но «дрожание дела» может произойти и в «гражданке» и в «уголовке».

Итак, если за принятие того или иного решения по делу кто-то заплатил... Нет-нет, – так слишком грубо. Представьте – от решения по делу зависит чьё-то финансовое благополучие или свобода, далее объединим эти два агрегатных состояния индивидуума словом «судьба». Итак, от решения по делу зависит чья-то судьба. Судьба (довольно мощное понятие, согласитесь) не может зависеть от какого-нибудь неинтересного дела, как то: лишения права управления транспортным средством или наложение административного штрафа в размере пятисот рублей тридцати пяти копеек, или признания перепланировки жилого помещения законной. Судьбы зависят от судьбоносных дел, господа, да да, тавтология? Возможно... А по судьбоносным делам, гос-

пода, принимаются судьбоносные решения. Патетика? Очевидно... Не считите за лирическое отступление, – скажу, что планета Земля – гораздо меньше, чем думали люди ещё пару веков назад, и ещё более маленькая, чем думают те, у кого нет возможности приобрести билет даже на поезд, даже в плацкарт. Есть отдельная категория людей, для которой Земля – что парк аттракционов, – они знаю все хорошие места на ней и во многих уже побывали; речь идёт, без сомнения, об очень богатых людях, о, что называется, мировой элите, истеблишменте, богачах, упакованных дядьках, – какой термин ближе вам и вашему кругу общения (сословию, касте, классу)? Я к чему написал предыдущее предложение; чтобы дать понять, что верхушка любого общества (мир, страна, город, остров, наркологическая клиника) всегда знает друг друга; геометрическая фигура «пирамида» наглядно отображает этот социологический факт, – если низы общества могут являться разными сторонами пирамиды и не догадываться о существовании друг друга, то вершина пирамиды – вот она, – грани сходят на нет, венчает конструкцию острие, «острие жизненного благополучия», ОЖБ! Для нахождения на ОЖБ необходимо пройти только один ценз – имущественный, остальных цензов, поверьте мне (двадцатипятилетнему юноше), не существует. Интеллигенция, согласны со мной? Да, да! – вопиёт интеллигенция. И вот мы имеем город, на ОЖБ этого города находятся разного рода-племени харизматические личности: выжившие бандиты,

аферисты всех мастей, главный прокурор, главный судья военного гарнизонного суда, брат президента республики, жена мэра, одноклассник премьер-министра республики, Натан Валерианович (а это ещё кто такой?!), кокаиновый дилер всех вышеперечисленных, председатель районного суда (центрального с маленькой буквы «ц», очевидно), возможно. Все они ходят в одни места, ездят на отдых на одни и те же курорты. Немного ниже на ОЖБ нашего гипотетического города находятся люди, лично знакомые с кем-либо с самой верхушки: крупные бизнесмены, опять же выжившие бандиты и аферисты всех мастей, братья одноклассника премьер-министра, подруги жены мэра и прочие, сами придумайте, кто может ещё там находиться. В этой имущественной прослойке уже появляются грани пирамиды, то есть представители этой секции не обязательно знают друг друга, но при желании могут познакомиться через третьих лиц, так сказать посредством одного рукопожатия. Ещё раз скажу, что есть только один ценз – имущественный, кто-то конвертирует деньги во власть, кто-то нет.

Очевидно, что есть ещё несколько ступеней верхней части пирамиды, которые так или иначе можно именовать высшим обществом. И нас с вами, пожалуй, интересуют вершина и несколько последующих. Назовём их «неприкасаемыми» частями пирамиды. Ан нет, господа, только не в этой книге. Слово «неприкасаемый» означает «тот, к кому противно прикасаться», это понятие из индийского кастового обще-

ства. Мы же будем именовать «больших шишек» «неприкосновенными». Итак, «неприкосновенные части пирамиды» – НЧП. С представителями НЧП ничего не может случиться случайно, даже молния в них не ударит, не будь на то воли Главного (и это не Бог). Представители НЧП не подвержены юридическому суду и суду общественного мнения, они вне юрисдикции законов физики и правил дорожного движения, вне норм федеральных законов и подзаконных актов. Все общечеловеческие и юридические споры решаются автоматически в их пользу. Когда судебное разбирательство касается, не представителей НЧП лично, я вас умоляю (дела с участием НЧП как одной из сторон никогда не дойдут до суда), а тех личностей или юридических лиц, которые как-то связаны с НЧП, как-то могущее затронуть НЧП, даже косвенно, такое дело необходимо, конечно, обернуть в правильную сторону, и тогда это дело начинает... «дрожать». На каком бы столе дело ни лежало, оно, подчас мистическим образом, взмывает в воздух и летит по коридорам прямиком в кабинет председателя. Затем, таким же мистическим образом, возвращается обратно; затем снова исчезает и появляется; зазевавшемуся секретарю приказываю поторопиться с формальностями относительно этого дела, помощник судорожно пишет определения и постановления по этому делу. Вокруг дела воздух наэлектризовывается и, наконец, судья, рассматривающий это дело, куда-то исчезает, а потом появляется весь взъерошенный и запирается у себя в совещатель-

ной комнате не забыв прихватить с собой злосчастное дело. Дело может «дрожать» мелкой дрожью, – это когда мелкая юридическая сошка хочет обернуть мелкое же дело (дельце) в нужную сторону; дело может «дрожать» крупной дрожью, – это когда босс (или даже босс босса, или даже сам Сатана) хочет обернуть дело в правильную сторону. Остальное додумывайте сами, – мне эта тема не интересна, в конце концов, – это ведь не журналистское расследование, а образчик современной модной литературы...

Теперь о папике. О папе. Об отце. О моём «родителе по отцу». Начну с того, что папик говорил (часто или однажды).

Папик любит повторять: «Перестройка идёт всегда». Это означает, что если ты хочешь добиться успеха, то должен отличать один вагон от другого в несущемся составе времени, чтобы успеть запрыгнуть в один из них. Перестройка идёт всегда. Закон ускорение исторического времени сделал это утверждение гимном тех, кто хочет интенсивно жить.

Ещё отец как-то сказал: «Все мы пидоры, кто-то активный, кто-то пассивный». Когда я услышал это утверждение, а я тогда уже был не маленький мальчик, а вполне себе женатый работающий человек, мне стало как-то не по себе; у меня есть дурацкая особенность сознания – я безоговорочно принимаю за правду слова отца и матери, какими бы бредовыми они ни были. Не буду продолжать рассуждать на эту тему, только добавлю, что эта фраза была сказана в контексте папиного рассказа о своём друге и деловом партнёре, кото-

рый по случаю трахнул другого их делового партнёра в предбаннике. М-да, уж... В тот момент я побоялся расспрашивать о подробностях, и сейчас бы не стал.

Папик хорошо умеет вспоминать анекдоты в тему, я унаследовал эту особенность. Папа сильный и выносливый человек, я не унаследовал эту особенность. В армии папа дрался против пяти хулиганов, избил четырёх, а пятого сильно покусал; может их было четыре, но это нисколько не умаляет подвига. Мы с папиком одинакового низкого роста, только я вешу шестьдесят килограмм, а он – почти в два раза больше. Папа любит и не боится женщин, я – люблю, но боюсь... Папик был женат несколько раз и все браки были счастливыми. Все дети папика родились мальчиками, многих из них я знаю. Так как детей у папы много, он не слишком сильно переживает об особенностях склада характера каждого из них (нас), не пытается что-то радикально изменить, потому что не делает ставку на идеал. Когда я носил длинные крашенные волосы, папа относился к этому без лишних эмоций, потому что и сам был битником; когда старший из нас был пойман при курении марихуаны на территории своего альма-матер, – папа не ругал старшего, потому как сам уважал тетрагидроканнабинол; когда следующий после меня в пятнадцать лет переехал жить к взрослой женщине – не моргнул глазом, потому как... это круто. Папика любили маленькие дети за то, что он корчил смешные рожи и за то, что разрешал им разбегаться и ударять головой в его огромное упру-

гое пузо, правда за последующий отскок и падение он ответственности не нёс и безопасности не гарантировал. Взрослые его любили примерно за это же. Однажды мы с папой стояли в пробке на Владимирском проспекте и договорились до того, что «...мужчина должен быть всегда влюблён. Точно, мужчина должен быть всегда влюблён, иначе он не чувствует, что живёт...»

Папа всегда был боссом. Папа никогда ни на кого не работал и нам – своим сыновьям – не советовал. Когда развалился советский союз, папа быстро уразумел, что «время пришло». Сейчас, к сожалению, он уже не «рубит фишку» так же хорошо, как в девяностые. Папа – добрый сильный человек, душа компании, любимец фортуны и лиц женского пола, неутомимый алкаш-философ и вообще desperado. От папы я не унаследовал ни одного хорошего качества, (кроме) только страсть к потреблению алкоголя. Пользуясь случаем, хочу передать папе привет и сказать спасибо за то, что ничему меня не научил. Есть у моего папика и изъяны, – он же человек. Он слишком доверчивый, а может просто хочет надеяться на порядочность людей и не может не доверять. Он верит в дружбу и в семейные ценности, но не имеет ни друзей ни ценностей. Был неоднократно мною замечен в дружеском пьяном бодании с людьми которых хотел считать друзьями и которые ими не были; так же он стремился связать себя душевно-нравственными узами с женщинами, которым он случайно присунул... ещё не успевая высунуть, уже изъ-

являл желание познакомиться со всеми её родственниками и детьми от предыдущих связей и называть их семьёй.

Была одна особенность характера у отца, к которой я, в разное время, относился по-разному. Раньше меня обескураживало его как будто наплевательское отношение к нашим с братьями хрупким жизням, но потом я понял, что это во-все не признак нелюбви, а часть жизненной философии, которую теперь – будучи взрослым – я полностью разделяю. Жить одной минутой – не блажь и не понт, а единственное разумное решение.

Вернёмся к персоне моего отче позже, может не специально, но упоминания о нём в ходе повествования прояснят его персону ещё отчётливее для читателей.

Глава 34

Воскресный рассвет в городе. Это не время и не место, это что-то, что не передать словами, это ощущение, которое испытал однажды, будешь помнить всегда и при удобном случае захочешь испытать снова. Вот что пишет по этому поводу Х. Томпсон: «Никогда раньше не видел город воскресным утром. Обычно я вставал к полудню и сразу шёл к Эллу, не спеша, – завтракать. Теперь же улицы были почти пусты. Ни следа от ежедневного хаоса, от визга и рёва армии торговцев, рыскающих по всему городу на незастрахованных тачках. Набережная была почти пустынна, магазины закрыты, только в церквях, казалось, ещё что-то происходит...» Здесь

речь идёт о Пуэрто-Рико, но чем цивилизованней наш край?

Впервые я осознал магию этого события два года назад. Я тогда устроился на работу в кофейню на Невском проспекте в ночную смену. В субботу ушёл на работу. Отработав одиннадцатичасовую смену с семи вечера до шести утра, поехал домой. Ещё когда вышел из кофейни, меня кольнуло непонятное чувство, пространство Невского проспекта было холодно, прозрачно и чисто, туристы, давно ставшие частью декораций, неверными шагами шли в сторону гостиниц, молодые и не очень петербуржцы ещё более неверными шагами шли к станциям метрополитена. Да, понятно, что сегодня выходной день и город относительно пуст, но этот факт не мог полностью объяснить того ощущения, которым обволакивал легко дышащий город. Пять минут назад я был готов заснуть на бегу, а сейчас же, стоя на проспекте и видя его в оба конца почти полностью, сна не было ни в одном глазу. Я почувствовал лёгкость в мыслях и теле, город как будто говорил мне, что у меня с этого самого момента в жизни всё будет хорошо, всё будет получаться, и город мне в этом поможет. Выйдя из подземки на окраине, я не растерял того ощущения зачарованности, которое застигло меня врасплох в центре; напротив, на окраине города чувство, что попал в другое измерение усилилось кратно. Ну да ладно.

Пришло воскресенье. Я решил, что этот день наиболее благоприятен для того, чтобы вновь перейти на дневной режим функционирования. Дело в том, что когда я не связан

каким-либо графиком, то уже на второй на третий день перехожу в режим ночного бодрствования. Так как во вторник мне, скорее всего, придётся-таки идти на работу, я с вечера субботы, проснувшись около девяти вечера, начал своё двадцатичетырёхчасовое бдение. Лучший способ заставить себя не спать в течение дня – это отправиться на шопинг. Клянусь, люди ничего не придумали лучше за всю историю цивилизации! Написав в заметках на телефоне что нужно купить и заблаговременно созвонившись с Аркадием и договорившись о встрече около главного входа, я отправился в гипермаркет.

– Привет Аркадий.

– Привет Поль. (Именно так, без восклицательных знаков). У тебя зажигалка есть?

– У меня полно зажигалок, у меня вся машина в зажигалках, у меня квартиры нет!

Наши личные встречи с Аркадием всегда выбивали меня из равновесия. У нас друг для друга всегда было столько информации, что мы без остановки высказывали свои мысли, не особо заботясь о том, чтобы делать это по очереди. Да уж, переписка посредством коротких текстовых сообщений являлась в нашем случае куда более обстоятельным и верным средством донесения своих мыслей. И всё таки, кое-что оставалось в голове. Обычно наши с Аркадием разговоры начинались с того, что мы в унисон жаловались друг другу на то, как плохо нам живётся, как не хочется работать

на настоящей работе и как не захочется работать на следующей, какие тупые у нас родственники и коллеги, какая плохая власть в стране и какой отвратительный климат в нашем городе; ещё мы оба искренне недоумевали над тем, почему мы не имеем средств на исполнение всех своих желаний и как так произошло, что мы не богатые наследники, в общем чувствовали себя не в своей тарелке, будучи бедняками; выражали негодование на судьбу в этой части. Исчерпав тему жалоб, мы переходили к обсуждению просмотренных фильмов и прочитанных книг.

– Только что дочитал модную новеллу Регины Сурковой, называется «Околовонтам». Притчевый стиль изложения, остроумные фразы, интересная компоновка слов... Вполне можно растаскать на афоризмы. Как тебе: «Двадцать тысяч долларов или как говорят в таких случаях патриоты – пятьсот тысяч рублей». Развлекательное чтение... Всего сто восемьдесят восемь страниц, думаю тебе понравится, – делюсь я с Аркадием.

– У... Я продолжаю погружаться в южноамериканскую литературу, – Ферейра...

– Себастьян?

– Н-нет...

Далее шла тема наших индивидуальных и совместных творческих планов, – пересказывали вкратце содержания написанных (а чаще ненаписанных) нами рассказов, развивали пришедшие кому-то из нас в голову сюжеты новелл и сцена-

риев для фильмов.

– Представь себе сюжет: девушка-киллер, полное отсутствие рефлексии, работа есть работа, убийство – осознанный выбор, как работа официантом или стриптизёршей, – начинает тему Аркадий.

– А она кого убирает? Я так думаю, – можно убирать элиту, можно средний класс, можно совершать убийства бедных ради того, чтобы родственники получили квартиру или, например, жена заказывает алкоголика (тирана) мужа ради собственного спокойствия и спокойствия детей. – Развиваю тему я.

– Да-да, над этим стоит подумать.

– А она замужем? А ей пришлось кого-нибудь случайно убить, чтобы понять, что она может это делать и дальше? А дети имеются? Как насчёт смертельной болезни? Она пережила насилие в детстве? Ты хотя бы решил чем она будет убивать, пистолетом – это банально. Может струной? Может ядами? Ножом? Отвёрткой? Душить?... ногами...

– ?

– Я написал коротенький рассказ. По мотивам нашей с Эн поездки в деревню. Называется «Тридцать семь». На почту тебе скину, – сказал я.

– Тридцать семь градусов по утрам?

– Это ещё что такое?

– ...

– Я продолжаю трудиться над своим эпическим произведе-

дением, – я.

– На что похоже? На братьев Коэн?

– Да нет. Хотя... Если выбирать только из их творчества, то ближе всего «Человек, которого не было».

– Неплохо-неплохо... И чему учит твоё эпическое произведение.

К этому вопросу я был не готов. Пришлось задуматься.

– Чему учит... Да ни чему. А если бы и учило, то... Да ничему не учит, если только... Учит не учиться у книг... А обязательно книга должна чему-то учить?

– Не знаю. Книги, которые проходят в школе всегда чему-то да учат.

– Ну ладно, переживу, если мою книгу не будут проходить в школе. Вот чего я не переживу, так это того, если мою книгу экранизирует Бондарчук! Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха!

Немного чистой философии.

– Ты тоже считаешь, что счастье – это нечто, к чему приходишь, чего достигаешь? Просто есть мнение, что счастье – это такая вещь, которую осознаешь; осознаёшь, что счастье всегда у тебя было. Ну, сейчас уже непопулярна версия графа Монте-Кристо, – не познав крайнего горя – не познаешь и счастья, – времена не те.

Когда и эта тема была исчерпана, мы быстренько пробегались по новым половым связям Аркадия, по перспективам моих половых связей, не забывали вспоминать наиболее яр-

кие эпизоды из прошлых связей.

– Помнишь, я тебе показывал фотографию той пухленькой брюнетки? Так вот мы с ней... Уже дважды...

Немного из раздела «разное».

– Просмотрел фото со всех корпоративов суда за последние четыре года, и знаешь, – я ненавижу людей, а теперь знаю их лица и некоторые имена. Такое ощущение, что побывал на всех мероприятиях, а на нескольких даже оскандалился.

– Аха-х!

Ещё немного «разного».

– Посмотрел экранизацию «Духлес», – может даже плохо, что сюжет фильма ни разу не пересёкся с текстом книги, – сказал Аркадий.

– Аха-х! – ответил я.

Аркадий и я были как Пушкин и Гоголь, внешне на Гоголя похож был Аркадий, а я на Пушкина, но внутренне я больше был пристрастен мистицизму, а Аркадий – жизнелюбию. Обычно при встрече мы всегда пили кофе. Пошли пить кофе и на этот раз.

Спустя сутки мы с Аркадием вновь увиделись, почти на том же месте, правда, совсем ненадолго. "...эта с сиськами тренинг вела у нас. Рассказывала, что люди делятся на два типа: "от" и "к"! Ну мы-то с тобой относимся к типу "от", – мы стараемся устраниться от всего и вся", – констатировал Аркадий. Я: "Подумать только, я раньше думал, что люди де-

лятся на мужчин и женщин, оказывается на "от" и "к"!". Аркадий: «Да-а-а, чёрт возьми...» Прошло десять минут. "...зашоренные дураки. Общество в нашей стране имеет вязкую структуру, люди каким-то органом определяют своё место в этой иллюзорной иерархии, принимая как данность все атрибуты данной ступени, желания и мечты, в том числе... .. не желают и не смеют желать расширить свой диапазон восприятия... .. рельсы привычек и обыденности, с которых не сойти пока жив... .. не представляя, что мир многомерен, короче трахаться я хочу!" – подытожил Аркадий. И это говорит женатый человек. Когда я был женат, я хотел всего кроме «трахаться». Я даже решал проблему замыленности взгляда, – просто выключал свет и представлял, что занимаюсь сексом с кем угодно, только не со своей женой; так делаю многие мужчины, я спрашивал. Кстати, так как сегодня понедельник, мне надлежит нанести визит участковому врачу и, скорее всего, он меня выпишет с завтрашнего дня. Я настолько привык за эту неделю валяться дома на диване, что воспринимаю завтрашнюю необходимость идти на работу как трагедию. Через призму усугубившейся депрессии наш город казался ещё более непригодным для проживания, а уровень демократических свобод в стране ещё более низким, чем обычно, просто вопиюще низким.

Пять часов вечера того же дня. Я сижу в коридоре поликлиники, жду своей очереди. Тётка лет пятидесяти надрывно кашляет на весь коридор. Когда выходил из дома, что-

бы поехать в поликлинику, я измерил температуру, – было тридцать семь и два. Я уже решил, что буду продолжать жаловаться на здоровье, конечно, скажу о том, что у меня повышенная температура. Моя очередь подошла, я вошёл с умирающим видом. «Доктор, мне кажется, что я ещё не до конца здоров», – пропищал я. «Хватит, мне тут! Не до конца... он!». «Доктор, у меня всё ещё держится температура, полчаса назад мерил – была тридцать семь и пять», – немного привать не грех. «Сейчас вот померяем!» Они дали мне градусник и я на время утих. Старался вспомнить что-то волнительное из своей жизни, чтобы усилить сердцебиение, я подумал, что это верный способ повысить температуру тела на пару градусов; передо мной замаячила реальная перспектива отдыха до конца недели! «Давайте градусник. Угу, угу, тридцать семь и один... Что ж... Возможно воспаление лёгких». «Ах!», – с облегчением выдохнул я.

Через десять минут я уже бежал вниз по лестнице на ходу тщетно пытаюсь завести машину с автозапуска. Мне предоставили отдых до четверга включительно, правда завтра утром я должен был сдать кровь и ещё кое-что на анализ, а послезавтра явиться на очередное освидетельствование; послепослезавтра же (то есть в четверг) был праздничный день – Курбан, чтоб его, байрам, мусульмане всего мира будут резать на каждом углу всех городов мира, которые они невзначай заселили под тем или иным предлогом, баранов, кровь несчастных животных будет течь по дорогам и

тротуарам, стекая в водостоки или впитываясь в землю; ну наш-то город испокон веков был мусульманским, поэтому здесь не наблюдается того остервенения при отправлении религиозных обрядов, которое наблюдается в других городах (странах), там – в местах, которые мусульмане не считают исконно своими – они утверждают своё присутствие посредством некоторого позёрства, демонстрируя свои обычаи... Вот, значит, до пятницы я точно свободен.

– Значит, отняли, всё-таки?!

– Ну, естественно, сколько можно-то, – Тони курил и качал головой, как бы стараясь осознать себя в новом качестве – пешехода. – Но я езжу пока, суд только через восемь дней.

– «Если ты пьёшь с ворами – опасайся за свой кошелёк», если ты пьёшь за рулём – опасайся за свои права... или «за свой кошелёк», – вспомнил я строчку из Наутилуса.

– Пять тысяч натикало за штраф-стоянку... А хрен всем в задницу, – буду ездить по правам Следующего, – Тони запульнул окурок куда подальше.

«Следующим» называл Тони своего младшего брата, с которым они были похожи как близнецы.

– Вариант! – это действительно был вариант, поскольку, повторяю, они с братом очень похожи.

Глава от рассказчика

На почте Аркадия. Рассказ, написанный Полем

Тридцать семь

Этот момент стал следствием эмоционального напряжения последних дней. Внезапное ощущение счастья, когда вдыхаешь золотой воздух, а выдыхаешь фиолетовый. Чувство свободы, как награда за душевные страдания, ну-ну, страдалец ты чёртов! После взлёта следует падение, после второго – десерт, – так уж устроен мир. Сильное, но скоротечное переживание. От меня никто и ничего не зависит, кажется я на верном пути... Если я когда-нибудь стану способен любить людей – ты станешь первая. Давай на миг представим, что с годами ты будешь становиться красивее и умнее, а я... а я стану идеалистом, который верит в справедливость нашей судебной системы, и стяжаю почёт и материальные блага, не поступившись тем, что тупые люди называют совестью. Мы будем любить загородные пикники, культуру родного края, наших многочисленных родственников и кусочки теста, склеенные мёдом. Представила? Я да. Чувство счастья ушло не оставив шлейфа.

Мы едем в город. Тут мы не одиноки – воскресенье, вечер. Ты хочешь блюза? «Что?». Я ставлю.

«I lay down

With an angel

I lay down

With an angel», – поёт Хукер.

«Как тебе? Автомобиль начинает скрипеть, удлиняется, крыша убирается в багажник. Вместо жизнерадостного пей-

зажа нас обступают дома-утопленники Нового Орлеана. Белые с жёлтым солдатики смерти занимают законные места в наших губах. Мы едем на старом «Форде» или «Кадди», может быть это «Шеви»; нас не разделяет ручной тормоз, потому что в нашем авто диван. Множество ночных заведений и в каждом из них есть Блюз. Ты кладёшь голову на моё плечо, свободной рукой я обнимаю тебя. Наверное, мы едем в мотель за чертой города, кажется, на заднем диване лежит моя, выдавшая виды, гитара. Несомненно, я – самый лучший гитарист, настоящий гений, пьяный и неотразимый. Перед тем как раздеть тебя, я спою что-то вроде: «Я ложусь с ангелом, я ложусь с ангелом, ибо она иногда обращается со мной хорошо; будь во мне, умчи меня вдаль на золотых крыльях солнца; будь во мне, научи летать; мое небо, мы лишь обман, канем в безбрежность, моя нежность, о, нежность». Мы одни во вселенной и так далее. Ощутила прелесть момента, малышка?» «Что?»

Давай представим, что твоя мама не бестолковая старая вешалка и что у тебя не её тонкие губы. Истратил свою энергию, истратил на то, чтобы казаться тем, кого презираю. Я ненавижу себя. Вдыхаю чёрный воздух, выдыхаю... CD – off.

- Писатель, говоришь?
- Скорее интерпретатор.
- Это ещё зачем?
- Спроси у Ожегова.
- Что?..

Скажи ещё раз «что»! Ты из страны, где все говорят «что?!».

– Иногда я тебя не понимаю.

– Иногда ты меня понимаешь.

– Что?

Вчера несколько микробов разбили лагерь в моей носоглотке. Через несколько часов между некоторыми из них вспыхнула страсть. Сегодня же началась настоящая оргия. Я еду машинально, мы едем машинально, все едут на машинах машинально. Что-то заставляет давить на педаль сильнее, чем это позволено правилами движения; инстинкт размножения вносить путаницу в мои планы; в моих планах было пропрыгать по жизни, как плоский камушек по поверхности воды, затем утонуть. Блюз не задался. Ощущение момента не разделено, значит упущено.

– Остановимся около магазина?

– Нет.

– Ну, пожалуйста-препожалуйста!

«При» – приближение, присоединение. «Пре» – превосходная степень.

Как там Иннокентий и Александра; голодающие попугаи Поволжья. Кеша готов терпеть неудобства, ради того, чтобы не умереть в одиночестве. Я не Кеша.

– Нет, мы почти приехали.

Я помогу донести сумки на этаж. Помог. Вышел, завёл мотор. Заглушил. Набрал номер.

– Выйди, пожалуйста, – я забыл тебя поцеловать.

– Что?!

– Ты забыла очки.

– А! Сейчас.

Отдал очки. Развернулся, чтобы уйти.

– А первое, что сказал?..

– Как насчёт сладкого?

– Ну тебя!..

Завёл мотор. Радио – off. «I lay down with an angel». Вдыхаю воздух, выдыхаю воздух.

Глава 35

«Перелом основной фаланги без смещения»... Нет, не так быстро. Я-то знаю, что будет дальше... Я уже пережил то, что могло бы быть третьей частью психологическо-криминального повествования. Обо всём по порядку, так удобнее, я всё-таки, не Тарантино.

Танец занимает в нашей жизни половину... даже, если на вопрос: «потанцуем?», мы отвечаем: «я не танцую». Я пишу Эн: «У меня есть ноль семь Блэка. Можно ездить по КАДу и слушать Олега Газманова, в том числе песню «Мне не нравится дождь». Ответа не... последовало. Вы поняли. «Или будем слушать Круга, когда я его слушаю, я горжусь, что я русский... Эн! Мне без тебя тяжело, я без тебя не могу. Уу-уу!». Ответа не последовало. Я: «Может: Натали, – «Улыбочку»... Ты у меня просил, я поняла, меня ты не узнал...» От-

вета...

Всё началось, когда я читал «Вокруг Света». Вот представьте: наивные дикари жрут мясо друг друга и вдевают в уши, губы и половые органы всё, что выкинули «белые цивилизованные люди», переворачиваю страницу и вдруг... «Джонни Уокер Блэк Лейбл – там, где правит вкус...» Ладно, думаю, ничего... Читаю дальше, – дикари занимаются собирательством и прочей ерундой и вдруг... «Jameson – без страха...» Да что такое, в самом деле!... Я уже больше не могу думать о дикарях, не могу вникать в их бытовые и социальные проблемы. Читаю дальше, – ага-ага, некоторые из племени поехали учиться в Европу и Россию, вследствие чего племени пришлось перейти на усиленный режим собирания и каннибализма. Переворачиваю страницу и, – «Glenfiddich – однажды твоя мечта сбудется». Пишу Аркадию: «Помнишь, я тебя спрашивал, смотрел ли ты последний фильм Копполы? Там Вэл Килмер в роли писателя. Я хочу попробовать вызвать вдохновение по «старому-доброму североамериканскому методу», то есть с помощью виски и ночного уединения. Дешёвый виски меня не вдохновляет – пробовал. Ещё вспоминается Стивен Кинг». Ответил ли мне Аркадий, я уже не помню. В день первого за долгие недели причастия, я зашёл в квартиру с намерением начать пить на голодный желудок, но, войдя в прихожую, понял, что меня и тут обошли, – мама и Ратмир пели караоке. Я хлобыстнул триста граммов под пятую серию «Дэкстера». На следующий

день я был со следами полуэлитного алкоголизма на лице.

Ноль семь Блэка удерживал меня в заложниках четыре дня. Блэк справился со своей задачей, – отвлёк меня от мыслей о безысходности, о невозможности вырваться из своего тела и социума без необратимых последствий. В каждый из этих четырёх дней по утрам я умирал, и в каждый из этих четырёх дней по вечерам я рождался заново (кажется, я уволовал (о-о! Просторечное выражение, не свойственное литературной речи! Благодарствую, мсье Word!) это выражение из какого-то культового фильма). Я не мог пересыпать, как раньше, похмелье; желудок отказывался работать уже в тот момент, когда виски стекал по пищеводу и, всё-таки это были хорошие четыре дня.

Глава 36

Быстро расскажу, что было. Понедельник. Двадцать четвёртое октября. Две тысячи, кажется, одиннадцатого года. Доктор, не увидев в моих анализах никаких отклонений, приговорил меня к выходу на работу. Я отъехал от поликлиники метров на триста, когда на дорогу выбежали двое дураков-мальчишек в спортивной форме. Хорошо, что это произошло в районе перекрёстка и, я резко свернул вправо. Мальчишки, надо отдать им должное, бежали по пешеходному переходу. А я, говоря по правде, редко внимательно смотрю на дорогу, отдавая предпочтение инстинктивной манере вождения. Я прижался к обочине, чтобы перевести дыха-

ние. Секунд через тридцать, видимо, когда адреналин в крови упал, я почувствовал боль в области, кажется, среднего пальца, – я не был уверен. Видимо, когда я резко свернул вправо, объезжая юных пешеходов, я повредил палец. Сразу вспомнилось, как мой папаша, уходя от столкновения, вывихнул кисть; а всё потому, что держал руль не по правилу "девять-три".

Однако боль становилась сильнее и, кажется, появилась припухлость. Я решительно не мог пошевелить пальцами. По иронии судьбы, уходя вправо, я свернул как раз к травмпункту; помнится, я в него ходил классе в девятом, причём тоже с пальцем правой руки, тогда диагностировали трещину большого пальца, наложили гипс, сказали прийти через две недели. Я проносил гипс неделю, сам его снял, а в травмпункт больше не явился. Переломов у меня раньше не было. А сейчас?..

Через пять минут сижу в очереди на приём. Я думал "кровавых" пускают без очереди... Как и в любом заведении, в травмпункте есть свои завсегдатаи; как и в любом заведении, здесь есть время наибольшего наплыва и дни наибольшего наплыва клиентов. К завсегдатаем травмпунктов, как я успел понять за время моего ожидания в очередях на приём (а это моя третья очередь в жизни), относятся: местные гопники, получившие травмы в боях за воздух на районе (высокий сезон – вечер, ночь, предрассветные сумерки), старики и старушки, не справившиеся с гравитацией Земли (вы-

сокий сезон – первый и последующие гололёды), алкаши и алкашки (со стажем их всё труднее различить), которые имеют два типа травм, – от удара и от падения (эти – утренние пташки) и, местные дурачки, которых постоянно кто-то лупит. К «незавсегдатаем» травмпунктов относятся люди типа меня обоих полов. Со мной в очереди сидели представители всех четырёх типов завсегдатаев и, если первые три типа сносили физические и нравственные страдания стоически, как того требует их макросоциум, то, на вид сорокалетний, дурачок заливался плачем, размазывая кровь по разбитой физиономии. Мне всегда нравилось находиться в компании странных (с позиции обычных людей) людей. Я представлял себя героем Тима Рота в фильме «В тупике». Больше всего возились с травмой бабушки, которую привёл на приём её, наверное, сын, – крепко подпитый мужичёк лет сорока пяти, наверное, он её и «отоварил», наверное, хочет чтобы престарелая мамаша побыстрее съехала из квартиры к предкам на тот свет; надо бы мне поскорее обзаводиться собственным жильём (лучше в другом полушарии), пока я не начал заниматься тем же самым. Ха, в России к завсегдатаем относятся по-хамски, вот и не пропустили «кровавого» дурачка. Какие-то два часа и двадцать минут, путешествие на второй этаж в рентгенологию и обратно, и вот уже доктор смотрит на просвет снимок опухшего пальца и произносит слова, после которых у меня в кровь выбрасывается небывалая порция эндорфинов: «Перелом основной фаланги без

смещения». Мне наложили, что-то типа фиксатора, как в западных фильмах. Палец должен быть в полусогнутом положении, через три недели снимут фиксатор и сделают повторный снимок, чтобы выяснить – не произошло ли смещение при сращивании. Три недели! Три недели свободы!

Пока я часто и глубоко дышал от восторга, зазвонил телефон, – это был папик. Он сказал, что в конце недели приедет в Казань по делу. Я сказал, что встречу его на вокзале. Через минуту я уже забыл о его звонке.

Следующие несколько дней я провёл в полусне; ел, ходил в туалет, однажды почистил зубы, кормил Иннокентия и Александру – моих попугаев, моих пирожков с кашками; вновь возвращался на диван. Написал Аркадию: «Может, поедем во Владивосток и там запишемся на судно, можно заработать хорошие деньги. Ну там, вино и гашиш, сифон и трихомоноз...». Ответ: «Ты себя моряком-то видишь? Типа соль на губах, крик «Земля!» с мачты, иностранные порты, распутные женщины и тёмный ром?». Можно и соль на губах, можно и лайм, и текилу можно и женщин... тёмных, – думал я, снова проваливаясь в сон.

Меня разбудил телефонный звонок. «Какого хера ты не берёшь трубку?!», – заорал на меня отец. «Так взял же!» «Почему не берёшь сотовый?! На..й он тебе нужен, если ты его не берёшь?!», – папа неистовствовал. Я отлепил телефон от уха и убедился в своей догадке, – я говорил по домашнему телефону. Свободной рукой взял сотовый телефон (на кото-

ром предусмотрительно выключил звук и вибрацию не помню, сколько дней назад), ужаснулся количеству непринятых звонков, – все кроме одного были от папика, один – с незнакомого номера. «Быстро на вокзал!» «Еду-еду, сейчас только зубы причешу». «Быстро на вокзал!» «Всё, выехал, можно сказать...» – ключи, ключи от машины, чтобы нажать автозапуск; я лихорадочно соображал. «Если не хочешь приезжать, то я позвоню дяде Лёше». Папа начинал обижаться, когда думал, что никак не может на меня повлиять; теперь он скажет, чтобы я не беспокоился о том, что его надо забрать, скажет, чтобы я продолжал спать или что я там ещё делаю. Я скакал на одной ноге, вторую засунув в штанину. «Не приезжай! Меня заберёт дядя Лёня, продолжай спать или что ты там ещё делаешь!» Ну вот. «Да всё, еду! Я, между прочим, палец сло...» Папик повесил трубку. «...мал». Машина, конечно, с пульта не завелась, но уже через пять минут я ехал в сторону вокзала, рукавом толстовки протирая запотевшее лобовое стекло. Светофор. Самое время взглянуть на телефон и узнать какой день недели, какое число и вообще... Тридцатое октября. Воскресенье. Время (московское, заметьте) пятнадцать часов пятнадцать минут. «Удача при мне», – вслух произнёс я; я всегда говорю эту фразу, когда вижу на часах одинаковое количество часов и минут. «Удача при мне», – так говорил Джек Воробей, вглядываясь в свой компас. Мы вчетвером – мушкетёры современности. Мы – это я, Джонни Депп, Илья Лагутенко и... Сигнал сза-

ди заставил меня оторваться от размышлений о том, какой я уникальный и скромный. Набираю папика, чтобы узнать как он там. «Привет, ещё раз, я уже подъезжаю. Может пока в Макдональдс сходишь...» «На..й мне твой Макдональдс, я около красного здания, ты мне все мозги вые...» На этот раз трубку повесил я, он около красного здания, больше мне ничего знать не надо. Наверняка накупил в Вековке всякого хрустального барахла в подарок всем нашим родственникам, и теперь поднять сумку не может. Никогда не умел выбирать подарки, – однажды на новый год подарил мне и братьям одеколоны! Чёрт, ну никакого чувства ритма! С другой стороны, что это я жалуюсь, – будь у моего папы хороший вкус – я бы и не родился... И большинство из вас тоже. Звонок: «ну ты близко уже?!»

Спустя пять минут мы с папиком, уже обнятые и расцелованные, ехали в сторону моего троюродного брата-дальнобойщика, который жил недалёко от маминой квартиры.

– Вот сейчас у тебя причёска хорошая. А то ходил, как хрен знает кто, со своими длинными патлами.

– Спасибо, – неискренне сказал я, привычным движением среднего пальца закинув несуществующую прядь волос за ухо.

– Это что за здание?..

– Надолго в нашу «Третью столицу»? Пока весь спирт не будет выпит из «подарочных пятилитровых канистр»?!

– Не знаю пока, как дело двинется. Неделя... Может дней

шесть. Ни х.я тут понастроили! – дивится папа масштабом изменений.

– Дык!..

Одна из папиных дорожных сумок, под завязку набитая хрусталём, позвякивала на каждой кочке...

День первый

...Позвякивала на каждой кочке.

– Куда ночевать? К Эн? В деревню?

– Не знаю?! Сейчас завалимся к Павлу (брат-дальнобойщик; у нас в семье почти всех мужчин зовут Павел), посидим, выпьем, перекусим-перевыкусим... Там видно будет... Как на работе дела? Нравится там работать?

– Да мне вообще работать не нравится... Нет, конечно там хорошо... Протоколы пишу...

– Команданте не за границей?

– Да нет вроде. А что?

– Ничего. Девки?

– Да... Девки там тоже работают...

– Не нашёл себе женщину.

– Ннеет...

– Всё дрочишь?

– Ой, да ладно тебе! Что делать...

– Ха-ха-ха!

– Я тебя оставлю у Паши; сам домой поеду, позвонишь, когда тебя забирать.

– А что, ты со мной не пойдёшь?

– Нет, конечно.

– А что так?

– Домой поеду – прилягу...

– Всю жизнь проспичь, надо уже начинать шевелиться, если чего-то добиться в жизни хочешь. Я в твои годы уже семью кормил.

– Ага, уже вторую...

– Ну и х..и!!...

– Да всё нормально.

– Ну и какие планы на будущее? Дрочить? – закидывая руку за мой подголовник.

– Я хочу жить на берегу Тихого океана.

– Дрочить на берегу Тихого океана! Ха-ха-ха! (искренний радостный смех).

– Ха-ха-ха (саркастический неискренний смех).

– Во Владивосток переезжаешь?

– Нет, конечно! В Калифорнии. Курить траву, есть море-продукты...

– Ну-ну, и как ты собираешься туда попасть?

– Пока не знаю. Может стану актёром... Или режиссёром, культовым, конечно... Ты бы тоже мог в актёры податься. Помнишь, мы смотрели передачу про фрик-актёров? Наденут на тебя костюм зайчонка, свистульку выдадут; будешь на закрытых голливудских вечеринках поднос с кокаином носить между звёздами кино и эстрады...

– Ну-ну... Шути-шуты...

– А что?! Ты ко мне переберёшься через некоторое время.

Тебя же здесь ничего особо не держит, кроме твоей мамы – моей бабушки, хотя к тому времени... Купим тебе поддержанный «Харлей», пивное пузо у тебя уже есть.

– Ну-ну... Шути... Хотя «Харлей»...

– А что? Рванёшь в неизвестность, ты же много раз так делал.

– Ты меня знаешь, мне только подпоясаться....

– Ну, тогда договорились.

Мы подъехали к частному дому моего троюродного брата Павла. Около его дома (и около двух других домов с обеих сторон от его дома) была припаркована фура с крытым прицепом.

– Американец, – сказал папик, указывая на грузовик.

– Это же Volvo! Это шведская марка.

– Передок видишь?! Выпуклый! Грузовики с выпуклым передком называются американцы, а с невыпуклым – европейцы, не знаешь что-ли? Посигналь-ка. Что, они там спят что-ли, пускай гостей встречают.

– Сигнал не работает.

– Нууу, совсем плохо, что с ним?

– Хрен его маму знает, лицензия закончилась... Это же Лада, ёпрст... Калина, ёпрст... Я тоже Volvo хочу купить. Модель с30, я тебе показывал, помнишь? Любого цвета кроме синего...

– Ладно, Це тридцать? Когда куплю – дам тебе прокатиться.

– ... а ты по какому вопросу вообще-то?...

– А что, я не могу просто так приехать. Маму – твою бабушку, увидеть! Ты сам-то давно в деревне был?!

– В твой последний приезд, кажется...

– Очень красиво!

– Серьёзно, что за дело срочное такое? Ты же недавно здесь был.

– Ладно, потом... А что с пальцем? Сломал когда дрочил?

– Просто сломал. Сейчас на больничном. До... Короче на две с половиной – три недели свободен.

– Ладно, вон Паша идёт. А как теперь со сломанным-то пальцем?..

– Что?

– Ну, дрочить будешь?! Ха-ха-ха-ха!

Через десять минут я уже, вымыв лицо с мылом дважды горячей водой и протерев двумя кубиками льда, лежал на диване с закрытыми глазами. Московское время: шестнадцать часов пятьдесят девять минут. Быстро обернулись, в час-пик не попали. «We just poked a little empty pie... For the fun that people had at night», – крутилась в голове старая песня. Я думал о недавно умершей прабабушке... Ни папик, ни я ни при каких обстоятельствах не доживём до её лет... Вспомнил, как однажды пребывая в полусне на этом самом диване, я пережил сильнейшее чувство, которое ни разу с тех

пор не переживал – чувство неотвратимости смерти (ЧНС), я осознал её неотвратимость на каком-то глубочайшем уровне, как нечто невероятное и в то же самое время само собой разумевшееся, как нечто ужасное и прекрасное одновременно, как нечто отдельное от меня и неотделимое... «More than twist in my sobriety»... Потом я уснул.

Мы смотрели друг на друга из разных углов комнаты, я сидел на краешке стола, скрестив руки на груди. Она сидела в кресле, положив ногу на ногу. «Меня не должна вводить в заблуждение её расслабленная поза», – подумал я. Она услышала мою мысль. Напряжение достигло предела. Через секунду она бросится в бой, чтобы выбить из меня всё дерьмо. Целью моего существования в данный момент было подчинить её без остатка или уничтожить; подчинить её бессмертную душу, а с ней и тело. Не знаю, какие планы были у неё в отношении меня в случае победы; зато я знаю, что она слышит каждую мою мысль. Как по команде мы начали сближение. Каждый из нас понимал, что этот бой не на жизнь и не ради жизни. По мере сближения мы брали вещи, которыми была обставлена комната – вазы, цветочные горшки, радиотелефон, стулья – и кидали друг в друга. Некоторые предметы достигли цели – пролилась первая кровь. Наконец мы сошлись в рукопашной схватке. Это была не драка, а скорее борьба, – болевые и удушающие приёмы; я заметил, что моя цель не только сломить её тело, но и... Да, чёрт возь-

ми, я пытался целовать её и, даже несколько раз мне удалось это сделать, хотя эти поцелуи больше походили на укусы загнанного в угол зверя. В то время как мы катались по полу в этой усеянной осколками быта комнате, наши армии уже шли навстречу друг другу. По какой-то необъяснимой причине каждый из нас обладал огромными армиями, готовыми по нашим приказам броситься друг на друга, чтобы убивать и чтобы быть убитыми. Матери, жёны, сёстры, дети больше не увидят своих храбрых солдат. Приказы были заблаговременно отданы. В наших сердцах не было жалости ни к единому живому существу на свете, Тысячи и Тысячи должны погибнуть ради сомнений и страхов Двух. Её ногти превращали моё лицо и шею в полосу препятствий. Под ударами моего кулака сломалась лицевая кость на всё ещё красивом лице; гримаса гнева осталась только на правой стороне. Неожиданно мой правый глаз приобрёл красный светофильтр – ноготь попал в цель. Ещё мгновение и я вспомнил давно забытую боль, которую могут чувствовать только мужчины; есть секунда, потом боль достигнет мозга и парализует тело, я успел ответить ударом в солнечное сплетение, – теперь мы лежали на полу оба, кровь текла из носов и ушей... При всём желании назад пути нет. «Чёрт подери, неужели сорок пять килограмм костей и кожи может так сопротивляться?!», – подумал я, глядя на противника. «Ты ещё и половины не видел, кусок свиного навоза», – подумала она, взглянув на меня.

«Прикажете выслать подкрепление?» «Приказываю!» –

мысленно произнёс я. «Приказываю!», – прошептали рядом. Арьергарды армий тоже снялись с постоев. Моё истрепленное кинематографом сознание добавило к происходящему в качестве фона:

*«In the morning when I wipe my brow
Wipe the miles away
I like to think I can be so willed
And never do what you say, I'll never hear you
And never do what you say...»*

Часто «я не люблю тебя» гораздо страшнее, чем «я ненавижу тебя».

Одежда превратилась в окровавленные лохмотья; перевернув всё верх дном в этой злосчастной комнате, мы переместились в ванную. Разбив зеркало и поранив руки, она ударила осколком меня в шею. Я поскользнулся на собственной крови, падая, ударился головой о ванну. Какого чёрта здесь так холодно?! Я что, умираю?! Приподнявшись на локте, я из последних сил дёрнул её за остатки одежды, и она с грохотом рухнула в пустую ванну. Перекатившись через борт, я оказался рядом с ней. Мы задыхались от морального и физического изнеможения. К этому моменту на нас не осталось ни одной тряпки. Каждый сидел на своей стороне ванной касаясь другого ногами. Её прекрасное тело было сплошь покрыто синяками и ссадинами. Армии сближа-

лись, ещё мгновение... Мы не видели свои вооружённые силы, но каким-то неведомым образом чувствовали их манёвры. В тот миг, когда первый штык «Великой Армии» нежно вошёл в первое сердце «Непобедимой Армии», мы бросились в объятия друг друга; не извиняясь; не каюсь. Всей поверхностью своего избитого тела я чувствовал холод и тепло её истерзанного тела. Армии таяли под убийственным натиском ратного долга. Какая же ты худая, малышка, какая родная... Наша кровь, перемешиваясь, заполняла ванну. Наши слёзы, соединившись в один поток, становились кислотой; оставляли борозды на телах, подчиняясь силе притяжения Земли. Мои пальцы зарылись в её жёстких длинных волосах; она каждое утро начинала с мытья головы, сушки и выпрямления волос... Сквозь шум сломанных систем организма пришло понимание того, что тысячи людей убивают друг друга для того, чтобы мы двое почувствовали жизнь, ощутили её солёно-сладкий вкус на разбитых губах, ощутили горечь в горле из-за отказывающихся органов, холод ванны... «Попробуем в следующей жизни», – подумал один из нас. Второй утвердительно кивнул в ответ. Разве не всегда было так? Разве народы и страны не шли друг на друга войной из-за любви двух неудачников? Это хоть какая-то причина. Это единственная причина для убийства и смерти. Человек умирает на вдохе. Мы люди? Вдыхаем.

Титры. Огромное количество статистов.

*«We just poked a little empty pie
For the fun that people had at night
Late at night, don't need hostility
Timid smile and pause to free
Look, my eyes are just holograms
Look, your love has drawn red from my hands
From my hands, you know you'll never be
More than twist in my sobriety
More than twist in my sobriety
More than twist in my sobriety...»*

Счёт: «ОДИН-ОДИН».

*«They never get tired of putting me down
And I'll never know when I come around
What I'm gonna find
Don't let them make up your mind.
Don't you know...»*

Всем снятся сны. Разве нет?

Меня разбудил звонок мобильного. Вспомнив всю свою жизнь до этой секунды, я предположил, что звонит папа, чтобы я его забрал от Паши. Но это был не папик. Это была Муся.

– Аллллллё! (передразнил я Мусю).

– Привет Поль, сейчас свободен? Можешь приехать?

– Сейчас... Вообще-то у меня папик приехал.

– Приезжай Поль, поболтаем. Давай-давай, приезжай. Поболтаем... (Голос у Муси был какой-то взволнованный).

– А что случилось-то? У тебя всё в порядке? У тебя голос какой-то...

– Приезжа-ай, просто приезжай. У МЕНЯ всё в порядке! Ну давай, приезжай, – поболтаем. У меня кое-что вкусное есть... Через сколько будешь?

– А у кого тогда не в порядке? Ха-ха...

Я подумал, что раз папик не звонит, значит, он плотно завис у Пашки, значит...

– Ну что? Когда тебя ждать, пятнадцать? Двадцать минут? – оторвал меня от раздумий (всё-таки взволнованный) голос Муси.

– Сейчас приеду.

Каким-то чудом, не попав в пробку, через двадцать пять минут я был около Мусиного дома. Всё-таки в Казани всё рядом, если на машине и если без пробок. Лифт поднял меня на десятый этаж. Выйдя на лестничную площадку из кабины, я посмотрел вправо, потом влево, тщетно пытаюсь вспомнить какая у Муси квартира. Так ничего не вспомнив, я вытащил из кармана сотовый, но набрать Мусин номер не успел, так как она собственной персоной появилась из правой двери. Переступив порог и поздоровавшись, я заметил, что Муся убитая.

– Муся, ты убитая? – спросил я у Муси.

– Да. Хочешь?

– Нет.

– А будешь? – она засмеялась, но над чем-то своим.

– Буду.

Спустя десять минут (а может три часа) я хохотал и катался по полу Мусиной кухни. Как только приступ хохота кончился, я кидал взгляд на сидящую на стуле и смотрящую на меня безразличным взглядом Мусю, и меня накрывала новая волна веселья. «И всё-таки она чем-то обеспокоена», – подумал я сквозь пелену дурмана. На пике наркотического опьянения я начал мыслить в свою любимую в таких случаях сторону – социологическую, как я её называл. Я начал думать о взаимоотношении людей, об обществе и своём месте в нём каждого из нас. Следует, наверное, взять в кавычки словосочетание «своё место в нём», ибо если отринуть собственную личность, признав её продуктом, так называемого личного опыта, то... Мысль перелистнулась. Пришло время образных представлений и, я представил себе интеллектуальный багаж человека как горстку зёрен на гладкой поверхности, а если у человека имеется чувство юмора, то эта поверхность становится зеркалом и размер чувства юмора равен количеству отражённого в этом зеркале зерна.

– О чём думаешь, – спросила Муся, но по выражению её лица было видно, что она не хочет выслушивать ответ.

– Долго объяснять, – ответил я.

– Понятно... Понятненько...

Ещё через какое-то время мы оба сидели за кухонным столом и сосредоточенно курили обычные сигареты. Я понял, что сейчас Муся мне скажет о причине того, почему она меня позвала, потому что возможность созерцания меня катающегося по полу её кухни, конечно, не было настоящей причиной её внезапного приглашения.

– Как работа? – начала Муся. – Нравится?

– О нет. Только не говори, что у кого-то из твоих друзей отняли права и, дело будет слушаться в нашем суде!.. – иногда я бываю чертовски проницательным.

Муся сидела, не шелохнувшись и не сводя с меня взгляда. Я понял, что угадал только часть.

– Ты угадал только часть, – промолвила Муся без всякого выражения.

– Мусенька, говори.

– Помнишь я тебе рассказывала про своего одноклассника, с которым я училась в универе, который потом уехал в Питер?

– Э...

– Не помнишь, ну ладно. Он, короче... Мы, короче, с ним «наладили небольшой бизнес»... Вот... Он сейчас сидит в следственном изоляторе в Казани. Дело будет слушаться в Центральном... Через три недели. Вот такая история.

Горячий пот покрыл моё тело в доли секунды, даже волосы; сразу холодный пот лёг поверх горячего и, у меня зачесалось в нескольких труднодоступных местах одновременно.

Ком в горле изменил мой голос.

– Машенька, я ведь просто секретарша!.. К тому же на плохом счету... Секретутка судебного, мать его, заседания!.. Что я могу?!.. Я никого не знаю! Я даже не знаю того, кто кого-нибудь знает! Маша!!! – мне стало так горько. Я почувствовал, что сейчас расплачусь.

– То, что мы сейчас с тобой курили, привёз Денис из Питера...

– Маша... – пропищал я.

Конечно, меня ещё держало...

– Да я и не рассчитывала на то, что ты сможешь нам помочь, просто хотела проверить все варианты... Забудь.

– Мне действительно очень жаль, ты ведь знаешь, что будь у меня малейшая возможность тебе помочь в этом деле, я бы... – я продолжал говорить хныкающим голосом.

– Да ладно, проехали... Будешь чай?

– Да нет, мне пора ехать, у меня ведь папик приехал. Он скоро звонить начнёт.

– Да всё говорю, забудь про это дерьмо; я сейчас чай заварю, «Молочный Улун», чтоб его...

Мы сидели и медленно пили горячий чай. Я ещё разок хихикнул, но осознание того, что мой смех уместен в данный момент также как разбитая форточка в подводной лодке, заставило меня погрузиться в скорбное молчание.

– Му... – телефонный звонок не позволил мне продолжить фразу.

«Ну, где ты там? Дрочишь? Давай приезжай, забирай меня. Я выхожу на улицу, – около ворот тебя подожду. Через пять минут будешь ведь?» – папа был заметно повеселевший, видимо неплохо нагрузился, пытаясь снять стресс от дороги. «Слууушай, я тут отъехал немного. Я не дома пока. Через пять минут, конечно, не буду. Давай не выходи пока из дома, я наберу тебя, как подъеду», – притормаживая, выговорил я. «Начинается!..» – без злобы сказал папа, – алкоголь всегда делал его добрее. «Я у одноклассницы, у Муси» – я взглянул на Мусю, с равнодушным видом сидящую в двух дециметрах от меня, и сердце моё сжалось. Подавив очередной спазм в горле, я выдавил: «Через пятнадцать минут буд...»; положил трубку. Втянув в себя текущие от нервного расстройства сопли, сказал что-то типа: «Мусенька, я пошёл, я позвоню, ладно... Спасибо за чай и за... Пока, на связи...»; не стал вызывать лифт, – решил, что небольшая пешая прогулка под горку освежит мою голову.

Через полчаса я наконец-то подъехал к воротам частного дома нашего родственника. Набрал папу. Он сказал, что уже вот-вот выходит, в итоге вышел только через двадцать минут. Пока я его ждал немного послушал вечернее шоу по «Европе-плюс» с Камоловым. Время натикало ни много ни мало – двадцать один час с чем-то... Бляха-муха-Цокотуха! Какой длинный день! На три главы бы потянул... Папара-рурам... – постукивал я по рулю. В голове была пустота, начался приступ голода.

Через двадцать девять минут мы причалили к подъезду Эн.

– Давай, идём, – скомандовал папик.

– Сам сумки не дотащишь?

– Пойдём, попьём чай. У тебя глаза красные. Накурился?

– Ладно, пойдём, поку... попьём чай.

Я был не готов увидеть Эн. Третий этаж. Нас уже ждали. Мама Эн наверняка накрыла на стол. Папик шёл первый. Эн открыла дверь.

– Привет дядя Паша! Как доехали?! Бухали всю дорогу?! – спросила Эн, смеясь.

– А как же!

Эн обняла папика, наши взгляды встретились. «Привет», – сказал я одними губами. «Привет», – тихо сказала она, всё ещё обнимая папика. Наверное мои глаза в этот момент были как у дворового щенка, которого ни с того ни сего щёлкнули по носу. Я плёлся за папиком, пока он вваливался в прихожую. Через пять минут я уже ел тушёную капусту, которую ни при каких обстоятельствах не стал бы есть раньше. Если бы мне предложили отведать холодец или медузу, я бы не отказался. Да уж, у Муси «бестолковкой» не раскуришься. По мере того, как желудок наполнялся, я чувствовал всё большее умиротворение.

– Как дела, Польша? – спросила Эн, рассчитывая на дежурный ответ, но не услышала даже его, потому что в этот мо-

мент я закинул в рот ещё одну вилку капусты, хотя не проглотил предыдущую. Я сделал жест, означающий «сейчас дожую и отвечу», но когда дожевал, момент для продолжения беседы был упущен. Папик с дядей – отцом Эн – вели обычную беседу некоторое время не видевшихся родных братьев. Эн сделала едва заметный жест означающий «пойдём я тебя провожу до машины и заодно покурим».

– Спасибо, я поехал, – сказал я, вставая из-за стола.

– Давай что, – отозвался папик.

– Во сколько завтра за тобой приехать?

– Ну, позвоню, что уж ты, в самом деле... К восьми подъезжай! – раздражённо ответил папик. – Понял?

– Проводишь меня до машины, – спросил я, обращаясь к Эн. – Понял-понял.

Эн с энтузиазмом закивала. Чёрт возьми, какая же ты красивая...

Перекур начался в полном молчании. Потом Эн набрала воздух в лёгкие, но... ничего не сказала. Потом я набрал воздух в лёгкие и сказал:

– Представляешь Эн, ты мне сегодня приснилась.

– Мда, и что я делала?

– Как будто мы с тобой находимся в одной комнате, а наши армии – мы полководцы, представляешь – идут навстречу друг друга, чтобы сражаться. Абсурд, да?..

– Да. И всё? Больше ничего не было?

– Больше ничего. Абсурд, да?.. – глупо хихикнул я.

– Да...

– Хочешь Ваенгу послушаем?

– Нет, я сейчас уже пойду.

– Ладно... – я включил то, что было. – «Clouse you yes, and I kiss you; tomorrow I miss you...» – зазвучало из колонок. Нажал ещё раз – включился диск: «...бла-ла-ла нам напели мол

Пара лет, до-до конца Света

И за что тебе нравится

Так эта планета?..» Выключил. Я почувствовал стыд за своё пребывание на Земле. Покраснел, стал теревить переключатель скоростей...

Через двадцать минут я уже, умытый и протёртый льдом, лежал на диване и читал с телефона «Работа актёра над собой». «Раз, другой вы посадите себе синяк или шишку на лоб. Преподаватель позаботится о том, чтобы она не была слишком велика. Но слегка ушибиться – «для науки» – не вредно. Это заставит вас в другой раз повторить тот же опыт без лишних размышлений, без мямленья, с мужественной решимостью, по физической интуиции и вдохновению». «Вся моя жизнь посвящена перевоплощению» – сказал мне со страниц Станиславский. «Хорошо», – ответил я. Засыпая, взглянул на часы. «Московское время: двадцать два часа двадцать две минуты», – сказал Станиславский. «Удача при мне», – проямлил я.

День второй

Тридцать первое октября две тысячи одиннадцатого года... Понедельник. Семь тридцать утра. Это был самый настоящий восторг, я подумал, что не смогу жить ни в какой Калифорнии. Я был готов подпрыгивать как щенок и ловить его ртом. А, какого чёрта! Я стал подпрыгивать и ловить снег ртом. Люди, проходившие мимо, видели человека, который подпрыгивает и ловит снег ртом. "Выживший из ума БИЧ", – думали люди.

Меж тем, пора было забирать папика от Эн. Я метнул пакет с мусором в контейнер и побежал к машине. Нужно было ещё заехать на заправку, папик дал тысячу рублей накануне; полного бака при наших разъездах должно хватить на два дня.

Я возник на пороге квартиры Эн ровно в восемь утра. В восемь утра и пятнадцать секунд я стоял в проёме гостиной и смотрел на то, как мой папик в одних трусах сидит напротив телевизора и переключает каналы. Я собрался было что-то сказать, но появившийся отец Эн отвлёк меня.

– Что как дела, Поль? Чем занимаешься? – спросил дядька.

– На больничном нахожусь, трахаю социальную систему государства российского, – ответил я дяде, демонстрируя фиксатор на сломанном пальце.

– Это ты как умудрился, – естественно спросил дядька.
«Это он дрочил», – донёсся из комнаты голос папика.

– Да, но сломал при других обстоятельствах, – ответил я.

В гостиную зашла Эн. «Привет, выспался?» – спросила она и сразу снова вышла.

– Ну, ты готов, давай, поехали, – обратился я к отцу.

– Не так быстро, я ещё не завтракал, – ответил папик.

Из спальни на кухню мимо меня пронеслась мать Эн и, с татарским акцентом, как обычно, сказала: «Привет, Поль. Снимай куртку, пойдём завтракать». Я не успел никак отреагировать на слова матери Эн, как снова появилась Эн. Зайдя в гостиную уже полностью готовая к выходу на работу, она села рядом с папиком и устала в телевизор.

– Смотри, – сказал папик, обращаясь ко мне и указывая на телеэкран. – Вон тебе куда надо, у тебя же геморрой.

По телевизору шла реклама какого-то медицинского центра, – в данный момент шёл ролик с видео, где лазером срезали какие-то отвратительные ошмётки с непонятного места, хотя догадаться, что это за место, было нетрудно. Моё лицо вспыхнуло.

– У тебя геморрой?! – Эн удивлённо повернула ко мне лицо.

– Слушай его больше! Я вообще не знаю, что это такое! – по моему лицу было заметно, что я прекрасно знаю, что это такое. – Ха! Да не знаю... – сказав это, я развернулся, чтобы как бы уйти на кухню; я начал идти нарочито мелкими шажками, чтобы создать комический эффект, как будто я действительно сильно страдаю вышеупомянутым недугом. Все

поняли мою шутку и засмеялись.

– Это наша расплата за прямохождение. Сверху мы расплачиваемся гайморитом, а снизу геморроем, – заполировал я шутку.

Из кухни появилась мама Эн и позвала нас с отцом к столу. Эн встала с дивана и, попрощавшись со всеми, уехала на работу.

Через полчаса мы с папиком сидели в машине во дворе Эн. Папик теребил свой телефон и соображал, в какую сторону поехать.

– Ты конечно вор авторитетный, – начал я разговор. – Но зачем ты при Эн про геморрой?! Что она теперь подумает?

– Завидовать будет, – ответил папик, не отрываясь от телефона. – Давай в цент города, в Кирстан.

Мы нет-нет, да и бросали друг другу реплики из советских фильмов.

– Чёрт возьми, сейчас в сторону центра самые пробки! – я тронулся.

Кирстан в Казани – это такой комплекс, где есть всё для состоятельных людей, – гостиница, салоны красоты, боулинг, бильярд, бутики одежды, релакс-студии и чёрт знает что ещё; и он находится в пяти минутах ходьбы от моего места работы. Итак, без двадцати десять мы зашли в Кирстан и уселись в лобби гостиницы. Папа с кем-то созвонился. Через десять минут к нам подошёл какой-то солидный дяденька. Папа с дяденькой отсели на соседний диван, а я продолжил

чтение художественной литературы. Через несколько минут мне стало скучно и я, сказав папику, чтобы он мне позвонил, когда закончит встречу, отправился прогуляться под первым снегом. Я решил посетить дешёвую суши-забегаловку, в которую пару раз ходил во время обеденного перерыва.

Через две минуты ходьбы по осенней жиже, я зашёл в суши-бар. Посетителей не было. По телевизору шёл «Гарри Потер». Я заказал «Филадельфию» и зелёный чай.

– Вам две порции? – спросила, похожая на сумасшедшую, официантка.

– А они маленькие что-ли? – я начал всматриваться в меню, чтобы разглядеть сколько грамм весит блюдо.

– Нет. Восемь штук в порции, – смотря куда-то позади меня, дрожащим голосом ответила женщина.

– Тогда зачем две? Я одну-то не осилю! – я понял, что она с перепоя.

– Ваш друг ничего не будет? – неуверенно спросила она.

Я обернулся, – никого рядом со мной не было, как я и думал. "Ты слишком красивая, чтобы быть сумасшедшей", – подумал я, развернулся и отправился за стол, ожидать заказ.

– Спасибо, – в спину кинула мне девочка.

– Вам спасибо, – уже ничего не понимал я.

Только я закончил трапезу, как позвонил папик. «Я до тебя дозвонился только с третьего раза, приходи, где ты там?!» «У меня с телефоном не всё в порядке». «Ничего не слышу, ты где?».

Спустя полторы минуты я подходил к машине, издалека нажимая кнопку «открыть», потому что папик уже мялся с ноги на ногу под мокрым снегом около пассажирской двери. Мы сели.

– Что это за фраер? – спросил я у отца.

– Друг одного друга, нефтью занимается... – отец снова достал свой телефон и начал кого-то набирать. «Привет, это Павел. ...Да, приехал... Где?.. Где? Во сколько?»

– Ресторан Карфаген на Бутлегерской знаешь? – прикрыв микрофон рукой, спросил у меня отец.

– Естесна... – я действительно знал всю Казань.

«Договорились», – положил трубку.

– Во сколько надо там быть, – спросил я у отца, глядя на часы на приборной панели, которые показывали одиннадцать часов одиннадцать минут. Удача при мне...

– В двенадцать.

– Успеем, это здесь недалеко. С кем там встречаешься?

– С Команданте, – ответил папик.

Это уже интересно. Когда мы подъехали к ресторану, я сказал: «Я тут посижу – почитаю. Как-никак я сейчас должен быть на работе, а я тут с тобой катаюсь». На что отец ответил: «Я тебя с собой и не звал». Отец ушёл к крыльцу заведения, ждатель Команданте, а я нажал кнопку центрального замка, включил посильнее печку и углубился в чтение. Через какое-то время ручку двери задёргали, – отец пытался попасть внутрь. Я открыл; он, заглянув в проём, приказал

мне ехать до суда и там, около входа, ждать его. Я так понял, что он доедет до суда на машине Команданте. Через пятнадцать минут я подъехал к зданию суда, одна из машин шефа стояла около входа. Хорошо. Я нашёл место и припарковался. Снова углубившись в чтение, я потерял счёт времени.

На часах было шестнадцать часов пятнадцать минут, когда мы с отцом ехали (а точнее стояли в пробке) на мосту Миллениум.

– Ну что, как тебе нравится работа? Команданте говорит, что ты не слишком-то интересуешься профессией, – я ждал, что разговор зайдёт про мою работу и вот он зашёл.

– А я и не интересуюсь, – я шёл ва-банк. – Что у вас за дела с шефом, отмазываете кого-то от тюрьмы, – не дав опомниться, спросил я.

– Как это ты догадался, – с сарказмом проговорил папик, а дальше уже серьёзно. – Да... Дима попросил поговорить с Команданте насчёт своего друга... Лексуса, кажется... Ему светит «мошенничество в особо крупном...»

– Дима? Дима-палец в носу-Дмитриевич?! – я должен был уточнить, что речь идёт именно о моём троюродном брате Диме.

Я знал, что если папа не хочет ничего рассказывать, то и спрашивать бесполезно, но, если уж заговорил, то выложит всё и, я приготовился слушать.

– ...А я ему говорю, что если он не заплатил мне сто кусков за беспокойство, то я и пальцем не пошевелю. И вообще

ничего не гарантирую ни в каком случае...

– И что? Ты здесь, а где сто кусков? – я посмотрел на папика.

– Дима должен завтра привезти, – со злобой проговорил отец.

– А Дима что с этого получает? Комиссию?

– Мне пох...й что Дима с этого получает, я сказал – мне сразу сто кусков! – папа начал злиться не на шутку, как будто его уже обманули.

– Что шеф говорит? – осторожно спросил я через две минуты.

– Я ему сказал, что так, мол, и так – человек о котором идёт речь – мой коллега и его интересы – мои интересы, поэтому бы хотелось заплатить разумную сумму... – было заметно, что отец вспоминает не только событие, но свои чувства. – Я спрашиваю – двести тысяч достаточно будет? Думал, что он скажет: «Да ты что, этого много...», а он говорит: «Да, нормально...», типа – ну раз уж мы такие друзья, с понтом!.. Он сразу набрал чей-то номер, командирским тоном потребовал, чтобы ему дали сведения об этом деле; ему через минуту перезвонили – всё доложили... Оказывается, телефоны этого хрена прослушиваются давно, – этот Лексус уже на «десяточку» наговорил!.. Он почти уже «паровоз». А за две сотни станет свидетелем, легко...

– Подожди-ка, подожди... Речь что, идёт о двух сотнях тысячах долларов?! – я открыл рот от удивления.

– А ты думал о двухстах тысячах фантиках от жвачки, ё.. твою мать!

– Хера-се! Это ж сколько в рублях?! – я достал из дверной ручки телефон и полез в калькулятор.

– Что совсем считать не умеешь?! Шесть миллионов... – отреагировал отец.

Я, на всякий случай, проверил на калькуляторе, – действительно – по курсу один к тридцати – шесть миллионов.

– А Димин кореш располагает такими средствами? – спросил я у отца.

– Да мне по!.. Располагает он или нет! Моё дело спросить... За сто тысяч рублей. Команданте сказал, что вообще-то «такие вопросы» решается через его помощника... Я видел его помощника, – скользкий тип.

– Ага, этот его новый помощник раньше судьёй был. Всем в суде интересно: что такого натворил судья, чтобы лишиться статуса?! А в случае, если он пойдёт до конца и выложит означенную сумму, – ты ведь поимеешь ещё?! – я снова повернулся к отцу.

– Ясен х..й!

– Круто! Но, сто тысяч рублей, ни за нах...й – тоже неплохо, – моё настроение улучшилось, потому что жизнь показала интересной и авантюрной. Всё, что я любил в кино, происходило почти в моей жизни. Я включил музыку.

«Мой горец – парень удалой,

*Широкоплеч, высок, силен;
Но не вернется он домой,
Он на изгнание осужден.
Как мне его вернуть,
О, как его вернуть?
Я все бы горы отдала,
Чтоб горца вновь домой вернуть...»*

– Подожди-ка, – я убавил музыку. – А ведь ты уже спросил. А деньги ещё не заплачены!

– А кто об этом знает?!

Двадцать часов ноль минут того же дня. У меня неизвестно откуда остались силы, и я решил поработать. Я – сумеречный таксист. Предчувствие везения не обмануло, – первый же заказ был в аэропорт; московский парень приезжал по работе, а теперь улетает обратно. Пять сотен. Когда я подъезжал к терминалу, мне позвонила диспетчер и попросила взять заказ из аэропорта в город. «Ну, ещё бы! Скидывайте!» Заказ ко времени. Жду. Не знаю как в других городах, а в нашем можно бесплатно подъехать к самым дверям терминала, но только на пятнадцать минут. Я делал ещё проще, – созванивался с клиентом и договаривался встретиться около входа в терминал; оставлял машину за территорией и шёл пешком встречать человека, помогал докатить сумки и всё такое. Когда подошло время, я позвонил по указанному

в заказе номеру; ответила девушка. «Я невысокого роста и у меня красные волосы. Розовая пластмассовая сумка на колёсиках». «Ок». Пока я ждал невысокую с красными волосами, мимо меня несколько раз пронёсся интеллигентного вида пожилой мужчина с большой ручной сумкой, он отчаянно ломился во все двери, верно опаздывая, но двери, как в страшном сне, были закрыты; вконец обезумев, мужчина начал кидаться на людей, хватая их за одежды, вопрошая совета. Меня он почему-то не хватал и ни о чём не спрашивал, меня это задело. Наконец, пошёл поток людей, я начал высматривать в толпе своего пассажира. Через некоторое время я её увидел и пошёл вслед за ней. Она оказалась вовсе не девочкой, а женщиной лет тридцати трёх. Пройдя за ней шагов двадцать, я привлёк её внимания, назвав ей адрес. Она сказала: «Да». Я взял её сумку и мы направились к машине. Пока мы шли, она сказала: «Вы не похожи на таксиста. Чём вы на самом деле занимаетесь?» «Я – писатель». «А!» Мы погрузились. Она села сзади и сразу же просунула голову между передними подголовниками, чтобы удобнее было разговаривать. Мы понеслись в сторону города.

– А что вы написали? – начала разговор пассажирка.

– Практически ничего, только несколько рассказов.

– По моей жизни можно написать роман. Да. Сейчас я председатель общества ВИЧ-инфицированных. У меня было тяжёлое детство. Мать умерла, когда рожала меня. Я была последним ребёнком в семье. У меня три брата и две сестры.

Отец сильно пил и нами почти не занимался. Занимался... только... нашей старшей сестрой... А потом он и меня заразил...

Я сидел и не верил своим ушам. Видимо, как только называешься писателем, так сразу к тебе начинают липнуть страшные жизненные истории.

– Потом я забеременела в шестнадцать лет... Но это не помешало мне закончить институт, сначала у нас – в Башкирии, потом уже Казанский университет, – продолжала она. – Потом родился второй ребёнок, а два года назад, мы с мужем усыновили третьего, мы специально выбрали ВИЧ-инфицированного ребёнка. Да, жизнь – это постоянно преодоление препятствий, – констатировала красноглазая ВИЧ-инфицированная молодая женщина.

Некоторые, прямо не могут жить без проблем. Ещё люди думают, что если они умирают, то другие – нет. Я снова начал размышлять о том, что если воспринимаешь жизнь как борьбу, то она станет борьбой. Интересно: если воспринимать жизнь как куриный бульон, она станет таковым?.. Я не против человеческих иллюзий относительно жизни и самих себя, я просто не люблю, когда кто-то начинает верить в своей правоте другого, сбивая с толку.

– Я бы хотела написать историю своей жизни, – историю борьбы и преодоления, чтобы вдохновить других... Конечно, издать книгу под эгидой нашего сообщества.

– Я бы мог написать вашу историю. Мне для этого необ-

ходимо порасспросить вас о разных вещах, узнать ваше мнение по разным вопросам. Вы должны будете мне сказать, что хотите видеть в этой книге, самые разные моменты, разные тонкости и полутона. Вы бы мне сказали, какой героиня должна предстать перед читателем, какой она видится самой себе, как воспринимают её самые близкие, что бы она могла простить, а что бы не могла, её страхи, цели и... главная цель и многие многое другое. И это всё – лишь ваша субъективная точка зрения, точка зрения носителя истории о правде, а не самой правды. Я бы, в свою очередь, сказал, как я вижу вашу героиню, какие черты нужно усилить или подчеркнуть, а какие затушевать, – для художественной убедительности; в каких местах необходимо приукрасить факты, а что-то и вовсе сочинить. Всё это совершенно необходимо проделать, чтобы ваша серая (вы уж извините) история приобрела черты духоподъёмного эпоса о неисчерпаемых человеческих возможностях и нескончаемой борьбе добра со злом, в которой неизбежно побеждает первое. К тому же, цель любого подобного литературного произведения – быть донесённой до как можно большего числа людей, а без экранизации этого не добиться, поскольку удручающее чтение никто читать не захочет. Итак, в процессе экранизации, сколь угодно сложный психологически-изошрённый сюжет упрощается до уровня «палка-палка-огуречик» и становится главным событием Берлинского фестиваля, жюри которого усматривает в невезении отдельно взятого человека социальную ка-

тастрофу земного масштаба; специальный приз, общественная дискуссия, спонсорские взносы, уход от налогов, оффшорные счета, прототип главного героя под гнётом собственного величия приобретает до конца своих дней комплекс сестры Терезы и авторитет в определённых кругах; зло наказано, всем спасибо, – я закончил мысль. – А ну и конечно, некий блик на теле повествования, чтобы один из миллионов читателей понял неочевидность очевидных вещей и наоборот, – теперь уже точно закончил мысль я.

– Да... – задумчиво произнесла она. – Вы профессионал своего дела. И что вам надо для того, чтобы начать?

– Постоянное присутствие рядом с вами в течение какого-то времени, для того чтобы я уловил дух героя и узнал чек-поинты, по которым должна следовать сюжетная канва, и аванс.

Высадив, в середине пути окончательно умолкнувшую, пассажирку, я выбрал заказ в сторону своего дома. На этот раз попались две хорошо подпитые женщины лет сорока пяти. Они говорили между собой о взятых кредитах и взрослых детях. Та, что сидела справа от меня, в порыве чувств несколько раз хватала меня сначала за руку, потом за грудь, потом за то место, которое я должен показывать на кукле в кабинете психиатра заливаясь слезами. К концу пути они завели довольно интересный разговор, выводом из которого был тот факт, что матери больше любят сыновей, а отцы – дочерей. Я решил, что на сегодня достаточно премудростей,

время: без десяти следующий день, и уехал домой.

День третий

Как все и думали, снег растаял, и город утонул в грязи. Я заехал за папиком в два часа дня. Мы отправились к его старинному другу, которого я помню с детства – дяде Володе. Этот дядя Володя – очень интересный человек. Было бы неправильно, не рассказать о нём поподробнее. Начну с внешнего вида. Высокий полноватый человек с густой седеющей шевелюрой. Немного навывкате карие добрые глаза. Нос картошкой. Губы пухлые и тоже слегка навывкате. И тогда и сейчас предпочитающий одежду в стиле casual. Его речь выдаёт начитанность и интеллигентность; совершенно не использующий нецензурные слова, человек. Интеллектуал. Я, – довольно-таки наблюдательный человек, да ещё и с опытом работы в такси, ни за что бы не понял, что данный гражданин провёл в тюрьме девять лет. Когда я спрашивал у папы: «За что?», он ответил: «За предпринимательство». По-порядку. В конце восьмидесятых дядя Володя работал по профессии – стоматологом. Не знаю, каким он был врачом, но аферистом он был от Бога. Начиная мухлевать килограммами стоматологического цемента (и прочими расходными материалами) в государственной поликлинике в конце восьмидесятых, перешёл на строительный цемент – где счёт шёл на вагоны – к середине девяностых. Конечно, он занимался всем, чем только мог. Он был из той породы лю-

дей, которые видят возможности нажиться, даже глядя на чистое небо. Будет неверно утверждать, что дядя Вова – алчный человек, это вовсе не так, он – азартный игрок в широком смысле. Ося Бендер в кубе. Дядя Вова когда-то был единственным на постсоветском пространстве обладателем трёхуровневой квартиры-хрущовки. Купив три однокомнатных, находящихся одна над другой квартиры, он соединил их винтовыми лестницами, а в полу нижней квартиры проделал лаз в подвал, а уже из подвала проделал запасной выход на улицу, из которого и убежал, спасаясь от первой попытки ареста в девяносто восьмом году. Папа рассказывал, что дядю Володю выкуривали слезоточивым газом, а когда ворвались и не обнаружили никого, то подожгли жилище, предварительно, конечно, украв всё ценное. Через несколько недель дядю Вову всё равно поймали и, после долгого предварительного следствия, приговорили к девяти годам лишения свободы; выносил приговор по данного уголовному делу, как вы думаете кто? Команданте! Команданте – тогда рядовой уголовный судья Центрального районного суда, приговорил дядю Володю к «девяточке». Конечно, когда папа узнал о таком повороте дел, незамедлительно принял меры, но, по какой-то причине в условно-досрочном освобождении было отказано. Когда «прозвенел звонок» и наш герой вышел на свободу, он сразу включился в теневую экономическую жизнь. Я помню дядю Вову ещё с детства, помню его жену и двоих детей, – мальчика и девочку, они были погод-

ки, лет на шесть-семь старше меня.

И вот этот человек подсел к нам с папой в машину на одном из перекрёстков недалеко от центра города. «Тут поблизости есть интересное заведение, «Старый Душанбе» называется, я там постоянный гость, поехали туда, займём отдельный кабинет, там нас никто не потревожит», – сказал дядя Вова с заднего сиденья. Мы отправились в «Старый Душанбе». Время шестнадцать часов ноль пять минут, – уже начинаются непролазные пробки. Я смотрю на осеннюю слякоть, а на заднем плане обнимаются папик со своим другом.

«Старый Душанбе» был, как проницательный читатель уже догадался, азербайджанским заведением и работали в нём исключительно азербайджанцы. Но отдыхать туда приходили все подряд, в основном небогатые взрослые дяденьки и тётеньки. «Я ни разу отсюда один не ушёл», – так рекомендовал данное заведение дядя Вова. Мы заняли так называемую VIP-комнату. В России приставку «VIP» может носить что угодно. Из особенностей этого прямоугольного (2,5 x 5 метров) помещения, кроме того, что само нахождение там стоило отдельных денег, было то, что приходилось очень долго ждать официанта – азербайджанца лет сорока в грязной униформе, ещё там было ужасно холодно, вместо окна была какая-то амбразура над самым потолком, на стенах висело какое-то хамство в пластмассовых рамках; и ещё раз – там было ужасно холодно. У всех пронеслась одна и та же мысль: «Как в советские времена», наверняка, каждый

вложил в эту мысль что-то своё. Папик заказал чай, картошку с мясом, зелень, сладости, пиво и ещё кое-что. Из «азербайджанского» была принесена минералка с газом. Для чая подали рюмки очень похожие на шоты для текилы. Как раз, когда было принесено последнее блюдо, к нам присоединился другой папин друг молодости (тот про которого я уже вам рассказывал, который «пикнул» их делового партнёра в предбаннике) с женой. Их я тоже знал с детства; их детей тоже смутно помнил. Я не особо вслушивался в их разговоры, – поел и начал читать, потом ещё поел и дальше читать. Но через какое-то время слово взял дядя Вова-аферист и я наострил уши. Дядя Вова начал рассказывать про какую-то свою очередную «делюгу» и, в качестве наглядного материала, извлёк из кармана необработанный камень, назвав его просто «камень». Такой-де камень, правда, огранённый, потянет на сто тысяч долларов. Чтобы иметь возможность показать нам сейчас «камень», дядя Вова пронёс его у себя в одном месте через проходную завода в Якутске, из которого недавно вернулся. Суть его дальнейших объяснений сводилась к тому, что он собирается наладить регулярное воровство с завода таких вот полуфабрикатов вместе с аффилированными сотрудниками данного производства, в частности с работниками рентгеновской установки, через которую проходят все закончившие смену рабочие. Положив камушек на стол, дядя Вова извинился и вышел. Пока дядя Вова отсутствовал, все гипнотизировали взглядом «камень». Про-

странство и время немного исказилось. Дядя Вова вернулся в «комнату для особо важных персон» и радостно сообщил, что его команда выиграла и что по пути домой он заскочит в букмекерскую контору и заберёт свои тридцать две тысячи. По лицам присутствующих мужчин было видно, что они искренне рады за товарища.

Время приближалось к девяти часам вечера, пробка немного рассосалась. Позвонил Дима, сказал, что в десять часов вечера въедет в Казань. Папик договорился с ним встретиться у въезда в город по челнинской трассе. «Ты знаешь, где это?» – спросил у меня папик, не отрывая ухо от трубки. «Да», – ответил я, не переставая жевать. Встреча подошла к концу.

– Завтра идём на ретро-вечеринку в Кирстан, возражения не принимаются, – резюмировал в конце встречи отец. – Ты, – обратился он к дяде Вова. – Постригись к завтрашнему дню и... похудей хотя бы на двадцать килограмм.

Папин товарищ с женой уехал на такой же, как у меня машине, дядя Вова ушёл пешком, поскольку жил рядом, а мы с папиком поехали в другой конец города – в квартиру его сестры (моей тётки) – офицера в отставке, которая уехала в деревню, передав через отца Эн моему отцу ключи от своей квартиры, чтобы он там обретался, не мешая течению жизни семьи Эн. Поднявшись на десятый этаж без лифта, папа принялся пить чай. Пока мы поднимались, папик потратил больше калорий на матерщину, чем на сам подъём. Я от

чая отказался, так как «больше всего ненавижу невежество, грубость, нытьё, сплетню, мещанство и вечное питьё чая», о чём не преминул сообщить отцу. Пока отец гремел посудой на кухне, я развалился на диване и продолжил читать Станиславского, а обстановка квартиры «заставляла думать о нищете духа, о мещанстве, о каботинстве окружающей среды», особенно плоский телевизор на всю стену. Через минуту отец притащил поднос в комнату и включил телевизор.

– Вот сразу видно – мужика в доме нет, – всё чистенько, уютно, всё на своих местах, – начал хохмить папик.

– Ага... – откликнулся с дивана я. – Тут проспект Победы недалеко, – может, проститутток снимем, раз уж хата в нашем распоряжении?

Папа посмотрел на меня и глубоко задумался. Зазвонил его телефон. Это был Дима Дмитриевич. Дима сообщал, что через полчаса будет на месте. Через десять минут отец допил чай, при этом облившись потом. Ещё через пять мы выдвинулись навстречу Диме.

Погода тем временем изменилась в сторону резкого похолодания. Мы стояли около въезда в город, я высматривал Димин джип. Через несколько минут я увидел мужской силуэт за рулём серебристого авто в котором безошибочно опознал своего троюродного брата.

– Вон это кекс, – сказал я папе. – Палец в носу его выдал с потрохами.

Папа засмеялся. Тем временем Тойота припарковалась в

пятнадцать метрах от нас. Мы с папиком выбрались из машины и потрусили в сторону Димы. «Привет-привет». «Как дела-нормально». «Ты нас не оставишь с дядей Пашей наедине», – спросил у меня Дима. Я обиделся, что в моём присутствии не хотят обсуждать свои делишки и, со словами «Ну и пожалуйста», вернулся в свою машину, где принялся слушать музыку.

«Снег белый мне ветры и холод приносит, дождь мокрый разбил как Надежду асфальт; снег белый-белый, дождь мокрый...» Папа задёргал ручку. Я нажал кнопку центрального замка, и он проник внутрь.

– Езжай вперёд и остановись около какого-нибудь приличного заведения, – Димка поесть хочет, – он сейчас обратно уматывает, – скомандовал отец.

– Около «приличного»? Или около «пафосного», где Димина привычка ковырять в носу будет принята за милую особенность состоятельного человека, которая придаёт пикантности его образу в глазах окру...

– Потом пи...ть будешь, поехали, – папа убавил звук магнитофона оборвав Надежду на полуслове.

Довольно скоро я причалил к заведению под названием «Fricks». Я никогда там не был, но частенько, работая в такси, привозил сюда и увозил отсюда молодых ребят, родители которых относятся к среднему классу казанского общества. Дима припарковался рядом, взгромоздившись на своём люксовом говномесе (может я просто завидую) на бордюр.

Внутри, несмотря на будний день, было полно народу. Молодёжь, как я и ожидал, выглядела с претензией на креативность – бороды разной выделки, сальные косички и хвосты, очки в разноцветных оправках, полосатые свитера. Расстановка столов не располагала к интимному общению. Мы втиснулись между двух пьяных компаний и сделали заказ. Папа продолжил пить чай. Дима заказал салат. Я попросил принести кофе и шоколадный чизкейк, – моё любимое лакомство; ещё бы сигаретку, но при папе я не хотел курить. Во время этого перекуса Дима с папой ничего не обсуждали касательно этого дела, не иначе обсудили всё в Диминой машине. Дима рассказывал про своего босса, которому убить человека, что в носу поковырять. Дима рассказывал про свою жену, которая «отбилась от рук». Дима рассказывал про своего тестя, который купил себе Bentley. Дима рассказывал про свою тёщу, которая весит как кит и также как кит, не может дышать на суше. Дима рассказывал о своём пасынке, который шлёт Диму со всеми Димиными мечтами и чаяниями на три средневожские буквы. Градус веселья тем временем на глазах повышался. Крики, дружеские и не только, усиливались. «Ты моя лошадь, я твой ковбой, ты моя лошадь, я твой ковбой», – страстно шептал Шнур из колонок. Однако Дима с лёгкостью перекрикивал и пьяную свору и пьяного Шнура из колонок. «И вот я её порю, а сам даже не верю в это... Я её полгода уламывал, дядя Паша!..» – Дима уже рассказывал о сотруднице бухгалтерии, жестами помогая нам с

папиком лучше представить сказанное. От съеденного торта и выпитого кофе мне стало хорошо и совершенно на всё наплевать; я знал, что это чувство скоротечно, поэтому наслаждался каждым мгновением. «Ответ «нет» и выключен свет, но что мне делать, если это любовь», – новая песня была кстати. Вкусный всё-таки шоколадный чизкейк...

Спустя полчаса в тот же день.

Папик решил не ехать ночевать в квартиру своей сестры, и мы ехали в квартиру моей сестры.

– Набери Эн, спроси, – какое пиво она будет... и сколько, – скомандовал отец.

«Эй, Эн, мы с папиком к вам едем; ты какое пиво будешь?.. Ага... Ага... Десять минут, плюс-минус».

– Что там насчёт денег, Дима привёз вышеуказанную сумму? – я совсем забыл о цели визита Димы.

– Ага... – отец делал равнодушный вид.

– Покажи!.. – я решил не верить словам.

– Что бабла не видел? На, смотри, – отец вынул из внутреннего кармана куртки «котлету» и кинул мне на ноги.

Тысячные и пятидесятые бумажки были перехвачены несколькими канцелярскими резинками. Признаюсь – я представлял себе пачку повнушительнее.

– Круто, – констатировал я.

– Ну что, в пиццерию заедем, возьмём с собой пару пицц, – разлохматим бабульки, – велел папик.

– Давай, конечно. Там около Эн как раз открыли новую... сетевую, – обрадовался я.

Через час мы втроем – я, папик и Эн – сидели на кухне и доедали вторую пиццу, папик и Эн пили по третьей бутылке пива, прямо из горла, – «чтобы не мыть бокалы», япил компот. Отец Эн свалил в «ночную», мать давно спала. Времени было половина первого ночи.

*«I give you my hope
I give you my dreams
I'm giving you anything you need
I give you my joy
I give you my pain
I wish we could
Fall in love again
I give you my heart, I give you my heart»,*

– тихо раздавалось из старого кассетника, который всегда стоял на подоконнике на кухне. Эн двигала в такт музыке худыми плечиками и опрокидывала в себя пиво. Я любовался ей.

– А что, Дима сразу в Челны укатил, да? – спросила Эн, отлипнув от бутылки.

– Ага, ему на работу завтра, – с набитым ртом ответил папик.

Перед папиком на столе была огромная куча мусора, ко-

торая возникала перед ним всегда, вне зависимости от того, что он ел; это талант.

«I'll give you my whole and

I'll give you my heart

Dam dam du du di dam dam du du di deioh hohohohoho

Dam dam du du di dam dam du du di dei»,

– не унимался магнитофон. Я смотрел на своих родственников и умилялся. Любил ли я их? Да.

«Baby, baby

Why can't we just stay together ?

Yeah, yeah yeah

Baby, baby

Why can't we just stay forever ?

Yeah, yeah yeah»,

– началась новая песня ретро-сборника. Мне нестерпимо захотелось снова окунуться в атмосферу безысходной и беспощадной радости одной из наших с папиком многочисленных пьянок прошлых дней, когда мы пели в караоке всё, что поётся и пили всё, что пьётся; когда к нам на огонёк приходили какие-нибудь малознакомые женщины и я неизменно выбирал старшую, а папик – младшую. Что и говорить, мы с папиком умели ладить; у нас в запасе была куча разных

смешных историй...

Папа воодушевился на разминку перед завтрашними танцами, но вошедшая на кухню мать Эн, сломала весь настрой своим скорбным видом. Припухнув от количества пустых бутылок, она неуверенным тоном проговорила: «Наденька, тебе же завтра на работу...»

– Ну всё, – резюмировал я, взлетая с табурета. – Я домой. Завтра за тобой во сколько заезжать?

– Позвоню. Мы ещё должны кое-кого выцепить, – не одному же идти на танцы... Хотя с другой стороны, со своим самоваром... – отец углубился в размышления.

– Звони... – кинул я и направился в сторону выхода.

– «Сэй гудбай, сэй гудбай», – не сдавалась Эн. Танцующей походкой проводила меня до двери, на прощанье звонко чмокнув в угол головы. Ха, в угол...

На кухне Эн ретро хорошо усваивалось, и я решил скользить и дальше по этой волне, – включил диск с ретро-хитами всех времён и народов. Поймал ритм. Задумался о, мать его, смысле всего сущего. Ночная столица татарского княжества истосковалась по своему неверному во всех возможных смыслах любовнику. Но теперь я катил по её обмороженным улицам, стремительно и нежно (так могут не все) погружаясь в лоно спящих улиц, как будто прося прощения. Прося прощения за то, что всегда стремился вырваться из её объятий, неизменно возвращаясь как побитый пёс; и она меня всегда принимала обратно. Здесь я влюбился в первый и в

третий разы. Здесь я был записан в районную библиотеку, из запасов которой черпал вдохновение для своих будущих мечтаний. Именно здесь, а не где-то, сделал первый вдох и залился плачем, здесь встретил первый рассвет в качестве выпускника школы, а потом и специалиста по праву. Да что говорить, здесь, а не в где-то, сочетался священными узами брака со своей питерской женой, да-да, здесь – в центральном ЗАГСе около улицы Проломной.

*«What is love
Baby don't hurt me
Don't hurt me
no more...»*

Моя Казань (гнилая патетика), я – твой незаконнорожденный сын. Сын мусульманской княжны от проезжего русского богатыря; дитя мимолётной страсти. Побочный отпрыск, которого ты, вопреки всему, любишь больше всех и всё-всё прощаешь. Открыл окна. Вдыхаю морозный воздух. Казань заботливо убрала с моего пути ямы и рытвины, успела переключить на зелёный светофор, отвлекла дорожных полицейских; авто шелестит колёсами по гладкому асфальту. «Я тот, кто презирает твоих жителей и твою самостоятельность», – продолжал я исповедоваться городу. – «Я тот, кто плохо о тебе отзывается в разговоре с жителями других городов... Я – неблагодарный отпрыск твой, которому холодно зимой и

жарко летом... Я тот, кто тихо тебя ругает, стоя в пробке... Я тот, кто со злорадством замечает то, как ты неправильно произносишь некоторые слова... Тот, кто говорит: «Ужас!» имея в виду костюмы твоих телеведущих, как будто сам когда-то носил что-то лучше. Я тот, кто смеётся над теми, кто признаётся тебе в любви в своём творчестве, как будто вовсе не из ревности... Я тот, кто врёт, глядя в твои любящие и нежные, карие, подведённые чёрным карандашом, всё понимающие и всё прощающие глаза... волнующие, блестящие. Это я «накушавшись мескалина» танцую с бубном и в перьях на твоих площадях в полночь; и за этот наивный восторг ты прощаешь мне всё, даже явные нестыковки в сюжете и погрешности во вкусе, и, конечно вечные заимствования на грани плагиата. А? Обещаю тебе: если обо мне будет знать весь мир, то и о тебе будет знать весь мир! Прости меня...» Уважаемый мною человек как-то сказал: «Никогда ничего не признавай, кроме места своего рождения»; что он имел в виду? Да, не важно.

*«Guilty roads to an endless love,
There's no control
Are you with me now?
Your every wish will be done
Then tell me...»*

Я рассуждал как пьяный, но так как мои мысли никто не

слышал, это было неважно. «Я – твоя вспышка в ночи...» «I am – flash in the night... Flash in the night».

День четвёртый

Первый раз за это утро я проснулся в восемь, – снял платок с клетки птичек и открыл их дверцу, дошёл до туалета, попил воды и снова лёг. Потом мой сон был прерван звонком мамино мобильного из прихожей. В качестве звонка она использовала какой-то супер-хит пятнадцатилетней давности, который набил оскомину ещё четырнадцать с половиной лет назад. Через половину песни мать наконец взяла трубку. И почему все её телефоны лежат в прихожей на табуретке рядом с моей дверью?! Я не собирался открывать глаза, надеясь, что сон ещё не ушёл окончательно. Я лёг поудобнее и почувствовал на лице горячее дыхание, открыл глаза, – Кешенька сидел в двух сантиметрах от моего носа на подушке, он спал, а может, притворялся. С кухни доносились обрывки разговора матери и бабули, – каждый день одно и то же: «У тебя какое утром было давление?.. А на другой руке?.. А на ноге?.. А! А у меня – сто двадцать на восемьдесят... А? Да, погода...» Они подарили друг другу электронные измерители давления и теперь всё свободное от просмотра телевизора время (да и во время просмотра) меряют грёбанное давление, как будто это терапевтическая процедура. Эти сраные китайские манометры каждый раз выдают разные показания! Короче, надо приподниматься с постели. Я потрогал

Кешу, он недовольно заворчал. Мне претила мысль о том, что сейчас на кухне придётся повстречать мать. По поводу невозможности нашего с матерью бесконфликтного общения у меня была дополнительная теория. Мы были слишком похожи! Представьте, что вы, будучи зрелым и умным человеком, встречаете самого себя, но на тридцать лет моложе. Что касается конкретно нас с мамой, то мы оба использовали такие фразы как: «Заложено природой», «я тебе точно говорю», «сто раз повторять», «тут уж ничего не поделаешь» и так далее, а также жесты типа потрясения рук над головой, как признак негодования, закатывание глаз и стояния на одной ноге, другую уперев в икру первой. Сами по себе эти слова и жесты ничего не значили, но в контексте говорили об общем складе умов, которые, как одинаковые полюса магнитов, непременно отталкивались. Поначалу это понимание повергло меня в уныние, но по прошествии времени стало безразлично; может в глубине души я вовсе не считал себя умнее всех. Один современный писатель на страницах еженедельного журнала, который я читаю, сказал: «Нам, россиянам, просто необходима национальная идея, – без неё очень трудно заставить себя утром спустить ноги с кровати». Какого чёрта! Я встаю!

Второе ноября две тысячи одиннадцатого года, среда. Температура воздуха: минус три по Цельсию, по Фаренгейту не знаю. Время: шестнадцать часов, московское.

– А ты уверен, что по прошествии такого длительного времени, эта твоя тётенька ещё нормально выглядит? Вдруг у неё истёк срок годности? А?! А!

– Я ни в чём не уверен, если всё непоправимо, то я аккуратно соскочу с темы танцев, – папа высматривал в окне цветочный магазин.

Папик через нескольких лиц заполучил номер сотового телефона своей старой знакомой, которая работала бухгалтером одного из его магазинов, лет, эдак двадцать пять назад. Ходили слухи, что она была в него влюблена, а он не заметил, вот досада. Слухи нужно проверять, иначе душа после смерти не сможет упокоиться. Так вот, папик созвонился с ней, и теперь я вёз его на запоздалое свидание, которое было назначено у подъезда её дома в районе, который называется Соцгород, – на севере Казани. План был такой: если она ещё «ого-го!», то папик ведёт её сегодня на танцы в Кирстан, выплясывая перед ней и соря деньгами, а если «мадам, у вас истёк срок годности», то просто угощает её обедом и пропадает из её жизни, на этот раз навсегда. Мы кое-как нашли цветочный магазин и, через десять минут, остановились у её дома. Я выключил навигатор. Нашли хорошее местечко для наблюдения, – чтобы мы видели всех, а нас никто, ведь был ещё вариант на крайний случай, – просто бежать, срываться с пробуксовкой и валить куда глаза глядят, – вдруг там совсем чудовище!..

– А сколько ей сейчас лет? – я удивился сам себе, что не

спросил раньше.

– Таааак... Тааак... – папа начал припоминать. – Она на год меня старше.

– Ничего себе! И она ещё жива?! – почти искренне удивился я.

– Пошёл ты!..

– Нет, серьёзно, ты ходишь по тонкому льду...

– Знаю.

– А может вон она идёт, – я кивнул в сторону толстенной бабки в сером пальто. – Прикинь, сейчас вломится к нам в машину, скинет пальто, под которым ничего нет, и заверещит: «Пашка, я же для тебя берегла свой бутон, сто пятьдесят лет как... Возьми же меня». И пока наши волосы будут быстро становиться белыми, а тело перестанет подчиняться командам мозга, она овладеет тобой. Может, мы даже утратим контроль над кишечником, как говорил ХСТ.

Отец рассмеялся, я тоже.

– Ага-ага, и натянет мне свой бутон на уши! Ахах! – папа от смеха прослезился. Потом резко успокоился. – Нет, всё будет красиво, – она останется такой же молодой... Вовка подстрижётся и надёнет костюм. Потом ещё Семён с женой к нам присоединятся. Отлично повеселимся.

– Нееет, нет же. Всё будет так: она будет той бабкой в пальто, дядя Вова покрасит волосы в оранжевый цвет...

– Тихо! Вон она идёт, – папа схватил букет с заднего сиденья, выпорхнув из машины, устремился ей навстречу.

Папе повезло как в кино, – она не то что на пятьдесят, на сорок даже не выглядела, была стройная и изящная, высокая и длинноволосая, на ней было тонкое кожаное пальто, узкие джинсы и диоптрийные очки в модной оправе. «Везучий папик», – подумал я и улыбнулся. Папик тем временем обнимал и целовал эту женщину, предварительно немного наклонив её, чтобы доставать до её лица своим.

– Саша? – спросила она у меня, сев в машину и по-американски протянув руку для приветствия.

– Почти. Паша, – ответил я, осторожно потрясая её руку с множеством золотых колец.

Через полчаса я высадил папика с подружкой около Цирка – они изъявили желание гулять по центру города до самой дискотеки – а сам свернул в сторону дома.

На часах было шесть вечера, когда я упал на диван. Как символично. Я чувствовал себя измотанным и вскоре уснул.

«А я ему говорю, что не служил в армии, но два года был женат, – и меня заставляли работать, унижали, иногда били!.. Ха-ха-ха! А вообще странная тут у вас дискотека» – сказал я, пытаюсь перекричать музыку. Комната без окон и дверей, мягкие диваны и много табачного дыма. Источник музыки был явно за дверью. Девочки всех сортов и расцветок смотрели на меня с нескрываемым вождением. «Круто...» – сказал я и попытался дрыгаться под музыку, потом засмутился и перестал. Одна из дамочек жестом предложи-

ла мне выпить. Какой-то красный, явно алкогольный напиток в высоком стакане. «Нет, спасибо, мне ещё сегодня за руль садиться... Ага». Другая девушка резко поднялась со своего места, взяла из рук первой стакан с красной жидкостью и в мгновение оказалась около меня. Свободной рукой она взяла меня за подбородок, заставив разомкнуть челюсти, приблизилась своими губами к моим (она была прекрасна и порочна), затем стремительным броском засунула свой язык в мой рот, я оцепенел, ещё через мгновение она вылила содержимое стакана мне в глотку, не вынимая своего языка. На удивление, я не захлебнулся – жидкость пролилась внутрь, словно в раковину. Я испугался и проснулся. На часах была половина восьмого вечера того же дня.

– У вас тут красиво, Кремль и всё такое... – тот, который сел спереди, вёл вежливую страноведческую беседу.

Компания их трёх человек, вызвавшая мой кэб, явно пахивала чем-то криминальным.

– Ага, город у нас к тому же большой; даже начали появляться люди, идущие в темное время суток по оживлённым проезжим частям, с пророческим видом. Слышал у вас там тоже очень красиво. Я читал, что ваша столица была построена специально для того, чтобы стать столицей.

– Может быть, может быть, – пассажир опустил окно и со всей силы харкнул куда-то за горизонт.

– Вы из Алма-Аты? – мне действительно было интересно

– откуда эти эскимосы.

– Точно. Из неё самой, прямо из самой неё!

– А правда, что у вас в Казахстане в продуктовых магазинах дают бесплатные пакеты? – не унимался я.

– Правда, парень, – спутники моего собеседника на заднем сиденье открыли пиво.

Я вспомнил казахский фильм про бандитов.

– А как у вас там с криминалом дело обстоит? – я решил достать их своими глупыми вопросами.

– Хорошо, спасибо что спросил, – неожиданно остроумно ответил пассажир.

С заднего ряда раздалось ржание.

«Да уж!.. – подумал я, когда провожал взглядом спины моих пассажиров, – Таможенный союз открыл дорогу соседской мрази», – мне стало смешно за мой патриотический гнев. Через минуту пришла заявка с железнодорожного вокзала.

Вокзальный пассажир сразу отрекомендовался белорусом.

– Вот это совпадение! – развеселился я. – Только что подвозил парней из Казахстана!

– А в чём совпадение?! Я же из Белоруссии... – повернул в мою сторону своё круглое недоумевающее лицо пассажир.

Я на секунду задержал взгляд на лице белоруса, – от губы до уха тянулся глубокий старый шрам. Ещё я подумал, что именно так представлял себе типичного белоруса, а имен-

но: светлый (белобрысый), голубые глаза, волнистые волосы, круглая (как я уже говорил) голова.

– Ну как же, – начал объяснять причину совпадения я. – Россия, Казахстан и Белоруссия заключили Таможенный Союз. Теперь товары... услуги и рабочая сила могут перемещаться без... ограничения. Недавно вступил в силу общий для трёх стран Таможенный кодекс. Вот вы ведь приехали сюда по своему общегражданскому паспорту? Ну в смысле не по загранпаспорту даже, а просто по своему обычному паспорту, которым пользуетесь внутри страны... Да? Так ведь? Или как?

– Да, – наконец вымолвил белорус.

– Вот! О чём речь! – я задумался над природой совпадений, потом, отложив это размышление на другое время, спросил. – А, правда, что у вас в Белоруссии можно купить молоко и кефир в картонной пирамидке, как в Советском Союзе?

Белорус задумался.

– Да, – наконец ответил он.

Этот белорус, как и мои предыдущие пассажиры-казахи, показался мне околориминальным типом.

– Расскажите мне, пожалуйста, как вам живётся в Белоруссии при тоталитаризме.

Часы показывали половину одиннадцатого вечера, когда я решил, что с меня хватит таксистских экзерсисов и засоби-

рался домой. Отметив регионы окончания поездки, я припарковался около танкового училища и стал ждать последний заказ. Минут через пятнадцать заказ пришёл: из расположенной неподалёку гостиницы до Кварталов. Когда я подъехал к гостинице, до меня дошло, что здесь разыгрывается завершающий акт трагедии под названием «свадьба». Довольно долго я ждал своих пассажиров. Потом к окну моей машины подошёл распорядитель и спросил конечный адрес. Услышал его, распорядитель на секунду задумался, сказав, что сейчас найдём моих людей, растворился в толпе на выходе из гостиницы. Через пять минут он вернулся, держа под руки пожилую пару. Я было подумал, что мне повезло везти взрослых людей, а не пьяных малолеток, но мужик, которого почти положили справа от меня, тут же развеял мою иллюзию относительно спокойной поездки. Эта пьяная деревенская сосиска была явно настроена на конфликт, а сидящая сзади его вторая половина даже не думала приструнивать своего муженька.

– Чё... парень... ты женат что-ли? – мне трудно передать его татарский акцент, поэтому и не буду пытаться.

– В разводе, – ответил я и тут же пожалел, что не сказал, что просто неженатый.

Я старался не делать резких движений, чтобы не попасть в аварию.

Признаться, я панически боюсь пьяных, и моя работа в такси только укоренила этот страх. Я знаю, что от этих коз-

лов можно ожидать чего угодно, ведь я сам раньше здорово напивался и не знал чего от себя ждать.

– Сука вонючая! Бросил жену с ребёнком! Давай выйдем – поговорим! – старый ублюдок был настроен серьёзно.

При этих словах мужик дёрнул меня за рукав, отчего машина резко вильнула вправо. Его жена на заднем сиденье едва слышно пискнула.

– Слушайте меня, мужчина, – как можно твёрже проговорил я. – Вы бы лучше меня не нервировали, когда я управляю машиной, а то, не ровен час, въеду в стену.

Я не знал, чего ожидать от алкаша. Я ехал максимально быстро, чтобы скорее доехать до места это семейство татарских колхозников.

– Нет, ну ты своему ребёнку помогаешь? – примирительным тоном заговорил мужик.

– У меня нет никакого ребёнка! С чего вы взяли, что у меня вообще есть ребёнок?! – я весь взмок.

Алкаш угомонился. На ближайшем повороте направо я посмотрел на усатое лицо воинственного алконавта, – он тихо плакал. Поймав мой взгляд, он начал рассказывать:

– Мой зять, чёртов шайтан, хочет убить мою дочку и моего маленького внука... Он настоящий бандит, он уже убивал людей...

Я понимающе (если такое возможно понять) кивнул. Алкаш продолжил:

– Он обещал пристрелить их. Он сказал мне это прямо в

лицо: «Я пристрелю их».

На заднем сиденье заскулила его жена. Я посмотрел в зеркало заднего вида, – она тоже плакала.

– Слушай парень, ты можешь достать пистолет? Я заплачу. Сколько стоит достать пистолет? У меня есть деньги! – мужик умоляюще смотрел на меня.

– У меня нет возможности достать пистолет, – ответил я. – Мне очень жаль.

– А что мне прикажешь делать! – заорал он, от чего я чуть не выронил из рук руль. – Как мне защитить своих детей?!

Я вдруг вспомнил о своём первом отчиме, который до сих пор приходит ко мне в страшных снах. Этот скот был самым настоящим головорезом, в него попало шесть пуль, а он, блять, выжил. Я помню, что у нас в квартире был целый арсенал: ручные гранаты, пистолеты с обоймой и с барабанами, ножи, кастеты, «вертикалки», «горизонталки», дробовики... Он его собирал, разбираал, чистил, смазывал, пилил, строгал, шлифовал, обматывал изоляционной лентой...

Я заговорил:

– Вы можете купить охотничье ружьё, и (психологическая пауза) сделать из него обрез.

День пятый

Сотовый телефон пикнул, приняв сообщение. Я потянулся к ногам, где он у меня всегда лежит, как кошка. Только я его взял в руки, как сработал будильник – «Walk This Land» –

десять часов утра. Четверг. Надо дочитать прессу, пока не позвонил отец. Я нажал «прочитать». Сообщение от Аркадия: «Ты думал о войне, как о той ситуации, в которой мы можем оказаться? Как ни умирай, всё равно будешь считать, что с тобой творится какая-то, мать её, несправедливость». Я перечитал сообщение. Затем ещё раз. Потом написал: «Да». Не вставая с дивана, набрал номер папика. «Наверняка этот тусовщик ещё спит», – подумал я.

– Алло, да, – неожиданно быстро схватил трубку папик.

– Как дела, лосины не порвались вчера? – я намекал на дискотеку семидесятых.

– Чего, какая лососина? – папик был бодр.

«Может ещё не ложился?» – подумал я.

– Я говорю, что не спишь? – связь была плоховатой.

– Мы сегодня в деревню поедem, имей в виду, – перешёл к делу папик.

– Хорошо, во сколько? – я обрадовался, что мы поедem в деревню.

– Во второй половине дня. Дима Димыч привезёт деньги. Всё – пока, – положил трубку.

Круто, Дима привезёт деньги! Я подержу в руках деньги! Это, несомненно, улучшит мою карму. А то ведь я бедный, и девушки меня не любят вследствие чего. Я порылся в бумажнике и извлёк оттуда визитку парикмахерской, которую посещаю последние три года.

– А... Алё! Я бы хотел записаться на стрижку... Сего-

дня... А Альбина работает сегодня?... В двенадцать можно?... Тогда в двенадцать. Поль. Павел Павлович, у вас в базе номер есть...

Отлично, постригусь, значит...

Я сидел в ожидании Альбины и смотрел на большой аквариум, в котором жили множество рыб разных пород, разных размеров и расцветок. Я подумал, что мы – люди – тоже все разных размеров и разных расцветок, что есть хищники и травоядные, глубоко и мелководные...

– Привет Поль, – поздоровалась со мной девочка, которую постригли, и которая надевала пальто, собираясь уходить.

– О, привет, – ответил я.

Эта девочка была из нашей школы, года на четыре младше нашего класса. Её имя я бы не вспомнил даже под глубоким гипнозом, но то, что она красавица было очевидно.

– Как у тебя дела, работаешь где-нибудь? – она повязывала тонкий шарф.

– Неа... – с наигранной ленью в интонации произнёс я.

– Нехорошо, работать надо, – она вела себя непринуждённо и уверенно.

– Хорошо, устраюсь на работу – сообщу, – продолжал строить из себя идиота я.

– Давай, сообщай, – она махнула рукой и вышла.

«Ух ты, красавица! Всегда мне нравилась». Тут из темноты коридора соединяющего два зала, появилась Альбина, –

тоже, чёрт возьми, красавица. Она нежно улыбалась, и у меня всегда складывалось впечатление, что она действительно рада меня видеть. Первые полгода нашего знакомства она относилась ко мне с недоверием, а теперь мы были почти друзьями. Она знала, что я ей полностью доверяю, – за это она вникала в мои самые потаённые желания относительно причёски.

– Привет, Поль, куда пойдём, – в дальний?

– Привет, Альбина! Да, давай в дальний, – там спокойнее, – мне показалось, что Альбина слегка поправилась.

Через пятнадцать минут я уже вовсю жаловался Альбине на свою скучную низкооплачиваемую работу. Она кивала и предлагала сразу несколько вариантов решения проблемы. Я снова заметил, что Альбина поправилась. Когда я приходил сюда в последний раз? Два с половиной месяца назад?

– А что с пальцем? – спросила Альбина, заметив фиксатор.

– Ха, сломал, когда др... – нет, слишком глупая шутка. – ...Рулил. Двое мальчишек выбежали на проезжую часть, и я так круто, резко свернул, понимаешь ли...

Я подумал, что сейчас самое время пригласить её «на кофе».

– Слушай, Альбина, может как-нибудь попьём ко... – в этот самый момент Альбина впервые повернулась ко мне в профиль и, через зеркало, я чётко разглядел её округлившийся живот. Мозг вовремя заблокировал словоизвержение

и подкинул новый вариант окончания для недосказанного слова.

– ...Концы.

– Что концы? – оторвав взгляд от моих висков, спросила Альбина.

– Секутся, – сказал я и побледнел.

– Ничего подобного, у тебя концы нисколько не секутся, – Альбина на всякий случай приблизила глаза к моей голове.

– Да. И, слава Богу! Но волосы со лба бегут как крысы с тонущего корабля, трусливые сволочи. Реал транс хейра на них нет! Интересно, в этой клинике могут сделать так, чтобы волосы росли там, где их никогда не было? На зубах, на языке, на ногтях, во рту?.. – я хотел провалиться под землю вместе с Кировским районом. Вместо этого я залился краской.

– Не говори ерунды, у тебя нормальные волосы. Просто такая линия лба, – с небольшими залысинами. Знаешь, как у Джуда Лоу, – она вопросительно посмотрела на меня через отражение.

В общем, я поздравил Альбину с важным событием в её жизни, спросил, когда она уходит в декретный отпуск и, услышав в ответ: «ещё один раз успеешь прийти», укатил домой.

Небольшой монтаж, и вот мы уже едем с папиком по вновь обледенелой дороге в сторону деревни. Как я и предполагал,

мы не выехали ни в час дня, ни в три часа пополудни, а собрались только к половине шестого вечера. Сейчас на часах половина седьмого и приблизительное время в пути – полчаса. За бортом минус три градуса, а также за бортом Россия.

Я посчитал, что настал благоприятный момент для неприятного разговора.

– Я хотел сказать, что мне трудно быть кем-то одним долгое время, поскольку я осознаю многомерность мира, – сказав вступление, я осторожно посмотрел на папика.

– Только попробуй уволиться... – папа прибавил музыку и сразу убавил. – Ты что думаешь, – тебе всё сразу на голову свалится?! Ты думаешь!.. – снова прибавил и замолчал.

Я глубоко и обиженно вдохнул.

– Мне не очень интересен этот вид деятельности...

– А какой вид тебе интересен?! Лежать на диване и смотреть сериалы?! – папа заорал так, что я вздрогнул.

– Я столько всего знаю, что мне скучно просиживать штаны в...

– Если ты много знаешь, то это первый признак того, что ничего толком не умеешь! Ясно?!

Ситуация показалась мне безысходной в широком смысле этого слова и я тоже заорал:

– Я в гробу видел всю эту пародию на жизнь, я не хочу просиживать в этом вертепе ни в качестве кого! Я хочу заниматься чем-то особенным! Я славы хочу; хочу признания; хочу, чтобы меня узнавали в автомобильной пробке; хочу вот

прийти в ресторан и набить морду Шемякину; ну или пусть Шнур набьёт морду мне, но чтобы в газетах написали: «Питерский хулиган набил рожу знаменитому писателю»; чтоб ведущая вечерних новостей на Первом канале так и сказала: «Морда знаменитого писателя и общественного деятеля Поля Гончарова была набита пятничным вечером между двадцатью одним часом и двадцатью одним часом тридцатью минутами, а теперь другие новости культуры, Государственный музей изобразительного...» Понимаешь?!

– Иди нахер! Просто иди... Нахер.

Без пяти семь мы подъехали к дому моей бабушки, матери отца. Сумерки превратили окружающий мир из цветного в чёрно-белый.

Пока мы обнимались-целовались с бабулей, пока я два раза сбегал на колодец и один раз сбегал к помойной яме, пока мы разогрели остатки пирогов и поели их, – наступила половина одиннадцатого вечера. Папе позвонил Дима Дмитриевич и сказал, что уже подъезжает. Надо пояснить, что наша деревня находится между Казанью, где живу я, и Челнами, где живёт Дима. Через пятнадцать минут Дима возник на пороге и, как и все нормальные люди, ударился головой о верхнюю границу дверного проёма. Мы с папой переглянулись, – нам такая травма не грозила.

– Здравсте, мама дяди Паши, – поздоровался Дима с бабулей.

Потом папик с Димой ушли в Димину машину.

Пока бабуля в полголоса материла медийных персонажей, глядя в телевизор, а настоящие мужчины вели серьёзные переговоры, я углубился в размышления, антуражем к которым послужила прыгнувшая мне не колени чёрно-белая архаусная кошка Мурка Двадцать Четвёртая. Я думал о том, что у папиной мамы было пятеро детей, но она при том умная, как бездетная горожанка с высшим филологическим образованием. Моя деревенская бабуля не так уж много вещей ненавидела. Одна из ненавистных ей вещей была – футбол. Бабуля ненавидит футбол, потому что считает его бесполезной тратой денег; однако смотрит его, если играет сборная. У бабули был старший брат, очень похожий на Лари Кинга, только бабулин брат был не подлец и совсем не пил алкоголь. У папы есть троюродный брат – сын «Лари», который не может смириться с мироустройством; год он пьёт водку и безобразничает, а следующий год поступает в послушание к местному сельскому священнику. Кошка у бабули всегда беременная. Все лампочки в избе – энергосберегающие. Все эти разрозненные наблюдения вот-вот должны были обрести взаимосвязь по законам герметизма и отлиться в виде короткой и изящной формулы, которая бы объяснила мироздание, но... вошёл Дима и сорвал мой умственный оргазм.

– До свидания всем, – Дима появился на пороге и снова ударился о то же место тем же местом.

В этот день никого из родственников в деревне не было, поэтому мы могли выбирать: где спать. Папа, конечно, лёг в

сенях, а я около печки в доме, чем заслужил ироническую усмешку родителя. Перед сном я спросил папика: «Ну, что? Дал?» Папик ответил: «Дал».

День шестой

В семь утра бабуля разбудила меня своим хождением по кухне. Спать я больше не мог, но и вставать тоже не хотелось. Я дотянулся до телефона и продолжил чтение художественной литературы. Минут через двадцать в комнату из сеней зашёл папик. Он зевал и чесал гениталии. Попив из ковша колодезной воды, которую я вчера натаскал, он спросил: «Какой сегодня день?» Я свернул программу, с помощью которой читал вордовский документ, и посмотрел на дату. «Ноль четвёртое ноября две тысячи одиннадцатого года, привет», – ответил я.

– Что давай-давай-давай, разогревай еду, – сейчас поедем в город, – раскомандовался отец.

Я терпеть не мог все эти его «давай-давай». Через пять минут я уже накрыл на стол. Папа допивал второй стакан «деревенского», то есть некипяченого, непастеризованного молока; от одного вида этого зрелища у меня заурчало в животе.

В девять часов мы выдвинулись в обратный путь.

– Какие планы? – спросил я и включил дворники, который были настолько изношенными, что только ухудшали вид.

– Давай-ка заедем в ближайший автомагазин. Ты ведь ни-

когда не потратишься на дворники и «незамерзайку», – будешь по памяти передвигаться; жлоб хренов, – прокомментировал ситуацию с обзорностью папик.

В ближайшем посёлки на пути к Казани папик действительно купил мне хорошие бескаркасные дворники и пять литров стеклоомывателя. Мы тут же залили жидкость и установили дворники; правда мы сломали крепления левого дворника, но у меня в машине была изоляционная лента, и мы кое-как прикрутили левый (водительский) дворник. Обзорность резко улучшилась, а с ней и настроение.

– Так что? Что делать будешь? – мне принципиально было знать, что отец собирается делать.

– Сейчас заедем к Эн, – заберём мои вещи. Потом сразу поедем на вокзал: если получится купить билет, то уеду сегодня.

– А если на поезд билета не будет, ты, как Остап Бендер, попытаешься купить самолёт с экипажем?

– Ха-ха-ха, точно, – кину пачку денег!.. – папа засмеялся.

Я тоже засмеялся.

Мы прибыли к Эн в одиннадцать часов дня. Сколько по времени ехали от деревни до города, столько же простояли в пробке от въезда в город до дома Эн. Мать Эн стала склонять нас с папиком к принятию пищи. Мы отказались.

Мы погрузились в машину как раз в тот момент, когда исчезли бы все тени, если бы не было туч. Я завёл мотор и спросил:

– Покажи деньги. Я хочу подержать все эти миллионы в руках или даже в сумке, чтобы сумка привыкала к деньгам... Дай посмотреть, потрогать! – я порядком возбудился. Сколько, кстати?

– Три.

– Так надо же шесть! – я выпучил глаза, не врубившись в задачу по арифметике.

– Неа, Команданте попросил три миллиона, то есть сто тысяч долларов, – папа что-то соображал в уме.

– Так ты же мне сказал, что Команданте зарядил две сотни! Ты ещё сокрушался, что мол так дорого с фронтового товарища, вы кровь проливали в Волгограде в конце семидесятых и всё такое!..

– Правда? Я тебе сказал, что нужно двести? – в его голосе слышался смех.

– Ну да! – воскликнул я, чувствуя лукавство.

– Странно... И Диме я сказал: двести... Наверное, ошибся, – папа почти смеялся.

До меня, наконец, дошёл смысл его слов, и я изумился папиной наглости.

– Ну, ты даёшь! Ты навариваешь сто процентов?! Креста на тебе нет! – моя нижняя челюсть плотно зафиксировалась в отвалившемся состоянии.

Папик расстегнул внутренний карман куртки и извлёк оттуда пачку пяти и десятитысячных банкнот. Деньги были перехвачены несколькими канцелярскими резинками и сложе-

ны в прозрачный пакет для холодных пищевых продуктов. Я взял пачку в руку и прислушался к своим ощущениям. Купюры были в основном новенькие. Я проверил пачку на вес, затем потрещал листами как игральными картами. Я огляделся по сторонам. Тем временем папик извлёк из боковых карманов куртки ещё две таких же пачки. Я протянул руку и взял свою сумку с заднего сиденья. Положил туда все три пачки и застегнул молнию; потряс сумку, словно это была бочка с лотерейными билетами.

– Думаешь, от тряски они там переоб...ся и на выходе окажется четыре ляма? – папа пошутил, а я чуть не поверил.

– Слушай, я думал, что три миллиона – это гораздо больше по объёму, – сказал я, как только ко мне вернулся дар речи. – Этот Лексус – Димин кореш – располагает средствами, раз смог достать такую горку наличности!

– Ты думал, что три миллиона – это куча денежных котлет в китайской клетчатой сумке, да? – папа как-то посерьёзnel. – Кстати, Лексус свой «Гелик» продал.

– Да, или в сумке от Луи Витона, – так органичнее, – я понял, что наличные деньги не вызывают во мне особенно сильных эмоций, – о них, как таковых я не думал, а думал о том, что на них можно купить. «Я бы купил квартирку около метро в Питере. Или комнатку в коммуналке и Volvo c30», – подумал я. – А сколько «Гелик» стоит?

– Квартирку около метро?! А сколько квартирка стоит? – спросил папа.

– О, Господи, я что, вслух сказал это?! Ладно, держи обратно деньги. Кстати, когда ты их собираешься отдать Комданте?

– Не доставай, – пускай лежат. Ты сам их отдашь. Я тебе позвоню из Питера, скажу, когда отдавать, – папа нащупал свои документы.

– Круто! Ты мне доверяешь? Вдруг я сделаю несколько ставок у букмекера? Вдруг я латентный лудаман?! А?! Ахаха! – я ощутил тяжесть ответственности; я уже начал воображать – куда их спрятать; в голову пришла сберегательная книжка.

– Кто ты? Мудаман? Если с ними что-то случится – даже инфляция – лучше сразу прыгай с башни Сююмбике, вслед за принцессой. Надеюсь, ты не такой дурак, чтобы положить три миллиона на сберкнижку? А то это было бы странно, если у вшивого госслужащего материализуется на личном банковском счету зарплата за всю его жизнь, – папа сказал всё это в замедленном темпе, как во сне.

– Ты что! Я же не дурак какой-то! Положу в грязное бельё, там точно никто не найдёт, – я сделал невозмутимый вид и завёл машину.

Нам повезло, – мы взяли билеты на сегодняшний поезд. В шестнадцать часов папик уезжал обратно в Санкт-Петербург. У нас было в запасе больше двух часов и мы отправились в заведение общественного питания, а оставшееся

до отправления время папа затаривался всякими дурацкими сувенирами типа магнитиков на холодильник с фотографией Казанского кремля и тарелок с изображением президента и премьер-министра в тюбетейках. В супермаркете «Счастье» папа купил шесть коробок чак-чака. Чак-чак, для тех, кто не знает, – это национальная татарская сладость, кусочки теста в мёде. Весьма заразная вещь, я могу зараз съесть полкило. Ещё папик купил пять или шесть литровых бутылок водки «Бабайская», чтобы поить своих питерских коллег и друзей-дачников. В итоге, мы еле-еле дотащили его сумки до вагона, – хрусталь из Гуся Хрустального был легче. Дождавшись, когда проводница попросит провожающих покинуть вагон, мы обнялись на прощанье, я пообещал, что не буду убавлять звук на телефоне и увольняться до конца этого дельца.

Поезд тронулся, папа в окне вагона удалился на северо-запад «Необъятной», а я уехал напрямик домой; положил деньги ещё в один пакет, зарыл его в ворохе носков, помылся и лёг спать.

Глава 37

Сквозь круглосуточную дремоту последующих дней, до меня несколько раз доносился «вибро» моего основного телефона. А тот телефон, который предназначался только для звонка папика, молчал. Тони и Аркадий знали, что если уж я не беру трубку, то уж не беру совсем; я знаю, что не брать

трубку – ужасно дурная манера, я сам (дополнительно) не уважаю людей, которые не берут трубку, однако с собой ничего поделать не мог; мой анабиоз был этакой альтернативой запою и, к тому же, я «не важный человек», – слабое, но, всё же, оправдание. На пике бездействия, я проводил в горизонтальном положении двадцать три часа в сутки, из них девятнадцать – спал. Я снова потерял счёт времени; просыпался, когда высыпался, ел, когда был голоден, засыпал, как только хотел. Моей единственной заботой был уход за пернатыми друзьями. Ещё я читал периодику и худлит...

Наконец сон воли подошёл к концу, и я заинтересовался текущей датой и временем. Календарь показывал двенадцатое ноября, субботу. Часы показывали: шестнадцать часов шестнадцать минут. «Это знак», – подумал я. «Удача при мне», – подумал я вдогонку.

Город по мне соскучился, это было очевидно.

– Вот опять выделили пятьдесят миллионов на ямочный ремонт! А ведь девяносто процентов украдут! А потом ещё пятьдесят выделят! А ведь снова девяносто процентов украдут! А к Универсиаде ещё сто миллионов выделят! А ведь больше половины своруют! – старикан разошёлся не на шутку.

– Да... Да... – поддакивал я.

Этот пассажир относился к категории «якобы неравнодушный словоблуд» или «тухлый поборник справедливо-

сти». Когда он только зашёл, я сразу почувствовал неприятный запах, – в буквальном смысле. А как только он начал гундосить про сворованные деньги, вонь от него усилилась и без труда перебивала запахи прорвавшей канализации, коих в городе начало появляться всё больше.

– Этим людям, которые занимаются дорожным строительством, можно только позавидовать, – поддержал беседу я и позавидовал.

– Ага! Вот работка так работка! Ахаха!

При этом его «ахаха!» в мою сторону, я приоткрыл окно.

– Тут без вмешательства крёстной феи не обошлось, – мне понравилось это моё предположение о волшебстве и резко возрастающем благосостоянии, и я повеселел, даже вонь от пассажира уже не казалась такой нестерпимой.

Следующей в моём кэбе оказалась некогда красивая женщина, а ныне алконавтка. Как и все женщины-пропоицы, она была добра и рассудительна.

– Я могу закурить? – поинтересовалась она, не рассчитывая на положительный ответ.

– Ну, конечно же! Курите на здоровье! – я любил вдыхать чужой дым, если он не перемешивается с другими запахами.

Времени стало половина десятого «пост миридиум». Я набрал номер Тони:

– Привет, Тони! Слушай, Тони, извини, что я не брал трубку... У меня отсутствовала воля. Давай как следует выпьем!.. Давай-давай, Тони, мне это надо!.. Уверен, что тебе

это тоже пойдёт на пользу!.. Эгегегей! Е-ху!.. Мы отлично побеседуем... Давай же, соглашайся! – я решил, что с нового года снова завяжу.

Тони согласился на бутылочку пива. Это означало, что мы сегодня налакаемся до скотского состояния.

Некоторое время спустя.

«Вот не буду врать: хорошо пошло», – сказал один из нас. «Это потому, что мы не злоупотребляем», – отозвался второй.

– Я пойду уложу спать «два дурачка-пара», корм им насыплю, воду поменяю... Через десять минут выйду, – я оставил Тони в машине, а сам убежал домой.

For your love.

Спустя некоторое время.

«Когда режиссёр фильма сам же и сценарий пишет, то фильм как бы ребёнок гермафродита», – сказал один из нас. «Точняк», – согласился второй.

For your love.

Спустя литр.

– Я не могу полностью воспринимать творчество живых; будь то литература, музыка или живопись; кино – отдельная тема. Наверное, это явление кто-то уже изучил и объяснил, – многозначительно проговорил я.

– Не сомневайся. Я тут читал интервью с одним кардиологом, он сказал: «Чтобы создать впечатление о человеке, на-

до знать, как он умер», – Тони вскинул брови в ожидании реакции от удачного афоризма.

– Хорошо сказано, отражает суть того... того, что я хотел сказать... многословно.

Спустя некоторое время.

For your love.

– Ох, Тони, больше не могу сидеть здесь, – я завёл машину и резко рванул с места. – Пристегнись, что ли.

Мы понеслись по ночному городу. Поверьте, – мы были не одни такие.

I'd give you everything and more, and that's for sure.

For your love.

I'd bring you diamond rings and things right to your door.

For your love.

– Успеем! Успеем, говорю тебе, – сказал кто из нас, а другой тем временем надавил на педаль газа со всей силы.

Машина вылетела на перекрёсток, подпрыгнув на трамвайных рельсах, как бэтмобиль.

– Как бэтмобиль!

– Ага, вери, вери бэт мобиль!

«Ахааххахахахахахаха!»

To thrill you with delight,

I'll give you diamonds bright.

– Смотри: вон «двадцать четыре часа»! Сворачивай, сво-

рачивай! Вместе пойдём...

Мы выползли из машины и направились в магазин. У прилавка была очередь из таких же, как мы: социально-безответственных придурков всех возрастов. Нас охватил приступ веселья, и мы не нашли ни одной причины, чтобы не начать смеяться. Ночные продавщицы, привыкшие к проявлению безумия, никак не выдавали своих мыслей. Я бы на их месте давно свихнулся, хотя я тоже повидал на своём таксистском веку... Через какое-то время мы вернулись в машину с новыми запасами. Подкрепившись, двинулись в путь.

*There'll be things that will excite,
To make you dream of me at night.*

– Смотри Тони, вот подъезд Маши! – я указал открытой бутылкой в темноту двора.

Через пять минут я сказал: «Смотри, Тони, вот машина Эн! А там её окна».

– Слушай, а сколько сейчас времени?.. О! Два часа ночи без пяти. Давай ездай на Чистоконкретнопольскую дом девять литера «а». Олеся сейчас заканчивает работу! – Тони от предвкушения романтических переживаний задрогал ногами и затеребил ручку переключателя передач.

– Путь неблизкий, Тони, – нарочита вальяжно проговорил я и манерно прикурил сигаретку. – Но (пых-пых), мы успеем, доверься мне и... пристегнись.

For your lo-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-ove.

For your love.

Мелькающие объекты инфраструктуры, после последнего глотка, приобрели гротескный вид. Жажда скорости была нестерпима, но на этом транспортном средстве, её, увы, не утолить. Через неопределённое количество времени (но очень скоро) мы резко остановились рядом с увеселительным заведением, в котором работала подружка Тони.

For your love.

– Я сейчас, – сказал Тони, и выпал из машины, как парашютист из самолёта.

Я остался наедине со своими мыслями. Глянул в окно, – мир пошатнулся, заставив меня покрепче вцепиться в руль. Я облокотился на подголовник и прикрыл глаза.

– Трогай! – Тони каким-то неведомым образом оказался на заднем сиденье, а рядом с ним сидела девушка.

«Смотрите, что я прихватила с работы», – девушка, подняла к нашим глазам бутылку вина и пощёлкала языком. – «Только штопора нет...»

– Спокойно, я сейчас пальцем продавлю, – нашёлся Тони. Я тем временем уже ехал в сторону нашего района.

*For your love, for your love,
I would give the stars above.*

«Давай ещё пива купим?» «Ну, разумеется, мсье!»

*For your love, for your love,
I would give you all I could.*

Я закладывал крутые виражи, а пассажиры на заднем сиденье визжали и смеялись. Потом я заметил Тони сидящем на открытом окне и орущим что-то другим машинам. Потом, краем глаза, я заметил чьё-то нижнее бельё, развивающееся на боковом зеркале; может быть это был флаг, может быть мы сдались. Меня немного затошнило.

For your love.

For your love.

For your love.

В какой-то момент девочка – подружка Тони – исчезла. Мы ехали с Тони в незнакомом и неважном направлении и передавали друг другу пиво. Потом мы поравнялись с престижным авто в котором интеллигентная семья ехала из оперы (?!); Тони высунулся из окна и начал орать: "Купите героин, хороший афганский героин; дядя! Купи своей семье героин". Он и другие гадости кричал: «Оба Малаховых! Ипо-

тека, дядя! Возьми ипотеку! Елена Малышева рекомендует!.. Счёт от управляющей компании! Проложено огромное количество новых дорог! Казань – город достойных людей!» Потом начал блевать на нашу и их дверь. А может это я орал и блевал, а может Бенисио Дель-Торо.

I'd give the moon if it were mine to give.

For your love.

I'd give the stars and the sun 'fore I live.

For your love.

To thrill you with delight,

I'll give you diamonds bright.

There'll be things that will excite,

To make you dream of me at night.

На сетчатке отпечаталась кухня нашей квартиры. Моя рука открывает крышку у сковородки. Пальцы хватают что-то, по-видимому, съедобное и суют в область лица. Потом картинка исчезает, но новая картинка не появляется.

– Ну, вот, Тони, это, очевидно, приличное заведение, – говорю я; по его лицу видно, что он соглашается.

Красивая девушка-хостес препровождает нас к столику.

– Господин Гончаров, ваш любимый столик свободен, пожалуйста, – девушка указывает на укромное местечко в углу зала.

– Ого, Тони, ты это видел, – меня здесь знают! – я смотрю изумлённым взглядом на своего друга.

Лицо Тони не меняет выражения. Я замечаю, что гости ресторана украдкой смотрят в нашу сторону и перешёптываются. Мы располагаемся и начинаем вполголоса беседовать. Подходит официантка и советует нам блюдо. Мы соглашаемся, так как нам лень изучать меню. Скоро нам приносят еду, и мы приступаем.

– У! Форель с шампиньонами! – я перевёл взгляд на Тони.

– За такие деньги могла быть с трюфелями, – привередничает Тони.

Я искренне недоумевал, почему Тони не радуется прекрасному ужину и дивной музыке.

Мы почти доели. В меня не лез последний кусочек запеченной рыбы, и я решил подождать, скоротав время беседой с Тони. Мы чокнулись и отпили из бокалов. Закурили. Официантка мгновенно принесла пепельницу. Я всегда чувствую себя неуютно, когда мне прислуживают, и был рад, что в этом ресторане не принято официантам стоять за спинами гостей и ловить каждый жест. Я немного огляделся и заметил, через два столика от нашего, девушку неземной красоты. Наши взгляды встретились, и я, смутившись, перевёл взгляд на Тони.

– Смотри, – с досадой сказал Тони и кивнул в сторону.

Я посмотрел в том направлении: к нашему столику направлялась та самая красавица, взгляд которой я недавно пе-

рехватил. Она приблизилась к нам и очень деликатным тоном заговорила:

– Господин Гончаров, простите, что отвлекаю, просто хотела сказать спасибо; я и мои близкие очень вас любим; мы следим за вашим творчеством и ваша последняя работа, по моему мнению, просто замечательна. Могу я вас попросить расписаться в моём блокноте, – она протянула мне блокнот на пружинке и шариковую ручку.

Последние её слова я дослушивал с открытым ртом, глядя на Тони. Тони сидел с таким видом, что ему подобные истории уже надоели. Я скрипнул мозгами и сказал то, что, на мой взгляд, могло быть возможно и уместно.

– Спасибо вам, большое, девушка, я ведь для вас – людей – стараюсь! Кто я без вас?! – я прослезился. – Спасибо, что читаете мои книги... Спасибо... Я буду писать ещё лучше, ведь теперь я знаю, что меня читают такие красивые и умные люди, – я понимал, что перегибаю палку, но ничего поделать не мог.

– Книги? – девушка вопросительно уставилась на моего спутника, ища в нём поддержки в этом недоразумении.

Тони, тем временем, смотрел на меня и отрицательно качал головой.

– Не книги? – одними губами спросил я Тони.

– Павел хотел сказать «фильм», – заговорил Тони, обращаясь к недоумевающей девушке. – Гончар говорит вам спасибо за то, что вы смотрите фильмы с его участием.

– Точно! – взвизгнул я. – Фильмы! Спасибо, что смотрите фильмы! Спа-си-бо!

– У меня последний вопрос, если позволите, – сказала девушка, получив обратно свой блокнот с моими каракулями. – Вы рыбу доедать будете?

– Что? – недопонял я и снова с испугом уставился на Тони.

– Она спрашивает: ты рыбу доедать будешь? – пояснил Тони.

– В смысле, – испугался я. – Вот эту что-ли рыбу?! Вот эту самую, которая у меня на тарелке лежит?!..

– Да, Павел, вы эту рыбу доедать будете? – девушка указала своим пальчиком на размазанную по моей тарелке рыбу.

Мой конфуз быстренько перерос в испуг; зал ресторана закружился. Наверное, я упал в обморок. На одну треть мой мозг проснулся. Проснулся настолько, что я смог осознать себя лежащим на диване в своей комнате. Солнце било сквозь незавинченные жалюзи. Попугаи разговаривали на повышенных тонах. Резкая головная боль заставила меня пожалеть о том, что я вчера не умер. Ужасная жажда. Во рту насрали слоны и умерли там же. Постойте-ка, это ещё что такое?! Языком нащупал во рту какую-то массу; несколькими движениями челюстей и языка отлепил эту массу от нёба. Ну, я и урод: положил в рот кусок жареной рыбы и, не проглотив, вырубился... Мне противно и стыдно. Ещё предстоит выяснить: не наворотили ли мы вчера дел! Стыдно, противно и страшно.

For your love.

For your love.

For your love.

For your lo-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-o-ve.

Глава 38

Следующие двое суток я просидел дома, трясаясь от страха, что вот сейчас в дверь позвонят милиционеры и заберут меня в тюрьму. Я несколько раз писал сообщения Тони примерно такого содержания: «Тони! Мы ведь ничего плохого не сделали?! Ведь ничего?! Мы ведь никого не сбили?! Я не хочу в тюрьму!» Тони отвечал, что ничего плохого мы не сделали, по крайней мере, он не припомнит. Меня такой ответ не устраивал, и я писал снова, заменяя слова из предыдущего сообщения синонимами. Тогда Тони отвечал, что точно ничего ужасного и отвратительного не произошло. Это меня успокаивало, но только отчасти.

Во вторник пятнадцатого ноября я поехал в травмпункт на снятие фиксатора и на повторный снимок. Явившись, как и было велено после обеда, я ждал не долго, и вскоре все процедуры были завершены. «Всё срослось правильно... Почти...» – сказал доктор глядя на снимок, подняв его напротив оконного проёма. «У вас таки предрасположенность к альпинизму, – кости быстро срастаются», – наверняка, в миллиардный раз повторил шутку врач. Очередной больнич-

ный лист был закрыт, – завтра мне необходимо явится на работу.

У меня появилось желание покататься-поработать и, в девять часов вечера, я выехал в город. Первый же пассажир оказался мне знаком, – парень лет двадцати семи; когда достаточно долго работаешь в такси, вероятность того, что снова встретишь человека, которого уже возил, увеличивается, даже в очень большом городе. Так вот этого парня я как-то уже возил; если я вспоминаю человека, то уж маршрут по которому я его вёз – вспоминаю тоже – одно без другого не бывает; ещё бывает так: мне приходит маршрут, по которому я уже ездил, и сразу в голове всплывает приблизительный фоторобот вероятного пассажира. Так вот этого парня... а, говорил уже.

– О, здорова! – очевидно, парняга меня тоже узнал.

– Здравсьте. Как ваш новорождённый ребёнок?

– А! Растёт! Слушай, сейчас заедем по пути в одно место, – я доплачу.

– Конечно.

– Надо заехать к одному дурачку, – дать ему словесных пиз...лей.

– Понятно.

Мы подъехали к подъезду одного из высоких многоквартирных домов в районе Азино, я убрал навигатор. Мой знакомец набрал номер и, в вальяжной манере, вызвал собесед-

ника на личную встречу, сказав, что уже находится около его подъезда. Я огляделся по сторонам: не было ни одного свободного места, чтобы встать на сколько-нибудь продолжительную парковку, а спереди уже ехала какая-то девятка. Я опустил правое окно, чтобы сказать пассажиру, что мне придётся немного отъехать, но не сказал... В тот самый момент, когда я открыл рот, чтобы сказать слова, человек, которому (очевидно) звонил парень быстро вышел из подъезда в компании представителей своей нации, и ударил парнягу по лицу. Парень упал, но почти сразу встал... Встал только для того, чтобы получить новый удар и вновь свалиться в позднеосеннюю грязь. Та девятка, что ехала в нашу сторону, в этот момент доехала до нас и их неё вышли ещё четверо земляков оппонента нашего героя. Я заблокировал двери, поэтому ребята из девятки не смогли их открыть. Потом я достал навигатор и установил его на прежнее место, что должно было дать понять, что я всего лишь таксист, который не заинтересован в победе какой-либо из сторон. Ребята поняли моё послание и жестом показали мне, чтобы я сдал назад, освободив тем самым театр сражений. Я посмотрел вправо: моего пассажира уже усадили на лавку и допрашивали. Когда я сдал назад, вид на предподъездное пространство скрылся от меня. Я выключил двигатель и стал ждать. Двое парней из «девятки» поглядывали в мою сторону. Минут через десять напряжённого ожидания мой пассажир (слегка припухший) вернулся на своё место и сказал: «Теперь домой». Когда мы

выехали из двора, я начал разговор:

– Вот салфетки. Я словесные пиз..ы представлял себе по другому. Не расскажете, что там сейчас произошло?

Парень выдернул одну салфетку и, на удивление, действительно начал рассказывать:

– Эти придурки-узбеки заплатили мне пять миллионов наличными за десять Лад Приор, которые якобы оборудованы таким образом, что спрятанные в специальных тайниках наркотики, не унюхает никакая собака на границе. По пятьсот тысяч за один автомобиль, – получается, пять миллионов.

– Ого! Вы – аферист!

– Да, мошенник. У меня даже общество с ограниченной ответственностью зарегистрировано для разных подобных операций. Эти уроды говорят, что знают, где я живу, что у меня жена работает «там-то», что сын родился недавно...

– Так может отдать им эти деньги? – предположил я.

– Ага! Я их уже потратил: квартиру купил в новом доме, ту, в которую ты меня сейчас везёшь...

– Вам бежать надо. Продайте всё или сдайте и бегите.

– Нет уж. Я люблю Казань и хочу здесь жить, хочу, чтобы мои дети росли здесь. А эти азиаты – приезжие, пусть они убираются отсюда, – глаза парня заблестели от слёз гнева и безысходности. – Пусть спасибо скажут, что им тут позволяют работать, – наркоту привозить и продавать. Они сюда уже весь свой Узбекистан перевезли!

– Странно, я думал, что узбеки – некриминальный народ.

А они точно Узбеки? Может азеры?

– Да точно, я-то знаю!..

– А что делать? Что делают в таких случаях?

– Я их убью, закажу всех... Так дешевле получится...

Через три минуты мы подъехали к его дому. Он расплатился, а я пожелал ему удачи.

Я сильно перенервничал и решил не брать больше заказов, но не успел сняться с линии, – мне пришёл новый заказ, в сторону дома к счастью. Моим новым пассажиром была пассажирка, – женщина лет сорока, возмутительно пьяная, – пассажирка из серии «Молодой человек, как вы считаете: я – красивая? Я способна привлечь мужчину?». Безусловно, мадам, безусловно...

Глава 39

Я привёз своё тело на работу с десятиминутным опозданием. Поднялся в общий отдел. «А, дядя, заходи», – махнула мне рукой Наденька Юсуфовна.

– Здравствуйте...

– Ты снова опоздал. Пиши объяснительную.

– Я... Я в пробке... А что писать-то?..

– Пиши, как всё было. Правду пиши. Пиши-пиши. Пиши как есть, – Наденька Юсуфовна посмотрела на меня, как на дерьмо.

– Я однажды уже пробовал писать «как есть», – сказали:

«Переписывай»...

– Послушай меня, Павел. Если тебе не интересна эта работа – увольняйся. Здесь люди работают на перспективу, они знаю, чего хотят. У тебя есть перспектива, Павел? Я думаю, что у тебя нет перспективы. Без обид, Павел.

Если бы я знал, что ответить, то всё равно бы слова застряли у меня в глотке. Я просто стоял и молчал. Наденька Юсуфовна продолжала:

– Слушай, Поль. Давай договоримся: или ты начинаешь по-настоящему работать, – без больничных, без опозданий, со своевременной сдачей дел в канцелярию, или увольняйся. А?

– Да...

– Что «да», Павел? Что ты думаешь?

– Я начинаю по-настоящему работать, – неуверенно сказал я.

– Да... Ладно, иди. С сегодняшнего дня ты будешь секретарём у Вакс, – там уже две недели нет секретаря. Вооот такая гора дел скопилась. Кабинет четыреста пять.

Я пошёл на четвёртый этаж. Сначала зашёл к составу судьи Арбенина. Поговорив с ними полторы минуты, я узнал, что Вакс – самый невыносимый человек в этом здании, что с ней никто не хочет работать, что она меня будет обзывать и проклинать по поводу и без; не привык, что к тебе обращаются матом – привыкай, и так далее. Я поблагодарил за хорошие новости и направился в соседний зал, на этот раз

уже к Вакс. Постучался и вошёл. Первое что я увидел, было то, что все плоские поверхности были завалены стопками дел. Сама Вакс была во внутреннем кабинете. Где-то между вышеупомянутыми стопками сидел помощник судьи Вакс – мой неожиданный послеобеденный гость, – НПГ. Помните домогательства в машине? Это он. Назовём его Маратом. У Марата с соседним кабинете работала мама – судья по уголовным делам, – назовём её мама Марата, та самая судья у которой я успел немного поработать, пока не заболел простудным заболеванием.

– Здорово. Ты кто такой? – спросила Вера Борисовна Вакс, когда вышла из своего кабинета.

Я встал со своего рабочего кресла, у которого, кстати, не хватало одного колёсика, и ответил:

– Здравствуйте, Вера Борисовна Ва..., я – Гончаров, я на замену...

– Гончаров – Обломов, да? Уууу...

– Да, – не видя смысла с ней спорить, подтвердил я.

И вообще, чтобы раз и навсегда закрыть тему оскорблённого чувства собственного достоинства, я решил перестать воспринимать себя как человека пока работаю в составе Вакс.

– Где раньше работал? – снова вспомнила обо мне Вакс.

– В смысле? Здесь в суде? Или вообще? – я снова опустил-ся в кресло и тут же вздрогнул, потому что колёсико дало

знать о своём отсутствии.

– Уууу... – ответила Вакс, а потом добавила. – Где раньше работал?

– Много где. На стройке...

– Уууу...

– В барах, ресторанах...

– Уууу...

– Клубах ночных...

– Уууу...

Вера Борисовна (ВБ) имела привычку на секунду-другую уходить в себя, сопровождая этот уход звуком, который удобнее всего описать четырьмя буквами «у», хотя, конечно, звук был намного сложнее и... таинственнее что-ли. Возвращалась из «себя» она без звука. Стоит сказать несколько слов о её внешнем виде. На вид ей было лет шестьдесят восемь, а по факту шестьдесят. Ростом она была где-то сто пятьдесят пять-шесть сантиметров, растрёпанные седые волосы, несколько бородавок на лице, несколько зубов во рту. У неё было два свитера: один с символикой московской олимпиады, другой – с медвежонком и надписью «Tedy», этот последний, наверное, ещё с избирательной компании Теодора Рузвельта. На ногах были башмаки, которые носили французские санкиютоты. Вместо колготок, под юбку, она поддевала синие тренировочные штаны с перемычной на ступне и лампасами. Прогресс она отрицала: компьютером старалась не пользоваться, сотового телефона не имела. Каждый зна-

ет таких людей, которым бесполезно что-либо доказывать; судья Вакс Вера Борисовна была как раз из таких. Ещё лучше можно представить себе образ Вакс, если вспомнить новеллу Достоевского «Игрок», – старуха-лудоманка по характеру, по отношению к окружающим была очень похожа на Вакс. Я прямо слышу, как Вера Борисовна орёт: «Едем назад, в Москву! Я пятнадцать тысяч целковых профершпилила!» В общем, как видите, вид у неё был весьма эксцентричный и, от себя добавлю, опасный. Как говорят в таких случаях: я сразу понял, что скучно не будет.

– Ладно, разберёмся, – остановила она мои перечисления и удалилась в свой кабинет.

Глава 40

Для меня начались трудные времена. Секретарь, которого я заменял, даже не думала выздоравливать. В конце первой недели лавина уже моих дел накрыла меня с головой. В этой череде мучительных дней была одна единственная отдушина – Вера Борисовна Вакс.

– Ну как тебе работается у ведьмы? – просила меня помощница Арбенина, когда мы вдруг оказались за одним столиком во время обеденного перерыва.

– Это оказалось даже лучше, чем я ожидал, ведьма – просто уникальный человек. Для неё не существует правил: на неё написано больше жалоб, чем на всех дорожных полицейских вместе взятых, – пишут и граждане и юристы... Она не

придерживается процесса, а ко всем людям обращается посредством на ходу придуманных кличек, типа: «Эх, кепка» или «Ты, борода», или даже «Поди сюда, ты, с ушами».

– А я тебя предупреждала, – сказала помощница, но всё равно по ней было видно, что она в изумлении. – А тебя, Поль, она каким существительным называет?

– Она меня прилагательным называет.

– А? Каким же?

– «Тупой», – я хихикнул.

Лицо помощницы выразило крайнее изумление, она проговорила:

– И как ты это терпишь? Я как-то у неё заменяла, так мы с ней так разругались, что я на неё жалобу написала...

– Я, по заветам одного мудреца, свёл на нет чувство собственного достоинства, а также стал безжалостен к себе; теперь получаю удовольствие от созерцания жизнедеятельности этого уникального человека, анрополого-психологический интерес, если угодно... Вера Борисовна среди судей, как доктор Хаус среди врачей. Мантию она, кстати, тоже никогда не надевает, как Хаус не надевал халат.

– Так или иначе: нельзя терпеть оскорбления, – гнула свою линию помощница.

– Она меня не оскорбила, а раскусила. В конце концов, – она с первой минуты поняла, что я не хочу работать и не хочу хотеть работать... – я прервал мысль и стал выколачивать со дна стакана прилипшие сухофрукты.

– Сколько ты уже у неё? – в глазах помощницы я увидел жалость.

– Сейчас, дай подумать... Сегодня девятое декабря, значит три недели и два дня.

За эти последние три недели, мне некогда было «взяться за перо». Были несколько событий, описание которых крутилось у меня в голове уже тогда, когда они происходили, и сейчас я вкратце расскажу о них читателям.

Начну с того, что моя подработка в такси, с момента моего прикрепления к составу Вакс, сошла на нет. Всё началось с того, что старая советская машина низкооплачиваемого адвоката, работающего тут же при суде, с падением температуры на улице, перестала заводиться. По стечению обстоятельств, этот самый адвокат каждый вечер подвозил до дома судью Вакс, а теперь подвозить уже не мог. Вера Борисовна уже на второй день выяснила, что мой путь домой пролегает непосредственно через её жилище и, не теряя ни дня, стала ездить с работы домой со мной за компанию. Мне было жалко терять возможность подработки, но зато я уходил домой ровно в шесть часов вечера, а оставшаяся на работе кипа дел меня уже не волновала (я как-то научился абстрагироваться от мысли о низком качестве моего труда).

Где-то в последних числах ноября установилась стабильно минусовая температура, а с первого декабря повалил снег. В один прекрасный обеденный перерыв – пятого декабря в по-

недельник – я решил посидеть в своей машине и покурить, я, естественно, стал заводить мотор с ключа, так как автозапуск снова не сработал, но и с ключа это помойное ведро не завелось! От этого факта моё хрупкое душевное равновесие, бл., нарушилось; стая птиц вспорхнула с проводом, когда я нецензурно прокомментировал сложившуюся ситуацию, колотя при этом по рулю. В этот день мне пришлось уехать домой на метро, на следующий день тоже, и на следующий... В четверг в половине двенадцатого ночи, а машина сломалась в понедельник, я наконец заставил маму поехать со мной на её машине ко мне на работу и притащить на буксире мою тачку к дому. Все эти дни шёл снег...

И вот мы с мамой едем по мосту «Миллениум», через десять минут настанет следующий день, а через шесть часов мне надо вставать на работу. Я нервничаю. Мама нервничает. На заднем сиденье её машины лежит лопата для выкапывания моего транспортного средства. Я не помню, кто первый начал... Я помню чётко, что мама сказала следующее:

– Эти твои фантазии... Это всё ерунда, понятно?

Я не понял, – к чему это было сказано.

– О чём ты, чёрт возьми?! При чём здесь выкапывание моей машины и мои фантазии?! О каких фантазиях идёт речь?! – меня уже начало трясти от злости.

– Ты собираешься уволиться и что? Что ты будешь делать? Ты ведь никто... ты не станешь ни художником, ни актёром, ни писателем... Ты просто будешь сидеть на моей шее, как

и всю свою жизнь! Или ты к отцу снова поедешь... А там ты тоже ничего не хочешь делать. Я не знаю, как ты собираешься жить. Просто не знаю. Ты просто фантазёр.

Меня убивал её безапелляционный тон. Это мне говорит человек, который тупее куска гипсокартона. Я решил парировать. Для начала интеллигентно.

– Это я-то фантазёр?! Я не большой фантазёр, чем те, кто получает образование, ходит на работу, женится, берёт ипотеку, рождает детей, наивно надеясь, что уж они-то будут хорошими людьми!.. Только ты мало-мальски решил свои проблемы, как сразу стремишься приобрести новые. Вроде сам здоров и обеспечен и, тут ты связываешься с проблемными и неустроенными людьми, влезаешь в затратные обязательства; кульминацией всему рождаешь больных бестолковых детей, которые высасывают из тебя последние жизненные силы. Многие люди принимают картонные декорации, построенные немногими людьми, за настоящую жизнь. «Мне во сто крат милей всех этих подлых благ – мои пустые бредни...» Я хочу строить картонные декорации для других, а не жить в чужих декорациях. Тебе это не понять.

– Вот и покупай еду сам!

– А ты уё...ай со своим цыганом из моей квартиры! У тебя такая умная тревога в глазах!.. Это может ввести в заблуждение, если не знать, что эта тревога по поводу самой идеи тревоги. Ты тупица!.. Чёрт!.. – я задохнулся от злости.

– Я ведь даже рассказать никому не могу о том, как ты со

мною разговариваешь, потому что ты мой сын... Избил бы тебя кто-нибудь!.. Проучил...

– Послушай, что я тебе скажу: твоя жизнь – это толчение говна в ступе. Ясно?! – ещё секунда и я ударю по её тупому рылу или выкручу руль, заставив машину улететь с моста.

Надо признаться, что последние слова матери для меня были в новинку.

– Сука, сука ты, больше никто. Я еду, помогаю тебе машину завести, – она опять начала строить из себя мать-героиню.

– Сама сучара, сука, блять, ненавижу тебя, тупорылая овца. Сука! – завизжал я. – А кто твою машину с бордюра снимал голыми руками, когда ты, слепая овца, около Макдональдса не увидела разделительную херовину?! У меня позвоночная грыжа, сука... Блядская жизнь, приходится иметь дело с отчаянными дураками, – я больше не мог сдерживать слёз разочарования.

Земля, в который уже раз, уходила у меня из-под ног. Ох, чёрт, секунду назад я был готов на глупость.

Машину было не так просто отбуксировать, во-первых, потому, что я припарковался за углом трансформаторной будки, и законы геометрии и физики никак не хотели пойти нам навстречу, во-вторых, потому, что выпало огромное количество снега, и было ощущение, что одна десятая доля осадков, предназначавшаяся для нашего города, опала на и рядом с моей машиной. Общие физические упражнения немного сплотили нас с мамой, хотя она и не переставала по-

вторять, что делает для моего благополучия слишком много. Последние недели истощили меня физически и морально, а чрезмерные усилия при откапывании и толкании моего синего ведра – надорвали мою больную спину, – про давнишнюю позвоночную грыжу я не шутил. В итоге, когда я на верёвочке катился за маминной машиной по мосту «Миллениум», на часах было без десяти два ночи. Включенный магнитофон усугублял коллапс аккумулятора, но я выбрал что важнее. «...Мы все стареем, только музыка звучит бодрее, наша музыка звучит бодрее...» – раздалось из колонок. На подъезде к дому моя машина изволила завестись, но норвила заглухнуть всякий раз, когда обороты двигателя падали меньше трёх тысяч.

На следующий день перед уходом на работу, я попробовал завести машину, и она завелась с первого раза. Под страхом вновь оставить машину около работы, я всё же решился поехать на ней.

В этот вечер – а это был последний рабочий день на этой неделе – Вакс уехала намного раньше нас всех, потому, что на пятницу она не назначала никаких дел, чтобы её состав мог быстрее «отписаться». Время подходило к шести часам вечера. За окном шёл снег. Я решил отправить сообщение Машеньке: «Привет. Что-то твоя прорицательница не звонит». Маша ответила: «Не знаю... А сколько дней назад ты ей отправил свои данные? Меня она пригласила через две недели». Сколько же дней прошло?.. Так-так... Прошло чуть

больше недели. Помните, дорогие читатели, я упоминал о некоем астрологе, про которую мне рассказывала Маша в один из моих визитов к ней? Помните? Я, отчаявшись найти надежду в реальном мире, решил-таки обратиться к миру астральному. Чуть больше недели назад я созвонился с Мариной и попросил составить на меня гороскоп. Она велела мне скинуть ей смс-кой свои данные, а именно: полные фамилию имя отчество, дату, время рождения и место. Я скинул и продолжил жить трудовой жизнью. Может женщина-астролог расскажет мне о грядущем счастье. Может, вселит в меня уверенность в моих силах и талантах. Может ей суждено стать моей Нга Чике? Я давно приготовил для оплаты три тысячи рублей, которые носил в боковом кармашке бумажника. Значит, две недели... Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Потом открыл глаза, снял ботинки и вновь, откинувшись, закрыл глаза. Я глубоко вдохнул, чтобы проверить – нет ли запаха от моих носков, – был, но не сильный. Я подумал о том, что если в понедельник выйдет с больничного секретарь Вакс, то я буду чувствовать себя счастливым человеком. Зазвонил телефон. Это была Марина – астролог. «У-ху!» – подумал я и схватил трубку.

– Ало! Павел Гончаров? – голос у неё был как у «нормального человека».

– Да-да, Марина, это Павел! – я был несказанно рад.

Я всегда радовался, когда сталкивался с чем-то необычным и безопасным для здоровья.

– Вы сегодня можете ко мне подъехать?

– Да, конечно, Марина! Скажите адрес.

Марина назвала свой адрес и велела подъехать к семи часам вечера. К счастью её дом находился в непосредственной близости от моей работы, в так называемой шаговой доступности. Я знал этот дом, – один из первых «элитных» домов в центре Казани, в этом доме имеются двухуровневые апартаменты. До семи часов оставалось ещё больше часа, и я решил сходить в кафешку напротив прокуратуры – перехватить сладкую булку с кофе.

Без пяти минут семь я позвонил в дверь на самом высоком этаже дома; можно сказать, что эти апартаменты были пентхаусом. Я не воспользовался лифтом, потому что не знал: на каком этаже находится квартира с данным номером, и пока я поднимался по лестнице, почувствовал себя измождённым и обезвоженным. Это состояние преследовало меня в последние две недели, а сейчас накатило с новой силой. Но радость от соприкосновения с «волшебством» отодвинула на второй план моё плачевное физическое состояние и, когда дверь открылась, я бодро поздоровался и вошёл.

Как я и ожидал, квартира была прекрасно обставлена, хотя на мой вкус мебели и вещей многовато, – я бы удовольствовался и десятой частью. В воздухе витал лёгкий аромат благовоний. Марина пригласила меня пройти в кабинет. В кабинете «лицом» к двери стоял письменный стол, а перед столом кресло для посетителей. Ещё в кабинете был комод,

на котором стоял музыкальный центр, из колонок которого едва слышно звучали какие-то мантры, там же – на комодe – стоял принтер и экибана. У кабинета было два окна на уровне полутора метров над полом и одно на потолке (этаж, как я уже говорил, был последним). Никаких стеклянных шаров, понятное дело, я не заметил, – всё было по науке. Возможно, единственным перегибом был настенный календарь, висевший на правой стене; был открыт месяц декабрь, на картинке был нарисован пузатый мужик азиатской наружности, а над ним надпись на русском языке: «Скрыть своё будущее гораздо сложнее, чем скрыть прошлое. Карлос Кастанеда»; совсем внизу листа располагалась реклама какого-то азиатского чудо-препарата от всей недугов сразу. Откуда-то раздался голос хозяйки:

– Павел, вы хотите кофе или чай?

– От кофе не откажусь, спасибо.

На секунду зашла Марина, открыла ноутбук, нажала несколько раз на тачпад и снова удалилась. Секунд через десять ожил принтер и начал печатать. Через минуту вернулась Марина и села за свой рабочий стол.

– Начнём, – сказала она и открыла какой-то документ на ноутбуке. – Для начала я хочу знать: обращались ли вы раньше к разного рода предсказателям? Если да, то, к каким именно?

– Да, случалось... Мне несколько раз доводилось встречать людей, которые занимались подобными делами, и я не

упускал возможности, ради спортивного интереса, узнать что-то о своей жизни. Можно сказать, что я хочу верить... Я отношусь с уважением к подобной деятельности и ни в коем случае не иронизирую...

– Я поняла...

– Мне дважды гадали по руке, правда оба хироманта были алкашами... Однажды мы с другом Аркадием посещали одного молодого предсказателя, откуда последний черпал откровения, мне не известно. Мне было интересно: каково количество совпадений между разными родами предсказаниями. А вот к астрологам я никогда не обращался. Нет...

– То, чем я занимаюсь, к астрологии не имеет никакого отношения. Предсказание судьбы по дате, времени и месте рождения, а также имени, данному при рождении, – это метод, при котором используется китайская книга перемен. Я довольно долго изучала эту методику, как в России, так и на родине данного метода. Я, знаете ли, долго прожила в Китае и некоторых других странах Востока. Когда я училась этой науке, а это без сомнения наука, я составляла прогнозы на известных людей, судьба которых известна широкой общественности, чтобы проверить, как те или иные данные влияют на судьбу. Это была моя тренировка. Результаты, скажу я вам, – удивительные. Давайте я расскажу о вас. Я, наверное, буду следовать от частного к общему, – так удобнее. Итак... Скажу сразу, Павел: вы – очень умный человек. Ещё вы чрезвычайно практичны, а практичные люди редко обращают-

ся за подобными консультациями; ваш приход, признаться, меня крайне удивил... Ну да, ладно. Что такое криминал? Уверена, вы часто задаёте себе подобный вопрос в последнее время. Может это то, что выходит за грань добра? Конечно, нет. Может это то, что выходит за рамки общественного благополучия? Тоже сомнительно. А может быть криминал – это всё, что не разрешено официальной властью? Это может быть правдой, особенно в нашей стране. Прочитую писателя: «В закрытом обществе, где каждый виновен, преступление заключается в том, что тебя поймали. В мире воров единственный и окончательный порок – это тупость». Вы не виновны, Павел Польш Гончаров. Пока. Вы, Павел, пока не виновны. И от вас зависит: останетесь вы невиновны и дальше, или... Вы умны и безжалостны; безжалостны, в первую очередь, к самому себе. Поймите: я не пытаюсь напустить тумана. Яснее, чем я говорю сейчас, уже не сказать. Я не могу узнать подробностей, так что думайте сами. Ах, да, женщина!.. – воскликнула Марина.

– Женщина?! – я вздрогнул.

– Да, женщина! В вашей затруднительной ситуации вам поможет женщина! Она даст вам жизненно важную информацию, которая убержёт вас от беды.

– Ого! А у меня с этой женщиной... Ну...

– Романтические отношения?

– Да...

– Не знаю. Знаю только, что вы с ней уже знакомы. С

недавних пор, – Марина указательным пальцем прикоснулась к носу и о чём-то задумалась. – Это то, что касается вашей скорой переломной ситуации. Дальше я вам расскажу об особенностях вашей личности и предпочтительных способах деятельности.

Марина встала и взяла из лотка принтера распечатанные листы. Возвратилась в своё кресло и дыроколом сделала в этих листах дырки, затем достала из ящика стола красный пластиковый скоросшиватель и сложила листы в него. Затем Марина продолжила рассказ:

– У вас, Павел, аспекты жизни и соответствующие им элементы, – мы их называем Первоэлементы Вселенной, – пребывают в почти полной гармонии; вот смотрите (при этих словах, она развернула лежащий перед ней скоросшиватель на сто восемьдесят градусов и взяла из стаканчика карандаш): согласно данной методике, существует пять определяющих наше существование стихий, – огонь, почва, металл, вода и дерево. У каждого человека они расположены в своей определённой последовательности, которая отображает влияние данных стихий на конкретную личность. У вас они расположены таким образом, что ни одна из стихий не угнетает другую, а напротив – дополняет её, вот смотрите (она начала обводить карандашом вокруг значков на пентаграмме внизу листа): вода поливает дерево, дерево даёт пищу огню; огонь... зола от него удобряет почву, почва не причиняет металлу никакого вреда; металл, в свою очередь, никаким обра-

зом не угнетает почву. Видите? Правда металл, который в вашем случае привносит в вашу жизнь как самовыражение так и авантюру, рубит дерево... То это не критично, кажется...

Я кивнул. Чувство пустоты внутри и головокружение усилилось.

– Этому факту великое множество практических применений, но самое, наверное, важное: так называемое умение оставаться самим собой при бесконечной возможности трансформации. Ещё данное расположение может трактоваться, как способность растворять свою личность в абсолюте (не путать с водкой), тем самым принимать различные формы в рамках... в рамках... здравого смысла и предложенных обстоятельств. Вы, кстати, читали Арендт «Банальность зла»? Нет. Так было бы проще объяснить на примере... Ладненко... Так вот: такое становится возможным, когда не дорожишь собственной личностью (не путать с собственной жизнью), вам ценна жизнь личности, но скорее как идея, нежели как нечто физическое, имеющее точку на системе координат пространства и времени. Вы понимаете?

Я поднял глаза от бумажки в знак того, что я понимаю, о чём идёт речь, хотя никакой необходимости смотреть на бумажку уже не было. Кофе совершало саботаж в моём пустом желудке и, при других обстоятельствах, я бы не отказался прилечь, закрыв глаза.

– Вот вам довольно грубый пример действенности дан-

ного положения элементов: допустим, вы стали жертвой каких-либо обстоятельств как, например: заточение в плен или в тюрьму; участником или свидетелем ужасных, потрясающих воображение или ломающих волю событий, как то война, катастрофа, другие подобные человеческие трагедии, техногенные и природный катастрофы... При любой другой комбинации элементов, экстремальные обстоятельства почти со стопроцентной вероятностью разрушили бы личность, но не при этой. И, как бы это поделикатней сказать, вы не оперируете некоторыми понятиями, которыми оперирует большинство людей, ну скажем такими как мораль, мечта, цель, хорошо, плохо, любовь, привязанность, долг, утрата, совесть... – она приподняла бровь в ожидании моей реакции.

– Да-да, я понимаю, – разлепив спёкшиеся губы, приговорил я.

Я подумал, что надо бы заранее узнать, где в этой огромной квартире ближайших санузел, потому что приступ тошноты стал очевидным.

– С другой стороны, – продолжила Марина, – с точки зрения других, вы не являетесь коварным плохим человеком, ибо в вашей нумерологической карте имеются маркеры того, что вы не склонны совершать по отношению к людям каких-либо противных морали и закону действий. В конечном счёте, и я знаю, вы разделяете это мнение, всё перечисленное – мораль, долг, совесть, дорого-дёшево – просто слова.

Отчётливо видно, что вы не признаёте авторитетов и сами не стремитесь им стать, власть для вас это обуза и «несвобода» и ни что иное. Вы имеете собственное мнение, но считаете ниже своего достоинства его кому-то навязывать, это, конечно, характеризует вас как чрезмерно горделивого человека. Видимые качества вашей личности не совпадают с реальными. До того как вы зашли в мою квартиру, я бы сказала, что вы очень похожи на учителя или врача, но теперь-то я вижу, что «учить и лечить» вы считаете таким же полезным занятием, как толочь воду в ступе. Так ведь?

Я кивнул, боясь открыть рот. Марина продолжила:

– Наличие таких элементов в вашей карте судьбы как «Государственная печать» (их, кстати, две штуки), говорит о том, что вы не избежите государственной службы; «Красный луань» говорит о том, что для вас не составляет труда привлечь противоположный пол; «Синий луань» говорит о том, что вы также... это вам не нужно...

– Говорит о том, что я привлекаю свой пол? – я внимательно слушал рассказ.

– Да. Именно об этом говорит, но я знаю, что этот аспект вас не интересует. Две «Звезды путешественника» явно указывают на то, что вам доведётся отправиться в путешествие, возможно, длиною в жизнь, этот факт не слишком отяготив вас, скорее даже вы с нетерпением ждёте того момента, когда сможете начать свой, в широком смысле, путь. Даже при желании, вам не удастся избежать долгого путешествия.

– Здорово, – с восторгом прошептал я.

– Очевидно, вы не из тех, чьё усердие превозмогает ум.

Может у вас есть вопрос?

– Да, я знаю: вы сказали Маше: кем она была в прошлой жизни; мне интересно: а кем был я?

– Вот на этот вопрос я отвечать вам не буду.

Я открыл рот от удивления. Казалось бы: такой невинный вопрос, вопрос из области чистой фантастики.

– Но, почему?! Я был кем-то плохим?!

– Не могу сказать.

– Но ведь знаете?

– Знаю.

– Я был женщиной?

– Да.

– Кем?

– Не скажу.

– ?!

– Не скажу, но вы сами можете ответить на этот вопрос, если спросите у самого себя и немного подумаете в этом направлении, – тон Марины стал строгим, – нечего было и пытаться выведать у неё эту информацию.

У Марины зазвонил телефон: «У таланта судьба не легка, у художника жизнь одинока», – она извинилась и, взяв мобильный, вышла из кабинета. Я остался наедине со своим удивлением. «Подумать?! То есть это кто-то, кого я знаю?! Мари Кюри? Надя Крупская? Дэби Рейнолдс?! А нет, – Дэ-

би жива... Может Эдит Пиаф, это объяснило бы, почему «я ни о чём не жалею»; может Вирджиния Вульф, – это бы объяснило моё стремление быть писателем и самоубийцей; или Айседора Дункан, – я тоже люблю шарфы и кабриолеты». Я не учёл того, что некоторые из перечисленных женщин были ещё живы, когда я уже родился. Марина вернулась.

Через какое-то время я уже оседлал своего любимого «коня», а именно: жаловался на свою жизнь и озвучивал мучавшие меня страхи:

– Я боюсь умереть! Боюсь, что меня изобьют до смерти или до инвалидности; боюсь разбиться на машине или упасть с высоты; боюсь отравиться или подхватить вирус; возможно этот панических страх перед жизнью, в конечном итоге и явится причиной того, что я просто самоликвидируюсь... Понимаете, – дабы не пасть жертвой случайности.

– Да, я вижу, что вероятность само... ликвидации высока. Но, Павел, каждую минуту мы отправляемся в путешествие, из которого рискуем не вернуться. Эта мысль хорошо развита в творчестве Мелвилла.

Прошло ещё какое-то время, в течение которого моя физическая слабость усилилась.

– Ещё у меня серьёзные проблемы в общении с матерью. Меня это очень беспокоит. Мы постоянно с ней ругаемся. У меня такое чувство, что я её ненавижу... Не подумайте, я не страдаю Эдиповым комплексом, так что проблема не в этом; возможно, это единственная патология, которую я

смог избежать... Ха-ха... – я замолчал в ожидании ценного совета.

– Вы большой обманщик, Павел «Поль» Гончаров; хотя вы об этом ещё не знаете, – неожиданно сменила тему Марина. – Это – единственный путь к спасению, на этот раз. Помните: обманщику, обман награда.

– Так значит, меня обманут, и я должен буду воспринять это как должное?! – я начал относиться к этому разговору как к забаве, в конце концов, такая перспектива обещает нескудную жизнь.

– Н-нет... Скорее наоборот, тобой обманутые должны воспринять это как должное и заслуженное. Да. Это я имела в виду, – но по интонации было не похоже, что именно это она имела в виду.

– Ну, это всё меняет, – грустно усмехнувшись, констатировал я.

Взгляд Марины дал понять, что, когда придёт время, смешно мне не будет.

– Теперь касательно здоровья: проблемы кожи, опорно-двигательный аппарат, желудочно-кишечный тракт... Селезёнка! Да, селезёнка! – Марина начала что-то искать в ноутбук. – Вам необходимо в ближайшее время обследовать селезёнку.

Я не знал, где находится селезёнка, но тошнота была уже здесь и сейчас. Я решил, что самое время спросить, где находится туалет.

– Я извиняюсь, а где находится туалет? – сдавленно произнёс я, стараясь глубоко не дышать.

– А вон там, – указала она мне за спину. – Вас ведь тошнит, не так ли?

Я устремился в сторону предполагаемого нахождения туалета, боясь опоздать.

Едва заметив прекрасное убранство туалетной комнаты, я упал на колени перед унитазом, словно это был языческий идол. Ноги полностью отказывались меня держать, – даже стоя на коленях, я чувствовал, что есть куда падать. Я пытался вызвать рвоту, но ничего не получалось, – слабость была всеобъемлющая. Через несколько секунд после моего прищвартовывания к «фарфоровому другу» в туалет зашла Марина и спросила: «Павел, чем я могу вам помочь?» Мне стало ужасно стыдно за свою ничтожную стойкость, и я сказал: «Прошу прощения, Марина, мне очень стыдно за этот спектакль... У меня низкий гемоглобин... Можно мне воды». Марина принесла мне воды, я выпил стакан залпом, подумав, что теперь мне есть чем блевать. Но приступ тошноты отступил, а жажда была такой же сильной. Я стеснялся просить ещё воды, но Марина предложила налить ещё и я согласился. Выпив второй стакан, я как можно вежливее попросил оставить меня на некоторое время одного. Когда она ушла, я, всё так же стоя на коленях над унитазом, снова попробовал вызвать рвоту, но было очевидно, что это бесполезно. «Какой же я идиот! Позорище!» – думал я. «С другой

стороны: когда занимаешься тем, что предсказываешь судьбу незнакомым людям, – можешь ожидать всяческих нестандартных ситуаций». На стенке унитаза я заметил прилипший тёмный волосок, но и тут меня не стошнило. Надо было подниматься с пола и валить домой. У меня как-то по-особому заболела голова. Через минуту я всё-таки собрался с силами, помыл руки, глядя в зеркало на своё, без преувеличения, зелёное лицо, и, с извиняющимся видом, вышел из туалета.

– Прилягте на диван, Поль. Хотите, я вам разогрею кусок мяса? – Марина открыла дверцу холодильника, но я её остановил своим решительным отказом.

Я не мог сопротивляться слабости и лёг на диван. Всё кружилось. Впервые в своей жизни я был так близок к обмороку на трезвую голову. Марина села в кресло около дивана.

– У вас есть ещё какие-нибудь вопросы ко мне? – мягко спросила она.

– Я... Мне непонятно: стану ли я актёром и писателем? Вы об этом упомянули, но как-то неочевидно что-ли...

– Такое дело... Я не могу сказать точно... Да, станете актёром, но не в прямом смысле... И писателем станете, но как бы, не совсем вы... Мне тоже не совсем понятно, я такого противоречия не встречала в данных своих предыдущих клиентов.

– Я не понимаю... – проговорил я и закрыл глаза. – У меня будет псевдоним что-ли?

– Может быть. Может, вы возьмёте женский псевдоним?

Может быть, это и есть причина нестыковки в прогнозе? – Марина развела руками.

– Странно, я не планировал брать женский псевдоним... Я же хочу, чтобы меня узнавали... Женский псевдоним – это как-то необычно... – я балансировал на грани бодрствования и сна, и огромным усилием воли заставил себя подняться с дивана.

Я вспомнил Акунина, это к вопросу о женском псевдониме. Потом спросил:

– У вас, наверное, не часто люди в обморок падают?

– Не часто, всё больше плачут, – ответила Марина.

– Даже мужики? – с грустным смехом в голосе спросил я.

– Мужики даже чаще, – задумчиво ответила Марина.

– Это на нас похоже... Мне надо идти, простите за неудобства, – я вспомнил, что ещё не расплатился за оказанную услугу и вытащил из кармана бумажник, а из бумажника приготовленные деньги. – Я положу деньги на журнальный столик. Маша мне сказала, что это стоит три тысячи рублей, верно?

– Да. Я провожу вас до машины, – сказала Марина, когда я уже, пошатываясь, стоял в дверях. – Не возражайте.

Через минуту мы шли по заснеженной стоянке.

– Это ваша машина, я угадала? – спросила Марина, указывая на внедорожник Volvo.

– Что вы! Не-хе-хет. Вон моя машина, – кивнул я на покрытую слоем снега Ладу.

Я сел в кресло и завёл мотор. Марина стояла рядом с дверью. Мне было неловко.

– Спасибо, Марина, мне неудобно вас заставлять мёрзнуть, я смогу доехать до дома.

– Хорошо я пойду, но обещайте прислать мне сообщение, когда доберётесь.

– Обещаю, – пообещал я.

Марина ушла. Я включил передние и задний дворники, обдув и тронулся. Дорога была как каток. Я представил себя Санта-Клаусом в санях. Удивительное дело: Марина мне в течение четырёх часов рассказывала много всего интересного обо мне, а я помню только то, что записал выше, а это – не самые значительные вещи. Как говорила агент Скалли в конце каждой серии при докладе Скиннеру: «В этой истории больше вопросов, чем ответов». Включил радио. «Чёрный бархат от дождя промок...» – заиграло ретро. «Надо же, – какое совпадение», – подумал я. – «Та же песня, что и у Марины на мобильнике». Сделал громче; любимый певец моей мамы.

На следующее утро я, поспав всего три часа, проснулся совершенно разбитым, – я не мог спать и не в силах был подняться с дивана. Вчерашний приступ перешёл сегодня в какое-то новое качество, – тошноты не было, но слабость усилилась кратно. Было такое ощущение, что сердце, качая кровь, издаёт какой-то булькающий звук. Полнейшее отсут-

ствие воли дополняло картину моего состояния. Сегодня и завтра – выходные, нужно было срочно отправлять в поликлинику, а лучше вызвать врача на дом. Было совершенно невозможно брать ещё один больничный, но и бегать по лестнице с минус первого этажа на четвёртый с огромными охапками дел, тоже никак нельзя. Я посмотрел на часы, было девять часов утра. Я нашёл в записной книжке мобильного телефона номер нашей поликлиники и вызвал участкового врача.

Наверное, я уснул, потому что звонок в дверь заставил меня вернуться в себя. Это пришла врач. Она меня знала. «Что такое опять? Боже, какой ты бледный», – сказала женщина. Я объяснил ей свои симптомы. Она велела мне прийти завтра к половине восьмого утра на сдачу анализов. Выписала направления и ушла. Я кое-как поел и принялся за периодику, которая заменяла мне телевизор. На этот раз в федеральную прессу попала история про наше казанское отделение полиции «Ближнее», в котором применялись пытки к задержанным. «Не подлежит сомнению тот факт, что на протяжении длительного времени сотрудники отдела полиции «Ближний» применяли к задержанным физические пытки, вследствие которых, по предварительным подсчётам, погибло, по меньшей мере, трое человек. Последним доказанным эпизодом, который и стал той ниточкой, которая привела в полномасштабному расследованию методов работы злополучного отдела полиции «Ближний» явился случай с неодно-

кратно ранее судимым гражданином Сифулиным, который на больничной койке незадолго до смерти признался врачам, что был жестоко избит и изнасилован пустой бутылкой из-под шампанского сотрудниками полиции отдела «Ближний», когда те его задержали по подозрению в совершении кражи...» Я дочитал статью до конца, поймав себя на страшной мысли, что нисколько не удивлён наличием такого рода историй. Все эти ужасы, которые творят сотрудники полиции – это поступки обыкновенных людей, живущих в постоянном стрессе. Все эти пытки в комнатах для допросов, расстрел посетителей супермаркетов, – последствия взятых на себя повышенных обязательств. С психикой ребёнка человек не может заниматься взрослыми вещами. Выход из подобной ситуации один: жёсткий отбор на замещение подобных должностей, – это должны быть сверхлюди, без слабостей, без страстей, без страхов. А, какого чёрта, что я в этом понимаю! Конечно, этих гнид в погонах и при корочках надо растерзать. Понимаете, образ полицейского для меня священен, а люди, примеряющие этот образ, – нет. Работая таксистом, я сталкивался с этими самодовольными гондонами, и, скажу вам откровенно: они во стократ гаже самого последнего уркагана. Ну да хватит об этом.

За этот без малого месяц с момента папиного возвращения в Питер, я звонил ему раз десять, задавая один и тот же вопрос: «Нести уже?», он давал один и тот же ответ: «Я тебе позвоню». Сегодня я набрал его ещё раз и спросил. Он за-

мешкался, но ответил также как и раньше, добавив: «Может быть, во вторник-среду на следующей недели...» Я покорил птичек, убрался в их клетку, сменил им воду, воткнул между прутьями морковку и, вконец обессилев, лёг на диван. Мне приснилось, что я слон и меня поят вином.

Придя даже чуть раньше, чем положено в поликлинику, я поставил баночку с мочой в картонную коробку и сел в ожидании своей очереди на взятие крови. Очередь на сдачу крови как всегда состояла из двух типов людей: тех, кто был при смерти и здоровых аферистов; я мог оказаться как тем, так и другим. Наконец меня вызвали; по мне было видно, что лишней крови у меня нет; укололи палец, но выдавить ничего не смогли, тогда я предложил погреть руку около батареи, медсестра согласилась. «У меня от холода вся кровь ушла из конечностей», – объяснил я медсестре. «Да! И куда же она вся ушла?» – заинтригованным тоном спросила медсестра. «Не знаю», – честно ответил я. Рука от тепла должна была порозоветь, но она позеленела. Второй укол в палец не много изменил. После забора (смешное слово) крови я отправился на приём к своему терапевту.

– Плохо выглядите Гончаров, сразу видно, что у вас низкий гемоглобин. Вы кровь теряли? Может, порезались сильно и она у вас вся вытекла? А?

– Нет, ничего такого.

– Может у вас геморрой? А? Когда в туалет ходите, – кровь

идёт?

Я, конечно же, догадывался о том, что причина низкого гемоглобина в том, что я высераю больше крови, чем говна, особенно в последнее время. Но, я не собирался признаваться врачам в наличии своего «Тёмного попутчика», потому что меня не устраивали их методы лечения, а сидячий образ жизни я изменить пока не мог. Тем более мой «Тёмный попутчик» был второго типа, а второй тип «Тёмного попутчика» нельзя было вылечить с помощью операции лазером.

– Нет у меня никакого геморроя, знать не знаю, что это такое вообще?

– Ладно. Прямо сейчас идите и сдайте кровь из вены.

Мне дали направление и я пошёл на этаж ниже, – сдавать кровь из вены. Я вот что заметил: в системе государственной медпомощи работают какие-то ущербные девушки, без изъяна не найдёшь: то маленького роста, то оттопыренные уши, то кривые зубы, то хромают на обе ноги, то слишком худая, то слишком толстая... Вот и сейчас, у меня брала кровь из вены вроде красивая девушка, но когда она крепко взяла меня за руку, я вздрогнул от неожиданности: её руки были покрыты густыми чёрными волосами; прямо удивительно! Я право же не знал, что тестостерон может сделать с женским телом такое!

Я снова поднялся к терапевту, чувствуя, что ещё один подъём и я упаду в обморок. К тому времени уже был готов мой анализ крови из пальца, а результат принесён моему

врачу.

– Вот смотрю я на ваш результат анализа, Павел, и удивляюсь... – задумчиво проговорила врач, а её медсестра покачивала головой для усиления впечатления.

– Да, что такое... – меня одолела апатия.

– Удивляюсь, что вы ещё живы, да ещё и самостоятельно ходите, – закончила она свою мысль.

Я в изнеможении сел на лавку и тяжело задышал.

– У нормальных людей гемоглобин сто двадцать минимум, а у вас – пятьдесят. Я вам сейчас выпишу рецепт на уколы, будете делать по одному, раз в сутки. И, конечно же, красное мясо, печёнка, гематоген, гречневая крупа, замоченная в кефире, гранаты... – она посмотрела на меня поверх очков. – Какой вы зелёный, как Шрек. Ха! Вообще-то низкий гемоглобин бывает у молоденьких девушек, когда у них обильная менструация. Ха! К вам это не относится?! – она была настроена игриво, наверное, догадалась, что я вру насчёт «Тёмного попутчика».

– Ко мне? Вряд ли, – я не такой уж молоденький. А можно мне ещё направление на УЗИ органов, на электрокардиограмму сердца и, чтобы это всё было бесплатно.

– Можно, даже нужно, – она взяла два листочка и начала их заполнять.

– На ближайшую субботу можно? – я не мог уйти на больничный, это бы означало конец моей работы, а отец строго запретил увольняться до тех пор, пока дело не будет закон-

чено.

Я испугался не на шутку. Из поликлиники сразу поехал в аптеку. Купил десять ампул уколов под названием «Феррум-Лек» и десяток одноразовых шприцев, ещё купил спиртовой раствор салициловой кислоты для дезинфекции. Пришёл домой и залез в душ. Вышел из душа, зашёл в Интернет, в Яндексe набрал: «Как делать укол самому»; появилась ссылка на видео; посмотрел видео и сделал первый в своей жизни укол самому себе. «Феррум-Лек» по консистенции и по цвету выглядел как кровь. Я начал напевать песенку Юрия Клинических: «Сейчас меня тошнит немного, нужен мне гемоглобин, ты поставь на стол вино, красное как рубин; остаётся лишь напиться, я пока ещё живой...» Что я сделал дальше? Правильно, – лёг спать.

Проспал я всего три часа, и, по пробуждении почувствовал себя почти здоровым. Резонно решив, что в чуде моего исцеления виноваты дорогостоящие уколы, я вкатил ещё один, – для верности. Потом я набрал номер Тони, и мы вышли прогуляться.

Спустя неделю я снова явился в поликлинику. Результатом моих уколов стал почти нормализовавшийся гемоглобин: у меня стало сто единиц при норме в сто двадцать. Однако, от уколов выявился побочный эффект: воспалился лимфатический узел в районе шрама от аппендицита. Тё-

тя-врач заставила меня снова сдать кровь из вены, на этот раз она заподозрила венерическое заболевание, но это воспаление лимфатического узла было всего лишь следствием передозировки препарата железа, что вскоре и выяснилось. Заодно я прошёл процедуру УЗИ. Пока стоял в очереди на УЗИ решил купить яблочного сока в местной аптеке, – кровь была уже сдана, и я решил, что можно уже потреблять пищу; меня ведь никто не предупредил, что перед УЗИ органов, как и перед сдачей крови, нельзя есть. Когда я, наконец, дождавшись своей очереди, лёг на стол, врач сразу заметила, что мои органы приведены в движение по причине недавно потреблённой пищи. Она так и сказала:

– Ты что, яблочный сок пил?

– Ого! – удивился я. – От вас ничего не скроешь!

Итогом моего ультразвукового обследования была констатация факта моего полного здоровья за исключением селезёнки. Когда врач мне сказала: «У вас увеличенная селезёнка. Не болит?», я подпрыгнул от удивления, – ведь совсем недавно Марина – консультант по эзотерическим вопросам – в разделе «здоровье» указывала на высокую вероятность проблем с селезёнкой. Я обрадовался, что в очередной раз получит подтверждение того, что наша жизнь полна волшебства.

После поликлиники заехал в аптеку, купил ещё десять ампул бодрящих уколов.

Глава 41

Утро понедельника. В предмиллениумной пробке поравнялся с Эн. Слава Уездным Богам, – моя полоса двигалась раз в сто быстрее, ибо встречная. Она мне сразу перезвонила, и мы не знали, что сказать в течение сорока пяти секунд. Когда неловкий телефонный разговор закончился, я посмотрел на свои руки, которые лежали на руле, – они вспомнили всё... О, да! Я тщетно пробовал отогнать или хотя бы отсрочить чувство стыда, но оно пришло, как всегда, вовремя. «Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть», – передразнил я свои собственные слова, которые, конечно, были никакими не моими.

Зайдя в кабинет, я чуть не умер от счастья, – секретарь Вакс сидела на своём стуле и красила глаза. Я готов был броситься на неё и задушить в объятиях. Ещё в одном углу сидела практикантка, которая мне сразу не понравилась, а потом вдруг резко понравилась. Я уселся на раскладной стульчик и достал компьютер. Мне предстояло «отписываться». Одна богиня Правосудия знала: сколько этот процесс займёт у меня времени. Через минуту из своего кабинета вышла Вакс.

– Здорово, – Вакс была в приподнятом настроении, может её любимый свитер с Тедди так на неё действовал.

Я поёрзал на стуле, открыл компьютер. Входная дверь осторожно отворилась.

– Сколько можно ждать?! Уже двадцать четыре минуты прошло! Безобррразие!!! – возмущённо проговорила загля-

нувшая женщина.

– Вы что, в швейцарской аптеке?! – огрызнулась Вакс.

О, да, здесь точность – это признак скрытой вины. От точности бегут. К тому же, дорогие мои читатели, не советую портить отношения с судьёй перед слушанием своего дела.

Через пять минут Вера Борисовна эмоционально рассказывала о своих затруднениях.

– Вчера вот меня за ногу укусил! Теперь нога болит. Нахер мне такое удовольствие нужно, – Вера Борисовна рассказывала о кошке, за которой её попросила присмотреть её дочка.

Кстати, вот зашла дочка Вакс, тоже Вакс, только Лариса. О Ларисе можно рассказать подробнее. Мне запомнилась фраза из фильма с молодой Умой Турман «Даже девушки ковбой иногда грустят»: «Безобразное может стать красивым, хорошенькое – никогда». Этой короткий ёмкий афоризм, как ни к кому другому относился к Ларисе. Лариса напоминала телосложением моего папика, а характер у неё был как у самого матёрого представителя Ангелов Ада. При всей своей невинности, она умудрялась вплетать в свою речь такие слова, которые я не рискну приводить в этом литературном труде, потому что не хочу ограничения по возрасту «тридцать пять плюс». Да-да, она была невинна, некрасива, неистова и прекрасна одновременно. Я, как и многие другие работники суда, невольно стремился к общению с этим уникальным существом. Новости, связанные непосредственно с Ларисой, будоражили умы работников суда последние три недели; ново-

сти заключались в том, что судья Вакс купила своей дочери Ларисе двухкомнатную квартиру в непосредственной близости от здания суда, чтобы Лариса тратила на дорогу не более пяти минут размеренным шагом; а двухкомнатную, чтобы своя комната была у Ларисиной собаки и кошки. Большинство коллег завидовали Ларисе, а кто-то и собаке с кошкой. Всё свободное время судья Вакс рассказывала о многочисленных Ларисиних талантах, и, чёрт возьми, я готов поверить, что таковые у Ларисы действительно имелись. Так вот, Лариса зашла в кабинет.

– Здорово, ребята, – кинула Лариса и с громким хлопком скрылась за дверью кабинета своей матери.

В какой-то момент времени мы с практиканткой остались совсем одни в зале заседания.

– Судя по твоим разговорам, ты много чего в жизни видел? – спросила практикантка, положив ногу на ногу.

Я смотрел на её ноги и не понял вопроса.

– Что? – спросил я.

– Много где побывал? – упростила вопрос девочка.

– Нет, вообще-то. Только во Франции. Я учился во французской школе, так что...

– Жапо порву...

– Что, простите? – я не поверил своим ушам, французская речь!

– Жапо roug vous?

– Заманчивое предложение, надо бы обсудить...

– А ты весельчак, – задумчиво сказала девочка-практикантка и смерила меня взглядом.

– А то! Я такой...

– Любишь грязные выражения? – продолжала она гипнотизировать меня взглядом.

– Не знаю, может быть... – настроился я на романтический лад.

Из кабинета вышла Вакс и спросила:

– Что ты не знаешь? Что может быть? А? – это на неё было похоже.

– Мы разговаривали о грязных выражениях и о... французской культуре, – ответил я, не сводя глаз с практикантки.

Этот день я провёл в вялом «отписывании»; гораздо больше внимания я затрачивал на внимательное вникание в суть рассматриваемых дел. Не помню: говорил ли я вам, что во вторую неделю работы у Вакс, я потерял важнейший документ из рассматриваемого дела, а именно – подписку свидетеля. Все, кроме Вакс, знали об этом, ибо я бегал по всем знакомым помощникам и секретарям, и спрашивал, что же мне делать. Поступало два типа предложений: первый – поехать по адресам свидетелей и получить их подписи заново и, второй: подделать их подписи так, как я их себе представляю исходя из фамилии. В итоге я выбрал наиболее лёгкий способ – второй. Вернёмся в день сегодняшний. Нужно сказать, что Вера Борисовна Вакс никогда не сидела за рулём автомо-

бия, она всегда передвигалась на общественном транспорте, и выглядит довольно жестокой иронией тот факт, что все жалобы автомобилистов на дорожную полицию автоматически приносились на рассмотрение Вакс. Знаете вы или нет, но у каждого гражданского судьи есть своя негласная специализация: кому-то несут дела о перепланировке помещений, кому-то с участием несовершеннолетних, кому-то ещё что-то, а Вакс несли как жалобы граждан на дорожных полицейских, так и самих полицейских к гражданам, – короче вся автодорожная тематика в Центральном суде была на Вакс. Данное негласное разделение труда вовсе не означало, что к судье не могло попасть что-нибудь интересное, например раздел имущества супругов или воспитание детей, налоговые недоразумения, виндикация, наследство или трудовой спор; чего-чего, а вот «прибыльное» дельце просто так точно не могло попасть, но я не буду развивать эту тему потому, что плохо её изучил. Возвращаясь к вопросу об автомобилях и Вакс, следует сказать, что дорожное движение с места водителя автомобиля и с места пассажира автобуса выглядят по-разному. Как и всякий пешеход тире пассажир общественного транспорта Вакс испытывает ненависть к автолюбителю; её можно понять, когда даже автомобилист испытывает ненависть к себе подобному. Все мы прекрасно знали, что как бы автолюбитель ни изощрялся в оправдании своих действий, как бы ни протягивал судье снимки и видео на телефоне, ноутбуке или в распечатанном виде, – Вакс всё равно примет реше-

ние в пользу полицейского, выписавшего протокол. Может, слышали такую мантру: «У суда нет оснований не доверять инспектору...»? Сама Вакс, в предвкушении очередной экзекуции над водителем, показывала нам уже знакомый жест: два кулака сворачивают шейку маленькому жёлтому пищащему цыплёнку; этот воображаемый цыплёнок символизировал водителя со всеми его наивными надеждами на справедливость. Как я уже говорил, приводить фото и видео материалы в качестве доводов в пользу своей невиновности было бесполезно, – Вакс просто не воспринимала информацию, запечатлённую на плоском носителе, как не воспринимают такую животные. У суда, кстати, есть законное основание не принимать в качестве доказательств, сделанные гражданином фото и видео материалы: дескать, неизвестно, – когда вы это сделали и где, может в начале века и на Марсе. Это правило имеет свою мантру: «Фото и видео материалы, сделанные участником дорожного движения, не принимаются в качестве доказательств». В заключение этой темы нужно сказать, что в девяноста девяти процентах случаев виновный в нарушении правил дорожного движения не пойдёт в суд. Как правило, жалоба на действие инспектора становится последним шансом на справедливость, принципом.

Наступил законный и святой для госслужащего обеденный перерыв: все помощники разошлись по мамам-папам, все секретари и специалисты разошлись по заведениям общепита. Я пошёл в столовую и встал в очередь со своим под-

носом. Сразу за мной пристроился судья Петрик, а за ним ещё один молодой судья. На вид обоим было двадцать лет, наверное, не пили и не курили никогда в жизни. Я забыл думать о судьях и сосредоточился на красивой работнице столовой; когда я брал горячее, буфетчица-бабулька сказала потатарски куда-то в глубину цехов несколько слов. Я разобрал только «матур малай». На её призыв незамедлительно явилась красавица, которую я упомянул в позапрошлом предложении. Она была свежа и игрива, как и все люди, питающиеся за счёт фирмы. Я был вооружён знанием о том, что не равнодушен ей, но не предпринял ни малейшей попытки вступить в контакт, что свидетельствует об опасности для всего рода человеческого. Надо бы остановиться подробнее на факте снижения моего либидо. Это началось сразу после моего последнего приезда из Питера. После окончания института у меня не было достаточно времени, чтобы наблюдать семейную жизнь моих попугаев; Кешка-то жил с нами давно, а Сашеньку я купил за две недели до своего отбытия. Сейчас я вам объясню, как связана моя половая активность и наблюдение за жизнью попугаев. Терпение. Так вот, когда я уезжал, Сашка только-только познакомилась с Иннокентием, и было ещё непонятно: будет у них любовь до гроба, как у «голубей и католиков», или нет. Кто читал про попугаев – знает, что они влюбляются один раз на всю жизнь, но могут и невзлюбить друг друга, тогда их придётся расселять и находить для каждого новую пару. И вот, когда я в середине ав-

густа вернулся, уже было очевидно, что они пришлись друг другу по душе, несмотря на разные темпераменты, жизненный опыт и политические воззрения; за этот месяц с небольшим они попадали в различные передраги, как то: Сашенька застряла между москитной сеткой и приоткрытым окном, а Кешка ринулся её спасать, а ещё Кешенька объелся и у него были проблемы с пищеварением, вследствие чего он упал на дно клетки и лежал, а Сашка сидела рядом с ним и отгоняла всех нас от больного, и другие не менее душещипательные и трогательные истории, в которых птицы доказали свою любовь. А в часы полуденной или вечерней неги эти комки перьев нежно щекочут друг другу клювы и головы. Любой человек, достаточное время наблюдающий за домашними птицами, если он не полный дурак, поймёт глубину и жертвенность любви птиц друг к другу. Как бы они ни боялись, – их любовь заставит пожертвовать собой ради второй половины. А для чего они делают это? Я задал себе этот вопрос и мне пришёл пока только один ответ: для продолжения рода. У девочки-попугая одна забота в жизни – высидеть и выкормить таких же смешных разноцветных дурачков как она и её спутник. Инстинкт выживания велит этому виду любить и заботиться о своём партнёре, который, как я уже говорил, бывает только один. То есть, если кто-то из них исчезнет, то другой уже не будет продолжать попугайчий род. У меня, как у начинающего писать писателя, возникла идея романа, написанного от лица моего друга Иннокентия, – ведь

он сменил несколько домов, он был дружен с котом, а потом – со щенком, а ещё с ребёнком, теперь же он, наконец, обрёл большую дом (клетка за пять тысяч) и большую любовь; это мог бы быть роман о непростой судьбе простого парня с птичьего рынка, который в малолетстве, ещё комаром, был продан и куплен одновременно, пережил становление как личность, прошёл тесные клетки и опасности... короче, повидал на своём девятилетнем веку, но не озлобился; название какое-нибудь эпическое, например: «Жизнь Ке. Сага». Виржиния Вульф выбрала пса, а я выбираю птах. I like a bird, потому что.

Теперь вернёмся к моей персоне. Я, изо дня в день, являюсь свидетелем чистой и большой любви, просто больше не могу относиться к женщинам как к объектам сексуального вожделения. Когда я вижу красавицу, а не красавиц я просто не замечаю, то сразу на её образ накладывается образ милой маленькой птички, смысл жизни которой высидеть яйца и вывести птенцов. Тут, дорогие читатели, как ни крути, вопрос продолжения рода, а всё остальное подчинено этой главной цели; всё подчинено этой главной цели! А так, как я не стремлюсь к продолжению рода, то срабатывает какой-то предохранитель, который заставляет меня «смотреть сквозь женщин». Даже порно сайты не помогли мне выбросить из головы призрак «главной цели». Пока всё оставалось так. Не знаю, как будет потом. Я разглядывал главные блюда, в то время как девочка разглядывала меня. «Что вам? Сметанки

побольше положить?» «Как положено».

Вернувшись из столовой в зал, я приземлился на свой раскладной стульчик и открыл компьютер. Оставалось двадцать минут до окончания обеденного перерыва. Я записал эти строки.

Первым послеобеденным делом было дело о неуплате автотранспортного налога, или как он там называется? Лощеный дядька с интонацией пятилетнего малыша говорил: «Уважаемый суд, сорок пять тысяч рублей налогов в год – это слишком много! Сорок пять! Сорок! Пять!» Вакс, очнувшись ото сна: «Что же вы хотели, миленький... БМВ седьмой серии, триста с лишним лошадиных сил... Уууу...» «Дорого, уважаемый суд, очень и очень дорого!..»

Перед окончанием рабочего дня меня вызвала к себе Наденька Юсуфовна.

– Когда закончишь отписываться? – задала она ожидаемый мною вопрос.

– Я только начал, – ответил я.

– Какие планы? – она снова намекала на увольнение.

– Я хочу проработать до Нового Года, – я сдался.

– Хорошо.

Глава 42

Спустя две недели. Двадцать шестое декабря одиннадцатого года. Сегодня утром снова не завелась машина. Даже с ключа. Я достаточно легко одетый для автомобильной поезд-

ки, сильно замёрз по дороге от дома к метро, а потом сильно вспотел по дороге от метро до работы. Дойдя до рабочего места, я написал, как мне показалось, смешное сообщение Аркадию: «Когда утром шёл от метро и заледенелые половые признаки бились о лодыжку (!) рискуя разбиться на миллионы осколков, я подумал, что неплохо было бы переехать в Олимпийский Сочи, или хотя бы в Паралимпийский Сочи». Аркадий ответил: «Да, Сочи».

Я поднимался на свой этаж, когда меня перехватила Юсуфовна.

– Сегодня заканчиваешь отписываться?

– Да, сегодня... Или завтра, крайний срок – послезавтра, – я приготовился к разносу.

– Хорошо, – она явно ослабила хватку, зная о моём намерении уволиться после Нового Года.

Я дошёл до кабинета Вакс, поздоровался с Маратом, секретарём и Ларисой, которая тоже была здесь, и сел на свой раскладной стул.

Через полтора часа мы все дружно засыпали на каком-то занудном заседании, содержание которого не могли вспомнить, даже находясь на нём. Я в который раз перечитывал строчку, тщетно пытаюсь уловить её смысл. Кто-то из участников давился за копейку, а кто-то сидел по привычке. Как бы сказал мсье Маранье: «Болтаем, мямлим, гоним», и так до самого обеда, когда Вакс волевым решением отложила разбирательство на две недели в связи с какой-то формаль-

ной ерундой. Стороны разошлись, Вакс тоже куда-то делась, в зале заседания остались мы трое: я, Марат и секретарь Вакс. У Марата зазвонил телефон. Он взял трубку и, почти сразу, начал ругаться с тем, кто был на другом конце провода. Потом он положил трубку и во всеуслышание заявил, что ему необходимо срочно отъехать на неопределённое время, потому что его девушка попала в ДТП.

– Девушка?! – воскликнул я и испугался своего же восклицания.

Марат посмотрел на меня укоризненно. Я перевёл взгляд на секретаря, – она тоже смотрела на меня укоризненно. Мне стало стыдно за свою несдержанность. Марат ушёл, а я остался наедине с секретарём. Я, конечно же, не собирался обсуждать с ней хитросплетения личной жизни Марата, поэтому, молча, дождался обеденного перерыва и убрался прочь.

По стечению обстоятельств, мы с Маратом в этот день всё-таки оказались с глазу на глаз в зале заседания, и он, не дожидаясь (а он бы и не дождался) расспросов с моей стороны, пояснил ситуацию с наличием у него девушки. Он сказал, что он всегда хотел стать судьёй и брак с представителем противоположного пола облегчит ему эту задачу, отдавая ненужные подозрения. Я согласился, но мысленно усомнился в том, что стоит идти на подобные ухищрения, ведь личная жизнь человека потому так и называется... «Как-то сложновато...» – подумал я.

– Считаешь, что это слишком сложно? – спроси Марат.

– Нет, конечно нет! – незамедлительно ответил я.

Только мы закончили этот короткий щекотливый разговор, как в зал буквально ворвался представитель одной из сторон, что присутствовали на сегодняшнем «сонном» заседании, и, извиняясь и тяжело дыша начал ползать по полу. Потом он нашёл то, что искал и дал объяснение. «Простите, я тут у вас диктофон забыл. Такой конфуз...» Я посмотрел на Марата. Марат встал из-за стола и подошёл к представителю. «Стирайте», – тихо и властно произнёс Марат. Представитель пытался что-то сказать: «Вы не можете требовать... Вы не имеете права...» «Стирай», – тихо и зло повторил Марат. «Но, позвольте...» «Ты слышал, что я тебе говорю, стирай немедленно, чтоб тебя!..» – Марат готов был выбить из него дерьмо, я выдел это по его профилю. Я говорил, что Марат – довольно крепкого телосложения? А в его глазах каждый желающий мог прочесть решимость на крепкий отпор. Уловив флюиды, представитель поспешил выполнить приказ; затем из своих рук показал Марату очищенный от записей цифровой диктофон. «Дай сюда», – Марат взял из рук парня аппарат. Удостоверившись, что диктофон пуст, Марат вернул игрушку представителю и вернулся на своё место. Парень тем временем убрался восвояси.

Рабочий день подошёл к концу. Впереди был путь под горку до метро.

Как и всё в этом мире, моя работа у Веры Борисовны Вакс подошла к концу. Я сдал последнее дело в архив двадцать восьмого декабря в среду, установив при этом новый рекорд некомпетентности. Спустился к Наденьке Юсуфовне за новым назначением; я называл их миссиями. До конца этого рабочего дня Наденька послала меня помогать на почту, но, когда я дошёл от общего отдела до почты, там уже звонил телефон, – Юсуфовна снова звала меня к себе. Я вернулся, про себя отметив, что это плохая примета. «Так, дядя, идёшь сейчас к Регине Петровне, – у неё секретаря уже две недели нет». «А это где? Кто? Где?» – засуетился я. «А это – заместитель председателя по гражданским делам, дядя. Четвёртый этаж». «Ой, по гражданским...» – только и ответил я.

Помните, дорогие мои читатели, я упоминал мельком о личности Регины Петровны? Я зашёл в кабинет, в глаза сразу бросилось огромное количество дел, они (дела), как и некогда в зале Вакс, занимали все плоские поверхности; сотрудников я не заметил, но, возможно, они скрывались за этими завалами.

Сегодня утром моя машина завелась, я надеялся немного заработать на обратном пути, но Вакс послала за мной Ларису, чтобы та сказала мне, что Вера Борисовна желает ехать со мной.

Стоя в пробке на Миллениуме мы с Вакс разговорились. – К нам опять сегодня телевидение приезжало, ты видел, Поль?

– Ага. Опять того наркошу судят – адвокатского сына?

– Точно. Вот ведь гадёныш: обожрался наркотиков, сбил человека насмерть и ещё улыбается! Прибила бы суку! – Вакс потрясла кулаком в воздухе. – Наркоманы, блядь, проклятые!

– А кто сейчас не наркоман... – задумчиво произнёс я.

– В смысле?

– А, ну да, то есть... От наркоманов спасу нет. Вот у маминой машины колпаки спиз...ли. Кто? Наркоманы! – вспомнил я недавний случай.

– Они! Наркоманы! – Вакс ткнула пальцем в воображаемых наркоманов.

Обсудив наркоманов, мы на время затихли. Я нажал на кнопку магнитофона. «...Триппер сразу прыгнет на твоё муде...» – заорал из колонок Юрий Клинских, которого я слушал утром по дороге на работу. Я лихорадочно убавлял звук и заливался краской. Через пять минут Вакс возобновила общение:

– Тебе, Поль, не следует работать секретарём. Не обижайся, но писать ты совсем не можешь. Совершенно. – Вакс задумчиво смотрела в окно.

– Я собираюсь уволиться после Нового Года, – открыл я страшную тайну.

– Вот это зря. Поработай хотя бы до лета, а там, может, представителем устроишься куда-нибудь.

Я молчал.

– Слышишь, что говорю?! Погоди до лета, – Вакс сверлила меня взглядом.

– Я уже всё решил, – лаконично ответил я.

– Погоди, говорю! Решил он!.. Передумай, раз решил!.. С матерью посоветуйся. Решил!..

– Я не советуюсь с матерью.

– Ты что, не любишь мать что-ли?! А?! – Вакс не сводила с меня глаз.

– Я равнодушен к ней.

– Людей не любишь... – то ли утвердила, то ли спросила Вакс.

– Балансирую на грани любви и ненависти. Всё-таки именно люди создают искусство... Поэтому... – я начал вращать кистью руки и воздухе, подыскивая слова. – Я же не президент, Вера Борисовна, чтобы делать вид, что люблю людей.

– Так может ты, Павел, и в Бога не веруешь?! – Вакс явно была задета за живое. – Ты, Пашка, женат был, вроде?

– Угу, был женат однажды и несколько раз... не был, – я вспомнил, что действительно был женат и ужаснулся.

– Так, что, Поль (она выделила моё прозвище интонацией), в Боженку веруешь? Или как?

Я глубоко задумался над её вопросом. Ответ на него в зависимости от настроения мог быть как положительным, так и отрицательным у многих людей на Земле. Потом выдал в качестве ответа лучший афоризм за неделю.

– Не совершаю больших грехов, чтобы не было необходи-

мости верить в Бога.

Теперь настала очередь Вакс глубоко задуматься.

В этот вечер, придя домой, я решил набрать номер папика, – справиться о нашем маленьком незаконном деле. «Привет, отче, что там с деньгами? Нести их когда?» «Никогда не нести», – ответил папа. Я насторожился и попросил объяснить. Папа сказал, что перезвонит мне через пятнадцать минут и действительно перезвонил. «Деньги нести не надо», – повторил он основную мысль предыдущего разговора. «И с чем связан такой поворот дел», – всё ещё не веря своим ушам, спросил я. «С анальным сексом. Новости надо смотреть, – ответил папик, а потом добавил, – я приеду за деньгами сразу после Нового Года».

– Ладно, – я не знал, что ещё спросить, – в голове роились какие-то мысли. – Слушай, раз такое дело, может, подкинешь мне денегат «на мороженное».

Папа засмеялся на том конце трубки так, как обычно смеялся надо мной, когда я выказывал свою ушлость.

– Ладно, возьми треть и помни мою доброту, – ответил папа.

– В смысле? Я не расслышал, не мог бы ты повторить, – у меня в зобу дыханье спёрло, на глазах выступили слёзы. – Господи Иисусе, благословен анальный секс...

– Возьми «лям», потрать с умом. Удиви меня. А мои два передашь через дядю Пашу-дальнобойщика; он четвёртого

января стартует из Казани.

Дальше я не помню, что было. Может быть, я впервые упал в обморок, а может это был просто сильный аффект. Нельзя сказать, что я не ожидал от папика такой щедрости, – деньги для него всегда были мусором, – просто я, наверное, не ожидал, что со мной может приключиться подобная удача. На всякий случай, придя в себя, я перезвонил папику и уточнил информацию о его щедром пожертвовании; после очередного объяснения смысл не изменился, и я возликовал.

– А если серьёзно, то почему так получилось? И причём тут анальный секс? – решил я выпытать у папика причину.

– Ты знаешь, что у вас там, в Казани, в отделе милиции «Средний» произошло? Ты вообще новостями интересуешься?

– Да, я читал про должностные преступления. Про пытки... Там умер кто-то от... от...

– Дошло?

– Ну, допустим. А как это связалось с нашим мальчиком?

– Там уволили целую тонну ментов, в том числе и непосредственного начальника этих любителей клубнички. А он, в свою очередь, лично вёл расследование по делу нашего мальчика. В таких случаях, товарищ плюшевый юрист, дела имеют свойство разваливаться.

– А!..

– Хер на!

Я знал, куда потратить свои деньги. Я куплю комнату в коммуналке в Петербурге и сопьюсь; шутка, – только комнату. Хотя, конечно, я продолжу идти по тонкой грани между саморазрушением и личностным прогрессом. Открыл компьютер.

Зайдя в Интернет на предмет покупки жилья в Петербурге, обнаружил, что на мой миллион ничего не только приличного, но и ничего неприличного не купить. Старый фонд начинался от миллиона ста тысяч рублей, а фотографии объектов даже в низком разрешении смотреть было страшно. Мало того, что больше десяти метров комнаты не предлагались, так ещё и не было горячей воды, а, скажем, ванна находилась на маленькой прокопченной кухоньке, – представляю себе картину – кто-то пытается намылить причинные места холодной водой, а сосед в десяти сантиметрах от тебя жарит яичницу; или ванна находилась около плиты, чтобы удобнее кастрюли греть? Возвращаясь к этим порно-фотографиям комнатух, – интерьеры были в одном стиле – продавленный диван, который в разложенном виде занимал одну вторую часть помещения, шкаф с наклейками девиц в «макси», дверцы которого закрывались, только если подоткнуть картонку, на потолке лампочка, а плафоном служила паутина – тут уж надо положиться на фантазию местного паука. Кажется, на одной из фоток на диване я заметил чьё-то старое тело – не иначе труп бабушки убрать не потрудились, а ком-

нату уже на продажу выставили. Ещё я почему-то не сомневался, что в качестве бонуса прилагались соседи-алкоголики и их детишки-наркоманы, которым, конечно же, сразу не понравится моя надменная рожа. Отложив варианты со старым фондом в центре, я начал искать варианты в панельных домах на окраинах, но чтобы было недалеко от метро, чтобы непременно я мог ходить пешком, потому, что не исключён вариант, что машину придётся продать. Пока переходил со ссылки на ссылку, видел множество вариантов покупки однокомнатной квартиры в пригородах, – пятнадцать минут транспортом и всё такое; цены – от миллиона двухсот тысяч. А вот ещё вариант комнаты около метро – год постройки тысяча (уже неплохо) девятьсот семьдесят первый, комната в трёхкомнатной (а не в двадцати трёх – как в центре городе) квартире, ремонт неплох, ванная, туалет отдельно от обеденного стола, теплоцентр, улица танкиста Хрустицкого... Где живёшь? На танкиста Хрустицкого! На таксиста Хабенского? Короче, миллион четыреста тысяч и можно найти вариант в трёхкомнатной квартире в каком-нибудь крупно-крупно панельном доме на окраине около метро. Вариант папика с покупкой земли и последующей постройкой на ней дома, уже не выглядит отвратительным. Да уж, – миллион российских рублей – это много или мало, – философский вопрос; одно я знаю наверняка – это на миллион рублей больше, чем у меня было два часа назад. Изломав всю голову, я лёг спать, оставив разрешение этого вопроса на другой день.

Позже в этот же самый вечер, я повстречал на кухне маму и сказал ей, что уволюсь из суда после новогодних праздников. «Работать в эту работу, – всё равно что догонять горизонт», – подытожил я свои ощущения. «У тебя нет шансов кем-то стать в жизни. Твоим сумасшедшим планам не суждено сбыться. Отец тебе больше не поможет», – основные мысли матери. Потом мы быстренько обменялись оскорблениями средней тяжести и разошлись по своим комнатам.

Глава 44

Весь следующий день, а это был четверг двадцать девятое декабря, я занимался тем, что отправлял письма; несколько раз порезался о конверты. Красавицу Регину Петровну я видел однажды мельком, она всё время просидела в своём кабинете; процессов на этот день уже не назначалось.

В дверном проёме возникла Наденька Юсуфовна:

– У вас процессы сегодня есть? – спросила она.

– Только пищеварительные, – отреагировал я.

– Очень смешно. Саботируешь работу? – с улыбкой спросила она.

– Я слова-то такого не знаю, – я продолжил заниматься письмами.

– Оставь нам Полюшку, будет конверты обли... запечатывать, – сказала, появившаяся в дверном проёме своего кабинета, Регина Петровна.

– Не знаю, как шеф прикажет, – со смехом ответила Юс-

уфовна.

Надо ли говорить, что настроение у меня было распрекрасное; может даже я впервые ощутил, что такое «предпраздничное настроение». День пролетел мухой, и я уже ехал домой на своей машине, которая изволила завестись. Меня переполняла энергия и вечером, на сон грядущий, я решил поработать извозчиком.

– Я купил Форд Фокус десятого года, – а у меня просто нет денег, чтобы купить новый! Я уже восемь лет в институте учусь, – PR и связи с общественностью. Сейчас ещё моя девушка беременна!.. Курить можно?

– Да, курите на здоровье, – я со своей кнопки приоткрыл окно пассажира.

– А ты вообще, чем занимаешься? – парень был явно доволен собой.

– Я начинающий писать писатель, – ответил я.

– Иди ты! Оху...ть! И что ты пишешь? Стихи? – пассажир сел поудобней, – не иначе приготовился слушать стихи.

– Стихи пишут поэты, а я – писатель; прозу пишу, – ответил я.

– Прозу? Это как? – парень почувствовал подвох.

– Это когда не в рифму. Ага... – мне пришла на ум песня Дельфина «Я люблю людей».

Через пятнадцать минут к нам подседа его девушка.

– Прикинь, Алёнка, наш водитель – поэт! Прикинь! Поэт! – пассажир уставился на свою девушку с вопросительным взглядом на рыле.

– Я не поэт, я – писатель, – счёл нужным уточнить я.

– Писатель, – удивлённо произнесла девушка. – Ну-ка, расскажи стих.

– Я прозу пишу, – эти двое созданы друг для друга; мне становилось смешно и грустно.

– Это как? – насторожилась девушка.

– Это когда не в рифму, – вспомнил парень, щёлкнув пальцами.

– Точнее не скажешь, – подхватил я.

– Слушай, а про нас с Алёнкой напишешь? – спросил пассажир, когда мы почти подъехали к месту назначения.

– Конечно, напишу, – с серьёзным видом произнёс я. – Я вообще собирался всё своё творчество посвятить вам двоим.

– Круто, спасибо! – ответили они почти хором.

Чёрт возьми, самые трудные триста рублей в моей жизни. Пора убираться с улиц.

Глава 45

Придя в пятницу тридцатого декабря на работу, я первым делом направился в общий отдел к Наденьке Юсуфовне и положил на её стол заранее напечатанное и подписанное мною заявление «по собственному желанию». В мыслях я уже обживал комнату в коммуналке где-нибудь на Васильев-

ском острове или даже на Петроградке. «Решил, значит...» – с облегчением выдохнула Наденька Юсуфовна. «Да, а чё, а чё...» – пробормотал я. «Океюшки, твоё заявление отнесу Команданте завтра, – сегодня он просил его не беспокоить». «Так завтра же всё, – праздники!» «Он всё равно будет здесь. Я передам заявление его помощнику, а он... Так... Ты должен две недели отработать, – с учётом праздником...» – Наденька встала из-за стола и подошла к настенному календарю, – «Тааак, по двадцать четвёртое января включительно. Всё, дядя, можешь идти. Ты у кого уж сейчас трудишься?» «У... У... заместителя по гражданским делам... У Регины...» – я уже было начал помогать своей памяти щёлканьем пальцем, но Наденька Юсуфовна прервала мой сеанс воспоминаний: «Понятно, – у Регины Петровны». Выйдя из кабинета, я побежал вверх по лестнице, мысленно заказывая стеклопакеты в свою комнату в коммуналке на Васильевском острове, а может даже и в Центральном.

Я сидел с высунутым от сосредоточения языком и шил дела, когда заметил, что в дверном проёме своего кабинета стоит Регина Петровна и умилённым взглядом следит за мной. Я как раз думал о том, как пойду в ближайший к моей будущей комнатке супермаркет и куплю стульчак для унитаза, чтобы с гордым видом повесить его на отдельный гвоздь в общем туалете. Я с секунду смотрел ей в глаза, думая, что она сразу же уйдёт, но она не ушла. Тогда я отвернулся, продолжив работу; язык убрал в рот. Боковым зрением я видел,

что Регина Петровна беззастенчиво разглядывает меня; она простояла в проёме ещё минуты три, затем ушла в свой кабинет. Она – красивая женщина, она мне нравилась.

Через два часа монотонной работы по сшиванию и описыванию документов, мы узрели вновь вышедшую из кабинета Регину Петровну. Регина положила руки на бёдра и приказным тоном велела прекратить всяческую работу и начать веселиться и пить шампанское. В течение двадцати минут должны доставить суши и пиццу, которую на свои средства заказала Регина Петровна в качестве предновогоднего сюрприза своему составу работников. Я, было, подумал, что мне здесь не место, потому что я всего лишь заменяю заболевшего секретаря, но мне дали понять, чтобы я оставался, поскольку «...мы уже успели привыкнуть к тебе... будет жалко, когда тебя снова переведут...» и пр. Пока все метались в поисках чистых стаканов, Регина Петровна ушла и пришла снова. «Пока не забыла», – сказала она и начала раздавать своему составу сотрудников (а к началу веселья объявилась выздоровевшая секретарь) подарочные сертификаты крупной косметической компании, название которой созвучно с фамилией французского вояки. Я попытался тактично исчезнуть по «неотложным делам», но был схвачен нежной и твёрдой рукой Регины и одарен сертификатом. Рассыпавшись в благодарности, я подумал, что сегодня же обналичу его в пользу своей мамочки.

На рабочий телефон пришёл местный звонок, который от-

личался от неместного другим порядком длинных и коротких трелей, я так и не научился их различать. Помощница Регины Петровны пошла в свою комнатку (а у заместителей Команданте были ещё отдельные помещения для помощников... и кулер); звонила Юсуфовна, велела мне немедленно зайти к Команданте. Я естественно подумал, что этот вызов касается увольнения. На всякий случай испугался. Около самых дверей приёмной шефа я повстречал его относительно нового помощника, мы с ним, как всегда поздоровались; меня немало удивило, что он, потрясая мою руку, задал риторический вопрос, назвав меня по имени: «Как дела, Поль? Работаешь?» «А? Да», – ответил я и поспешил к Команданте. Секретарша шефа сразу мне сказала, что меня ждут, и показала на дверь. Все эти мелкие события, как то: приветствия личного водителя, знания меня по имени помощником, нетерпеливое ожидание меня в кабинете, – по отдельности ничего не значили, но все вместе создавали впечатление особого отношения к моей персоне. Наверное, мне всё это кажется. Через секунду, как раз додумав предыдущую мысль, я предстал перед Команданте. Я приготовился услышать слова о моей некомпетентности и неработоспособности.

– Здравствуйте, шеф, – сказал я не своим голосом.

– Здравствуй, Павел, – ответил шеф со знакомым акцентом, не поднимая глаз от бумаг.

Я стоял и ждал, потом украдкой глянул на стену из мно-

жества небольших мониторов, посредством которых Команданте наблюдал за жизнью всего суда. Наконец шеф оторвался от бумаги, смерил меня долгим взглядом поверх очков, снял очки и положил их в футляр, начал тереть глаза, перестал тереть глаза, снова сфокусировал взгляд на мне и проговорил:

– Ты же вроде, водитель?..

Конец первой части

Часть II

Not

guilty

Всё что возможно – происходит;

возможно только то, что происходит

Ф. Кафка

Глава от рассказчика

Я-то знаю, что самые интересные истории – это истории нерасказанные. Получается, что эта история, состоящая (как и все истории) из нескольких крупных историй и множества совсем мелких историй – не самая интересная. Пусть так. Цепь событий и взгляд на эти события участников и свидетелей этих самых событий, а также взгляд под другим углом на события их участников и свидетелей – вот что такое история в объёмном взгляде на неё. Из этого следует, что во времени и пространстве события присутствуют в очень

большой концентрации. Ещё я бы не стала умалять роль рассказчика. Хороший рассказчик должен уметь из тривиального набора событий сотворить Историю, да ещё и навязать читателю определённые мысли, да так, чтобы читатель думал, что это его собственные выводы; то же самое можно сказать о симпатиях и антипатиях к героям Истории.

Я считаю, что слово «писатель» должно быть заменено на слово «рассказчик», когда дело касается пересказа подлинной истории. Некоторые писатели говорили про себя, что они рассказчики, но они имели в виду только то, что пишут в своих книгах о событиях, происходивших непосредственно с ними. Хемингуэй тоже был рассказчиком своих историй.

Я же представляю себе «рассказчика», который пишет обо всем, о чём может написать, который компилирует и интерпретирует события. Я-то знаю, что самые интересные истории – это истории нерасказанные. Теперь знаю.

Глава 1

Двадцать первое января две тысячи двенадцатого, суббота. Московское время – девять часов утра. Город заморожен как десна перед удалением зуба. Из всех тёплых щелей валит пар. Мы с Тони едем по центру города в сторону промзоны и молчим. Я стараюсь приободрить себя мыслью о том, что вот уже целую неделю эксплуатирую новенькую иномарку ценой почти в миллион рублей, а в свидетельстве о регистрации транспортного средства и в паспорте технического средства

записаны мои данные, но мысль упорно не фиксируется на приятных моментах бытия, а уводит моё воображение в какие-то устрашающие допущения. Тони в очередной раз вдыхает воздух для того, чтобы что-то сказать, но выдыхает не проронив ни слова. В районе колхозного рынка перед нами возникает огромный чёрный джип Мерседес. Я смотрю на буквы на его номере – «рак». Говорю Антону: «Неплохо зарабатываю онкологи». Антон с секунду фиксирует внимание на объекте, затем реагирует на шутку. «Это не онколог, это хачик с колхозного рынка», – монотонно произносит он. И действительно, – на следующем светофоре джип сворачивает к рынку. Отупение достигает пика. «Покурим?» – предлагаю я. «Ты же не хотел прокуривать новую машину», – вспоминает Тони. «Ладно, уж...» Мы закуриваем. Я пробую сменить настроение и представляю себе, что мы едем не по обледелой Казани, а по какому-нибудь Северному Штату Америки. Типа, знаете, какой-то городок из которого все стараются выбраться. Я пытаюсь вспомнить один из американских фильмов, в котором действие происходит в маленьком городке в северном штате. Кое-что приходит на ум, названий я вспомнить не могу, но сюжет припоминаю. Настроение всегда улучшается, когда, как в детстве, начинаешь играть с реальностью.

Был не менее действенный способ почувствовать себя лучше, – на очередном светофоре я перевёл взгляд на Антона и подумал: «Как замечательно, что у меня есть друг, –

человек с которым просто хорошо находится рядом; и что бы ни делал этот сукин сын, мне всегда будет казаться, что это самое правильное действие на свете. Я готов отдать свою никчёмную жизнь за твою никчёмную жизнь и не чувствовать себя при этом дураком». Антон поймал мой взгляд и понял всё.

– Не буду больше пить это дурацкое молоко, – пердёж уже достал, – начал, было, разговор Тони.

– Мне-то не рассказывай!.. Я на днях кофе с молоком попил. Три раза по сорок минут пожалел!..

Зазвонил телефон. Я не сразу понял, что это мой, так как вместе с машиной, купил Айфон и ещё не привык к новому звонку, а чтобы поставить свою мелодию на этот аппарат нужно такие танцы с бубнами устраивать... Сэкономил на литых дисках – всё равно в одну прекрасную ночь их бы украли – и купил Айфон, – поддался всеобщему помешательству. Нет, мне действительно был нужен телефон, мой старый работал через раз и то, если взобраться на ель... Такие дела в общем.

– Ты ответишь или мне подойти? – Тони взял моё «Яблоко» с полочки около рукоятки АКП.

– Это Марат Раисович. Сейчас опять в душу без мыла начнёт лезть, – я взял телефон из рук Тони.

Провожу пальцем по экрану: «Да, Марат Раисович. Хаерле ирте. (Что означает «доброе утро» на местном наречии)». На том конце: «Привет-привет, улым (что означает «маль-

чик или сынок»). Ты уже проснулся? Едешь по делам?»

– Конечно, Марат Раисович, как велели – сначала на «чеки», потом снова на «чеки», потом на «массаж». Потом к вам.

– Выспался хоть немного? – продолжил нежный допрос Раисович.

– Ну, разве что немного... – я кинул взгляд на Тони.

– Давай-давай, работай.

Раисович положил трубку.

– Меня пугает эта его псевдоотеческая квазизаинтересованность моим благополучием, по мне так лучше «вежливое хамство», – сказал я Антону.

Тони понимающе кивает головой.

– Зацени музыку. – Говорю я и включаю свой старенький четырёхгигабайтный айпод, который подключен напрямую к аудиосистеме автомобиля.

*«You call us hoods and say we've gone mad
'Cause we feel so good when we're big and bad
We're high school hellcats (on our own!)
High school hellcats (almost grown!)
Come on and pick a fight, we wish you would».*

– Моя старая, за тысячу рублей купленная, лучше звучала, – ору я. – «Уи лов бин бед коз ит сюр филс гуд!»

– Ты когда старую машину-то продавать поедешь? Может

в это воскресенье? – убавил звук Тони.

– Не знаю, обожду пока.

– Для таксистских экзерсисов оставишь?! Ха...

– Не исключено.

Когда мы уже подъехали, Тони вдруг сказал: «Ты перед этим Раисычем особо умом не блещи, – пусть думает, что ты дурачок, который счастлив, что поймал Деда Мороза за яйца». Я кивнул.

Меж тем, мы подъехали к первому пункту нашего субботнего утреннего пути. Этот пункт – работа Тони. Пока Тони ходит чинить то, что сломали поганые ручонки сотрудников «Пятёрочки», я вам расскажу о том, как «всё так произошло».

«Ты же вроде, водитель?» – спросил у меня Комданте, когда, наконец, обратил внимание на моё, появившееся в его дверях, туловище. Задавая этот, риторический по своей сути, вопрос, Комданте смерил меня уже знакомым разочарованным взглядом.

– Да... Да, я водитель. Водитель... Водитель категории «В»! – наконец выговорил я с каким-то нелепым апломбом.

– Что это за категория такая?! – удивлённо спросил шеф.

«Ну и ну», – подумал я. – «Вот до чего довела безнаказанность, – забыл, что права делятся на категории!»

– Это автомобили, масса которых не превышает три с половиной тонны, а пассажироместимость не превышает

восьми посадочных мест... Кажется... – я слишком усложнил ответ и поэтому добавил. – Короче, все легковые авто.

– А! – обрадовано сказал Команданте. – Значит наш служебный чёрный джип подойдёт!

Одним полушарием мозга я обрадовался, а другим опечалился. «Служебный чёрный джип», о котором помянул шеф, был вовсе никакой не Jeep, а Мерседес, но в части цвета и «служебности» всё было верно. Причина для радости была, по сути, ничтожна, а опечалился я тому, что мне придётся отказаться от назначения меня водителем, потому как я твёрдо решил в ближайшее время мигрировать в Северную Столицу.

– Будешь числиться секретарём судебного заседания, – юридический стаж будет идти, зарплата будет приходить та же самая на карточку; плюс десять тысяч наличными; плюс премия по итогам... итогам... ну... когда-нибудь. В субботу половину дня будешь в разъездах, может в будни тоже, но в будни в рамках рабочего дня. А? Формально будешь у уголовного судьи, иногда будешь подписывать протоколы судебных заседаний, – для отчётности, – всё-таки ты секретарь! А? А?! – Команданте вновь посмотрел на меня разочарованным взглядом, правда, немного уменьшив его интенсивность. – Подумай сегодня-завтра. Сообщишь Раисычу.

Не помню как, но сбросил с себя оцепенение уже стоя в коридоре. «Чёрт, что же делать?!» – то ли вслух, то ли про себя проговорил я. Помощник Команданте сидел на том же

месте, – на лавке справа от двери приёмной председателя.

– Запиши номер Раисыча, – сказал он мне, а я его не понял.

Я почему-то подумал, что Раисыч – это водитель Команданте, а дать его номер мне предлагает помощник Команданте. Почему-то в эту секунду данный факт привёл меня в замешательство.

– А... Так вы же... А? – я сказал даже больше, чем ожидал от себя.

– Запиши номер, Поль. Давай, я диктую, – помощник шефа показал жестами, что надо достать мобильник и нажать «создать новый контакт» и так далее.

Наконец до меня дошёл смысл происходящего и я, удивляясь своей тупости, поторопился исполнить сказанное.

Стоит сказать чуть больше, чем пару слов о новом (последнем на сегодняшний день) помощнике Команданте. Говорят, что бывших судей не бывает; он же с легкостью (и даже каким-то изяществом), в общем довольно непринужденно опровергал эту максиму. На вид ему было где-то сорок пять тире сорок семь. В любое время, следуя по коридору, можно было встретить его. Было ли у него рабочее место – не мог сказать даже он сам. Он слушал свой айпод не только в обеденный перерыв. Как сказал бы Генри Чинаски, – в нём определённо был класс. Да... Его красный или синий, или фиолетовый свитер вступали в диссонанс с принятым серо-чёрным фоном. Если он надевал пиджак, то даже пи-

джак смотрелся как-то «неофициально». Вся его одежда была старая, но носил он её так, что она казалась винтажной и смотрелась круто. Итак, он когда-то был судьёй, причём не в городе, а где-то на селе. Ростом сто семьдесят восемь, худой, короткие с проседью волосы, орлиный нос и соколиный взгляд чёрных глаз; в его облике было что-то от хищной птицы. Стервятники – хищные птицы? Брился он один раз в три-пять дней. Если он не прохаживался по коридорам в одиночестве, то сидел на скамеечке с какой-нибудь личностью, разговоры велись на приглушённых тонах, со слегка склонёнными головами. Настаивал, чтобы его называли по имени: Ильдаром. Может Эльдаром, не важно. Он время от времени наносил визиты вежливости в каждый состав, любезничал с девушками, здоровался за руку с парнями. Когда он подкатывал к девкам, они, почему-то, всегда между собой недоуменно переглядывались, как будто к ним приставал не прикольный дядечка – бывший судья, а какой-то алкаш подзаборный, в общем, по моему мнению, не выказывали его персоне должного внимания, и, как следствие, не обнаруживали достаточного вкуса. Когда его в очередной раз отбрасывали в моём присутствии, мне хотелось воскликнуть: «Стоп! Переснимем этот дубль!»

Итак, вернёмся в настоящее. Я, наконец, записал номер телефона Раисыча под диктовку Ильдара.

– Ага, спасибо, – сказал я, но не спешил уходить.

У меня внутри шевелилась какая-то мысль, когда я смот-

рел на Ильдара. Я знал, что ещё мгновение и я пойму, что мне нужно, – такое предчувствие бывает у эпилептиков, когда они знают о надвигающемся приступе (если верить Смердякову из «Братьев Карамазовых»). Я ещё с секунду смотрел на уже опустившегося на скамейку и лазающего в своём iPod'e Ильдара, и тут снизошла ментальная благодать.

– Ильдар, – сказал я.

Ильдар меня не слышал, потому что слушал музыку. Я махнул перед его глазами рукой. Он вынул наушники из ушей.

– Да, Поль? – поднял на меня глаза Ильдар.

– Ильдар, мне надо с вами поговорить... Наедине...

Читатели ведь не забыли про историю с партнёром Машеньки. А я, признаться, забыл. Папик мне обмолвился, что «подобные вопросы» решаются через помощника Команданте, поэтому вид Ильдара рождал во мне какие-то ассоциации, природу которых я не мог понять сразу, поскольку моя голова была занята другими вещами. Через полчаса я созванивался с Машей.

– Привет Мусь. Это вам обойдётся в три миллиона рублей; «дешевленикак», «торгнеуместен».

– По-христиански, – произнесла Муся задумчиво; она как будто ждала этого звонка.

– Что?.. Располагаете средствами? – секунда ожидания ответа показалась мне вечностью.

– Заезжай сегодня после восьми, – торопливо и буднично заговорила Муся.

– Деньги у тебя дома?! – я чуть не въехал в бампер впереди идущего авто.

– Да-да, заезжай. Я сейчас пока на работе.

– Опупеть! А вы молодцы!.. Значит, у тебя в начале девятого... – я был рад, что с деньгами был порядок; у меня отлегло. «А ведь люди играют «по-нормальному», – подумал я, сам до конца не осознавая, что хотел этим сказать.

В этот вечер тридцатого декабря одиннадцатого года я сидел на полу своей комнаты за запертой дверью, а на ковре передо мной лежало шесть миллионов российских рублей, – три от истории с папиком, три полученных мной от Муси. Если бы я был мерзавцем и дураком одновременно, то взял бы эти деньги и скрылся, но, к счастью, я являлся дураком и мерзавцем попеременно.

На следующий день, в канун Нового Года, я увиделся с Ильдаром и его шефом в кабинете Команданте, – эти разбойники никогда не отдыхали. Всё прошло, как сказал бы Арчи, словно лом через говно. Письменных гарантий мне не дали, но заверили, что все неприятности для нашего подопечного с этой минуты закончатся, и в первых числах Нового Года он будет свободен. Забегая вперёд, скажу, что Денис – так зовут мальчика – вышел на свободу третьего января двенадцатого года и растворился на бескрайних просторах Интергермандии, как любят называть Петербург и Ленинградскую об-

ласть немногочисленные оригиналы. Во время сделки произошёл неожиданный для меня момент: Ильдар в присутствии шефа пересчитал деньги, затем отсчитал из них триста тысяч и кинул через стол мне со словами: «Твои десять процентов». Я просёк тему и, не издавая никаких лишних звуков, положил купюры в сумку. Единственным неудобным моментом для меня явился тот факт, что с меня взяли согласие взяться за предложенную мне накануне работу. Очевидно, что этими десятью процентами они купили моё согласие и, видит Бог, я не знал, зачем им это нужно, ведь мои услуги никому не нужны за во сто раз меньшую сумму.

Первым делом после аудиенции я направился к Маше и вывалил перед ней «десять процентов». Я не собирался возвращать ей «сдачу», но и скрывать от неё факт моего резкого обогащения за её счёт тоже не хотел. Она с равнодушием посмотрела на деньги, лежащие на её кухонном столе. Помимо прочих мыслей, я подумал о том, что для Маши триста кусков – не такие уж большие деньги, не то, что для меня.

– Вот и замечательно, я рада, что так всё получилось. Ты, несомненно, заработал эти деньги.

Я с облегчением выдохнул и убрал денюжки в сумку. В дверях Маша мне сказала:

– Когда дело будет закончено и Дие... Денис выйдет на свободу, мы с тобой, как следует, отметим это событие, – она взялась за пуговицу на моей куртке и начала её крутить.

Я понял, что её беспокоит и поспешил сказать:

– Не сомневайся, Машенька, они не станут обманывать. Денис выйдет сразу после Нового Гэ.

Вот так. А на следующий день была Новогодняя Ночь. Да уж. «На следующий день была ночь», – забавно звучит. Мама и Ратмир уехали в Уфу (как будто мы и так не в заднице живём), – к родственникам Ратмира. Я остался предоставленным самому себе. Может, чтобы уйти от мыслей, может из жадности, но после того как часы пробили полночь и один из президентов с экрана телевизора поздравил граждан и обещал в новом году уже точно победить коррупцию, я отправился на таксистский промысел. Однако надолго меня не хватило, и уже через час, сделав два заказа, один из которых принёс мне не только деньги, но и четверть грамма гашиша из личных запасов полубезумного работника театра юного зрителя, в половине второго ночи, я вернулся домой; начал есть холодные закуски и смотреть телевизор. Через пятнадцать минут со своего седьмого этажа спустился Тони, и мы просидели почти до шести утра, плюща и поджигая «коричневого мерзавца». Алкоголя не употребляли, так как оба решили, что с нового года в завязке. Между поеданием салатов я рассказал Тони о событиях прошедших дней.

Шестого января, я отправился в автосалон Volvo и оставил предоплату в размере ста процентов за модель с30, – восемьсот восемьдесят тысяч. «Только не синего цвета», – на-

казал я менеджеру. «А у нас как раз отказались от такой же, как вы заказали, только она синяя. Вон она стоит. Возьмёте?» «Возьму. А зимнюю резину подарите?» Я стал обладателем двух синих машин. На следующий день, прямо в автосалоне, получил документы, полис ОСАГО и номера. Делать полную страховку не стал, отсутствие этой необходимости – одна из прелестей покупки машины за наличку без кредита. Мало того: я продал через объявление, идущие в комплекте, легкосплавные диски, – превентивная мера против их ночной кражи; поставил штамповки.

Начались рабочие будни.

Первую неделю я просидел на процессах уголовного судьи – мамы Марата, и, клянусь вам, палец о палец не ударил, может два раза сбегал к ксероксу. Четырнадцатого января была моя первая суббота. Раисыч усадил меня за руль чёрного джипа, и мы отправились по адресам. Первым адресом были, так называемые мною для удобства, «дальние» чеки: помещение десять на восемь в каком-то бывшем заводском цехе; три компьютера и множество видов принтеров, две кровати с грязным бельём и два обогревателя рядом с ними. В этом невзрачном помещении зарабатывались большие деньги. Два ботанической наружности юнца изготавливали на заказ разного рода платёжные документы, – чеки, квитанции и прочее. В их арсенале, помимо принтеров, имелись самонаборные печати всех цветов и размеров. Клиентами этого присутствия являлись в основном дальнобойщи-

ки и командировочные, которые хотели «отмыть» свои расходы. Что вам объяснять, – сами знаете, что по всей России данный вид бизнеса цветёт и пахнет, и нет ничего удивительного в том, что его держит крупный региональный чиновник. Итак, на «дальние» чеки я должен был приезжать ровно к десяти часам утра каждую субботу. Ответственный за выручку передаёт мне запечатанный конверт, в который уложены деньги и сопроводительная бумажка. Какая в конверте сумма мне неизвестно, – знать об этом в мои обязанности не входит. Может миллион? Ну, не важно. Далее мы отправились на «массаж». Массаж в заведениях данного типа играет второстепенную роль. Этот объект оздоровительного наслаждения находился в непосредственной близости от того места, которое у меня записано в трудовой книжке в графе «место работы». А именно – в Кирстане. В том самом торгово-развлекательном комплексе, в котором лихо выплясывал папик на дискотеке «кому за щёку», в смысле на ретро-дискотеке. На подходах к райским вратам релакса, мы с Раисычем прошли несколько постов из «Терминаторов» с наушниками и стволами, с одним из них Раисыч поздоровался за руку и всем им Раисыч представлял меня со словами: «Это Польша, он теперь вместо Ринтика». Наконец мы оказались в рецепции «массажа». Красивая дама средних лет поздоровалась с нами прежде, чем мы успели открыть рот. «Это Польша, он теперь вместо...» «Рината», – посмешила закончить его мысль красивая дама. Она передала такой же в точности конверт,

как и на «дальних» чеках Раисычу. «Вы как, Радик Раисович, временем располагаете?» – томно произнесла она, кивая куда-то в сторону занавесок. «Нет, дорогая, сейчас некогда, может, вечером заскочу», – ответил Раисыч. Мы церемонно распрощались с дамой и укатили в сторону последней точки, которая была ещё ближе к нашему храму правосудия, чем массаж. В трёх минутах ходьбы от крыльца суда в подвальном помещении жилого дома имелась кебабная, которая торговала разогретыми шавермами и чаем; за буфетной стойкой была дверь, а за ней ещё две двери, за одной из которых находилось помещение без окон размерами пять на пять. В этом «пять на пять без окон» сидели два других ботаника, там была два ноутбука и такое же большое количество принтеров и печатей. Первое что я почувствовал, войдя в этот карцер, была духота и запах табачного дыма, – вытяжка не справлялась с нагрузкой. Получив конверт и представив меня как нового водителя-курьера, мы поднялись на свежий воздух.

«Что, улым, понял, где что? На массаж к десяти тридцати, сюда к одиннадцати, ко мне – не позднее двенадцати, понял?» «Да-да...» – я всё ещё не мог отдышаться после подвала. «Понравился наш боров?» – спросил Раисыч, закуривая. «Что? Кто?» – не понял я. «Наш чёрный джип? Мы с шефом его зовём боровом». «Да, понравился. Мерседес ML. В нём чувствуешь себя в безопасности», – ответил я; на самом деле мне милее моя Фея, как называл свою с30 я и... только

я. Я не сомневался, что на извилистых улочках центра Казани моя Фея со мной-соколом за штурвалом обставит любого козла на борове. «Докинь меня до крыльца, а сам езжай. А со следующей недели будешь один кататься. У тебя новая машина, улым?» «Да, мечта отрочества сбылась», – ответил я. «Тогда, на своей что-ли будешь кататься, боров не нужен?» «Не нужен», – я, признаться, ожидал большей прыти от борова. Мой первый необлагаемый налогами рабочий день был завершён. Дополнительная нагрузка по субботам, – оплата: десять тысяч в месяц, – ни много, ни мало. Многие наши сотрудники трудятся гораздо больше за меньшие деньги. Я прыгнул в объятия салона Феи и, не превышая скорость, укатил в сторону дивана и недосмотренных субботних снов.

Вернёмся в так называемое настоящее: Тони вернулся из магазина, и мы теперь ехали по моим субботним делам.

– Что там было, Антонио?

– Вот, – Тони показал мне какую-то оплавленную внутренность компьютера.

– Понятно.

Через семь минут мы подъехали к «дальним» чекам. О том, что там находится контора извещал ламинированный листок бумаги формата А4 с надписью «чеки», который я в первый раз и не заметил. Въехав на территорию производства, мы обратили внимание на новенький Фольксваген Поло, припаркованный у самого входа в контору.

– Я знаю, чья эта машина, – сказал Тони.

– Да! – Тони отлично запоминал цифры, а я удивился совпадению. – И чья же?

– Зайдём вместе, – предложил Тони.

Мы зашли вместе и, когда глаза после солнечного морозного утра привыкли к темноте, различили силуэты сегодняшней смены работников. Одного из ботаников звали Енисей, он был нашим с Тони соседом; Фольксваген на входе принадлежал ему.

– Привет, бандитские прихвостни, – обрадовано проговорил Енисей. – Когда я узнал, что нашего нового курьера зовут Поль, сразу понял, что это ты.

– О, привет, Енис, – тоже обрадовался я. – Значит, ты здесь трудишься, в теновом секторе...

Мы забрали конверт и устремились к следующей точке. На «массаже» мне отдали конверт и дали рекламный буклет с услугами.

– Смотри, – я передал в руки Тони рекламный буклет. – Надоест дрочить самому – можешь воспользоваться услугами профессионалов; мой троюродный брат из Челнов пристрастился к этому делу, тратит в месяц столько, сколько стоит ипотека на элитную «недвигу».

Тони углубился в изучение.

– Ого, в четыре руки: десять тысяч! – подивился Тони.

– Сюда хотят и такие, которые за складками жира не могут отыскать своего разбойника, – вот и приходится снаряжать

дорогостоящие экспедиции в четыре руки!

На «ближних» чеках всё прошло тоже гладко, правда там была небольшая очередь из посетителей-яппи, но мне не пришлось их ждать, – конверт был уже запечатан.

Около входа во «Дворец Правосудия» стоял Санта-Фе – «младший брат» борова. Я нажал на звонок видеofона на крыльце суда. Голос консьержки (приставов в выходные дни не было) спросил кто я таков. Я представился. «А, Павлик!» – добродушно ответила она и открыла. Раисыч поджидал меня в коридоре. При мне проверил целостность конвертов, похвалил за хорошую работу и исчез за дверями кабинета Команданте.

Я вернулся в машину, где меня поджидал Тони, и мы уехали домой. Душа просила праздника, но пить мы бросили, поэтому звонок Маши, на подъезде к нашему двору, и её приглашение на празднование в честь удачного завершения дела, оказались кстати.

За пятнадцать минут до назначенного времени – без пятнадцати девять вечера – я подъехал к дому Муси. У её дома всегда большая проблема с парковкой. Кое-как взгромоздившись на бордюр, я проследовал к подъезду, попутно ковыряясь в своём старом телефоне в поисках кода домофона. На глаза попалась машина – Шкода Октавия Универсал – с петербургскими номерами, – какое совпадение: неужели это тот, о ком я думаю.

На всякий случай я набрал номер Маши. «Поднимайся», – ответила она. Общая дверь двух квартир была открыта, я вошёл в «предбанник». Постучался. «Заходи», – раздалось изнутри. Вот я уже в прихожей. Снимаю ботинки и куртку.

– Проходи сюда, мы на кухне, – голос Маши был какой-то гневный. – Познакомьтесь: Поль – Диего, Диего – Поль. Так я первый и последний раз в жизни увидел Диего.

Со стула поднялся парень и протянул мне руку. Тёмные коротко стриженные волосы, среднего роста, худой, карие глаза, длинный тонкий нос. Он был одет в костюм-тройку синеватого оттенка. Я вспомнил его. Я его видел за решёткой два месяца назад, когда работал в составе уголовного судьи. Тогда он выглядел плохо, а сейчас ещё хуже: цвет лица был крайне нездоровым, под глазами тени.

Атмосфера была наэлектризованная. Я почувствовал себя лишним и сказал: «Может я не вовремя, ребята. Вам, наверное, надо поговорить...» – я замахал руками в сторону выхода, включив немного Вуди Аллена.

– Нет-нет, – поспешил меня успокоить Денис, поспешно поднимаясь со стула. – Мне уже пора. На самом деле, я уже давно должен был уйти, у меня дела...

Говоря эти слова, Денис в точности скопировал мои жесты и манеру; я почувствовал себя глупо.

– Оставайся, сейчас провожу Дениса, – Маша не могла скрыть свою нервозность.

Они вышли в прихожую, а потом в «предбанник». Стара-

лись говорить тише, но до меня всё равно доносилось злобное шипение Маши и оправдывающаяся интонация Диего.

– Тебе мало показалось?!.. У тебя здоровья доху... – доносились до меня обрывки фраз Маши.

– Не могу же я бросить всё на полпути!.. Это ещё не конец, – встревожено отвечал Денис.

– Тогда на этом всё! Убирайся, идиот! – Маша почти плакала.

– Прощай, Мария, – удаляющиеся шаги.

Я сидел как на иголках. Сейчас она зайдёт на кухню, а мне надо что-то говорить. Спустя секунду Маша прошествовала в ванную и включила воду. Я встал и подошёл к окну, – меня всегда завораживал вид с высоты.

В отражении стекла появилась фигура моей бывшей одноклассницы, а ныне подруги Маши. «Ну, всё, – давай расслабимся».

– Да, давай, конечно, давай, – я хотел, чтобы она забыла свои тревоги, иначе я сам не смогу отвлечься. – Я ведь тебя не катал на своей новой машине, а зову её Феей, – я хихикнул, следя за выражением лица Машеньки.

– Прокатишь ещё. Я ведь говорила тебе «спасибо» за то, что Денис свободен? Голова кругом идёт, мысли одна за другой...

– Ваши «спасибо» лежат у меня в надёжном месте, перехваченные канцелярской резинкой. Вам спасибо, – я учтиво полупоклонился.

– Всё, садись, у меня тут есть эксклюзивный товар, сейчас ты умрёшь и родишься заново, – Маша достала из ящика кухонного стола упаковку из-под аскорбинок.

Отвинтила крышку и понюхала содержимое. «А! Ромашкой пахнет. Готов?»

– Сейчас, – засуетился я. – Только руки помою.

Я снял джемпер, помыл руки и, всё ещё тряся ими в воздухе, уселся в кресло.

– Давай, Поль, не бойся, – Маша насыпала на специальную трубочку в виде миниатюрной гитары сухую ромашку и подала мне.

Поджёг и, осторожно, но глубоко вдохнул. Совершенно незнакомый вкус. «Ничего не происходит», – выдал я старинную шутку. «Сейчас-сейчас», – колдовским голосом прошептала Муся. Я поднялся с кресла и подошел к окну. В тот момент, когда я взглянул на огни внизу, словно две огромные руки сдавили мою голову за уши. Я резко обернулся, но Муси и след простыл. «Ладно-ладно, посмотрим, что будет дальше», – то ли вслух, то ли про себя произнёс я и снова начал разглядывать, лежащий под ногами, район. «А интересно, сколько сейчас времени», – спросил меня чей-то голос.

– А сейчас гляну, – ответил я и уставился на левое запястье.

– С кем ты там разговариваешь, – прокричала Муся из другой комнаты. – Я сейчас приду, только музыку поставлю.

– Извините, – со смехом в голосе сказал я. – Признаться,

мистер Брандо, у меня никогда не было наручных часов; вот мой телефон на столе рядом с вами лежит, – посмотрите сами.

«А ты знаешь, Поль, что у бесконечно большого и бесконечно малого гораздо больше общего, чем мы могли предполагать», – спросил меня мистер Брандо.

– Я не думал об этом, – ответил я.

«Ты прямо сейчас об этом думаешь».

– М-да?.. – чтобы дышать приходилось делать усилие.

Решил не обращать внимания на мистера Брандо, чтобы Маша не подумала, что я сумасшедший, и не перестала дружить со мной. Снова сосредоточился на виде из окна. Подумал, что было бы неплохо, если бы дом как в прошлый раз двинулся сквозь ночь, словно космический корабль. «Да, пожалуйста, держись крепче», – ответил Брандо. Дом вздрогнул и медленно поплыл. Божественная музыка дополнила гамму чувств.

– Курить будешь, – Маша сидела в своём кресле и курила длинные чёрные сигареты.

– А я курю? – резко обернувшись, спросил я.

– Да.

– Тогда буду, – я уселся на своё место и взял длинную чёрную сигарету. – Знаешь, что я вспомнил? Слова Томпсона: «ЛСД, как и мотоцикл, – всего лишь средство достижение цели, способ добраться до того места, где расставлены все точки над «і».

– Круто, держи зажигалку.

Я прикурил и, ничего не опасаясь, сделал уверенную за-
тяжку; через мгновение об этом пожалел. Вдохнув дым, я
почувствовал что-то вроде удара по кадыку ребром ладони, а
потом сразу ощущение удара по шее сзади. Эти стремитель-
ные переживания вызвали не очень интеллигентный кашель
и боль в затылке.

– Ой!.. – я пожалел себя и прослезился.

– Только не бойся, – нежно произнесла Маша. – Закрой
глаза.

Но я боялся. Закрыл глаза. «Удивительный у тебя дом:
двигается», – похвалил я Машин дом, не открывая глаз. Спу-
стя какое-то время началось то, что я не забуду никогда.

– Что с тобой, – спросила Маша. – Ты флаг? Ты развева-
ешься?

– Нет, я – Вселенная! Я расширяюсь! – торжественно и
обречённо провозгласил я.

Единственный объект во времени и пространстве, когда
ещё нет ни времени, ни пространства. Мои руки и ноги ста-
ли щупальцами, которые удлиняются в каждую из четырёх
сторон до бесконечности. Я разрастаюсь с невероятной ско-
ростью, и вот уже, по прошествии бесконечно большого вре-
мени, моему расширению положен предел (Вселенная за-
ключена в сферу!), дальше которого не существует разрас-
тания, – мои щупальца, достигнув предела, начинают изги-
баться и заполнять собой всё отведённое пространство, – с

этого мгновения возможно только уплотнение. Музыка сотрясает каждую частичку моей сущности. Щупальца возвращаются ко мне и снова устремляются в темноту, пустого пространства всё меньше, когда будет достигнут предел – Вселенная взорвётся и сожмётся до точки, чтобы через мгновение начать всё сначала. Самое страшное, что я (Поль Гончаров), познав механизм становления и смерти Вселенной, погибну в тот же миг, как моя Вселенная коллапсирует. Я открываю глаза и начинаю ходить по кухне. Музыка, которая отсчитывает ритм, продолжает стучать во мне. Моя Вселенная продолжает уплотняться. Моё сердце стучит тысячу ударов в секунду. Я в смертельной опасности. Подхожу к окну, – смерть от падения с высоты десятого этажа кажется отличным выходом из сложившейся ситуации. Я не знаю, сколько времени осталось до взрыва моей Вселенной. Я начинаю дёргать ручки окна. Маша подскакивает со своего стула и тащит меня в спальню.

– Нет-нет, Маша, ты не понимаешь, Вселенная сейчас взорвётся! Это единственный выход! – я шепчу эти слова ей на ухо.

– Сейчас тебе полегчает, сейчас всё пройдёт, – Маша начинает гладить меня по спине.

Я сползаю на пол и прячу голову между своих коленей. Я знаю, что мне пришёл конец. Маша тоже сползает на пол, продолжая гладить меня по спине. У меня возникает мысль положить свою руку на красивую грудь Маши, но... у нас

прекрасные отношения и я не собираюсь ими рисковать даже под угрозой взрыва Вселенной. Я przygotowляюсь к смерти, которая внешне будет выглядеть как разрыв сердца. Покачиваюсь в приступе лютого страха. Музыка из колонок компьютера созвучна музыке Вселенной. Я пытаюсь использовать последний шанс и кидаюсь к телефонной трубке. Лежа на полу, набираю номер службы спасения, – они должны знать, как предотвратить коллапс Вселенной. Маша вырывает у меня трубку, я обижаюсь на неё. «Куда ты звонишь? Девять один-один?! Ха-ха, посмотрелся американских фильмов! У нас: сто двенадцать». Я заплакал от отчаяния. Мне конец.

– Как тебе торт? Правда вкусный? – Маша сидит напротив меня в своём кухонном кресле, курит, пьёт чай и ест шоколадный торт.

– Слууууушай, я не совру, если скажу, что это самый вкусный торт, который мне когда-либо доводилось есть! Пицца Богов, как сказала бы моя бывшая жена, она так могла сказать о чём угодно, – я сидел на кресле спиной к плите и жрал второй кусок шоколадного торта подряд; мне было хорошо, в самом широком смысле этого слова.

– А что там произошло? Ну, в твоём видении? Кем в итоге ты был, – Маша затушила сигарету.

– А, ничего особенного, – ответил я с набитым ртом. – Всего лишь Вселенной.

– Ты прошёл путь от становления Вселенной? – Маша за-

интересовалась.

– Ага, от Большого Взрыва до Коллапса, – я отпил чаю.

– А что произошло после коллапса?

– Вселенная поделилась на две, как клетка, которой пора было делиться. Коллапс – не что иное, как деление на два. Я так понял, что Вселенная тождественна клетке. А потом, если тебе интересно, появилась женская Вселенная и у наших двух Вселенных – мужской и женской – получилось преодолеть смерть, ну ты понимаешь... А потом сменилась перспектива и я увидел, что Мироздание покоится на четырёх черепахах, а они, в свою очередь, стоят на ките. А когда камера поднялась выше, то всё заключилось в белке, бегущей в колесе... на поле для гольфа. Слушай, я говорил, что торт просто офигительный?!..

– Слушай, интересно. Я как раз надеялась послушать твой рассказ под впечатлением от этой штуки, – Маша закурила новую.

– Вот такие дела, теперь нам известна правда, – я не мог не жрать. – А что это за зараза такая? Я же чуть не сдох...

– Знаешь ли, есть такая наука – генетика... – Маша засмеялась. – Не забивай голову, лучше попробуй вот этой штуки, – это маточное молочко специальных пчёл, привезено из Индии.

– А из чего сделано это молочко? Пчёл доили? Или скажешь, что есть такая наука – генетика, ахахаха!.. – я зацепил на кончик чайной ложки белую субстанцию и отведал. –

Слишком сладкая для меня... – я взял сигарету и, на этот раз без неприятных последствий, закурил.

По телу разлилась благодать.

– Чувствуешь, – спросила Муся. – Вторая волна...

– Ага... – я закрыл глаза, наслаждаясь каждым мгновением.

Позади меня разверзлись врата ада, но мне было всё равно.

– Знаешь, о чём я сейчас подумал? – привлёк я внимание снова улетевшей Маши.

– О чём? – её глаза навели фокус на моём лице, а затем снова рассеялись.

– О том, что мы с тобой два последних человека во Вселенной, мы летим по пустому и холодному космосу, и всё, что нам осталось на память от земной жизни – это вот этот фикус, который стоит на нашем столе. Ты закутана в шаль. За иллюминатором звёзды, смотри.

Маша посмотрела в «иллюминатор», там действительно были звёзды, а наш корабль действительно плыл по космосу.

– А сейчас мы в воровском притоне тридцатых годов двадцатого века в Одессе. За окном знойная августовская ночь. Ты куришь импортные сигареты, а я чищу Маузер.

– Точно! Здорово-то как! – Маша захлопала в ладоши.

– А теперь мы с тобой в Чикаго в пятидесятых годах. Мы – известные американские гангстеры, мы бежим с Восточного побережья на Запад, а там в Мексику.

– Здорово...

– Теперь мы в Мексике, но уже другие люди. Ты – Фрида Кало а я – твоя мать!.. А сейчас в Гонконге в одной из трущоб в начале двадцатого века; опьяняемся опиумом. Побежали скорее в другую комнату!

Мы переместились в спальню.

– Выключи свет, оставь напольный светильник, да-да вот этот, в виде минерала.

Маша выключила свет и включила светильник.

– Смотри на костёр, Маша. Мы – бедуины в бескрайней пустыне; ночь, силуэты верблюдов, сладости на серебряных подносах. Мы завёрнуты во множество покрывал. Ты знала, что ночью температура в пустыне падает ниже ноля? Над нами бескрайнее небо, полное звёзд и сосредоточенной, преисполненной смысла жизни. Я взял горсть песка и развеял его на фоне догорающего костра.

Глава 2

Среди следующей рабочей недели было одно интересное дело. Среда. Двадцать пятое января две тысячи двенадцатого года.

Процесс ещё не начался, а я уже чувствовал, что намечается нечто из ряда вон. Все вокруг суетились. Судья несколько раз бегала в свою комнату и разговаривала по телефону. Потом в дверях возник помощник шефа Ильдар и громко, а также прямым текстом сказал: «Вы это... Его не сильно до-

прашивайте». Как только Ильдар ушёл, в зал зашли три адвоката. Через минуту судья велела вводить злодея. Я отправил Аркадию зачин: «Дяденька воровал, мать его, миллионнами. Только при задержании у него на кармане было обнаружено двадцать шесть миллионов наличными. И пистолет. Это связано с синтезом. Органическим синтезом. Ага, тем самым». Аркадий не ответил.

Кстати говоря, данное заседание было очередным продлением меры пресечения содержания под стражей. Но посвящённые знали, что должно произойти. Адвокаты как под копирку проговорили свои доводы в защиту. Обвиняемый проворчал два слова про то, что ему надо кормить двух жён, восемь детей, любовницу и любовницу любовницы. «У вас две «действующие» семьи?!» – не поверила своим ушам судья. «Да», – ответил дяденька. Мусульманин! Судья изменила меру пресечения на домашний арест. Всё. Деньги не бумага, деньги – хлопок. 100 % cotton – отмывать аккуратно.

А нет, не всё. В курилке на следующий день, Марат – сын этой самой судьбы, всерьёз размышлял над продажей своего джипа от Тойота и покупки седана от Лексус, а также о дизайнерском ремонте в своей строящейся квартире. Думаете, я завидую Марату? Да.

В пятницу меня вызвали в общий отдел, где Наденька Юсуфовна выдала мне (наконец-то, после более полугода работы!) удостоверение секретаря судебного заседания. Выходя из кабинета и смотря на свою новую «штучку», я врезался

лбом в грудь Ильдара. «Удостоверение получил? Дай-ка гляну», – сказал Ильдар. Я дал ему в руки свой документ. Ильдар открыл книжечку и посмотрел. «Сейчас я тебе его верну, не уходи никуда», – сказал Ильдар и скрылся за дверью Команданте. Через минуту он вышел и отдал мне «штучку». Я снова открыл книжечку и, не заметив никакой разницы, обрадовано поскакал по коридору в свой зал.

Эпитафией к этой рабочей неделе могли бы стать слова маркиза де Сада, прочитанные мной у доктора Гонзо: «В эпоху крайней коррупции, лучшая политика – делать так, как делают все». Парам-пам-пам...

Глава 3

Суббота. Двадцать восьмое января. Казанское время: одиннадцать часов одна минута ровно. Я выхожу из прокуренного помещения «ближних» чеков с конвертом за пазухой и замечаю ещё одну дверь, которая немного глубже во мраке. Я не замечал её раньше, наверное, потому, что она не была открыта, и за ней не горел свет. И главное: потому, что когда я выходил от чекоделов, на пороге этой двери никогда не стоял мужчина и не смотрел на меня. «Здрасьте», – сказал я автоматически. «Привет», – сказал мужчина с усмешкой в голосе. Я устремился на поверхность улицы, но голос сзади заставил меня вновь обернуться. Этот голос сказал: «Торопись? Может, поговорим?»

– Нет, не может, я тороплюсь на работу, – я снова отвер-

нулся от мужика.

– Тебя ведь Павел зовут? Партийная кличка Поль, – вроде как равнодушным голосом проговорил мужик.

Признаться, мне был по хрену тот факт, что какой-то мужик знает моё имя. Я поднялся на поверхность, сел в машину, нажал центральный замок и завёл мотор. Только я собрался тронуться, как с пассажирской стороны в стекло постучали. Естественно, это был тот же мужик. В полумраке подвала я не мог толком рассмотреть его. Он согнулся пополам, чтобы видеть меня, и я смог рассмотреть его: тридцать лет, но выглядит моложе, круглое татаро-монгольское лицо, хитрые блестящие глаза, лёгкая небритость, невысокий, но мощный. Рядом с его лицом в окне появилось удостоверение сотрудника полиции в чине капитана. Это становилось интересным. Я открыл дверь. Мужчина сел. От него пахло дорогим парфюмом. На воротнике был мех.

– Что? – спросил я; мне казалось, что он нарываяется на конфликт.

– В суд едешь? – то ли спросил, то ли утвердил незванный гость.

– Что надо, мужчина? – расширил я свой первоначальный вопрос.

– Покажи удостоверение, – примирительным тоном попросил широколицый капитан.

– В бардачке, – ответил я; мне не помешают его отпечатки на всякий случай.

Широколицый открыл бардачок и, так как кроме удостоверения там не лежало больше ни черта, он сразу нашёл то, зачем полез.

– Понятно, «невиновный», – с облегчением выдохнул он.

– Что? Невиновный? – я почему-то обрадовался.

– Да, «невиновный», видишь эту маленькую красную печать с символом Казани, – с Зилантом, – она значит, что тебя, при случайном задержании полицией или ГИБДД, немедленно отпускают, не досматривают, не забирают машину на штрафстоянку, словом ничего, – при этом он тыкал моим же удостоверением мне же в лицо.

– Ну-ка дай, – я взял свой документ и удостоверился в наличии, помимо основных нашлёпок, маленькой красной печати в верхнем левом углу фотографии. – А теперь твоё можно...

Я взял его удостоверение и обнаружил такую же маленькую печать в том же месте, только он был Шамилем – капитаном полиции, а я Павлом – секретарём судебного заседания. Так вот зачем Ильдар брал моё удостоверение! После общего отдела оно было отнесено к Команданте, чтобы он поставил на нём свою печать!

– Я тебе в окно показывал свою «ксиву», чтобы ты доверительно ко мне отнёсся. А ты что подумал? Короче, какая у тебя зарплата? Тысяч тридцать?

Мне стало стыдно от того, что у меня зарплата всего двадцать.

– Около того, – ответил я.

– Пока Ринтик не ушёл в судьи, он подрабатывал хранителем. А что: двенадцать тысяч в неделю. Месяц: уже сорок восемь! Уже что-то купить можно. В ипотеку влезть даже можно. К примеру... Неплохая прибавка к зарплате? А? На бензинчик! А?! На еду...

Я уже не впервые слышал о Ринтике, но почему-то казалось, что он ушёл на тот свет или в тюрьму, а выяснилось, что этот самый Ринтик ушёл в судьи.

– А что, Ринат обладал достаточным опытом для судейской работы, если он только и делал, что курьером работал? – я решил сделать вид, что осведомлён не хуже Широколицего капитана.

– А ху..и там, на селе-то! В райцентре! Это тебе не Центральный суд. Там если раз в неделю какое продление или мелкая кража... К тому же там секретарь и помощник – два престарелых спеца, – они тебе всё подскажут-расскажут. А наберёшься опыта – в город переведут. Он тут каждые выходные тусуется. А там у него коттедж... – у Шамиля перед глазами возникали образы.

Я понимал, что наклёвывается интересная тема, но не мог продолжить переговоры, потому что меня ждал Раисыч.

– Слушай, Шамиль, мне сейчас надо до суда доехать, – там на две минуты дел, а потом я вернусь, и мы договорим, о`кей? – я с ужасом взглянул на часы, было без десяти двенадцать.

– Конечно, давай. Я буду внизу, – Шамиль вышел.

Я рванул с места.

Постучался в дверь. Скрипнул засов и дверь распахнулась. Помещение по размерам не сильно превосходило по размерам контору соседей-чекоделов, но обстановка была совсем другая. Плазменная панель на стене, диван с журнальным столиком, холодильник, кофемашина, рукомошник... Вдоль дальней стенки комнаты стоял длинный стеклянный стол, а вокруг него были расставлены стулья, над столом висела люстра, но сейчас она была выключена. Здесь так же как у чекоделов, не было окон, но зато здесь был чистый и приятный воздух, которым хотелось дышать глубже. Кондиционера я не заметил, но, приглядевшись, увидел жабры климат контроля на потолке, а также электронный пульт на стене.

– Кофе будешь, – спросил Шамиль.

Он тут был один, но в раковине я увидел три кофейных пары.

– Да, пожалуйста, – на улице было сильно меньше ноля, а я всегда ходил в весенней куртке, – так удобнее за рулём, но смертельно, если вдруг приходится идти пешком.

После короткого осмотра помещения, для меня стало очевидным то, чем тут занимаются и я спросил только одно:

– Гонорар обсуждается?

– Извини, – ответил Шамиль, замерев с парящей чашкой

в руке. – Двенадцать тысяч в неделю за одну поездку в пределах города – это нормальная цена.

Я понимающе кивнул.

– Так ты согласен? – неуверенно спросил капитан Широколицый.

– Да. Согласен, – ответил я.

«Одна поездка в черте города», – это конечно весьма условно. Если немного углубиться в детали, то моя работа состояла из двух с половиной этапов. Первый: в субботу, в обычное для себя время, я спускаюсь в подвал к чекоделам, беру свой обыкновенный конверт и выхожу из их коморки. Делаю два шага во мрак и стучусь в дверь напротив. Некто (кто бы то ни был) открывает мне дверь и впускает меня внутрь. Закрывает за мной дверь на замок, затем смотрит в моё «невиновное» удостоверение и на меня, тем самым убеждаясь в моей полнейшей и кристальной «невиновности». Затем этот человек передаёт мне свёрток и диктует номер сотового телефона, который я записываю в память совершенно отдельного мобильного аппарата с совершенно отдельной сим-картой внутри, которым я должен обзавестись к следующей субботе. Я записываю номер телефона и сохраняю его под именем «мамочка». Второй этап: в течение следующей недели в абсолютно любое время дня или ночи, но не позднее утра следующей субботы, на мой отдельный сотовый телефон звонит «мамочка» и сообщает место встре-

чи. Надо ли говорить, что «мамочек» не одна, а у каждой «мамочки» каждый раз новый номер. Звонящая «мамочка» говорит время и число от одного до тридцати, которое, естественно, обозначает место. Таблицу в распечатанном виде я получил в первый день и обязался выучить наизусть; для меня – матёрого таксиста – не составило труда запомнить точки и их числовые коды, поскольку, до появления мобильного приложения, наша таксистская фиксация на точках по городу осуществлялась удивительно схожим образом. Значит, «мамочка» в течение недели звонила и называла числовой код. Но могло быть и такое: звонит «мамочка» и говорит номер телефона другой «мамочки», которая уже в свою очередь звонит и называет время и числовой код от единицы до тридцати. Главная задача института «мамочек» в том, что хранитель, видя на экране своего телефона имя «мамочка», должен доверять абоненту как собственной мамочке и ехать на встречу с «ней» в любое время суток, сквозь зной и мороз. Чтобы успешно преодолеть второй этап, необходимо всегда иметь свёрток при себе, «куда бы ты ни пошёл: на работу, на отдых, в баню, в гости к Будде или Аллаху, свёрток должен быть при тебе...» «Не оставляй свёрток в машине, потому что если твою машину угонят, то вместе с машиной пропадёт вещь, которая стоит много дороже машины!..» Проще некуда. Я всё понял. Это за девять тысяч в месяц я ничего не понимал, а за двенадцать в неделю – я всё понимаю. Ещё половинка этапа: это простая и бесхитростная передача свёртка

поджидающей тебя на точке «мамочки» любого пола, которая сама тебя узнает, постучится в окно твоей запертой машины и, на всякий случай спросив: «Халэр ничек?», сядет на заднее сиденье, – в уютный полумрак тонированной под сто процентов полусферы. Все эти ухищрения, конечно не для того, чтобы заморочить голову республиканской полиции, купленной до десятого колена в обоих направлениях, а для того, чтобы усложнить работу вероятным федеральным копам, которые не ощущают никакой экономической выгоды от местного процветающего нарко-трафика. Можно почувствовать себя мистером Бондом, если фантазия есть. Значит, до следующей субботы мне необходимо обзавестись отдельным аппаратом (у меня такой имеется от усопшей тёти Вали) и тонировкой задней полусферы. «Всё понял?» – спросил меня во второй раз Шамиль. «Угу», – кивнул я. «Учти: не доставишь товар – правительство не выйдет на работу», – он засмеялся. У него зазвонил телефон: «Гуси-Лебеди, люди-нелюди, белым полюшком кока...» «Алло! Да, уже выезжаю, с приемником Ринтика разговаривал», – орал в трубку Шамиль (в подвале плохо ловило), жестами показывая мне, чтобы я выметался. Шамиль выключил кофейный аппарат, нажал какие-то кнопки на стенном пульте и мы вышли из помещения. Широколицый закрывал дверь на два ключа. Я тем временем уже проходил кебабную, на ходу прощаясь с буфетчицей. Поднявшись на поверхность, я дождался Ша-миля. Он вышел и мы попрощались. Его машина стояла пря-

мо около входа в кебабную-подвал, он катался на БМВ купе-кабриолет чёрного цвета; как раз о такой машине я грезил, – помните: Париж, Эн, гонорар за бестселлер, писательская слава, перевод на основные языки мира... Мне стало немного не по себе. Я почувствовал большую «несвободу».

Мой новый знакомый не рефлексировал по поводу своей деятельности, вообще чувствовал себя и держался уверенно, производил впечатление сильной и гармонично развитой личности. Я всегда завидовал таким людям, – таким, которые ложились на поверхность бытия, словно недостающий пазл в нужное место, создавая вместе с другими такими же людьми правильный социальный узор. Они имели «правильные» жизненные устремления, подгоняемые «правильными» же жизненными мотивациями. Семья, работа, престиж, достаток, положение, имущество, для них были необходимыми и приятными ступенями. Я же всегда и везде чувствую себя не в своей тарелке, и моё стремление поскорее отовсюду убраться – симптом прогрессирующей неведомой болезни. Твёрдый фундамент незамутнённого сознания против магнитной подушки экзистенциальных сомнений. Тот факт, что в Казани всем заправляют татары, – ни в коем случае не претендует на главенствующую причину плохого психического самочувствия таких как я. Держу пари: если дальше продолжать обвинять реальность в этом направлении, то упрёшься в смысловой тупик, когда выяснишь, что правительство Венеции не желает брать тебя на работу гондолье-

ром из-за того, что ты не учишь итальянский язык. Хочется надеяться, что я успею найти то место на Земле, которое смогу назвать своим домом, где захочу трудиться и созидать. Но пока что я не даю шанс человечеству в общем и себе в частности на право топтать Землю. Всё, что мне известно о человеческой натуре, меня разочаровывает, и это при условии, что я не выдвигаю завышенных требований. Земная хлябь; небесные рельсы. «Бизнес – это творчество», – говорит папик. А коррупция – это бизнес? А то, чем занимаются на этом стеклянном столе – это бизнес? А чекоделы со своими эскизами – это творчество? Коррупция – это искусство. Перефразирую заключительные слова героя Бреда Пита: «Россия – это не страна – это бизнес», а чиновники не слуги народа, а бизнесмены. «Так что давай, Шамиль (Радик Раисович, Ильдар, Команданте, Лексус...) плати мне мои бабки», ибо бабки – это глина, на которой вы все держитесь!

Что-то я разошёлся. О чём это я, вообще? Я сел в машину и завёл мотор. Включил печку посильнее.

Всё таки эта ситуация для меня означала и то, что (как сказал Довлатов) «я медленно переходил из категории вопиющей нищеты в категорию опрятная бедность», и это одно, за отсутствием всего остального, меня грело.

Я лежал со спущенными штанами и трусами в позе эмбриона на жёстком хирургическом столе и слушал своего доктора. Позади был волнительный и болезненный этап предвари-

тельного обследования, кульминацией которому стал ввод в мою прямую кишку пластмассовой прямой трубки диаметром примерно два с половиной сантиметра на глубину двадцать восемь сантиметров. На пике погружения этой штуки, у меня сдавило мочевого пузыря и простату, а также запершило в горле. «Вот такая глубина! – торжественно проговорила докторша, демонстрируя мне колоноскоп (или как там его?) после извлечения. – Вы молодец, – не пикнули», – похвалила она меня. «Да уж, у меня полно скрытых талантов...» – в растерянности и смятении пробормотал я. «Могу вас обрадовать: никаких патологий прямой кишки нет, кроме, конечно, очевидной... А так ни язв, ни полипов, ни новообразований; совершенно чисто». Врачиха на минуту вернулась за свой компьютер, чтобы сохранить фотоматериалы моего обследования. Я остался лежать на столе за ширмой. Доктор вернулась, чтобы продолжить беседу.

– Значит так, Павел, с вашей стадией заболевания существует три типа лечения. Первый: пошаговое лигирование латексными кольцами каждого внутреннего узла с последующей пластикой – если она будет необходима – внешних узлов. Второй способ: одномоментное хирургическое удаление всех узлов. Третий способ – самый на данный момент передовой: дезартеризация посредством специального сшивающего аппарата с эхолокатором, и хирургическое удаление бахромок несколько дней спустя. Все операции проводятся под местной анестезией ледокаином. Я так понимаю, вас ин-

тересует самый быстродейственный способ без потери трудоспособности?

Я утвердительно кивнул. Женщина врач задумчиво покачала головой, что-то прикидывая в уме. Потом сказала:

– Всё же, при вашей стадии заболевания, одним посещением не обойтись. Три визита – необходимый минимум.

– Три визита подходит, – согласился я.

– Значит, первый метод лечения отбрасываем сразу. Остаются: хирургическое удаление и дезартеризация. Здесь нужно сказать следующее: при первом варианте необходим некоторый восстановительный период с необходимостью купирования болевого синдрома. Вы понимаете?

– Да-да, тогда третий вариант, – решительным тоном подытожил я.

– Всё верно. Методом исключения мы останавливаемся на третьем способе лечения, а именно: дезартеризации... Операция в среднем длится сорок минут. После процедуры вы должны провести в стационаре шесть часов (плюс-минус), и, если не возникнет осложнений, то приходите снова через неделю, чтобы радикальным образом привести ваш... орган в надлежащий эстетический вид.

– Да-да, мне подходит...

– Затем вы приходите в третий раз – и в последний раз – ещё через недельку, чтобы я взглянула на результат. Швы от обеих операций, кстати, отойдут сами.

– Отлично, так и поступим, – мне не терпелось скорее на-

чать и скорее закончить.

– Теперь о способах оплаты.

Далее врач разъяснила мне о способах оплаты. Я выбрал единовременный стопроцентный платёж наличными в кассу; так-де предоставляется скидка. Сумма: пятьдесят пять тысяч рублей, не считая шестисот рублей, которые я уплатил за первоначальный приём-консультацию. В этот полтинник входит всё: работа, пребывание в стационаре, анестезия, обезболивающие и прочие таблетки, свечи и стерильные марлевые салфетки, запас обеззараживающей жидкости, улыбки и сочувствие персонала. Короче, пакет «очко под ключ».

– Значит, первый этап лечения мы проводим прямо сейчас, – прокомментировала врач, заходя мне за спину. – Павел, должна предупредить, что этап обезболивания довольно болезненный; затем вы уже ничего не будете чувствовать.

Сестра-ассистент направила свет (софитов) на причинное место и подала врачу шприц с первой из шести порций ледокаина. В следующее мгновение я понял, что ничего не знал о боли...

Глава 4

Четвёртое февраля. Суббота. Я совершил утренний объезд и вернулся домой. В моём чёрном саквояже лежал пакет, а в бумажнике четыре бумажки: две номиналом в пять тысяч рублей и две по тысячи. Пять минут назад я включил элек-

тронные весы, которые у нас имеются с незапамятных времён, и взвесил пакет, – весы показали тысячу десять грамм. Обычно к субботе я уже прочитываю всю периодику за эту неделю и мучаюсь от безделья. Я включил кино, но почти сразу выключил. Встал с кресла и повис на турнике; подтянулся несколько раз. Помыл руки. Подошёл к холодильнику и открыл дверцу. Закрыл дверцу. На кухне объявилась мама. Я слинял в свою комнату. Вычистил клетку двух дурачков, поменял им воду. Попытался склонить птичек к купанию в специальной миске с тёплой водичкой. Птички не желали купаться. Я оделся и вышел из дома. Доехал до ближайшего супермаркета электроники и пробежался по рядам. То, что я хотел купить, у них имелось, но мне хотелось прошвырнуться. Я поехал в другой супермаркет. Везде было полно народу. Зашёл в отдел бытовой техники и выбрал универсальную соковыжималку за шесть тысяч рублей. Эту штука могла давить и цитрусовые фрукты, и яблоко с морковкой. Около выхода находилась полка с энергосберегающими лампами; я взял несколько лампочек, которые светили мягким жёлтым светом. Заплатил на кассе за всё и пошёл в окно выдачи. Девушка вытащила из коробки прибор, собрала его и включила в розетку. «Вжжжжииии...» – завизжала соковыжималка. «Работает. Видите?» – сказала девушка в козырьке. «Вижу, спасибо», – ответил я. «Гарантия год», – сказала девушка. «Спасибо», – ответил я. Вернулся к машине. Положил прибор на соседнее сиденье. Откинулся на спинку сту-

ла и закрыл глаза. Открыл глаза, достал из кармана телефон. Пишу Аркадию: «Сегодня мне приснился мистер президент. Он взял меня за яйца своими холодными твёрдыми руками и, глядя в мои испуганные глаза, тихо произнёс: «Да ты ссыкло, парень». Представляешь, «ты» говорит». Аркадий ничего смешного не написал в ответ, он редко мне в последнее время отвечает; не мудрено – у него семья, реальные заботы. Его маленький сын – настоящий человек, только маленький. Удивительная вещь – деторождение. Что же это получается, – у меня тоже может получиться такой новый человек?! Пишу ещё одно сообщение, на этот раз огромное, чтобы Аркадий мне ответил: «Я живу своей жизнью на Земле, и с землёй лишь я знаком. Я простой ковбой. И ничего я не знаю, я ничего не знаю... Иии-ха! Почему Луна светит не днём, а ночью – я не знаю. Почему пташка порхает в небе – я не знаю. Почему так медленно ползёт черепашка – я не знаю. Почему люди не любят друг друга – я не знаю. Почему брат идёт на брата – я не знаю. Почему один цветок красный, а другой – другой – я не знаю. Откуда ж мне знать хоть что-то, откуда-откуда?! И зачем мне это сдалось?! Вива Мехико! Ведь я глупый ковбой и парень я простой. И я не знаю. Жизнь веду простую и в голове сквозняк, ведь лишь ковбой я. Отчего девки такие тёплые, а моя кровать такая холодная. У меня лишь вопросы, но ответов я не знаю, ведь лишь ковбой я и ответов не знаю. Единственное в чём буду всегда уверен – это лишь любооооовь!..» Сообщение отправлено. Я

замёрз и завёл машину. Ответа нет. Это довольно странно. В последнее время Аркадий мне не отвечает. Может, пора позвонить. Вышел из машины и снова пошёл в магазин, на этот раз в продуктовый гипермаркет, чтобы купить фрукты и овощи для сока.

– Эй, мужчина, что не отвечаешь на мои смс-ки?! А?! – я чуть не плачу, когда Аркадий берёт трубку.

– Кто это? – спрашивает похожий на Аркадия голос.

– Я. Поля-Полюшко-Полюнчик. Ты что?! – мне не смешно.

– Вы не туда попали, – отвечает похожий на Аркадия голос.

– Извините, – извиняюсь я и кладу трубку.

Я оглушен. Отстаиваю субботнюю очередь, расплачиваюсь за фрукты, овощи, птичий корм, журнал «Вокруг Света», антиперспиранты, набор вешалок, носки... Дотаскиваю два огромных пакета до багажника. Хочу сверить номера телефонов Аркадия на старом аппарате и на новом, потому что очевидно, когда я переписывал контакты на «Яблоко», то ошибся в цифре. С досадой замечаю, что сумку оставил дома. Еду домой. Приезжаю домой. Выкладываю продукты на кухне. Снова иду в машину, чтобы забрать соковыжималку. Забираю её. Переодеваюсь в домашнюю одежду. Лезу в сумку. С ужасом узнаю, что оставил свой телефон для связи с «мамочками» в сумке, там же лежат все документы на машину. К счастью «мамочка» не звонила. Забываю, что хотел

сделать. Мою руки и споминаю, что хотел сделать. Залезаю в записную книжку старого сотового телефона, нахожу номер Аркадия. Залезаю в записную книжку I-phone, нахожу номер Аркадия: последняя цифра номера в новом телефоне не сходится. Я переписываю контакт и набираю номер.

– Да, алло! – отвечает похожий на Аркадия голос.

– ...

– Кто это? – спрашивает голос.

– Это ты, Аркадий? – спрашиваю я.

– Поль! Какого чёрта твой номер отключен?! Я тебе уже хрен знает сколько времени не могу дозвониться!

– О, Аркадий-Аркадий, ты не поверишь, что произошло, – переигрываю, но совершенно искренне, я.

– Что?

– Я купил новый телефон, а твой номер переписал неправильно и отправил, может быть, сотню сообщений на посторонний номер! А полчаса назад, будучи на пути в продуктовый магазин, решил набрать твой номер, чтобы спросить: почему ты не отвечаешь на мои сообщения, а там мужик какой-то!.. Мне гадко на душе...

– Представляю, что подумал этот мужик!..

– В том-то и дело!.. Увидимся? Сегодня. Прямо сейчас!

– Не могу я сейчас. Заезжай вечером. Заедешь?

– Да, всенепременно, – с радостью согласился я.

– Договорились.

– Знаешь, я собирался писать себе сам от твоего имени,

как тётка Афанасия Борщова, – я опять раскис.

– Понятно. Теперь всё вернётся на круги своя.

– Пока.

– Пока.

Когда мы закончили разговор, я решил написать сообщение, чтобы... просто так. Пишу: «Наверно, тот мужик, которому я писал, перепутав с твоим номером, подумал, что его достаёт какой-то больной. В частности я касался таких тем, как: растление малолетних, наркотическое и алкогольное опьянение, инцест на фоне наркотической интоксикации, Родина как предмет бартера, избиение младенцев и его перспектива как олимпийской дисциплины. Этот мужик, наверное, хотел написать или позвонить, но боялся, что у меня такой номер, что когда на него звонишь или пишешь – снимаются все деньги с телефона, и ещё в долг уходишь на сто пятьдесят». «Это уж как пить дать!» – сразу же ответил Аркадий, и мне полегчало. Я постучался в мамину комнату и сказал, что купил соковыжималку, которую мы давно хотели.

Надавив полно сока и упившись им на пару с мамой, я снова почувствовал пустоту внутри и смертный страх. Я сидел напротив компьютера, трясся и раскачивался как сумасшедший. Набрал номер Маши.

– Привет, как дела, увидимся? – спросил я.

– Ой, Поль, сегодня не могу... Давай завтра созвонимся в это же время.

– Давай.

Я продолжил трястись и раскачиваться. Часы показывали семнадцать часов ноль-ноль минут. Стемнело. «Интересно, в тюрьме вкусно кормят?» – спросил я сам у себя. Закачался и затрясся ещё сильнее. Пошёл на кухню, выдавил ещё апельсинового сока. Налил сок в стакан и положил три кубика льда. Вернулся в комнату. Лёг на диван. Уснул.

Проснулся от вечерней песни Кеша-певца. «Кеша – дурачок, а Саша – дурочка, Кеша – петушок, а Саша – курочка» – проговорил я, чтобы отвлечь птиц от воплей. Они с интересом выслушали мою речь и возобновили песни. Я вспомнил о стакане сока со льдом. Теперь у меня был просто тёплый сок. Отпил половину и положил ещё льда. Я слышал, что пробуждение на закате предвещает плохое настроение. К чему это я? К тому, что сон меня не вылечил от тревоги. Часы показывали двадцать два часа двадцать минут. Взглянув на стакан с соком и льдом, я понял, что может отсрочить мой ментальный коллапс. Оделся и побежал в магазин.

«Молодой человек, умолять бесполезно, я не могу продать вам водку! Уже больше десяти вечера». Я не сдавался. Угрожал наложить на себя руки и ноги. Хныкал и канючил. Обвинял правительство России, климат и Вашингтон. Наконец, мне согласились продать водку, лишь бы я исчез из поля зрения. «Я уже не хочу. Я передумал. Я с нового года бросил пить, оказывается...» Я развернулся и убежал без покупки.

Заходя в квартиру, я услышал незнакомый звук. «Какого

чёрта!» – прошептал я. Мимо проходящая мама, сказала: «У тебя что-ли телефон звонит?». Не разуваясь, я бросился к сумке и схватил трубку. Входящий вызов от «мамочка».

– Да! – закричал я.

– У тебя проблемы? – спросил меня молодой женский голос.

– Не знаю, – признался я.

– А кто знает?

– Не знаю, – снова не знал я.

– Половина второго ночи. Тринадцать, – чётко проговорила девушка.

– А?

– Повторяю: половина второго ночи, тринадцать, – такой же интонацией повторила девушка.

– Понял... То есть, принял!..

Звонок закончен. Я достал распечатку с числовыми кодами и точками и убедился, что «тринадцать» – это под стенами Кремля, со стороны улицы Проломной. Времени ещё много. К Аркадию заезжать уже поздно, потому что он рано встаёт, а поэтому рано ложится; и ещё у него маленький ребёнок.

– Тук-тук. Кто там? Я – Гузель, ты – Пол? – спросила меня девушка в белом полушубке, стоя за полуоткрытым пассажирским окном моей машины.

Эта девушка десять секунд назад вышла с водительского

места Ауди ТТ и прошла восемь шагов до моей машины.

– Может впустишь меня, – спросила девушка.

– Ах, да, конечно, – я нажал кнопку центрального замка.

Она уселась на пассажирское кресло. От неё пахло вкусно.

Она была не так молода, как мне показалось по телефону.

– Повезло тебе, Пол, на этой недели: в тот же день передаёшь товар.

– Поль.

– Что?

– Поль, меня зовут Поль, а не Пол, – сказал я как можно мягче. – Но, вы можете звать меня Пол, если вам так удобнее.

– Хорошо, давай мне посылочку, где эта треклятая пыль?

Мука, сорт «Депутатская перхоть», – она засмеялась над своей шуткой.

Я тоже засмеялся. «Депутатская перхоть», – это остроумно. Я достал с заднего сиденья свою сумку, положил её на колени, отрыл, вынул пакет, отдал в руке Гузели.

– Отлично, Пол, до связи, – она застегнула свою маленькую сумку на застёжку и спешно вышла.

Я проводил её взглядом до ТТ-шки. Затем проводил ТТ-шку взглядом до поворота на улицу Чернышевского. «Куатро», – про себя отметил я. Площадь перед Кремлём была красиво освещена. Падал крупный снег. Кругом стояли отреставрированные особнячки. В общем тут всегда было красивое место, даже когда Иван Четвёртый проломил в этом самом месте стену казанского Кремля. Я медленно покатил

в сторону своего «Бруклина». «Откуда ж мне знать хоть что-то, откуда-откуда?! И зачем мне это сдалось?! Вива Мехико! Ведь я глупый ковбой и парень я простой. И я не знаю. Жизнь веду простую и в голове сквозняк, ведь лишь ковбой я»...

Глава 5

Проснувшись по будильнику, я включил компьютер и зашел в Интернет. В поисковой системе набрал: «К чему снится, когда велосипед заправляешь девяносто вторым?» Ничего путного нет. Убрал вопросительный знак в конце. Зазвонил телефон. Я захлопнул крышку компьютера и провёл по экрану телефона.

– Привет, – сказал папик.

– Привет, – сказал я.

– Как дела? – спросил папик.

– Работаю... Подрабатываю... Обыватели называют такую многогранную деятельность универсальным словом «кручусь». Ты удачно распорядился деньгами? Много вложил в печень?

– Не мало. Но дом почти готов. А баня полностью готова. Не ломается новая машина? Я слышал, что шведки капризные.

– Ага, и холодные.

– Точно.

– Неа, всё нормально. Катаюсь – не нарадуюсь, – я глянул

на экран телефона, – часы показали семь тридцать утра, я понял, что папик пьян. – Ты, что? Пьяный? Может бабуле позвонить: пожаловаться на тебя?

– А чё?!

– Рояль через плечо! Ты эдак весь куш пропьёшь. Ладно, мне пора собираться, сегодня пятница – на много опаздывать нельзя. Перезвоню на днях. Пока.

– Пока. Бабуле не звони...

Одиннадцатое февраля двенадцатого года.

Глава 6

Одиннадцатое февраля двенадцатого года. Суббота и метель. Сегодня день рождения Ратмира. Вроде, гостей не ожидается. Никому не нужны песни и дрессированные медведи.

Я проснулся от того, что попугаи требовали их открыть. Сделав над собой усилие, я поднялся с постели, открыл жалюзи, затем снял платок с клетки и открыл дверцы; Кеша тут же прилетел мне на плечо, а Сашенька зашлась в вопле ревности. Смахнув Кешку с плеча, я направился на кухню и, по новоприобретённой привычке, начал извлекать из апельсинов сок. Через какое-то время на кухню пришла мама. Раздражение от её присутствия рядом со мной судорогой прошло по всему телу. Она набрала в лёгкие воздух, чтобы одарить меня порцией воскресной утренней глупости.

– Жириновский – это просто цирк... – начала она.

– Стоп, – тихо проговорил я.

– Это надо было видеть, он... – как ни в чём не бывало, продолжила мама.

– Прекрати, не говори мне ничего, – кровь отхлынула у меня от головы и я пошатнулся.

– Ну, дай расскажу, ты ведь телевизор не смотришь, – никаких новостей не знаешь, – ей было похеру, что мне этот диалог доставляет моральные и физические страдания.

– Заткнись, чёртова дура! – заорал я. – Заткнись, сука! Ненавижу тебя, тупорылая овца! Сколько раз тебе говорил: не пересказывай мне содержание телевизионных программ! Блядь! Весь день мне убила! Весь, чёртов день мне У-БИ-ЛА! – я хотел уничтожить её, а потом себя; вместо этого я пошёл чистить зубы.

Мать, тем временем, начала звонить бабуле – жаловаться на меня.

Пока я чистил зубы, сработал мой будильник, – значит девять ноль девять утра. Сегодня – тот самый день, когда я зарабатываю почти всю свою секретарскую зарплату за один день. Я вернулся на кухню, чтобы выпить сок; в этот самый момент вновь пришла мать и начала говорить:

– Все писатели, которых ты читаешь, не были такими как ты, они были хорошими людьми, к матерям хорошо относились...

Я слушал и думал о том, что россияне не готовы к свободной продаже оружия. В голове крутилось сразу несколько вариантов ответов на её доводы, но, ни один из них я не

озвучил, не в последнюю очередь потому, что ел бутерброд с ветчиной, приняв при этом позу фламинго. С противоречивым чувством заметил, что мама разжёвывает мне правду жизни точно в такой же позе, то есть стоя на одной ноге, а ступню второй уперев в коленку первой, я при этом подпирал плечом стенку, а она поясницей столешницу. Что и говорить: мы ближайшие родственники.

– ...ты никогда не станешь писателем, потому что никто не станет тебя печатать. Так-то. Сначала надо стать хорошим человеком, а потом уж надеяться на большее. Заслужить сначала надо...

Стакан был допит, и больше не было необходимости слушать этот бред. Когда я надевал ботинки в прихожей, мать всё ещё была на кухне. Теперь она говорила о том, что моей заслуги в том, что я имею новую тачку, нет. Я, было, вспыхнул, но быстро понял, что это не изменит факта наличия у меня нового ТС, а мысль о том, что заслуги и результаты редко зависят одни от других, вовсе утихомирила мой рассудок.

Мне было пора выдвигаться и я «вскочил в седло». Я ехал и размышлял о том, что значит термин «правильное воспитание». Постоянно говорить «у тебя ничего не получится», «ты всё сделал неправильно», «так поступают только дураки», «таким как ты, в жизни приходится тяжело, ой как тяжело», – это всё признаки правильного воспитания? Я затруднился ответить на этот вопрос, поэтому включил музыку и стал наслаждаться поездкой по пустому утренне-субботнему

городу.

*Things can be broken down
In this world of ours
You don't have to be a famous person
Just to make your mark
A mother can be an inspiration
To her little son
Change his mind, his thoughts, his life,
Just with her gentle hum...*

На моём пути всякий раз оказывался Макдональдс, и сегодня я не отказал себе в удовольствии прихватить с собой чашечку американо.

*So different, yet so the same
Two sister's only have their parents to blame
It's rare that two can get along
But when they do, they're inseparable
Such a blessing comes to few...*

– Смотри, – вытащил из кармана целлофановый закрывающийся пакет Шамиль. – Понюхай. Ромашкой пахнет.

– Да, ромашкой, – я сразу узнал «эксклюзивный товар», от которого не так давно я чуть не вышел в окно.

– За пять тысяч отдам, – Шамиль это сказал с такой инто-

нацией, как будто предлагает мне ну очень выгодную сделку, причём, явно самому себе в ущерб.

– Три, – твёрдо сказал я.

– Четыре, – не менее твёрдо проговорил Шамиль.

– По рукам, – я вытащил из кармана только что полученные от Шамиля деньги и дал ему бумажку в пять тысяч; он дал мне тысячу сдачи.

– Только поосторожнее с этой дрянью: первый раз фуражку уносит невероятно.

– Ага, спасибо, – я устремился на поверхность.

Мне не хотелось даже предполагать, откуда у Шамиля оказалась эта «ромашка». Я только надеялся, что с Диего всё в порядке.

*The sky is full of clouds and
My world's full of people
All different kinds with different ways
It would take a lifetime to explain
Not one's exactly the same...*

Да, детка! Кто-то носит сланцы и носки, кто-то носит топсайдеры на босу ногу...

На обратном пути я всегда проезжал мимо магазина для бедных (вкусом) и вспомнил, что уже два дня назад я сносил до огромной дыры и выкинул очередные до-

машинные штаны. Мне совершенно необходимо было купить новые; включил левый поворотник и, дождавшись вежливого водителя – дожить до окончания противоположного потока было невозможно – проскочил на парковку дисконт-центра. Как же мне нравится моя новая машина! Нет, ну всё-таки как же мне нравится эта моя малышка, эта моя секси-пекси очаровательно-скромная-но-в-то-же-время-охренительно-элегантная шведская сучка!!! Тише-тише, сейчас не время сублимаций и, непроизвольная эрекция не лучший помощник в пешем передвижении по гололёду...

Кто-то говорит, что его домашние штаны – это трусы. Тони, например, так говорит. Мне же нужны самые что ни на есть отдельные домашние штаны; я всё ещё надеюсь, что на нашей панельной девятиэтажке когда-нибудь приколотят медную табличку с текстом: «В этом доме жил и работал... Павел Павлович Гончаров». А если уж ты живёшь и работаешь в одном и том же месте, то иметь отдельные штаны для хождения в них по дому (квартире в моём случае) не лишнее. К этим штанам у меня особые требования: чтобы в них не было жарко летом, чтобы в них не было жарко зимой (включают отопление!), чтобы в них не прели ноги и другие важные части тела, чтобы концы этих штанов не возились по полу, то есть, чтобы они плотно но не туго обхватывали запястья ног (есть такое словосочетание?!), чтобы они быстро сохли после стирки, чтобы оставались как можно дольше чи-

стыми, и я мог, при желании, улечься их не снимая в чистую постель и уснуть. Материалом для таких чудо-штанов должен послужить или почти стопроцентный хлопок, или стопроцентный полиэстер тончайшей выделки, – такие относительно недавно появились.

Поднимаясь по скользкой лестнице на второй этаж, я почувствовал сильный запах ширпотреба. Я не стал оставлять свою любимую сумку в камере хранения, поэтому не удивился, когда за мной довольно тактично, но всё же отправилась шпионить одна из сотрудниц магазина – толстая (видно что обременённая ещё советским образованием и менталитетом) женщина. В магазинах данной ценовой категории и смысловой нагрузки, продавщицам не обязательно соответствовать каким-либо внешним и возрастным критериям; здесь работают бабули... Я углубился в ряды этих «бесовских одёж», выискивая взглядом и обеими руками нужную прослойку, сознание начинало путаться от тяжёлого запаха продуктов китайской лёгенькой промышленности. Когда я рассматривал бирки с размерами, на ум пришёл каламбур: «от великого до смешного один шаг»; некоторые вещички были мне и велики и смешны, хотя для домашней носки не принципиально. Довольно быстро найдя нужное изделие, я пошёл в примерочную, – на душе произошёл лёгкий переко́с в сторону положительного настроения (не в последнюю очередь от хорошего ценника – я психологически готов был расстаться с семью сотнями, а тут всего-то двести пятьде-

сят). Около кассы – на самом сквозняке – стояла небольшая клетка со средних размеров попугайчиками. К клетке была приставлена картонка с надписью: «Подайте на пропитание». Секунду я смотрел в потухшие глазки птиц, а затем вышел. Когда я сел в машину, от моего стабильного утреннего настроения не осталось и следа. Перед глазами стояла картина: несчастные попугаи в клетке, а рядом с ними табличка с просьбой подать на пропитание. Кого убить за такое издевательство над птицами. Может сбить на полном ходу пешехода? А? Может проехаться по молодой мамаше с ребёнком, а когда за мной будет гнаться полиция, я просто направлю колёса к ограждению моста. Никто даже не поймёт причину моего бунта. Тысячи людей в год в разных странах слетают с катушек и начинают расправу над себе подобными, потому что упала последняя капля, и сосуд переполнился. Вроде как: условная единица человека за условную единицу жестокости над животными! Попугаи в этом вонючем магазине так устали, что даже не смотрят друг на друга. Табличка: «Подайте...» Я заплакал в бессильном гневе. Куплю я этих «нищих» попугаев и привезу домой, а как же мои собственные попугаи?! Выходит, что я ущемлю их права на благополучие и возможное счастье. Значит, я не могу купить этих попугаев. Я ведь даже не подал им на пропитание. Но второй раз я не смогу их видеть, – моё сердце разорвётся, я умру, и тогда некому будет позаботиться о моих птицах. Наверное, лучше сбить несколько дорожных полицейских, – найдутся идиоты,

которые посмертно поддержат меня. Мне пора ехать. Вытереть сопли и ехать. Я вспомнил стрелка на башне в одном из городов США, потом вытер сопли и поехал.

*So many different people
So many different kinds
So many, many, many different people
So many different kinds
Look at me, I'm a person
Look at me, I'm my own person
So many different people
So many different kinds
For better or for worse, different people...*

Меня посетила мысль, которая принесла облегчение: «Какой бы страшной ни оказалась моя смерть, я приму её с радостью, потому что я посвящу её всем несчастным животным на планете, кроме человека». Если можно посвятить творческий акт кому-то, то и смерть можно посвятить. Чисес Крайст умер за всех людей, а я умру за всех животных. Решено.

*...Are all the different people
And all their different minds
And different ways
It would take a lifetime to explain*

Not one's exactly the same.

Глава 7

Пятнадцатое апреля две тысячи двенадцатого года. Воскресенье.

– «Пасха-а-а, я достану из серванта банку на три литра...» – пропел я вместо приветствия строчку из культурного наследия Юры.

– Ага! «Я покрашу яйца, хоть их в брюках и не видно...» – деланно заунывно пропел в ответ Аркадий.

– Не подумай, что я жалуясь, но я бы хотел уже, наконец, вдохнуть крепко-алкогольный запах двух женских тел, сумма возрастов которых не превышает тридцать пять лет. У Боженьки сегодня приёмный день, могу просить... – я знал, что Аркадий оценит мой юмор, – мы любили подобные шутки.

Мы с Аркадиев восседали в ресторанном дворике торгового центра недалеко от моего района проживания. Солнце через стеклянный потолок и стену пригревало спину. Мы обсудили уже все вопросы касающиеся творчества, своего и чужого, и теперь просто сидели. Сидели и наслаждались новой весной.

– Ты ходил на выборы, – спросил я.

– Нет, – ответил Аркадий.

Спустя пять минут.

– Почему? – спросил я.

– Что, почему? – спросил Аркадий.

– Почему не ходил? – спросил я и тут же забыл, о чём хотел спросить.

– Куда? – спросил разморенный солнцем и обедом Аркадий.

– Что куда? – засыпая, спросил я.

Спустя пять минут.

– Ты за кого голосовал? – спросил меня Аркадий.

– За Длинного, – ответил я. – А Тони за Жирного, представляешь?!..

– Ага, а я не ходил, вообще, – сказал Тони. – А почему за Длинного?

– Чтобы Длинный потом не говорил: «Поль позавидовал моему росту и поэтому не голосовал за меня».

– Понятно. Ты, наверное, рассчитывал, что в случае победы Длинный поделится с тобой своими берцовыми костями? – Аркадий последние две минуты разговаривал с закрытыми глазами.

– Да, рассчитывал... – я не мог держать голову. – Твоя жена красила яйца?

– Неа, она же мусульманка, а мне на всё наплевать, – пробормотал Аркадий.

– А у меня нет яи... жены, – пробормотал я.

Со стороны мы выглядели как два отъезжающих наркомана. Слюней только не хватало. Я посмотрел на задремавшего Аркадия. А вот и слюни. В общем, чудесный весенний день. Закрыв глаза. Всё пространство заполнилось солнеч-

НЫМ СВЕТОМ.

– Так что ты там рассказать мне хотел? – вдруг спросил Аркадий.

– Чёрт возьми, Арк, мы с тобой тут сидим как два пенсионера... Я даже счёт времени потерял, – проговорил я, пытаясь проморгать пелену на глазах.

– Что там насчёт Регины... как её?

– А, точно. Короче говоря, в последнюю пятницу подхожу к машине, чтобы уехать домой (я машину за трансформаторной будкой ставлю), тут ко мне задним ходом сдаёт Регина Петровна и говорит: «Не торопиться? Прокатимся?» Я так по-шпионски оглянулся и запрыгнул к ней в машину. Она медленно покатила через двор, а потом выехала на Вишневого. Я такой говорю (ну, пристегнулся, само-собой), говорю: «Слушаю вас внимательно, Регина Петровна». Я так понял, что мне хотят предложить очередную подработку в теневом секторе. «Слушаю, Регина Петровна», – говорю ей. А она: «Я тебя прокатиться позвала, а не разговаривать». Я ненавязчиво осматриваю интерьер, – крыша – сплошь стеклянная. Тогда я подумал, что... ну ты понимаешь...

– Ага-ага... – Аркадий внимательно слушал.

– ...Обрадовался несказанно, ведь Регина Петровна – мечта поэта, а уж мне – писателю – вообще! За глаза и за уши!..

– Ага-ага, дальше давай!

– ...на меня, конечно, ступор нашёл, вдруг я не правиль-

но понял... Я только хотел какой-то звук издать, как она спрашивает: «На команду председателя работаешь?» Причём, вопрос явно риторический был. Я такой загадочный, типа: «Может быть, может быть». Потом понял, что переигрываю и говорю: «Да, мне доверили работу субботнего курьера». А она мне: «Нравится?». «Мне доплачивают», – отвечаю. «Сколько же, если не секрет?» – спрашивает, а сама уже смеётся вся изнутри. Я мысленно проговорил сумму, а вслух смешно сказать, что за десять тысяч вкальваю. Потом думаю: в конце-то концов, полно людей за эти деньги пашут как проклятые, а я всего-то полтора часа в неделю катаюсь по городу без пробок, к тому же у меня есть Шамиль...

– Кто у тебя есть?

– Никто. Забудь.

– Ладно.

Я продолжил:

– И гордо, но в то же время скромно, произношу это числительное: «Десять тысяч». Она усмехается и спрашивает: «Хватает?» Тут уже у меня была готова универсальная фраза, и я говорю: «Как бы то ни было, это удваивает мой доход». Я всё-таки думал, что весь этот разговор – всего лишь прелюдия к быстрой любви!.. Или к предложению подработать.

– Что дальше-то было?! Оставь свои мысли на потом, сначала расскажи, что было! – Аркадий был заинтригован.

– Потом она говорит: «Музыка!» и включает свой комбайн с двенадцатью динамиками. Из колонок льётся давно

забытая попса, а в приоткрытый люк утекает струйка дыма от её длинных чёрных сигарет.

Тут, дорогие зрители, необходимо очутится на заднем сиденье красного с-класса купе, и надеть 3D очки. Музыка! Вина!

«Все друзья, соседи и родня учат жить меня...

Все твердят, что я себя гублю, просто я люблю.

Мне говорят: «Ты сошла с ума», а я говорю: «Разберусь сама».

Уж я, как-нибудь, обойдусь без вас, раз дело касается серых глаз.

Мне говорят... А я говорю...»

– Ты знаешь, там звук просто божественный! – я отпил давно остывший чай.

– И всё?! Больше ничего не было? Вы не поехали в гостиницу с невероятным количеством звёзд? Не нюхали кокаин?! Не превышали скорости? Не ехали по автобусной полосе?

– Да, всё на этом. Она отвезла меня к моей Фее, и её красный мерин растворился в клубах пара прорвавшей канализации, – я договорил и залпом закончил чай.

Аркадий задумался, потом сказал:

– Нет, такой эпизод не подойдёт для крутого повествования, – он сокрушённо покачивал головой.

– Ладно, – хлопнул я по столу. – Тогда так: давай мне бит. Сначала музыка напоминает вступление из передачи «В ми-

ре животных». Это я иду с работы вприпрыжку, с портфелем и в подтяжках. У меня прилизанная причёска и совершенно отсутствует растительность на лице. Я подхожу к двери своей машины и слышу рёв мотора, – это ко мне сдаёт задним ходом Регина на своём, уже не с-купе, а CL ибн Vrabus. Мелодия из «мира животных» приобретает черты ринм-энд-блюз. А когда сексуальная и расстегнутая на первые три пуговицы Регина выходит с водительского места (камера на огромный каблук, ступающий на грязный тротуар, затем её грудь поверх машины, меха, меха, меха, на шее усеянная бриллиантами массивная побрякушка в виде Фемиды topples, на одной чаше весов которой кокс, на другой баксы), музыка резко умодняется по последнему писку музыкальной моды. Actione!

*«Взгляд на... лево, – пудра и помада;
Взгляд на... право, – духи, ароматы».*

Регина глазами показывает мне, чтобы я долго не думал, а запрыгивал в её колесницу. А я-то уже не тот, что вышел: белоснежная рубашка, лакированные полусапоги, чёрные зауженные брюки, чёрная жилетка, на голове крутой стайлинг в духе Джонни Замши, трёхдневная щетина...

*«Да, парень, ты попал в мир жёницин,
Здесь решают солярий, маникюр и веши».*

Следующий кадр: машина с визгом срывается с места и уходит за угол. Дальше: внутри салона. Мы качает головами в ритме трека. Е-е! Регина изящно рулит, на её пальцах массивные кольца, ну, знаешь, как у гангста-рэперов, с тем же персонажем, что и кулон на шее, а именно – с Фемидой.

*«Здесь решают вопросы не за папиросами,
Здесь свои правила, свои запросы,
Спросишь, что это вообще за место?
Извини, науке это неизвестно».*

За окном анимация: горы наличности и огромные документы: решения суда, которые огромная рука с модными печатками припечатывает внизу страницы клеймом: «Not guilty!». Камера снова в салоне: Регина изящным движением достаёт с заднего сиденья красную Birkin и кидает мне на колени, а расстегиваю молнию сумки, а там доллары, но вместо портретов американских генсеков, – портреты наших национальных лидеров. Я делаю понимающую гримасу.

*«С древних времён задумываться начали,
И до сих пор умы мира бьются над задачами,
Что они там в сумочках своих прячут?!
Мировой запас всего, – не иначе!..»*

Регина подмигивает мне огромными ресницами. Музыка и текста доставляют недетски.

*«А когда ты собираешься куда-то в театр,
Или с нею в ресторан, ну сделать приятно, -
Приготовься к ожиданию, часов пару, -
Красота требует жертв, прости парень».*

Припев необходимо приправить изрядной долей китча. Ну, скажем: мы оба торчим из люка и, в чувственном танце, трёмся друг о друга телами. Пальцы, парфюм, побрякушки и языки, в какой-то момент переплетаются. Машина едет сама по себе. Погнали!..

*«Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь,
Но сначала поймай меня!»*

Возвращаемся в салон. Едем – курим.

У-у-у... Делай, что хочешь, но сначала поймай меня!..

Качаем гривами в ритме красивой жизни. Замедленная съёмка. За окном остановка автобуса, на ней стоят люди всех возрастов, наряженные в стильные тряпки, и пританцовыва-

ют в ритме суд-энд-блюз. Полицейский в фуражке со стразами и гангста-узи на ремне показывает свои гангста-фиксы на зубах, на которых написано «Dura lex sed lex». Потом коп делает жест пальцами, который на нашем языке обозначает: «Отдел полиции «Средний». Потом коп приставляет к ширинке бутылку Cristal, и она открывается, обдавая публику на остановке автобуса густой пеной. Все слизывают пену с самих себя и с сограждан. Градус возбуждения, несомненно, нарастает.

«Что ты знаешь о мире женщин?

Умом их не понять, аршином не измерить.

Одни бывают глухи к тебе, как тетери!

Глупые как птицы, но есть интересней звери...»

Мы с моей малышкой едем дальше. Из окна видно, как полиция разгоняют демонстрацию, которая всего лишь отстаивала свой дресс-код. Мы-то знаем, что дресс-код, – это повод драться. Я поглаживаю её буфера, как будто это диджейский пульт. Музыка, тем временем, продолжает качать!..

К примеру, газели, которых все всегда хотели, -

И с ними любой лев, будто котёнок на теле;

Пантеры тоже редко бывают верными

Будешь примерным, ведь они стреляют первыми.

Действие переносится в огромную спальню, посередине которой круглый траходром. Наши стильные шмотки летят в разные стороны как из шмоткорасбрасывателя. Помада Регина перекочевала на мою наглую морду. Мои пальцы рук у неё во рту...

О-о, есть тигрицы и львицы.

О-о, но их надо добиться.

Запомни, только сильный им нужен,

Или, что, пойдёшь на ужин.

Сцены приобретают возмутительный вид. Чёрные полосы «sensorship». Камера крупным планом показывает порочный рот Регины, она облизывает свои кривоватые зубы. Её и без того расширенные зрачки, становятся как солнечное затмение. О, да, сучка, ты была очень, очень плохой слугой народа!.. Пальцы её ног у меня во рту...

Лисы обычно хитрые и капризные.

Иногда как в тисках тебя стиснут.

А тебе бы хватило лягушки из леса,

Ведь после поцелуя она станет принцессой.

Действие припева переносится в некое подобие ночного клуба. На авансцене (стойка сойдёт) я и Регина танцуем танец страсти. Я одет, как преуспевающий сутенёр: шиншил-

ловая шуба и шапка, очки на всё лицо, цепи на шее, скипетр и держава в руках. Регина по-кошачьи изгибается и трётся об меня. На ней короткие облегающие шорты, чулки в крупную сетку, вызывающий макияж, кольца в ушах, татуировка Фемиды на поясице. Короче, всё как положено.

*Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь,
Но сначала поймай меня!*

Нас невероятно прёт от нашей крутости. На заднем плане нехилая подтанцовка: люди с остановки, участники демонстрации и ОМОНовцы, наш знакомый полицейский с фиксами на зубах отжигает сольный брейк-данс.

*«Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь;
Де... Де... Делай что хочешь,
Но сначала поймай меня!»*

«Not guilty», – падает печать на весь экран. Все замирают в стильных позах. Бабло начинает сыпаться сверху вниз. Fin.
– Так лучше? – спросил я Аркадия.
– Да, так гораздо лучше. Но, на съёмки этого эпизода уйдёт не меньше денег, чем на весь остальной фильм, – ска-

зал Аркадий.

– Так тому и быть. Думаю, Бондарчук справится, он всё-таки ех-клипмейкер, – высказался я. – Кстати, спасибо за песню группе «5ivesta family».

– Да, спасибо этой замечательной группе, – сказал Аркадий, согласно кивая. – Ещё по напитку?..

Глава 8

«Я как сейчас помню этого мужчину. Он раненый, контуженный, что-ли, был. Он из больницы бежал. Мы тогда жили на Комлева – в центре. И вон этот мужик бежит по зелёным улицам, мимо всех этих старых деревянных домов старого города, которого уже нет, и кричит: «Победа! Победа! Побееедааа! Мы победили! Победа!»

Я, как всегда прогуливалась по улице, а ключ от квартиры скакал за мной на длинной верёвочке, как собака. Сколько я этих ключей перетеряла!.. Мама меня так ругала за эти ключи, а я не могла с собой ничего поделывать... не могла...

Да, этот солдат, значит, бежит и кричит. И, представляешь, люди выбегали из своих домов и начинали тоже начинали кричать: «Победа! Победа!». Все плакали и обнимались. Плакали. Обнимались и целовались, и плакали... Как быстро пролетело время, – ведь казалось, что это было вот только вчера! Я была совсем ещё маленькой, а помню этот день так, как будто это было вчера... Победа! Победа. Победа...»

– Привет, бабуля, с праздником тебя! Кто у тебя там есть?

Ты пироги печёшь?

– Нет никого, сынок, ты что!.. Спасибо за поздравление.

Ты что не приезжаешь?

– Да вот, с папиком хотел приехать, а он опять отменил поездку...

– Так с подружкой приезжай. У тебя же есть подружка? Вот с ней приезжай. А может, с Надькой приедешь? Она мне сегодня звонила...

– Да, с подружкой приеду, – я подумал о Мусе.

– Приезжай-приезжай, сынок, сейчас уже тепло и хорошо.

Лодку спустишь на воду.

– Бабуль, ты же за дезертирство сидела?

– Формально...

– Расскажи ещё раз, пожалуйста.

– Слушай: мне тогда было семнадцать лет, когда война вот уже должна была закончиться, но кто ж об этом знал заранее. Нас всех девок из деревни забрали на фабрику в ста двадцати километрах к востоку. А у меня мама тогда умирала... Я решила убежать обратно в деревню, чтобы успеть повидаться...

– Правда, что тебя чуть не съели волки? Когда ты через ночные леса и поля бежала...

– Правда... Я к маме не успела. А потом пришли уполномоченные люди и меня забрали. В райцентре острог был. Только, значит, меня посадили, а война и кончись. Но шесть

месяцев мне пришлось посидеть. А ведь у меня были младший брат и сестра, ты их знаешь.

– Да-да, знаю, оба умерли.

– Да...

– Напомни, какие у тебя наколки на пальцах.

– А, наколки-то!.. На правой руке на пальцах: «1941», ниже «РАЯ», а на левой: «1945», а ниже на левой: «Победа».

– Как вам салют, герр Аркадий, – спросил я с акцентом и поправил пенсне.

– Гуд... – ответил Аркадий. – Вери гуд.

Аркадий был одет в форму баварской буфетчицы, с буферами навывате. Я был одет в форму баварской сосиски с горчицей. Вокруг было полным полно народу. Все мы стояли на трамвайных рельсах, и трамваи вынуждены были нас объезжать. Трамваи не хотели вызвать гнев толпы, пребывающей в патриотическом угаре. Пьяные мужчины обнимались с пьяными женщинами, а их пьяные дети, сидя на шеях своих отцов, иступленно кричали «Уря-я-я-я! Уря-я-я-я-я!» Камеры сенсорных телефонов были направлены на взрывы пиротехники на горизонте. Кто-то запел популярную песню в нескольких шагах от нас с буфетчицей. В воздухе запахло социальными волнениями.

– Их бин русиш салютен! Дас ис Фольксваген! – снова заговорил Аркадий.

– Йа-Йа, дойч швайн, май либен Августин, – разделил

восторг Аркадия я.

Девятое мая. Поздний вечер.

Стронг ушёл в магазин, а мы с Тони остались стоять.

– Смотри-смотри, идёт... Наркоша, – Тони взглядом указал мне за спину. – Бутератчик, сто пудов.

Я обернулся и, в двадцати метрах от нас, увидел парня, который ходил неровными кругами в свете уличного фонаря; его движения можно было принять за движения пьяницы, не будь они такими быстрыми. Парень, очевидно, хотел дойти до магазина, но свет уличного фонаря захватил его в плен и, наркоша отчаянно бился в его жёлтом вязком круге, точно мотылёк под потолком.

– Тони, а бутератчики агрессивные? – я начал волноваться. Тони тоже напрягся.

– Вроде, да...

Мы отвернулись, оставив несчастного наедине с его демонами.

– Наркоманы чёртовы! – с утрированным укором и отвращением вымолвил я.

Тони с секунду смотрел на меня, затем мы рассмеялись. Стронг вернулся из магазина.

– Сейчас в магазин такой кадр завалился! Это надо было видеть. Под «бутом» похоже, – со смехом сказал Стронг.

В это время на крыльцо магазина выплыл наш наркоша.

– Фига се! Как он мимо нас прошмыгнул?! – с истинным

изумлением обратился я к Тони.

– Может через кроличью нору? Он так расширил своё сознание, что сказал себе: «Всё что ни есть – иллюзия!» и нырнул в портал соединяющий магазин с фонарём, – подкинул вариант Тони.

– Ага-ага, а на кассе, ввиду отсутствия денег, поднапряг карму и сказал себе: «По большому счёту: дорого и дёшево – это одно и то же» и купил всё! – развил мысль я, используя в качестве предполагаемых слов наркомана текст группы «Кирпичи» (ссылка сделана – претензий от Васина быть не должно).

У меня зазвонил специальный телефон. На экране высветилось имя звонившего, а точнее его наименование: «Мамочка».

– У аппарата, – ответил я.

– Ровно два часа ночи. Одиннадцать, – продиктовал молодой мужской голос.

Глава 9

Тринадцатое мая. Воскресенье. Уборка в квартире тёти Валечки. Я был призван как член семьи, и я явился.

Мне доводилось и раньше разгребать подобные посмертные завалы. Первый, который я помню, был в Петербурге в две тысячи четвёртом году осенью, – папа снял дешёвенькую двухкомнатную квартиру в посёлке Лешово – что в деся-

ти минутах езды от конечной станции метро «Проспект просвещения» – в этой квартире буквально за два дня до нашего вселения умерла от алкоголизма хозяйка, и родственники, по какому-то невероятному знакомству, сдали эту жилплощадь нам с папиком. Квартира находилась на втором этаже двухэтажного дома, в котором жили одни питерские алкаши, которые, как сговорившись, подселяли к себе гастарбайтеров. Во второй комнате квартиры ещё неделю после нашего с папиком заезда ночевал дядя из Таджикистана; скажу о нём несколько слов: сам он выглядел очень представительно (если не приноховаться), – рубашка, галстук с зажимом, начищенные ботинки, – короче, моя бабуля решила бы, что он... ну, скажем начальник цеха на танцах в доме культуры. Комната же, которую папик любезно позволил ему занимать ещё неделю, была похожа на то место, где содержат похищенных людей самые жестокие похитители: пол с толстым слоем песка, оборванные обои, наполовину затянутые полиэтиленом оконные рамы, покосившийся шкаф с эротическими наклейками на дверцах, плесневелый матрас и выпотрошенная подушка. В общем, весёленький дом! Прямо напротив нашей квартиры жил, вроде бы, безобидный алкаш по имени Майкл, но опасность от него всё-таки была, – он несколько раз засыпал с сигаретой и, так как он был правша, то правая сторона его тела была в ожогах. В тот день, когда я впервые переступил порог моего нового питерского обиталища, я сделал то, что не делал к тому времени уже давно, а именно

– заплакал. Четыре долгих дня мы выкидывали мусор, – на нас даже пожаловалась мусоровывозящая компания, ибо все контейнеры и всё пространство рядом с ними были завалены хламом из нашей квартирки.

Вспоминается и второй случай моего соприкосновения с материальным доказательством чужой прожитой жизни. Это было лето две тысячи шестого года. Мы с папиком получили заказ от родственников почившей старушки разобрать крышу её деревенского домика: снять шифер, затем рубероид, потом разломать деревянные основания, короче, полностью обнажить чердачное помещение. Когда нашему взору открылось содержимое чердака, мы были в изумлении от количества старых вещей, я-то и вовсе почувствовал себя молодым Харрисоном Фордом. Чего там только не было, не было разве что мумии её старика на кресле-качалке со скелетом кошки на коленях. Среди птичьих клеток и швейных машинок с ножным приводом я отрыл подшивку журнала «Вокруг Света» с тысяча девятьсот двадцать четвёртого по шестьдесят шестой год; я – как давний читатель этого издания, посчитал своим долгом прикарманить эти несколько стопок. Папа, в свою очередь, аккуратно сложил в багажник своей развалюхи, рядом с теперь уже моими журналами, более ста граммофонных пластинок с музыкой разных жанров, а граммофон (который мы тоже нашли на чердаке) положила на заднее сиденье, как и альбом со старыми марками.

Я считаю, что эти три эпизода из моей жизни, а именно:

квартира в Лешово, крыша деревенского домика и квартира тёти Вали, были одного порядка, поскольку позволили мне соприкоснуться с целой человеческой жизнью, которая длилась, длилась, длилась-длилась и закончилась. Мне было интересно перебирать все эти старые открытки и фотографии, канцелярские книги с записями результатов спортивных матчей и журналы кройки и шитья, абажуры и поделки из дерева, школьные тетрадки давно выросших и умерших людей, пластинки и бобины с неведомыми записями, съеденные молью мягкие игрушки и фуражки с олимпийской символикой, статуэтки, шкатулки, пуговицы и столовые сервизы, соломенные шляпки и вымпелы со значками, зачатки крупы, которыми не успели воспользоваться. Среди множества книг мне на глаза сразу попала хрестоматия по истории философии; я с гордостью вспомнил о том, что единственный из группы получил четвёрку по философии. Открыл книгу примерно на середине и прочитал второй сверху абзац: «Мир, в котором мы обитаем, представляет собой как бы огромный театр, причём подлинные пружины и причины всего происходящего в нём от нас совершенно скрыты, и у нас нет ни знания достаточного, чтобы предвидеть те бедствия, которые беспрестанно угрожают нам, ни силы достаточной, чтобы предупредить их. Мы непрестанно балансируем между жизнью и смертью, здоровьем и болезнью, изобилием и нуждой, – всё это распределяется между людьми тайными, неведомыми причинами, действие кото-

рых часто бывает неожиданным и всегда – необъяснимым». Кто это? Давид Юм. Положу эту книжку в машину, – буду читать в пробке. Отложив книгу, стал рассматривать полки с многочисленными поделками из дерева, – алкаш-сожигатель тёти Вали, который умер примерно полтора года назад, был склонен к прикладному искусству, всё его поделки из дерева имели практическую сторону – являлись светильниками. Но меня заинтересовал предмет массмаркета, а именно вылитый из какого-то металла бюст Николая Васильевича Гоголя, и, судя по весу, он не был полым. Протерев занавеской бюст, я оба своих трофея отнёс в машину; книжку положил на пассажирское сиденье, а бюст Гоголя закрепил в боковой сеточке-держателе в багажнике. Вернулся в квартиру. Мама по большей части, как и я, не выгребала мусор, а разглядывала вещи; один Ратмир ходил с охапками хлама на помойку и обратно.

Я смотрел диафильм про чужую жизнь и улыбался. Не считаю себя слишком уж особенным человеком, но кое-что скажу наверняка: когда закончится моя жизнь, никто не станет разгребать мои «культурные пласты», потому что моя история написана пальцем по поверхности воды...

Глава 10

Девятнадцатое мая. Суббота. Казанское время: одиннадцать утра.

– Вот то, что ты меня просил, – сказал Шамиль и протянул

мне пакетик.

– О, спасибо. Как договаривались?

– Да, давай четыре с половиной. «Мы своё признание не забуудем, – свет и радость и мы приносим лююдям», – Широколицый не лишён чувства юмора; я так и знал, что он был воспитан на добрых мультиках.

– Но... «дворцов заманчивые своды не заменят никогда свобооды...» – я задумался над своими же словами.

«Нам любые дороги дорооооги», – вступил на заднем плане хор МВД. – «Ла-ла-ла-ла-ла-ла!»

Я отдал деньги Шамилю, попрощался с ним, выходя, попрощался с буфетчицей. Сегодня отличная погода, и, если верить синоптикам, завтра тоже будет хорошая погода. Интересно, а мне отпуск полагается? Последние дни из головы не выходила мысль о том, что мне пора соскакивать со всех тем и купить квартиру в ипотеку в северной столице, утроится на какую-нибудь работёнку, сосредоточиться на литературной деятельности. За последнее время ничего художественного из-под моего пера не вышло. Я по-прежнему, занимаясь всей этой работой, не чувствовал себя в своей тарелке. Я набрал Мусю, но после двух гудков скинул, потому что подумал, что сейчас ещё слишком рано, чтобы не спать, – суббота всё-таки. Однако, Муся сразу же перезвонила. Я скинул её звонок и перезвонил сам.

– Ты что скидываешь? – спросила Муся.

– Привет. Ты сейчас что делаешь? Может увидимся?

– Приезжай. Через сколько будешь?

– Пятнадцать минут, – ответил я.

Я заехал к Раисычу, потом за мороженым, и уже через двадцать минут я сидел на кухне у Муси.

– Помнишь, ты мне говорила, что осенью собираешься отправиться на Бали? Или куда-то ещё? – начал я.

– Да... На Бали собира... лись, – ответила Маша.

– Собирались?! Так ты не одна едешь! Вон оно что! А я хотел с тобой напроситься... Понятно... – я премного огорчился.

Муся была моим проводником в мир наркотиков, поэтому я резонно считал, что ехать в Азию в нарко-тур лучше всего именно с ней.

– А что такого, ты можешь поехать с нами. Я даже сама хотела тебе предложить, – её слова звучали искренне, и я тут же радостно закивал.

– А когда примерно ты планируешь ехать?

– Осенью. Точнее не скажу. Может в сентябре, может в ноябре.

– А там тепло будет?

– Конечно, в Индонезии всегда тепло. Там бывает тепло с дождями и тепло без дождей. Но тепло...

– Ты уже сделала паспорт?

– У меня ещё действителен.

Я две недели назад получил паспорт нового образца.

– А ты? – спросила Муся.

– Я – да. Две недели назад получил паспорт нового образца, – ответил я. – Обложку к нему купил с «Angry birds».

– Прикольно, – резюмировала Муся. – Значит, предварительно договорились.

– Кстати говоря, у меня кое-что есть, – я вытащил из сумки пакетик, который мне дал Шамиль, и поцокал языком.

Через пятнадцать минут.

– Мария! – исступленно зашипел я. – Герои сериалов наблюдают за моей жизнью!..

– Ладно, – Мария сидела с закрытыми глазами, приставив указательный палец к виску.

Глава 11

– Что это у тебя за книжка тут лежит, – спросил Тони, вынимая из бардачка учебник по философии, – единственную книгу, которую я решил взять из квартиры тёти Вали, когда мы проводили там уборку тринадцатого мая.

– Это хрестоматия по философии. Закладку не вырони. Читаю, когда стою в пробке на Миллениуме.

– «Быстрее всего – ум, ибо он обегает все», – прочитал Тони вслух. – «Сильнее всего – неизбежность, ибо она властвует всем. Мудрее всего – время, ибо оно раскрывает всё. Что приятнее всего?..» – Тони оторвался от книги и повторил. – Ну и? Что приятнее всего? Судя по закладке – ты это место уже прочитал.

– Что приятнее всего? – переспросил я у Тони.

– Да.

– Удача? – я не помнил в точности, как ответил философ на этот вопрос, и кто был этот философ.

– Правильно. Идём далее: «Самые достойные люди всему предпочитают одно: вечную славу – смертным вещам. Большинство же по-скотски пресыщено», – Тони начал листать книжку.

– Дай, теперь я, – я взял у Тони учебник и открыл на произвольной странице. – Слушай: «Всё возникающее подлежит гибели...» – я посмотрел на Тони и сделал умную гримасу в ожидании комментариев.

– Поэтому я всем советую не возникать. А впрочем, это твоя любимая максима. Дай-ка, – Тони снова завладел книжкой. – Так... Вот: «Чтобы узнать мудреца, надо быть им...»

Мы на мгновение задумались, потом одновременно показали друг на друга пальцами и рассмеялись; угадали мысли. Настала моя очередь:

– Как тебе? «Люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества»...

– Сильно... Провокативно, – Тони печально улыбнулся.

Пришла Луиза (девушка Тони), и я выскочил из своего сиденья, чтобы дать ей дорогу на задний ряд. Луиза достала из сумки свой новенький I-phone и сказала:

– После установки Ай-Тюнс для Ай Фон, ноут перестал видеть Ай-Под. Такие дела, короче...

– Если ты всё это скажешь своей бабушке, у неё мозг взо-

рвётся, – мрачно сказал Тони.

– Я и сам год назад был бы в ступоре, – подтвердил я.

Луиза убрала телефон обратно в сумку и сменила тему:

– Мне сегодня пиявки ставили, – начала рассказывать Луиза. – Вы не поверите, что они делают, когда их достают из банки!..

– Они что, поют хором «Дорогой длиною, да ночью лунною...»? – предположил издевательским тоном Тони.

– Ха-ха-ха, – до слёз развеселился я. – Секунду, у меня звонит телефон. Да, Енисей (у меня сразу появилось плохое предчувствие). Слушаю.

– Поль! Поль приезжай! Они угрожают уничтожить оборудование! Они уже разбили один принтер!

– Чёрт возьми, что происходит?! – у меня похолодели конечности. – На вас наехали что-ли?

– Да-да, Поль, на нас наехали, они не говорят кто такие...

– Енисей параллельно разговаривал с кем-то ещё.

– Ты звонил Раисычу, – заорал я в трубку.

– Что? А да, звонил, у него автоответчик... Приезжай, Поль, пожалуйста.

– Да-да, ладно, сейчас подъеду, – я перешёл на нарочито равнодушный тон, как будто я только тем и занимаюсь, что выколачиваю из бандитов дерьмо. – Дай мне... – у меня пересохло во рту. – Дай мне кого-нибудь из «них».

Пока я разговаривал с Енисеем, не заметил, как вышел из машины. Тони и Луиза с обеспокоенными лицами тоже

покинули авто.

– Енис! Енис! – крикнул я в трубку.

На другом конце раздался какой-то шум и звонок прервался. Не попрощавшись с Тони, я запрыгнул в машину, завёл мотор и рванул с места. До промбазы недалеко. Во мне шевельнулось сомнение. Я припомнил слова Енисея и интонацию этих самых слов. «Блин, какого чёрта происходит?! Сейчас перезвоню Енисею и наорю на него, скажу, что это как-то не входит в мою работу за десять тысяч рублей в месяц». Я начал набирать Енисея, но его телефон вдруг стал недоступным. Я испугался ещё сильнее. Начал набирать Раисыча: у этого гражданина включился автоответчик. «Чёрт, что же делать. Вдруг там Енисея рвут на британский флаг. А что я могу сделать? Попросить повременить с убийством Енисея и заняться мной?!» Пока я так рассуждал, борясь с приступами медвежьей болезни, до «дальних» чеков оставалось две минуты езды. «Типа ради интереса. Просто посмотреть. Номера машины налётчиков переписать», – успокаивал я себя, в то время как моя машина ехала толчками от того, что нога тряслась на педали газа. Всё, я приехал. Хотел остановиться поодаль, но зачем-то подъехал к самой двери, около которой стоял чёрный Ландкрузер. «Какая пошлость, – попытался взбодрить себя я, – быть плохишом и кататься на Крузаке». Только я вышел из машины, как навстречу мне вылетел какой-то неинтеллигентного вида парень. Я включил Винсента Вегу, спрятав свой страх за маской бывалого

переговорщика. Вслед за первым парнем вышли ещё двое и Енисей. Енисей на ходу говорил то, что, предположительно, он говорил им с самого начала наезда.

– Вот, курьер подъехал. Он вам сейчас подтвердит, что эта точка принадлежит судебной ветви власти, – Енисей тыкал в меня пальцем. – Поль, покажи ребятам удостоверение.

Я не спешил принимать активное участие в дискуссии, во-первых: потому, что это могло выглядеть как неуверенность в своих полномочиях, во-вторых: пока молчишь, люди будут думать о самом страшном. Первый парень тем временем уже стоял на расстоянии вытянутой руки от меня и сверлил взглядом. «Удостоверение я оставлю как козырь», – подумал я и продолжил изображать мебель.

– Ты хоть знаешь, кто мы такие?! – спросил ближний от меня парень, обдав при этом миллионом брызг.

Я скривил гримасу и, выдержав психологическую паузу, ответил:

– Кто? Гасконцы? – признаться, адреналин от страха смешался с адреналином от злости, и они вызвали нейтральное настроение.

– Чтоооо? – хором завыли двое дальних парней, а ближний (кстати, самый из них троих молодой) обернулся с открытым ртом на товарищей.

– Нет-нет, – я прервал их удивление своей новой репликой. – Попробую угадать ещё раз. Так... Ты – никто, а эти двое – твои коллеги. Правильно?

Нельзя сказать, что я не ожидал следующего поворота событий: ближний ко мне парень достал пистолет и приставил к моей щеке, не слишком плотно.

– Ты ходишь по лезвию бритвы, щегол; ты осознаёшь этот факт? – переговорщик сделал полшага в мою сторону, приблизившись почти вплотную.

– А ты – рыбачишь на тонком льду, – парировал я и приготовился подыхать.

Один из дальних заржал, а мой собеседник снова обернулся на своих коллег, – видимо, без чувства локтя совсем не представлял своё существование. Потом он снова решил спросить:

– Ты кто, щегол?

– Я-то? Я – «друг своих друзей», гражданин Татарстана и начинающий писать писатель, – последнее я сказал почти с безумным пафосом; может они испугаются моего безумия.

Сзади снова раздался голос одного из коллег переговорщика:

– Что ты базаришь с этим пидором, сейчас всё сожжём вместе с этими говномесами и отчалим, – явно работал на нашу фантазию.

Я понимал, что запросто завалить троих людей, хоть и в воскресенье, хоть и на пустой промбазе, – это уже слишком, всё таки на следующий год Казань принимает Всемирную Универсиаду; хоть какая-то культура быта должна быть. Мой визави снова обернулся и заржал. Пистолет к тому времени

перекочевал к нему за пояс. Поднабравшись энергии от своих товарищей, «младший научный сотрудник» опять устался на меня.

– Ты что, пидор? – задав этот, возможно риторический, вопрос, он поставил одну ногу на переднее колесо моей машины.

Я сурово молчал. В тот момент я думал, что если Енисей из этой передряги выйдет живым, то я сам его завалю.

– Ты пидор, раз едешь на пидорской машине. Так получается, щегол? – его тупое рыло приблизилось к моему лицу.

Готов спорить, этот переговорщик – латентный голубой; они такие агрессивные, потому что им приходится скрывать свою суть.

– Не хочу тебя расстраивать, друг, но... – я напустил на себя скучающий вид, – ...я не голубой, так что у нас с тобой ничего не получится.

Где-то за воротами промзоны крякнула сирена скорой помощи, и я повернул голову в сторону этого звука, в этот самый момент быстрая тень закрыла от меня садящееся солнце, и происходящее перестало меня волновать.

Я очнулся в полумраке рабочей комнатки чекоделов. Енисей в дверях что-то объяснял мужику, с виду похожего на дальнобойщика. Зашумел принтер. Напарник Ениса, который не участвовал в видимых мною пикировках с оппонентами, повернул ко мне голову, оторвавшись от своего ком-

пьютера, на экране которого была открыта страница «ВКонтакте».

– Сливу будешь? – как ни в чём не бывало, спросил он. – У тебя, кстати говоря, телефон несколько раз звонил.

– Что произошло? Где эти мудозвоны? – спросил я и ощутил резкую боль в левом виске.

– Они уехали. Сливу будешь? – он совсем развернулся на стуле и не сводил с меня глаз.

– Повремени со своей сливой, – проговорил я. – Где моё добро: телефон, ключи от машины, сама машина?..

– Когда ты отключился, мы закрыли машину на сигнализацию, а телефон вот, – он протянул мне «Яблоко».

Я ввёл код, и на экране появились непринятые вызовы. Два от Тони. Три от Раисыча. Я набрал Раисыча. С первого гудка Раисыч схватил трубку.

– Ты как, улым, не сильно ушибся?! – Раисыч разыгрывал неподдельную тревогу за здоровье своего сотрудника. – Эти мерзавцы компенсируют моральный вред и материальный ущерб, не сомневайся. Ты как?

– Я не знаю, я ещё не смотрел в зеркало, – я едва сдерживался, чтобы не послать хитрожопого ублюдка ко всем чертям.

– Я сейчас подъеду, я уже еду, – Раисыч положил трубку.

Енисей тем временем закончил обслуживать дальнобойщика, – выдал ему чек и попрощался.

– У вас зеркало имеется? – спросил я у присутствующих.

Когда я оглядел своё лицо, то с облегчением отметил, что если не присматриваться, то почти ничего не заметно. У меня такая особенность: синяки почти не остаются.

– Тебе ударили по лицу... Сначала... А потом ногой по голове... Ты тогда уже лежал около своей машины... – Енисей говорил и смотрел на меня через зеркало, а я на него.

– А почему вы не вызвали скорую помощь? – с искренней укоризной спросил я. – Вдруг бы я умер?! А?!

Енисей и его напарник молча пожали плечами и переглянулись. Всё ещё разглядывая себя в зеркале в полумраке конторы, я попытался шире открыть рот, но это вызывало сильную боль в левом виске.

– Надеюсь, я не был обоссан, когда «уже лежал около своей машины», – задал я, несомненно, риторический вопрос, но мои компаньоны не преминули на него ответить.

– Нет-нет, – уверил меня Енисей.

– Нет, – тихо произнёс его напарник. – Сливу будешь?

– Нет, спасибо, не желаю, – глядя на себя в зеркало, официальным тоном ответил я, а затем покинул помещение.

Солнце уже село, но на улице было очень тепло. На выходе споткнулся о перекорёженный принтер и громко проклял всё на свете. За воротами нашей промзоны прогрехотал грузовик. «Чёрт!» – выругался я ещё раз, – габариты машины были включены. К счастью Фея завелась. Часы на приборной панели показали «двадцать три часа двадцать три минуты». «Хм, удача при мне», – прочувствовал иронию момента. Се-

кунду подумав, решил не ждать Раисыча и аккуратно отчалил. Включил радио. «Говорят, что он не знал страха и... азбуки», – закончил какую-то мысль радиоведущий. Я переключил на I-pod.

In my head

It's only in my head

In my head

It's only in my head...

Проезжая центр города, я набрал Тони. «Я в кино», – прошипел Тони. «Ладно-ладно, перезвоню», – быстро ответил я и скинул вызов. Ну вот, стал героем, а рассказать некому. Поеду прямиком домой. Завтра на официальную работу: спать сидя, читать Станиславского «Моя жизнь в искусстве», ходить на обед, строчить смс-ки Аркадию, держать ухо востро, стрелять глазками в Регину Петровну, если встречу её в коридоре, etc...

I really think I have a problem,

I really can't control myself,

Why do I get so suspicious?

Do you want someone else?..

На следующий день, сразу после обеда, я был вызван в кабинет Команданте, и, после нескольких слов похвалы за от-

вагу и безрассудство, премирован денежной суммой в размере... сорока тысяч рублей. «Сужу Сасецкому Сасузу», – мысленно проговорил я и вышел.

Глава 12

Суббота, четырнадцатое июля двенадцатого года. Московское время одиннадцать часов одиннадцать минут. Я размеренным шагом поднимаюсь на второй этаж храма правосудия. Как часто бывало, Раисыч сидел на лавке в коридоре. Мы с ним поздоровались и он, уже в который раз не проверив целостность конвертов, положил их подмышку. Он уже собирался скрыться за дверями кабинета, но передумал и вернулся. Я приготовился внимать его словам.

– Ты в курсе, Павел, что завтра будут скачки на приз президента России? – Раисыч как будто говорил против своей воли.

– Да слышал. Что там?

– Тотализатор будет работать... Интересуешься тотализатором? Просто, если не интересуешься, то и ладно...

– Интересуюсь, – без всякого интереса сказал я.

Раисыч предпринял над собой невероятное усилие и выдавил:

– Короче, слушай внимательно, улым... – Раисыч достал из кармана брюк бумажку, – ...«наверное» лучше всего поставить на Орандж Феар Олд, язык сломаешь, Аллах свидетель!

– Как-как?

– Орандж Феар Олд, чтоб его!..

«Апельсин Страх Старый», – мысленно проговорил я. «Оранжевый старый страх», – повторил я про себя на новый манер. – «Страшный старый апельсин».

– Всё, улым, – сказал Раисыч, убирая бумажку в карман. – Я тебе ничего не говорил, понял? Считаю это премией за хорошую работу. Всё. Пока. Никому не говори.

Я сбежал по лестнице вниз и запрыгнул в машину, залёз в бардачок и вынул оттуда блокнот. Из козырька взял ручку и написал: «Орандж Феар Олд. КДУП», – аббревиатура означала: «Казанское дерби. Упадочно и порочно». Я улыбнулся лучезарной улыбкой. Рядом с центральным судом находится центральная же букмекерская контора. Я припарковался на другой стороне улицы и перешёл дорогу через подземный переход. У касс царил ажиотаж. Таких как я «только спросить» было много, поэтому я обратился к тому, кто уже спросил. «Глаза подними», – последовал ответ. Я поднял очи, и действительно: вся информация о завтрашних забегах была на информационных панелях. Коэффициент, как я и ожидал, был низкий, но лучшего способа заработать сто процентов за полторы минуты я прямо сейчас придумать не мог. Я вышел из конторы и спустился в подземный переход. Оставался вопрос: сколько ставить? В моей свинье-копилке бутыхалось четыреста тысяч российских рублей, плюс-минус. А что, если Страшный Апельсин не придёт первым? Сколь-

ко я смогу простить Раисычу, чтобы не испытывать жгучего желания переехать его на своей старой машине в тёмном переулке?

Когда я подъезжал к дому, сумма в сто тысяч рублей казалась оптимальным вариантом.

Через час я снова был у букмекера. «Сколько ставите», – спросила меня пожилая тётя. «С... Ст... Двести тысяч», – выдавил из себя я и просунул в окошко две пачки. Да, дорогое читателя, я взял с собой двести, жадность поборола чувство разумного баланса. Я взял квитанцию из рук кассирши дрожащими руками, ибо с этой секунды и до завтрашнего вечера – это самая дорогая бумажка в моей жизни.

Я приехал домой и вложил квитанцию в свой общегражданский паспорт. После столь волнительных событий я почувствовал себя вправе отдохнуть, поэтому созвонился с Тони и уговорил его и Луизу отправиться на озеро. Почему-то у меня не возникло мысли рассказать о вероятном лидере завтрашнего забега Тони. Может потому, что Тони – бывший лудоман, которому только дай повод для нового вида ставок, а может потому что я плохой друг. Как бы то ни было, волнение о результате мне не с кем было разделить.

Нельзя жить в государстве и быть полностью свободным от него (В. В. Познер не в счёт). Нельзя сидеть на героине и не любить цветы. Потерявши крылья, по перьям не плачут. Если у лошадки коэффициент один к шестидесяти, – ищи

того, кому это выгодно.

У моей лошадки, коэффициент был один к двум, но это не давало повода сомневаться, что она победит. Если жизнь – всего лишь игра – у чиновников есть все чит-коды к ней и, программисты на зарплате. Доля в букмекерских конторах – залог беспроигрышных ставок, – такова специфика данного вида бизнеса во всём мире, в России доведённая до крайности. Я отвлёкся. Пилотировал победившее благородное животное сын казанского мэра; да важно ли это. Следующим вечером из окошка букмекерской конторы я получил четырёх тысяч рублей; ни налогов, ни чувства вины.

Глава 13

Проснувшись довольно рано для выходного дня, я почистил зубы и начал разогревать завтрак. В этот момент на кухню зашла мама и сказала, что выкидывает старую шторку для ванной ввиду крайнего износа последней и, просит Ратмира открутить крепления для душа, чтобы ни у кого не возникло желания мыться стоя, ибо, при таком способе мытья, вода, в виду отсутствия шторки, будет литься на пол, а она «...уже замучилась бороться с сыростью и грибок между плитками в ванной... потому, что никто, никто не оттирает этот грибок, кроме неё»; вследствие всего вышесказанного она чувствует себя обманутой и несчастной. Я старался не анализировать её слова, по крайней мере, до того, как проглотить завтрак. К тому же я сильно сомневался, что обязан

выслушивать жалобы на несбывшиеся надежды кого-либо в свой выходной день. Но, очевидная абсурдность её заявления подняла во мне волну гнева. Сдержав первый порыв, я устроился перед компьютером, включил фильм и начал есть. Но мысль работала: «Как же так, – откручивать крепления держателя душа с помощью крестовой отвёртки, чтобы я не мог полноценно пользоваться душем, пока не появится новая шторка для ванны?!» Я уже знал, что шторка не появится до тех пор, пока я её не куплю. Я размышлял дальше: «В чём в действительности суть этого протеста матери, – в том, что она с детства ненавидела почернения между плитками ванной или в том, что она считает, что я не достоин пользоваться таким благом цивилизации как закреплённый над головой душ, и отсутствие шторки вскроет изъяны моего характера?» Я доел, помыл посуду и пошёл подтвердить или опровергнуть свои домыслы. Я постучался в комнату матери и, когда она сказала «Да...», зашёл.

Изначально разговор пошёл исключительно о сантехнике, но через шесть минут мы уже орали, кто громче, на нашу любимую тему; с моей стороны эта тема называлась «как меня оставили без недвижимости», а с её стороны – «молодой человек должен сам заработать на квартиру».

– Ведь мы с тобой договаривались, – я отказываюсь от своей части при приватизации, а ты мне предоставляешь жильё при первой возможности. И вот – тётя Валя сдохла, а её квартиру ты собираешься сдавать! А как же я?! Ведь если

бы, половина этой квартиры была моя, я бы мог её продать... теоретически, конечно, и, ты бы с радостью обменяла мою долю на другую равностоящую, – например, на квартиру тёти Вали! Ты ведь не захотела бы жить с чужим человеком (а то и с целым семейством) в одной квартире, который (теоретически) купил бы мою долю?!

Далее я приводил в пример своих бывших одноклассников и просто ровесников, родители которых, даже не будучи слишком состоятельными, позаботились о том, чтобы их дети имели собственную жилплощадь. «Это – необходимый минимум, понимаешь?!» – надрывал горло я. «Иметь собственный «дом» – это право, а не привилегия», – цитировал я какого-то киногероя. «Нашла бы тогда мужа с квартирой, а не бездомного голодранца!» – это был один из моих любимых аргументов в этом споре. На что мать мне отвечала: «Ну, отказался от приватизации... Что теперь-то об этом говорить?» Тут ничего не возразишь, это я говорю как юрист. То, что мой поезд в этом вопросе ушёл, было очевидно даже комнатным растениям. Я не навязываю читателям своего мнения по этому делу; я хочу от своих родителей того, что сам бы сделал для своих детей, ни больше, ни меньше; ладно отец – у него несколько детей, но у матери я один! Хрен его знает!..

– Тебе не стыдно свою рожу соседям показывать, после того, как они слышат, как ты орёшь на мать?!

– Идут все на..й; ты меня просто кинула, сука!

Я не чувствовал себя слишком уж дураком, потому что предполагал, что данная договорённость – о предоставлении мне при возможности жилой площади – будет пересмотрена в одностороннем порядке; но и благородным человеком, жертвующим своим законным имуществом ради благополучия матери и её нового мужа, я тоже не чувствовал. Обычная бледно-серая жизнь с привкусом синтетической дряни на языке.

«Что ж, отличное начало воскресенья», – шипел я, снова упав на диван.

Двадцать девятое июля двенадцатого года. Воскресенье. Звонок телефона.

– Привет, улым! Спишь ещё? Я ведь тебя не разбудил? – лезущий в душу голос Раисыча отвлёк меня от моих семейных неурядиц.

– Нет, Радик Раисович, я уже проснулся, – приветливо ответил я и мысленно послал собеседника в жопу.

– Ну, тогда дуй ко мне. Есть разговор.

Кабинет Команданте. Самого Команданте нет. Раисыч сидит в одном из кресел для посетителей, я сижу в другом. Он уже десять минут обволакивает меня каким-то туманным бредом, смысл которого я никак не уразумею.

– ... Системе необходима ротация кадров, понимаешь? – он вопросительно взглянул на меня.

Это, не привязанное ни к чему конкретно, утверждение я

готов понимать.

– Понимаю, – не то вопросительно, не то утвердительно, но во всяком случае крайне неуверенно, ответил я.

– Иногда в нашу систему попадают люди, которые не проходят всех ступеней... ступеней, которые должен пройти человек, который рассчитывает на долгую и успешную работу в области судопроизводства... Это, так называемые, чуждые... или... чужие нам люди. Понимаешь? – Раисыч последние несколько предложений говорил, расхаживая по кабинету.

– Нет, не понимаю, – честно ответил я.

Раисыч пригорюнился. Я, как мне показалось, пришёл ему на помощь, сказав:

– Радик Раисович, может, вы мне всё до конца расскажите, применительно к насущной ситуации, и тогда, скорее всего, я всё пойму.

Раисыч переварил мою фразу, закрыл на две секунды глаза, потом посмотрел в потолок и сказал:

– Петрик.

– Петрик, – эхом повторил я. – Да, Петрик...

– Да! – обрадовался Раисыч. – Петрик!

– Петрик! – тоже обрадовался я. – И что же Петрик?

Раисыч видимо расстроился из-за моей непонятливости. Он решил, что фамилия одного из судей нашего районного суда, произнесённая вслух, должна пролить мне свет на всю его глубочайшую мысль во всех подробностях, разъяснение

которой он начал с далёких философских спекуляций. Сделав очередное невероятное усилие над собой, Раисыч раздражённо проговорил:

– Петрик – чуждый нашей системе человек. Он – человек без связей, без семейных традиций, отличник, медалист, краснодипломник, стипендиат, стажировку проходил в Москве... Он, этот Петрик – не тот, кто должен здесь работать. Независимость судей – это опасное явление в нашей стране. Ты, Польша, ты патриот?!

– Несомненно, – без промедления ответил я и даже привстал с кресла.

– И я патриот, и наш шеф патриот! Мы, улым, патриоты! Патриоты не только России (нашей матушки), но и Татарстана! – указательный палец одной из рук Раисыча замер над головой. А судья Петрик – нет! Он, Петрик, он – не патриот! Он принимает самовольные решения по резонансным делам, чем ставит под удар всю вертикаль власти, всё мироздание!.. Понимаешь, Польша?!

– Да! – с восторгов воскликнул я и понял, что мне пора убираться из этого дурдома.

Я даже не хотел знать, к чему ведёт этот козёл, но не мог придумать способа соскочить с его крючка.

– Ты можешь со временем занять место Петрика, ты – умный мальчик, ты справишься, – немного успокоившись, проговорил Раисыч.

Раисыч сел и сделал вид, что глубоко задумался над про-

исходящим. Я сидел молча и глядел на узор ковра.

– Что вы от меня хотите? – тихо спросил я.

Раисыч подскочил как от удара током.

– Вот хорошо, что ты спросил, но сначала я расскажу тебе о том, что ты получишь, если всё правильно сделаешь, – Раисыч многозначительно понизил голос в конце фразы.

Я поёрзал на кресле, – вроде как приготовился слушать.

– Эти несистемные люди не несут ничего, кроме хаоса, – Раисыч сделал паузу, видимо для того, чтобы я осмыслил сказанное. – Расшатывают основы, заложенные предыдущими поколениями.

– Так что я получу? – напомнил я Раисычу.

– Ах, да. Ты получишь восемьсот двадцать тысяч наличными! А когда твой юридический стаж станет достаточным, ты заменишь должность судьи!.. А?! Как тебе такая перспектива?

Не знаю, какую реакцию ожидал увидеть этот плут.

– И что я должен за эти блага сделать? Убить Петрика? – я рассмеялся.

Я всё ещё продолжал смеяться, когда Раисыч сказал: «Да».

– Что «да»? – спросил я, утирая слёзы умиления и жалости к этому старому козлу.

– Да. Убить Петрика, – как-то буднично произнёс Раисыч.

– Так ладно, Радик Раисович, мне пора, всё-таки сегодня выходной, – я встал и направился к двери.

– Дай угадаю, улым, у тебя сейчас в сумке лежит пакет, не так ли? – Раисыч с видом победителя уселся в председательское кресло. – А может, ты думаешь, что мы не знаем, откуда у тебя эта дорогостоящая машина? А? Ты на пару со своим папашей – аферистом ниже средней руки – развели человека, а потом кинули Команданте. Вам повезло, тут не поспоришь. Звёзды сошлись так...

Я вернулся на своё место и сел. Хорошо, что я не успел позавтракать, а то бы непременно заблевал весь палас в председательском кабинете. Мягко говоря, мне стало не по себе. Раисыч снова заговорил:

– Ты думаешь, я не знаю, что ты возишь запрещённые вещи? Сколько тебе платят, улым? А? На жизнь хватает? Водишь девчонок в киношку? Мороженое покупаешь? – его тон мне интенсивно не нравился, но пока что парировать было нечем.

Мои ноги дрожали. Мысль о том, что меня могут посадить за наркотики, слилась с мыслью о том, что мне нужно убить человека. Эти две волны, как бы, пришли из разных полушарий мозга, столкнулись в середине и пролились слезами из глаз. Мне захотелось уничтожить этого противного холёного самоуверенного татарчонка; прямо здесь, прямо сейчас. Я посмотрел на Раисыча как на кандидата в покойники. Он, видимо, сообразил, что твориться у меня в голове и сказал:

– Иди-ка сюда, улым. Глянь в окно, – сам он уже некоторое время стоял около подоконника.

Я поднялся и, пошатываясь, подошёл к окну.

– Смотри, улым, – комментировал Раисыч происходящее за стеклом. – Вон там стоит твоя машина – синяя Volvo, так?.. Вот к твоей машине подъезжает наряд милиции, вот они выходят и встают неподалёку... Вот, кстати их подкрепление на второй машине...

Я смотрел на происходящее и холодел от ужаса. Раисыч перешёл от эмпирического этапа к этапу разъяснения:

– Когда ты подойдёшь к своей машине, тот полицейский, который сейчас стоит ближе всего, спросит у тебя: «Это ваша машина?» Ты, обсираясь от страха, промямлишь: «Да, а что?» Но, этот вопрос, по сути, был задан для того, чтобы завязать разговор, а главная их цель в том, чтобы наброситься на тебя, обыскать, вытряхнуть твою сумку (с которой ты никогда не расстаёшься, и весь суд это подтвердит), изъять порошок и упечь тебя на веки вечные за решётку. А товар в тот же день вернётся в оборот, слуги народа получают свою пыль точно по расписанию. И ты не сможешь избавиться от порошка, пока идёшь вниз, потому что я тебя провожу прямо до крыльца. Так сказать, передам с рук на руки.

Я не верил происходящему. Сомнений быть не могло: эти копы пришли по мою душу, на парковке перед крыльцом больше не было других машин, воскресенье. Ещё час назад я, как и много лет подряд, привычно ругался с мамой на кухне и рыдал в подушку, а сейчас я уже центральное действующее лицо какой-то постперестроечной криминальной чепу-

хи. Раисыч снова заговорил:

– Я ведь не желаю тебе зла, улым. Ты же видишь, как мы с Команданте к тебе хорошо относимся. На скачках заработал? Заработал. Премию получил за ситуацию на промзонных чеках? Получил. В рабочее время ты читаешь книжки, спишь, ешь, точишь ляды с сотрудницами... Опаздываешь каждый божий день. Мы закрываем глаза на твою откровенно криминальную подработку. А почему? Потому что ты – системный человек, ты движешься правильным путём, путём того, кто не имеет родителей судей, но имеет связи... Теперь же мы даём тебе возможность доказать свою лояльность и... заработать деньги... Заработать уважение. Уважение, улым! А потом ты станешь судьёй! Судьёй, улым! Сначала, конечно, где-нибудь на периферии. А потом, при известном усердии... Подумай хорошенько. Вот смотри, – Раисыч подошёл к бронзовой фигуре Фемиды, которая имеется в кабинете у любого председателя. – На этой чаше весов – всё, а на этой – ничего... и даже меньше. Что ты выберешь?

Вам знакомо выражение: «Идти (ехать) не разбирая дороги»?

В какой-то момент меня начало сопровождать назойливое кряканье, но я решил не обращать на это внимания, надеясь, что само пройдёт. Когда я остановился на светофоре, кряканье усилилось, а потом около моего окна возник человек в форме. «Наверное, это полицейский», – подумал я и принял

решение не смотреть в его сторону. Я слегка прикрыл ладонью лицо. Человек в форме постучал в окно...

– ...Сейчас этот гражданин хороший, этот «системный человек», этот патриот с большой дороги докладывает Команданте о том, что без труда сумел обработать этого самодовольного болвана Поля. Он говорил что-то вроде: «Он, конечно, поначалу ерепенился, но потом, когда я дал ему понять, что его яйца в цепких руках «правосудия», быстренько «взял под козырёк». Это крысёныш сделает всё, что мы ему скажем, и ещё будет до конца жизни испытывать чувство благодарности. Ха! Я таких знаю!.. Поверьте мне шеф, с ним проблем не будет». Вот так, наверное, сейчас говорит Раисыч, – я не видел перед собой ничего, мне просто хотелось жаловаться и жалеть себя.

– Вы, Павел Палыч, пьяны что-ли? Или того хуже... – образ дорожного копа снова обрёл контуры.

– А. Что? Нет, я не пьян, я поеду, пожалуй... Мне домой надо, я ещё не завтракал, – всё было в ядовитом тумане.

– Куда ты собрался, – инспектор обомлел от моей наивности. – Мы за тобой четыре квартала ехали и «крякали», прежде чем ты соизволил притормозить на светофоре! Почему не остановился по требованию инспектора?! Почему движешься по выделенной для общественного транспорта полосе?! Это уже два нарушения! Сейчас ещё тебя «продуем», может ты до кучи пьяный или упоротый! Бормочешь мне тут какую-то ху...ню!..

– Нет-нет, не надо, я хочу домой... – вяло запротестовал я.

– Остальные документы давай, мистер «Я Хочу Домой».

Едет он по автобусной полосе!.. Автобусом себя почувствовал!.. Страховку давай! Техосмотр давай!

Я протянул документ.

– Что это за херня!?! На машину давай документы! Совесть есть вообще?! Что это?..

Я положил голову на руль и задремал, – стресс и страх привели меня к состоянию близкому к аффективному.

– Эй, ты! – вернул меня в реальность голос инспектора за окном. – Вали отсюда, чтоб я тебя больше не видел.

Инспектор кинул моё удостоверение внутрь Феи, и оно упало на коврик переднего пассажира. В зеркало заднего вида я видел удаляющегося полицейского; перед тем как сесть в машину он снял фуражку. Потом патрульная машина промчалась мимо меня. Я поднял стекло и включил кондиционер. Разум медленно возвращался в черепную коробку.

Уже двигаясь по своему микрорайону, я чуть было не столкнулся с белым автомобилем, который выезжал из дворовой территории. Нажав на сигнал и описав дугу, я избежал происшествия. Спустя несколько секунд я заметил, что эта белая тачка едет вослед. За рулём сидел какой-то лопухий парень в очках. «Куда ты летишь, ушааастенький козёёёл, пара-рум-пам», – пропел я себе под нос. Машина не отставала от меня. Потом начала сигналить: видимо, водитель требовал, чтобы я остановился. Мне совершенно ни к

чему были дорожные игры, особенно сейчас. Я прибавил газу и ввинтился в поворот к своему дому. Тачка повернула за мной и снова начала сигналить. Я посмотрел в дверные карманы в поисках какой-нибудь отвёртки, чтобы воткнуть её в мягкие ткани этому мудозвону, раз уж он настаивает. Ничего подобного у меня в новой машине не водилось, поэтому я взял то, что было: пластмассовый скребок для льда, который при определённом хвате походил на кастет. Я остановил машину и вышел. Водитель белой Мазды направлялся в мою сторону. Я открыл свою дверь и положил скребок для льда на место, – этого парня я хорошо знал. Это был Николай Стасов или Николя, или Никола Кировский – мой одноклассник с первого класса. Николя (в нашей, с углубленным изучением французского языка, школе были не редки франкофонные погоняла) – человек, с которым трудно дружить, слишком умный, слишком странный, слишком злой, всё слишком. В школе мы старались держаться друг от друга на расстоянии, однако считались хорошими товарищами. Я знал, что Николя – дипломированный врач. Последний раз мы с ним встречались почти десять лет назад, когда оба учились на первых курсах. В то позднее лето Николя водил меня в анатомический театр при казанском медицинском университете. Мы оба, облачённые в белые халаты и шапочки, фотографировались в разных позах в обнимку с трупами (освежёванными и нет), с мозгами, почками, печенью, яйцами, членами и другими внутренними и внешними человеческими органа-

ми в руках. Самые смешные фотографии были те, где Никола имитирует половой акт с толстой мёртвой тёткой, а также где я, Никола и освежёванный покойник в ванной с физиораствором, все трое показываем средний палец в камеру. Для последнего кадра Никола сломал покойнику все пальцы, кроме среднего, – по-другому закостеневший мёртвый мужик не желал показывать fuck. По ходу экскурсии Коля рассказывал мне о том, как некоторые студенты медики воруют разные части тела, чтобы, очистив их от мяса, сделать себе крутой пресс-папье; особенно круто было раздобыть голову. Даже был случай, когда пропал целый жмур. Я тогда первым делом спросил, откуда доставляются трупы для практики. А Никола ответил, что из психбольниц и домов престарелых, там мол полным полно одиноких людей... Если порыться в старых альбомах, то можно отыскать глянцевые фотографии девять на двенадцать с этой фото-сессией.

Мы обнимались и хлопали друг друга по спинам, причём моя спина сильно страдала от хлопков этого девяностокилограммового коновала. После продолжительной и душевной беседы, Никола записал мой номер телефона, а его номер с тех самых пор не изменился ни на цифру, поэтому, когда он сделал мне «прозвон», на экране моего старого телефона высветилось: «Николя». Пообещав друг другу в ближайшем будущем увидеться и опьяниться каким-нибудь лёгким наркотиком, мы разъехались. Да, Никола, чёртов псих!.. Псих, которому можно доверять... Я махал ему вслед, когда Ни-

коля, выезжая из моего двора, подрезал очередную машину.

Придя домой, я первым делом проверил сохранность моих сбережений. Все котлетки аккуратно дожидались своего властелина. Сколько здесь? Я перебрал пачки. Получалось семьсот с лишним тысяч рублей. Триста от сделки с партнёром Маши, двести – от скачек (могло быть больше, но...). Остальные я скопил почти за полгода, работая с Шамилем. Конечно, я тратил деньги, но в основном свою секретарскую зарплату и те десять тысяч в месяц, которые мне доплачивал Раисыч за субботнюю работу. В бумажнике у меня, помимо этих запасов, лежит около пятидесяти тысяч, на зарплатной карточке скопилось не меньше тридцати. Сколько это в сумме? Чёрт, не могу в уме считать. Гуманитарный склад ума, чтоб его!.. За сколько можно толкнуть мою Фею? За семь сотен – легко! Фею, конечно, жалко. Держи себя в руках, Поль, не становись рабом вещей!.. У меня ещё есть моя старая машина, которая стоит накрытая брезентом на тёти Валиной даче. Я отогнал её туда в начале мая, когда начался дачный сезон. Её стоимость в районе двухсот тысяч рублей. Сумма всех вырученных денег может составить порядка... Порядка... полутора миллиона, или даже миллиона шестисот пятидесяти тысяч. Можно, конечно, купить квартиру-студию в пригороде на стадии котлована или даже на стадии отжата земли у детского сада, но мне нужно жить уже сейчас, поэтому комната на Васильевском острове в старом фонде

после капитального ремонта выглядит подходящим вариантом на данном жизненном этапе. Я сложил денежки обратно в шкаф и стряхнул со своей головы Кешку, который немедленно вернулся обратно. «Кто мой микро-пингвин?! Кто мой Кешка-Кешка-дурочок? Кто мой синенький бочок?» – спросил у присутствующий живых существ я. «Я» – ответил Кешка с моей головы. «Он», – ответила Сашка, оторвавшись на секунду от кормушки. В воздухе витала обречённость.

Глава 14

В первые рабочие минуты понедельника тридцатого июля, едва я расположился на своём рабочем стуле и прочитал первые строки очередной главы из трудов Константина Сергеевича, которые гласили: «Слово «драма» на древнегреческом языке означает «совершающееся действие». На латинском языке ему соответствовало слово *actio*, то самое слово, корень которого – *act* перешёл и в наши слова: «активность», «актёр», «акт». Итак, драма на сцене есть совершающееся у нас на глазах действие, а вышедший на сцену актёр становится действующим...», как я был вызван в кабинет Команданте. Около дверей приёмной председателя сидел его помощник Ильдар, одетый в потёртый пиджак поверх сиреновой водолазки и в модную небритость. Мы поздоровались. Привыкнув за последние сутки к дурным предчувствиям, я внешне спокойно предстал перед Команданте и Раисычем. Команданте заговорил, стараясь не смотреть на меня:

– Так значит, вы с Раисычем обо всём договорились, – Раисыч кивнул. – Сейчас едешь в учебный центр МВД, там встретишься с инструктором... Радик, объясни Полю подробности... Идите в коридор оба...

Раисыч оторвал задницу от кресла и сделал мне знак, чтобы я подождал его в коридоре. Я вышел в коридор и сел около Ильдара. Ильдар спросил:

– Как дела?

– Не знаю пока? – ответил я.

– Ну, лучше чем у некоторых? – Ильдар на мгновение задержал на мне взгляд.

– Да, несомненно, – подтвердил я, думая о Петрике.

Вышел Раисыч и махнул мне рукой, чтобы я следовал за ним. Мы направились напрямиком в мою машину. Там, в машине, при закрытых дверях, Раисыч сообщил мне фамилию майора, который сегодня ожидает меня в учебном центре МВД, чтобы подробно проинструктировать касательно предстоящего дела. «Давай, Поль, не подведи...» – сказал Раисыч, стоя уже за порогом машины, затем с силой захлопнул дверь.

Учебный центр МВД был в ближайшем пригороде, точнее даже на окраине города, по соседству с военной частью. Дорога, с учётом утренних пробок, могла занять около часа. Было время подумать над происходящим. Я начал думать. Первая мысль была о том, что всё происходит очень быстро: вчера я ещё проходил первичную обработку, а сегодня меня

уже инструктирует какой-то майор. Если и дальше всё пойдёт в таком темпе, то завтра-послезавтра портрет Петрика с чёрной лентой в уголке забаррикадирует кофейный аппарат в нашем фойе. «Однако, ты рассуждаешь, как циничный асасин!» – сказал я самому себе. «Как ни рассуждай, главное действие и результат», – ответил я самому себе. «Но, ты же не убьёшь человека, только чтобы сохранить свою свободу?» «Почему нет, главное для меня – моё благополучие». «А как же справедливость? Петрик – неповинен ни в чём. Он честный человек, принципиальный и справедливый, а ты – трусливый мелкий правонарушитель, который действует в условиях полной неприкосновенности со стороны закона! А без прикрытия ты бы не стал поступать так, как поступаешь, ибо ты трус, ты всего боишься. Так было всегда, с самого раннего детства». «Да, я всего боюсь! Да, у меня нет принципов. А всё потому, что знаю – мир прекрасен и удивителен, и, даже если я не счастлив сейчас, то вполне могу стать счастливым позже. А моменты слабости и горечь от их осознания я переживу, переживал же раньше. К тому же современный мир предоставляет возможность быть смельчаком. Всё, что под силу вашей фантазии...» «Нет, мальчик, ты не сможешь жить дальше с такой лёгкостью, с какой живёшь сейчас». «А разве я живу с лёгкостью?!» «Конечно, мальчик. Ты никогда не ведал непреодолимых препятствий, никогда не разочаровывался на сто процентов, никогда не был в полнейшем тупике». «Правильно, это потому что я очень умный, разве не

так?..» «Нет, не так... Просто Вселенная даёт тебе шанс поступить правильно, а потом надеяться на счастливое избавление... А ты хочешь пойти по пути наименьшего сопротивления, но радости на этом пути не будет впредь...» «И что ты предлагаешь, пойти в полицию? Позвонить в Москву? Написать в Твиттер президенту, созвать пресс-конференцию, пойти поставить свечку за всё хорошее?!» «?..» «Я тоже не знаю, что делать».

Мне надоел этот аутодиалог и я попробовал остановить мысленный поток, но ничего не вышло. Если подумать о лишении человека жизни не ради защиты своей, то по этому вопросу у меня есть одна турбо-теория. Я думаю, что человек вправе убить человека, остальные виды жизни – не смеет. Получается, что я оправдываю каннибализм, но не оправдываю обычное мясоедство. Круто я мыслю?! Как сказал философ: «Я круто мыслю, значит круто существую». Не слишком эта дурацкая теория подходит к этому случаю. По сути, я до сих пор не приблизился к оправданию для самого себя того, что я собираюсь совершить. Надо подойти к этому вопросу с другой стороны. Например: Петрик – убудочный ботаник, который доигрался до того, что теперь мне – умному, красивому и скромному человеку – приходится его убивать. Этому Петрику за то, что он такой урод, тётки не дают, и он сублимирует это тем, что строит из себя неподкупного судью. Были бы ему свойственны многочисленные романтические связи, тогда его расходы были бы значительно боль-

ше, тогда бы он призадумался, что ему дороже: жить свою единственную жизнь как нравится или продолжать дрочить! Чёрт! Сука очкастая, этот Петрик! Может, его собьёт автобус в ближайшие двое суток! «Да, ты прав, – снова появился внутренний собеседник, – на автобус надежды мало. Если верить Вакс, то автобус даже вовремя прибыть на остановку не может, а уж доверять ему такое важное дело, как ликвидацию судьи районного суда, – вообще абсурд». «Абсурд, абсурд...» – вслух повторил я. А я ведь мог бы стать писателем или актёром. «Что теперь об этом говорить...» – ответил внутренний собеседник. Я даже не собирался размышлять насчёт того, какие мерзавцы эти двое – Команданте и Раисыч, и Ильдар иже с ними! Гораздо проще ненавидеть очкастого Петрика. И, продолжая линию ненависти Петрика: убью его я или птичий грипп, – без разницы, Петрику так или иначе не жить. Я – всего лишь инструмент, не более... Поэтому особых моральных терзаний я не должен испытывать. Что меня действительно должно волновать, так это чувство неотвратимости наказания, но это такое глубоко субъективное ощущение, которое, одним своим наличием в подсознании, сделает так, что меня накажут; к справедливости всё это не имеет никакого отношения. Неплохо... Что ещё? Ещё: предположим я знаю, что меня не накажут, если, конечно, я не приду с повинной... А я не приду с повинной. Может чувство вины заставит меня самоуничтожиться посредством алкоголя и наркотиков, но это, всё же, лучше, чем тюрьма.

Через пять минут нахождения в тюрьме я буду думать, что в отношении меня совершена несправедливость. Ну, ещё бы: Петрик причислен к лику святых, а его коварный убийца получил по заслугам. Ага-ага, а Команданте и его прихвостни катаются и дальше по кинофестивалям и курортам, хотя ни в том, ни в другом ничего не понимают, вонючие колхозники! По-русски с акцентом говорят!.. Тоже, суки!..

Я приехал. Показал на контрольно-пропускном пункте свою корочку и шлагбаум открылся. «Кого вам?» – спросил то ли солдат, то ли курсант. Я назвал фамилию майора. «Это туда», – указал мне парень. «Спаси...» – вяло поблагодарил я. Я припарковался под зарешёченными окнами одного из корпусов, вышел и нажал звонок. «Да...» – откликнулся чей-то наглый голос. «Мне майора Евсюка», – тоже нагло ответил я. «Кто спрашивает?» «Поль Гончаров», – ответил я. Противный звук известил о том, что можно открывать дверь. Зашёл внутрь. После солнечной улицы в помещении казалось совсем темно. Я подумал о том, что в тюрьме примерно так же; в животе случилась судорога. Я прошёл через вертушку.

– К кому? – снова спросил голос, но на этот раз я увидел мента в окошке напротив вертушки.

Я не различаю погоны и соответствующие им звания и даже не собираюсь учить, поэтому не испытываю особого пиетета перед этими мордоротами в формах.

– Я же уже сказал к кому! – огрызнулся я.

– Так скажи ещё раз! Не переломишься!.. – ответил мент

в окошке.

– К майору Евсюку, Павел Гончаров, – спокойно повторил я.

Мужик в форме снял трубку и набрал короткий номер.

– Майор, к вам... – мент посмотрел на меня вопросительно.

– Гончаров, – повторил я.

– Гончаров, – сказал мужик в трубку, послушал ответ и положил трубку. – Жди здесь. Сейчас за тобой придут.

«Сейчас за тобой придут», – повторил я мысленно. Я сел на откидное кресло. Через пять минут явились два высоких мужчины, один в форме, другой в штатском. Обоим примерно по сорок лет.

– Ты что-ли Гончаров? – спросил тот, что в форме.

– Я. Вы что-ли Евсюк? – спросил я, но высокий в форме не удостоил меня ответом и продолжил:

– Иди за нами.

Мы прошли насквозь корпус и вышли на внутренний двор. Затем немного прошли по тропинке вглубь заросшего кустами двора. Следуя за двумя мужчинами, я чувствовал запах дорогого парфюма. Логично было предположить, что пахло от того, кто в штатском. От майора пахло майором. Перед нами предстало какое-то длинное строение, похожее на закопанный наполовину коровник. Обойдя «коровник» справа, мы зашли с торца в узкую дверь. Около этой двери стоял солдат. Мужик в форме что-то сказал солдату и

тот ушёл. Внутри «коровник» был разделён на секции, и то помещение, которое было первым на нашем пути, представляло собой подобие раздевалки размером двадцать квадратных метров. Вертикальные железные ящики вдоль стен, как у американских школьников. Освещение было ярким.

– Ладно, покажи удостоверение, – приказал человек в форме.

Я достал из кармана корочку и отдал ему в руки.

– Так не показывают удостоверение, – сказал он, похлопал корочкой об руку и задумчиво посмотрел на своего молчаливого спутника, потом открыл и сверил фото в документе с моим лицом. – Ладно, держи.

– Может, вы тоже покажете удостоверение? – предложил я. – Я должен встретиться с майоров Евсюком, а кто вы такие я не знаю; заодно продемонстрируете, как правильно показывают удостоверение.

Мужик в штатском заулыбался и засунул руки в карманы. Я никак не мог определить, кто в их тандеме главный, хотя я обычно легко это делаю. «Форма» тоже засунул руки в карманы и проговорил:

– Что, Гончаров, погоны читать не умеешь? – он сделал движение плечом. – Не видишь, что перед тобой майор?

– Погоны не читаю. Для меня что майор, что подпоручик – всё едино... Как вьетнамцы – на одно лицо, – чётко и уверенно проговорил я.

«Штатский» засмеялся, глядя на майора, и для меня ста-

ло очевидным, что он тут босс. Майор потупился и достал из нагрудного кармана ксиву. «Виктор Андреевич Евсюк», – успел прочитать я.

– Доволен, – спросил он.

– Да, – я вопросительно уставился на штатского.

– Меня можешь звать Ринат, – впервые заговорил он.

«Ринат!» – мысленно встрепенулся я. «А не тот ли это Ринат?..»

– Тот самый, – прочитал мою мысль штатский.

– Хорошо, – ответил я.

Мы прошли в следующее помещение. Когда лампы дневного света сообразили, что пора освещать, стало понятно, что здесь тир. Стойки с перегородками. Вдалеке цели.

– Это тир, – сказал мистер Очевидность в форме. – С какими видами оружия имел дело?

Задав этот вопрос, майор достал из кармана связку ключей на начал открывать висячий замок на одном из таких же ящиков, как в первом помещении.

– Ни с каким, – ответил я. – Однажды, ещё в школе, стрелял вместе с одноклассниками на полигоне из Калашникова.

– Понятно. В армии не служил... Я так и думал, – бурчал себе под нос майор, ковыряясь в замке.

Наконец он совладал с замком, открыл ящик и достал оттуда пистолет в целлофановом пакете. «Странно, – пистолет в целлофане», – подумал я.

– Вот смотри сюда: это пистолет ТТ, – майор вынул за дуло

железюку и положил её на одну из стоек.

Я испугался при виде оружия. Ринат, сказал, что хочет покурить и вышел. Как только «штатский» скрылся за дверью, майор сменил официальный тон на претенциозный.

– Что в тебе особенного?!.. А?! Ты такой же, как все. Хочешь быть убийцей и войти в историю? Тебе не хватит мужества, сынок...

Я терпеть не мог, когда всякие обсосы называли меня «сынок», поэтому я с неподдельным презрением сказал:

– Просто делайте свою работу, – а потом добавил. – Оправданий для вас я не готовил.

– Слушай ты... – его палец почти касался моего лба, но тут вернулся Ринат и тон майора принял прежний официально-насмешливый тон.

– Прежде чем перейти к подробностям предстоящего дела, необходимо выяснить один принципиальный момент, а именно: способен ли ты уничтожить человека. Для выяснения этого... момента, проводится такой простой тест. Возьми пистолет, – скомандовал майор.

Я задрожал, потом зачем-то вытер руку о рубашку, подошёл к стойке и взял пистолет двумя пальцами – большим и указательным. Я подумал, что сейчас майор начнёт надо мной смеяться, но он сказал: «Отлично, я сейчас приду», и вышел.

Мы остались в тире вдвоём с Ринатом, точнее втроём: Ринат, пистолет и я. Мне не хотелось разговаривать с Ринатом,

я не чувствовал, что мы с ним в чём-то похожи, поэтому я молчал. Ринат молчал тоже. Потом Ринат закурил, и я понял, что его выход на улицу под предлогом покурить, был игрой. Ринат жестом предложил мне сигарету. Я отрицательно покачал головой. За дверью слышались шаги. Мне показалось, что к нам направляются несколько человек и, в который раз за сегодняшний день, перепугавшись, с грохотом кинул пистолет обратно на стойку. Ринат оставался невозмутимым. В помещение вошёл один человек – майор Евсюк, а на поводке рядом с ним шла огромная овчарка. Вот почему мне показалось, что идёт несколько человек. Собака гавкнула, и я отступил на шаг.

– Давай, бери пистолет, – приказал мне майор.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я в недоумении.

– Я – ничего, а ты сейчас застрелишь эту «лошадь», всё рано от неё пользы никакой, только жрёт за четверых, – весело проговорил майор.

Я заметил, что на майоре появилась форменная фуражка, которой раньше не наблюдалось.

– Давай, сынок, я держу тварь. Бери пистолет и стреляй в голову. Собака, как и управдом – друг человека, но управдома не нашлось, поэтому убей собаку, – балагурил майор, усаживая пса. – Бери в руки пистолет. Давай-давай, он заряжен. Смелее.

– Нет, – сказал я. – Я не буду убивать животное, у меня, видите ли, свои принципы.

Ринат, отстранённо стоящий всё это время, заинтересовался разговором и сделал два шага в нашу сторону.

– Это тест, сынок, – урезонивающе проговорил майор.

– Не называй меня «тес...» «сынок»! – завопил я. – Может, теста ради, я кого-нибудь из вас завалю?! А?! – я схватил пистолет, но не решился наводить на людей.

– Ладно, не хочешь по-хорошему... – грозно заговорил майор. – Мы облегчим тебе задачу. Взять, Матильда!

Собака сорвалась с места, но поводок не позволил ей откусить моё лицо.

– За дверь! – шутливо и заискивающе скомандовал майор, и Ринат вышел.

Я отступил в дальний угол, к одному из закрытых шкафчиков.

– Матильда, фу! – сказал майор, и собака сразу успокоилась.

Я вздохнул с облегчением, но в следующую секунду снова напрягся, потому что майор отстегнул поводок собаки. Матильда сидела неподвижно.

– Что... что вы делаете? – пропищал я.

– Значит, смотри, – начал майор. – Найди у пистолета предохранитель.

Я лихорадочно завертел в руках железяку.

– Где?! – заорал я, прижавшись к железному ящику спиной.

– Что, нет? – засмеялся майор. – Всё верно, это же ТТ! У

него нет предохранителя. Взведи курок. Знаешь, что такое курок?

Звезда с рукоятки пистолета впиалась мне в сознание дьявольским символом. За секунду я взмок. Майор уже почти вышел за дверь и мотал мне нервы из дверного проёма. Матильда послушно сидела на том месте, где майор её оставил.

– Взведи курок, – посоветовал майор из дверного проёма. – Вводи.

Я взвёл курок и направил дуло в сторону несчастного животного. Надежда не оставляла меня, я продолжал кричать.

– Майор, я не хочу убивать животное! Это ничего не значит! Я готов пристрелить человека! Отмените этот бред!

– Взять, Матильда! – скомандовал Евсюк.

Собака с секунду подумала, глядя в сторону майора, затем повернулась в мою сторону и побежала, побежала почти не издавая звуков... От собаки до меня было изначально не больше пятнадцати метров. Когда между нами оставалось семь, я прицелился и нажал спуск. Раздался щелчок и, прежде чем я понял, что пистолет не заряжен, майор крикнул: «Фу, Матильда».

Глава 15

Следующие дни прошли в нервном ожидании. Я усиленно предавался лёгконаркотическому забытию. Уже к среде я оступел так, что только слюни не текли у меня изо рта. Приходилось перечитывать каждую строчку по десять раз. Нако-

нец, в четверг второго августа, я снова очутился на ковре в кабинете шефа. Самого Команданте не было, Раисыч сидел в кресле посетителя.

– Улым, всё отменяется, можешь забыть обо всём, – сказал Раисыч и сделал неопределённый жест рукой.

– А? – спросил я.

– Я говорю, что твоё задание отменяется, теперь это не твоя забота. Работай как прежде, всё иди.

Я ушёл и, пока поднимался на свой этаж, мысленно прокручивал слова Раисыча. «Задание отменяется... Теперь это не твоя забота... Забудь обо всём... как прежде... не твоя забота...» Я развернулся и пошёл вниз. Вышел из здания суда и направился на парковку. Сел в свою машину, закрыл дверь и беззвучно заплакал. Я почувствовал себя изнасилованным. Эти ублюдки просто надругались надо мной. Я рыдал от жалости к себе. От мысли о незащитности простого человека от таких акул как наш Команданте и прочих майоров Евсюков, от осознания того, что человек не хозяин самому себе. Я плакал от чего-то ещё, что даже не мог сформулировать. Какой-то неведомый доселе страх поселился в моей душе... Потом я уснул. Во сне дьявол жарил меня на медленном огне, и я с ужасом понял, что душа, как и тело, способна чувствовать боль и задыхаться. Проснулся, когда мотор рядом припаркованной машины завёлся. Дышать в салоне было нечем. Я открыл дверь и с жадностью начал вдыхать знойный августовский воздух. Времени было ровно шесть вече-

ра. Я проспал целый час. Мой организм стал ужасно обезвоженным. Благо ещё оставался гранатовый сок в стеклянной бутылке, не покупной, а выжатый мной утром перед работой. Я нажимал на красные соки, чтобы повысить гемоглобин. Выпил пол-литра залпом. В здание суда возвращаться не было смысла, – сумку я теперь оставлял в багажнике, потому что никому не придёт в голову угнать тачку с парковки суда в дневное время. Я завёл машину и поехал домой. Пора было увольняться. Увольняться к чёртовой матери!..

Глава 16

Пятница далась мне тяжелее всего. Я принёс в общий отдел заявление об увольнении, потом добился аудиенции Команданте и лично сказал ему (он сидел один):

– Я увольняюсь!

– А зачем ты мне это сообщаем, – холодно спросил он. – Это в общий отдел... Не ко мне.

– Знаю, я только что оттуда. Оставил заявление, – ответил я.

– Прекрасно, я подпишу, – не глядя в мою сторону, сказал он.

Я уже выходил из кабинета, когда Команданте сказал: «Не забудь про обязательную отработку...»

Я почувствовал себя свободным, а через две недели буду свободен, как птица. Может, через пару лет этот кошмар поблекнет в моей памяти. А через пять сотрется вовсе...

– Привет, Муся, увидимся?

В девять часов вечера пятницы мы сидели у Маши на кухне и курили гашиш. Но веселье не приходило. В половину десятого я уехал домой.

Приехав домой и помывшись, я решил поесть. На кухне возилась мама.

– Что-то ты очень долго тут крутишься! – раздражённо обратился я к маме.

– Посуду мою, не видишь?!

– Чёрт подери, а что холодной водой-то моешь?! – меня бесило каждое её движение.

– Подсолнечное масло надо смывать холодной водой. Не знал?

– Неет...

Я поспешил убраться с кухни, пока мама меня ещё чему-нибудь не научила. Чёрт, а ведь не знал. А она знает... Я лёг на диван и постарался сосредоточиться на пресловутом позитиве. В предполночном затишье я услышал, как этажом выше кто-то обвинял кого-то во всех неудачах своей жизни. «Всегда есть что-то такое, чего не должно быть», – пришла в голову цитата какого-то писателя. Я начал мысленно повторять её на разные лады, как мантру. Что-то не давало мне покоя. Я не верил, что всё позади. Моё заявление подписано, а я скоро буду свободен. Можно, конечно, просто перестать

ходить на работу, – мне плевать на трудовую книжку, но это как-то неправильно, всё равно что зажмуриться или спрятать голову в песок. Знаете, как ситуация с собаками или уличными хулиганами: если в страхе побежишь, они за тобой погонятся, а если спокойно уйдёт, то они не обратят на тебя внимания. Завтра суббота. Интересно, нужно мне ещё работать по субботам или мне дали отставку с этой должности. Раисыч сказал: «Работай как прежде». Значит ли это, что мне надо работать по субботам? Поставлю будильник как обычно, а утром позвоню Раисычу, – уточню. Вспомнилась фраза: «Нельзя одновременно бояться и ненавидеть». Похоже, что это правда. Я боюсь.

Глава 17

Суббота. Четвёртое августа. В девять утра я позвонил Раисычу, но не дозвонился. Выехал из дома. В половине десятого он мне перезвонил и уверил, что для меня всё остаётся в силе. Высказал сожаление по поводу моего решения об уходе. Так что... Еду на чеки и на массаж. Радуюсь, что инцидент исчерпан. Меня даже не уволили с подработки! Е-ху! Неужели всё позади?! Да, определённо, всё позади. Я сначала подумал, что следует отказаться от работы с Шамилем, но когда, выходя с «ближних» чеков, столкнулся с Шамилем в коридоре подвала, не смог открыть рта и принял товар и оплату. Жизнь показалась предсказуемой и пригожей. Раисыч, когда я привёз ему конверты, был подчёркнуто друже-

любный. Наверно, он сам не рад, что решил взгромоздить на меня такую ответственность, и сейчас тоже счастлив, что всё позади. Без всяких треволнений я сделал утреннюю субботнюю работу и вернулся домой. «Всё-таки нужно увольняться. Когда я продам обе машины, то, с учётом моих накоплений, мне хватит на то, чтобы купить не самую плохую комнату в Петербурге, с приличными соседями...» – размышлял я. Потом решил почитать. «Если девяносто девять из ста человек заботятся об общей, а значит и моей свободе, то мне, сотому, будет очень хорошо жить на свете. Но зато, если все девяносто девять человек будут думать лишь о своей личной свободе и ради нее угнетать других, а вместе с ними и меня, то, чтоб отстоять свою свободу, мне бы пришлось одному бороться со всеми девяноста девятью эгоистами. Забота только о своей свободе, они тем самым, против воли, насильствовали бы мою независимость», – просвещал меня сквозь века Станиславский.

«Girl... юл би э вуман, сунн...» – зазвонил сотовый телефон. Этого номера нет в моих контактах.

– Павел? – спросил женский голос.

– Да, это я. Слушаю...

– Это Регина, выйдешь поболтать?

– А!? Регина Петровна?! – я сообразил, что она знает, что я дома, поэтому выглянул в окно, – около моей машины стоял её С-класс. – Да, сейчас выйду.

Я посмотрел в зеркало, примял немного волосы. Мне бы-

ло страшно (потому что я трус) и любопытно (потому что я распутник). Когда я выпорхнул из подъезда, её машина уже переместилась из-под окон к подъезду.

– Залезай, – скомандовала она.

Я прыгнул в салон.

– Где тут можно припарковаться и побеседовать? – спросила Регина.

– Там, – ткнул я пальцем в сторону двух детских садов.

Через две минуты.

– Привет-привет, Полюшка, – она так склонила голову и так посмотрела, что я испытал ментальный (не путать с моментальным) оргазм.

Регина была одета в чёрный в тёмную полосу пиджак и такие же брюки, белоснежная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами, на шее массивное нечто на цепочке; для полноты образа не хватало шляпы и автомата Томпсона. В машине было не больше семнадцати градусов выше нуля, – почти в два раза прохладнее, чем на улице. Я мгновенно замёрз. Регина Петровна покрутила климат с моей стороны и сняла пиджак, повесив его на плечики за подголовником кресла переднего пассажира.

– Так... Что?.. – я глупо улыбался. – Жарко сего...

– Мне очень жаль, что так вышло. Тебе просто не повезло, – внезапно заговорила Регина; теперь она уже смотрела вперёд и держалась за руль обеими руками, как будто ехала.

– Вы о чём, Регина Петровна? В чём мне не повезло?.. –

стало очевидно, что она явилась не по поводу спонтанной интимной связи со мной.

Регина Петровна снова заговорила, продолжая смотреть куда-то за горизонт.

– Посылочки, которые ты возишь, в том числе в рабочее время, – это максимум семь лет, но плюс «сто пятая» – это уже гораздо больше. Не обижайся, дружок, но в твоём случае даже пять лет – смертный приговор, – она нажала на прикуриватель и начала распаковывать новую пачку сигарет изящными и немного нетерпеливыми движениями пальцев; в фоновом режиме я не переставал любоваться её сущностью. Что это за металл на пальцах, – серебро или, всё-таки, платина?

– Простите, вы, наверное, что-то перепутали, – причём здесь убийство, я никого не убивал... – я ощутил слабость и тошноту, – желудок раньше мозга понял, что дело плохо; я растёкся в кресле, приоткрыв дверь на случай непредвиденного проблёва. Неужели Регина участвует в этой игре?! В игре, которую я считал оконченной с ничейным счётом. Прикуриватель щёлкнул, едва не вызвав у меня инсульт, поскольку я пребывал в страхе и напряжении. Регина Петровна прикурила, затянулась и, вместе с дымом, выдохнула следующие слова:

– Скоро в руки следствия попадёт пистолет, из которого в тёмной подворотне в ночь с завтра на послезавтра будет застрелен судья Петрик. Знаешь, чьи отпечатки обнаружат

на рукоятке?

– Мои что-ли? – как дурак обрадовался я. – Но это, слава Богу, исключено, – я не собираюсь убивать Петрика... А что, Петрик будет убит?! – спросил я в последнюю очередь о том, о чём должен был спросить в первую.

Значит, Петрик всё-таки будет убит. Почему-то меня это не удивляет. Во всяком случае, – это уже не моё дело. Петрик сам виноват, что сикал против ветра. Пистолет? При чём тут пистолет? И я? Пистолет. Я. Я. Пистолет...

За восемь дней до аварии

«Величайшая мудрость – сознать своё неведение»

К. С. Станиславский

Я – пистолет?..

Не знаю, что произошло раньше, – приступ рвоты или чёткое воспоминание о том, как я героически щёлкал незаряженным пистолетом в учебном центре МВД. Проходящая в этот момент мимо моей двери мамаша с коляской резко ускорила.

– Прошу прощения, Регина Петровна, у меня слабый желудок, – сконфуженно пробормотал я, вытирая губы нижней частью футболки.

Я сидел как комнатное растение и не замечал времени.

– О чём ты думаешь? – ласково спросила меня Регина.

– А? Я... думаю, что «хочу затеряться, как иголка в стоге сена, – и пахнет хорошо, и никто меня там не достанет». Это

ведь не мои слова, Регина!..

– Ладно, мне пора, – сказала Регина и включила зажигание, при этом салон наполнился разными волшебными звуками, возвещавшими о том, что машина вот-вот будет готова ехать и, в случае необходимости, сделает всё, чтобы водитель и все пассажиры чувствовали себя комфортно и в безопасности.

– Сколько у меня времени?.. – прохрипел я, ступив одной ногой на асфальт.

– Не знаю, мне пора. Если надумаешь исчезать, то не пользуйся общественным транспортом, как минимум...

Забыв попрощаться, я пошёл в сторону своего подъезда, шатаюсь как пьяный; не замечая ничего... на своём... пути.

Спустя какое-то время, в тот же день. Что я делаю – сижу, уставившись в компьютер, просматриваю список избранных фильмов, думаю, что бы такое посмотреть. Интуиция мне подсказывает, что времени у меня совсем не осталось. Новый звук в моей комнате: снова пошёл, сломанный много лет назад и служивший пресс-папье для салфеток, будильник. Он снова тикает, тикает после того, как однажды, лениясь стереть с него пыль сухой тряпкой, я искупал его под струёй воды. Он тикает, лёжа циферблатом вниз. Будильник завода «Слава». «Славик» – так я называл этот будильник в детстве. «Славик» будил меня в школу. «Твоя жизнь, – это долбаные часики... Тик-так... Тик-так», – сказал мне «Славик». День, два, может неделя, потом в каком-нибудь каби-

нете раздастся телефонный звонок и будет дана команда стереть меня с лица Земли. Самое обидное – этот кабинет будет начальника средней руки, а может даже самой короткой руки. Что я такое говорю, это не самое обидное. А что тогда самое? Какая, блин, разница! Что мне делать, чтобы сохранить себя как память для самого себя в будущем? Как мне избежать заклятия? Бежать к Раисычу или сразу к Команданте, падать на колени, умолять о прощении, говорить что я сделаю всё, что мне прикажут... Раньше все мои проблемы решали мама и бабушка, но это не тот случай. Папик? Может бежать в газету и рассказать им свою душераздирающую историю? В какой-нибудь другой стране вариант с газетой может быть и выгорел, а из меня точно не выйдет Фрэнка Серпико. В какой момент моя скучная жизнь приняла такой оборот? Я имею в виду, когда все пошло в этом направлении, когда рельсы моей судьбы перешли на путь, ведущий к обрыву? Может когда я в разговоре с отцом сказал, что согласен на любую работу? Или когда завёл конфиденциальный разговор с Ильдаром? Фильмы-фильмы-фильмы, – я всё ещё смотрел на список моих любимых фильмов, которые я выделил из числа тысяч просмотренный мной и бережно сохранил на жёстком диске своего компьютера. «Донни Браско», «Человек, который плакал», «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» – все до единого фильмы с Деппом; «Правосудие для всех», «Путь Карлито», «Серпико», «Венецианский купец», – многие фильмы с Пачино; фильмы про воров, мо-

шенников, наёмных убийц, торговцев наркотиками, проституток и учёных; военные фильмы, а также фильмы с Хамфри Боггартом; фильмы, снятые по книгам и пьесам, и фильмы, снятые и придуманные одним человеком; почти все фильмы Квентина и, мой любимый из его фильмов, снятый по чьей-то книге – «Джеки Браун», про стюардессу. «Полуночный ковбой», «Аптечный ковбой», «Девушки ковбои...» Ещё тут были фильмы Гая Риччи, – я припомнил их сюжеты и с горечью осознал, что к реальной жизни они не имеют никакого отношения. На память пришла цитата из книги современного писателя: «Умереть в моей ситуации было так же естественно и разумно, как покинуть театр, заплывший во время бездарного спектакля». Помнится, я ещё размышлял над самоубийством, – как и когда это лучше сделать: если насчёт «как» я пришёл к ответу, то вопрос «когда» так и остался неразрешённым, – в старости, когда сон разума сгладит впечатления, или при полной памяти, в расцвете всего? Вообще-то в старости редко кто кончает с собой, только Лиля Брик приходит на ум. События же моей жизни развиваются таким образом, что вариант со старостью не выглядит реальным.

Не знаю, сколько времени прошло, я всё ещё сидел и крутил список своих любимых фильмов туда обратно, туда обратно. «Коротая зиму», «Револьвер», «Мы из джаза», «Кожа в которой я живу», «Разомкнутые объятия», «Бассейн» Озона, «Неприкаянные»... Я отправился на кухню, – захотелось

заварить чай каркаде, выдавить в него лимон, затем остудить большим количеством льда, взять эту кислятину с собой в ванную, помыться горячей водой, затем включить холодную, встать под неё и выпить залпом чай. Но сначала я, как следует, дуну, благо запасы есть.

На этапе «горячей воды» я продолжил размышления о том, как я оказался в такой незавидной ситуации; попробовал убедить себя в том, что мы все умрём, так или иначе, – несколько скучных десятилетий плюс, несколько скучных десятилетий минус – ерунда в масштабах вечности, если конечно вечность оперирует таким понятием как «ерунда». У меня снова произошло лёгкое раздвоение личности, которое я всегда считал признаком большого художественного таланта, и голос в голове сказал: «Ты, парень, как-то не слишком серьёзно относишься к сложившейся ситуации». «А что я, по-твоему, должен делать?» – вслух произнёс я, отвечая на его вопрос. Я забыл мыл ли я голову и, на всякий случай, помыл ещё раз.

– Может мне начать кататься в истерике и рвать волосы на теле? Может совершить какой-нибудь отчаянный поступок? – продолжал я диалог, стоя с закрытыми глазами под душем.

«Ты всю жизнь приобретал какие-то теоретические знания и, было, как минимум, два человека, которые тебе постоянно говорили о том, что ты занят ерундой».

– Странно, что ты сейчас об этом заговорил. А кто эти

двое?

«Самое смешное (кроме мексиканского фильма «В отчем доме») что эти двое – твоя бывшая жена и твоя нынешняя мать».

– Знаешь, а ведь я вовсе не против того, чтобы эти две бестолочи были счастливы.

«Знаю». Разговор явно зашёл в тупик, – мне и раньше этот внутренний собеседник ничего путного не советовал. Тетрагидро... как там его, знает своё дело, – я перестаю воспринимать происходящее как личную трагедию, хотя мысль о том, что реальность скоро навалится как пассажиры в метро в час пик, не исчезает полностью. Я приступил к холодным обливаниям. Мысль не стояла на месте. Я в этом дерьме, потому что я мужчина. Был бы женщиной – нашёл бы другой способ скоротать жизнь. Я – мужчина, поэтому рыл носом землю пытаясь заработать! Был бы женщиной – у меня была бы одна забота – найти лоха и нарожать ему кучу сопливых детей, влезть в ипотеку, мучить этого несчастного визитами своей мамы; при этом чувствовать, что всё делаю правильно, что живу не зря! А лошара пускай бы недоумевал! Что-то я перевозбудился, может «Луиса Корвалолола» накапать, капель пятьдесят?.. Когда я думаю о Корвалоле, всегда вспоминаю Мерлин Монро, – она умерла от купажа алкоголя и фенобарбитала, а фенобарбитал как раз то самое вещество, за которое все бабушки (и я) любят Корвалол. Конечно, смерть Монро от фенобарбитала – официальная версия. Интересно,

какая будет официальная версия моей смерти? Повесился, не дождавшись решения суда? Утопился в параше? Да, красивая женщина Монро... «Прекрасное дитя», – так назвал её в своём рассказе Трумен Капоте – один из особенных писателей двадцатого века. Да-да, он был дружен с Монро и как-то к слову сказал ей, – мол, ты, малышка, прекрасное дитя. Если бы я успел стать писателем, то попал бы после смерти в компанию писателей, – с Хэмом бы пообщался, с Бодлером и Селином, а что – французский я в школе учил, как-нибудь бы поговорили; перекинулся бы парой слов с Айн Рэнд, я бы ей рассказал, как выглядит её родной Петербург в наши дни, она бы мне рассказала, где в Нью-Йорке недорого снять жильё; зарубежные писатели меня спросили, не хочу ли я увидеться с русскими классиками, а я бы им ответил, что не для того перебрался на тот свет, чтобы смотреть на русские рожи, хотя с Пушкиным бы поговорил, сказал бы ему, что мы его называем «наше всё», – так-то Александр (можно Вас так называть), понимайте как хотите. Я лёг на дно ванной в позе эмбриона и заснул. Кладу голову на колени Норме Джин и жалуясь ей на жизнь, заливая её бедра своими слезами, а она гладит меня и говорит слова утешения. «Знаешь, Мерилин, я ведь фильмы с твоим участием почти не видел, даже «Ниагару» не смотрел. «Мы их джаза» только смотрел, но не меньше трёх раз» – говорю я сквозь слёзы. Вдруг я приподнимаю голову с её прекрасных колен и перестаю рыдать. Норма Джин перестаёт гладить мои волосы и

вопросительно смотрит вниз на моё лицо. «Знаешь, о чём я сейчас подумал?» «Нет, милый» – она прелестно округляет глаза, наигранно изображая удивление. «Я подумал о том, что «Мы из джаза» – самый лучший твой фильм». «Спасибо, милый» – искусственное удивление на её лице сменяется искренней радостью. «А сейчас мне надо бежать, – у меня очень мало времени. Если всё получится, то после смерти я попаду не к писателям, а к актёрам, что само по себе неплохо».

Через десять минут я уже ехал в сторону ближайшего отделения банка «Армянский Стандарт», благо советский союз рухнул и, в условиях победившего капитализма, присутственные места с уклоном в сторону собственного обогащения начали работать без выходных. Я взглянул на часы: «тринадцать часов тринадцать минут» – удача при мне.

«Да, потребительский кредит». «На ремонт квартиры». «Ну, вообще-то рассчитывал на пятьсот». «Секретарь судебного заседания, ага...» «Да, в собственности автомобиль... Да, совсем новый – две тысячи одиннадцатый год выпуска, самый конец одиннадцатого. Залог – автомобиль? Не проблема». «В понедельник позвоните?» «Да, страховку жизни беру». «Спасибо, жду звонка».

Санкт-Петербургское время – четырнадцать часов ноль-ноль минут. Следующая остановка – «Ипсилон Банк». «Да, хочу купить земельный участок на Волге», «Страховку жизни? Конечно, возьму, мало ли...» «Необходимо шестьсот ты-

сая». «Какое обеспечение? Автомобиль Volvo подойдёт?»
«Спасибо, послезавтра жду звонка, до свидания».

Казанское время – четырнадцать часов сорок минут.
«Банк Староказанский». «Я бы хотел купить катер с мотором... С двумя». «Триста, может четыреста...» «И страховочку трудоспособности и жизни будьте добры». «Сегодня-завтра-послезавтра... Спасибо, буду ждать».

Пятнадцать часов тридцать пять минут. «ХоумВидео энд ТинСекс Банк». «На покупку комнаты в коммуналке в Дербышках, угу...» «Да, брал у вас... Айпод, шесть лет назад... Конечно хорошая, отличная кредитная история и увлекательная...» «Ответ в течение пятнадцати минут! Так ведь это замечательно!». Спустя сорок восемь минут. «Всего девяносто тысяч...» «Ладно, беру». «Страховка жизни обязательна! Фу! Но, что поделатъ, надо так надо».

На моих часах шестнадцать часов двадцать пять минут.
«Арьергард Банк». «У нас очередь, молодой человек». «Очередь?» «Да, очередь! Занимать нет смысла, сегодня суббота – работаем до пяти». «Так значит очередь?» «Вы глухой или...»

Время: шестнадцать тридцать пять. Набираю номер Николая с дешёвенькой Нокии, в которую вставлена сим-карта почившей тёти Вали. На десятый гудок он берёт трубку. «Коля, это Польша, говори, где ты. Это Польша! Польша-Польша-Польша! Где ты? Надо срочно увидеться». «Отлично, буду через двадцать минут, наберу с этого номера, как подъеду».

Время восемнадцать часов восемнадцать минут, – удача при мне. Еду по опустевшему городу. Сорок тысяч из тех девяносто, которые мне сегодня выдали, уже потрачены и, потрачены с умом: заплачены Николая. Размышляю над финансовым аспектом вопроса; если дадут ещё в двух банках – можно считать удачей, да и почему бы им не дать, – машина в залоге, а общая база – миф. Сколько у меня своих? Сколько мне удалось отложить за время моей халтуры? Три сотни, плюс ещё немного. Всего – семь с половиной сотен. Даже если не дадут больше ни в одном банке, этого должно хватить; впритык. Проезжая проспект Камалеева, я увидел голосующего человека, его вид показался мне знакомым. Проехав мимо него на приличной скорости, я резко остановился и начал сдавать назад. К тому времени, как я поравнялся с человеком на обочине, к нему уже подоспела другая машина. Я опустил правое стекло и заорал изо всех сил: «Дядя Паша!» Мужчина, уже было собиравшийся сесть в другую машину, что-то сказал её водителю и захлопнул дверь. Подойдя к моей машине, он просунулся в открытое окно. Я уже был наготове.

– Дядя Паша, вы меня помните? Я – таксист. Я вас подвозил в Новый Год! Вы ведь в ТЮЗе работаете! Я...

– Поль! Ты – Поль – любитель Станиславского и всего что связано с театром, – дядя Паша заулыбался и сел в машину.

– Слава Богу, вы меня вспомнили! Вы тогда были немного... не в форме, – я был искренне рад.

– Что, как поживаешь Поль? Вижу, что неплохо, – он погладил переднюю панель, затем немного опустил стекло и снова поднял.

– Куда направляетесь, дядя Паша?

– В театр, у нас сезон-то закончился, но дела-то остались, сильвербулет! Ты давай меня подкинь, а я тебе отщипну... из собственных запасов. Где он, мой хорошенький, сильвербулет... – дядя Паша полез во внутренний карман пиджака, подозрительно посмотрев по кругу во все окна.

– Нет! – чуть ли не крикнул я и схватил его за руку, при этом дядя Паша вздрогнул. – Не надо, пожалуйста, у меня этого добра навалом, сам бы поделился, но с собой не вожу.

– Как знаешь, – дядя Паша заметно приуныл, наверное, подумал, что я спятил, раз отказываюсь от гашиша, или зажрался.

Летним субботним вечером город был пуст, поэтому очень скоро на горизонте замелькал театр. Я уже говорил, что дядя Паша был похож на актёра Тома Сайзмора, только немного припущенного в спирту. Не говорил? Это именно он презентовал мне немного гашиша в новогоднюю ночь. Это его презент мы с Тони плющили и поджигали...

– Ты что-то хочешь мне рассказать? – дядя Паша достал из кармана маленькую фляжку, которую я видел ещё зимой, отвинтил крышку, но не спешил отпивать.

Я ещё при знакомстве обратил внимание, что у него лицо, которое может принадлежать как герою и благородному че-

ловеку, так и отъявленному подлецу. Я почему-то подумал, что меня всегда привлекали подобные люди, хотя не мог с точностью припомнить, встречал ли их раньше.

– Я могу вас нанять для одного дела? – спросил я, когда мы остановились у последнего перед театром светофора. Я повернул голову к дяде Паше; мне хотелось довериться этому человеку.

– Нет, не можешь, – выдержав паузу, ответил дядя Паша. Я залился краской и уставился вперёд. Сзади начали сигналить, я отпустил тормоз и, машина покатила дальше. Через полминуты машина причалила к театру. Дядя Паша не спешил выходить; я ждал. Наконец он заговорил.

– Ты не можешь меня нанять, но ты можешь заинтересовать меня и, тогда я тебе помогу, если это конечно в моих силах.

Мне нужно было начать говорить, и я начал говорить.

– Вы же гримёр? – дядя Паша кивнул головой. – Мне необходимо преобразиться... Понимаете? – я посмотрел на собеседника и убедился, что он не умеет читать мысли. – В дев... в... женщину, – я глупо хохотнул; теперь я уже не смотрел на собеседника, а смотрел на педали автомобиля, – вот левая – она «тормоз», вот правая – «газ», – в этот момент никакая сила в мире не могла заставить меня поднять взгляд.

Голос дяди Паши взорвал тишину и вернул мне способность двигаться.

– Если тебе это надо для похода в клуб и для секса, то ты

обратился не по адресу, сильвербулет! Тебе ведь это надо не для похода в клуб? – в его голосе слышалась какая-то мольба.

– Нет! Нет, конечно! Мне это надо для того, чтобы перейти границу по поддельным документам. Мне это надо для того, чтобы сбежать. Мне это надо для того, чтобы не умирать так рано, – почти прокричал я на одном дыхании.

– Ничего не говори. Пойдём со мной.

Мы зашли в здание театра через служебный вход и вскоре уже сидели в одной из гримёрных комнат; я сидел на месте артиста, то есть перед зеркалом с множеством ламп, половина из которых не горела, а дядя Паша сидел на раскладном стуле справа от меня. Где-то в коридорах пустого театра раздавался шум ремонта.

– Встань. Мне надо посмотреть на исходный материал.

Я встал.

– Сними одежду. Обувь тоже сними. Трусы не снимай.

Я снял рубашку, сандалии и джинсы; остался в одних трусах; носков на мне не было. Через примерно сорок секунд дядя Паша заговорил.

– Сначала пробежимся по недостаткам. Вот смотри: для твоего роста у тебя широкие плечи – это плохо, придётся скрыть; ногти в ширину больше, чем в длину, – придётся наклеить накладные; твой торс такой же длины как ноги – для нашего дела это плохо... Мы могли бы надеть на тебя модные нынче балетки, но...

– Придётся надевать туфли на шпильке? – я горько усмех-

нулся.

– Нет, с них ты свалишься. Есть гораздо более безопасная удлиняющая силуэт обувь. А на какое время года запланировано... мероприятие?

– На ближайшие дни, – холод пробежал по моей спине.

– Значит летняя форма одежды... Так... – дядя Паша начал шарить в ящике стола, но, ничего не найдя, спросил: «У тебя есть куда записать?»

Я вспомнил, что сумку оставил на заднем сиденье.

– Я запишу на телефон, – я всё ещё стоял в одних трусах. Достал «Яблоко», зашёл в заметки, приготовился записывать.

– Развернись, согни ногу в колене.

Я вспомнил республиканский военкомат, где меня тоже заставляли повернуться и сгибать ногу в колене и, там я тоже был в одних трусах, – таким образом проверяли, правда ли у меня плоскостопие; тогда казалось, что ничего страшнее военкомата с кучей деревенских гопников, которых уже всех забирали в армию, и быть не может...

– Тридцать девятый? – голос гримёра отвлёк меня от воспоминаний о том, как я закосил от армии много лет назад.

– Тридцать восьмой с половиной, если быть совсем точным.

– Хоть с покупкой обуви проблем не будет, хахаха!..

– Зато с покупкой мужской обуви всегда была проблема, – чувство юмора никогда меня не оставляло, я от этого чув-

ствовал себя ещё большим дураком. – Нога как у гейши.

– Пиши: сабо, в скобочках: на танкетке, кожаные, тёмного цвета...

– А?..

– Сабо – это такая обувь, сейчас покажу, – дядя Паша вышел в соседнюю комнату и, через минуту поисков, вернулся с левой, так называемой, сабо. – Вот эта, кстати, на танкетке, видишь – сплошная платформа, а не каблук. Итак: тёмного цвета, обязательно кожаные, потому что, если будет не кожаная, то порвётся, а это дополнительная неприятность. Далее: рубашка; можешь надеть какую-нибудь свою, лучше просто белую; далее: приталенный пиджак, но без накладных плечиков (это важно), а лучше даже не пиджак, а тонкий джемперочек на пуговках, тёмного цвета, ну-ка какого цвета у тебя глаза? – гример пододвинулся на своём стуле.

– Пиши: джемпер коричневого или чёрного цвета. Далее (так-так-так): леггинсы. Нет! Сотри. Чулки.

– Бл..ь! – вырвалось у меня.

Советы гримёра были советами профессионала.

– Записал? Чулки, которые держатся эластичной полосой на бёрдах, в скобочках: две пары. Чулки нужны, поскольку таких ног какие у тебя, у женщин не бывает, к счастью... Дальше поехали: пышная юбка до колен с завышенным поясом, – завышенный пояс зрительно удлинит ноги. Дальше пиши: следки, три пары. Дальше...

– А разве нельзя джинсы? – с претензией в голосе спросил

я.

– Знаешь, что отвлечёт взгляд от твоих, чрезмерно широких для девушки, плечей? Нет, не сиськи, которых у тебя тоже, кстати, нет, а широкие бёдра, узость которых можно скрыть, надев пышную юбку, сильвербулет!

Я кивнул.

– Пишем дальше... Ты можешь одеться, кстати говоря.

Я быстро запрыгнул в свои тряпки.

– На чём мы остановились. Ага, следки. Дальше: тонкий шейный платок, – у тебя кадык не слишком заметный, но всё же...

– А у меня есть платок, даже два, – купил на распродаже!

– Молодец! Купить платки на распродаже может только женщина, ну или... Неважно, ха!

– Ха-ха-ха! – залился я полубезумным смехом.

– Вот если ты так заржёшь в образе, то тебе никакие платки не помогут. Запиши ещё: «Купить что-нибудь на шею из бижутерии, кулон на длинной цепочке», посмотришь сам. Теперь косметика: тональный крем, покупай дорогой, румяна в шариках, карандаш для глаз, чёрный... Так-так-так... Купи дорогие духи, – запах – это первое, что отличает женщину от мужчины, если её не видишь, ха!

Я не понял шутки. Дядя Паша продолжил.

– Карандаш для бровей, коричневый.

– Помада?

– Нет, никакой помады! Ненавижу помаду, – вечно оста-

ётся на одежде; если бы не проклятая помада, я бы по сей день был счастливо женат. Пудра. На всякий случай, купи такую пудру, которая сочетается с тональным кремом, но, надеюсь, она нам не пригодится. Лак для ногтей, цвет... Цвет-цвет-цвет... Светло-коричневый. Тоник для снятия макияжа, жидкость для снятия лака, тоник перед сном, тушь чёрного цвета... Ещё напиши: «салфетки для снятия макияжа, ватные палочки и ватные диски». Теперь из раздела «разное»... Я вижу по твоим бровям и рукам, что у тебя есть машинка для бритья.

– Да, есть.

– Тебе придётся купить очень хорошую электробритву, в скобочках: «сухое бритьё, ёмкая аккумуляторная батарея, система самоочистки и прочие приبلуды», сальвербулит! Записал?

– «...приبلуды». Да, записал.

– Когда придёт время, своей машинкой сбреешь брови с насадкой четыре миллиметра и подведёшь коричневым (!) карандашом. Запомни, – коричневый для бровей, чёрный для глаз! Парик. Парик от сорока сантиметров, прямые натуральные волосы цвета твоих бровей, с чёлкой, – у тебя высокий лоб – это некрасиво, парик должен быть с чёлкой! Натуральный волос! Чёлка должна быть густая, прямая, почти до бровей. Распущенные длинные прямые волосы немного скроют плечи, – последние предложения дядя Паша почти выкрикивал, при этом указательный палец левой руки под-

нял вверх, а правой держал свою фляжку.

– Ага-ага, записал. Дальше.

– Всё! Кхе-кхе, – дядя Паша допил до дна фляжку. – Сегодня покупай, завтра сутра пораньше примерка, – заедешь за мной в тринадцать часов дня. Знаешь ведь, где я живу? В новый год же меня забирал?

– А как насчёт голоса? Я не могу говорить женским голосом, – последнее предложение я пытался говорить женским голосом, как я его себе представлял; получилось плохо, зато смешно.

– Насчёт голоса пока не знаю, я подумаю...

– Спасибо, дядя Паша, как мне вас отблагодарить?

– Подожди пока, мы ещё только начали. Ты не представляешь, сколько всего ещё нужно усвоить, чтобы эта роль была сыграна успешно! Теперь повернись к зеркалу. Посмотри на своё изображение.

Я сел, в зеркале отражался обыкновенный, давно мне надоевший, я. Дядя Паша встал у меня за спиной и мы начали смотреть друг на друга через зеркало. Я почувствовал запах алкоголя, это был виски.

– Ты ведь понимаешь, что мы только начали работу над образом. Вот тебе магическое «если бы»: ты – красивая, образованная девушка, знаешь цену своему уму и привлекательности, у тебя какая-нибудь непыльная работа, где ты целый день ходишь или сидишь, вся разодетая и надушенная, общаешься с клиентами, короче говоря, эксплуатиру-

ешь свою привлекательность и пятьдесят процентов ума. Какая работа отвечает заданным параметрам? А?

Я вспомнил, как когда-то давно мы с Тони зашли в автосалон Opel, там работала красивая девушка, она была одета в узкие чёрные брюки и приталенную белоснежную рубашку, на шее у неё висело какое-то украшение на длинной цепочке, – просто и стильно; на какой-нибудь спинке стула наверняка висел приталенный пиджак от этого костюма.

– Придумал?

– Да. Продавец автомобилей. Продавец дорогих автомобилей, – уточнил я.

– Каких именно дорогих автомобилей? – заинтересованным тоном спросил дядя Паша.

– А это важно?

– Да, сильвербулет! Потому что когда тебя спросят, ты долж.. на что-то ответить, подробности придумаешь на ходу, но основные моменты нужно подготовить заранее.

– Так мы что, биографию мою придумываем?! – повысил голос я. Ну конечно, почему я сам об этом не вспомнил! Константин Сергеевич, простите великодушно!

– Ты же говорил, что читал Станиславского?! Забыл, что магическое «если бы» – необходимый элемент создания органической правды роли?! Чтобы твой персонаж зажил, ты должен мысленно пережить его жизнь до этого момента. О, вспомнил: «внутреннее оправдание и осмысленность каждого движения и каждого слова»! У нас мало времени, к кон-

цу завтрашнего дня, с помощью Провиденья и духа Марлона Брандо, который почему-то ходит за тобой, мы создадим жизнь человеческого духа.

– А?

– Да, ничего, старайся.

– Дядя Паша, вы ведь не гримёр?

– Нет, Павел, я – режиссёр, а ты (психологическая пауза) – никакой не юрист, ты – актёр! Причём ты из тех актёров, кто сначала создаёт образ персонажа вне себя, а потом делает этот образ своим alter ego; ты не способен вырастить образ из себя, ты для самого себя просто не существуешь; если бы я был менее опытным режиссёром и не понял этого качества в тебе сразу, то не смог бы тебе помочь, поэтому к завтрашнему дню проделай следующую умственную работу: выбери несколько актрис кино в качестве прототипа будущего образа. Понял?

Я задумался над последними словами дядя Паши.

– Изучить мимику и жесты? – спросил я.

– Нет. Просто улови настроение, – режиссёр прищурился и задумался.

Потом очнулся и хлопнул в ладоши так, что я вздрогнул.

– Так какие дорогие автомобили продаёт наша девочка? Мерседесы? – слегка изменившимся голосом спросил режиссёр.

– Ягуары. Ягуары и Лэнд Роверы, – я ощутил прилив вдохновения.

Наверное, правда вымысла возбудила природу... Как там говорил Станиславский?.. А потом я понял, почему произошла перемена в моём учителе. Он меня мысленно похоронил... Режиссёр понял, что я понял, и к нему вернулся энтузиазм усиленный стократно.

– Ага, хорошо. Дальше, – было заметно, что дядя Паша о чём-то попутно соображал, даже достал из внутреннего кармана пиджака фляжку, отвинтил, но, вспомнив, что всё закончилось, сунул обратно.

– А можно она будет лесбиянкой? – ни на что не надеясь, спросил я.

– Не получится, бисексуалкой – да. Вот такая штука, – женщина, осознающая свою сексуальность, так или иначе, будет спать с мужчинами, поскольку у неё есть то, что идеально подходит к тому, что есть у мужчины. Связь с женщинами она может иметь для души...

– Понимаю, – действительно понял я.

– Теперь уматывай. Завтра в час. Запиши мой номер. Выйдешь из здания – сделаешь дозвон, – здесь не ловит.

Я записал номер режиссёра и умотал.

Выйдя на улицу, я взглянул на часы, двадцать часов десять минут. После искусственного света гримёрной, перед глазамиплыли какие-то круги. Я набрал номер режиссёра.

– Поль ты? – раздалось на том конце.

– Да, дядя Паша.

– Поль, подумай об актрисах для копирования.

– Да, дядя Паша, – режиссёр положил трубку.

Чёрт возьми, как же я буду покупать всё по списку? Косметику-то ещё ладно, но то, что надо мерить на себя! Мне необходима женщина, женщина, которой я могу доверять. Муся... Я залез в записную книжку телефона, намереваясь позвонить Мусе, чтобы попросить её составить мне компанию в завтрашнем утреннем походе по магазинам. Я уже было нажал на нужный контакт, как телефон зазвонил, номер был неизвестен.

– Алло, да, – сказал я.

– Поль, улым, это дядя Радик, – от голоса Раисыча, учитывая сложившиеся обстоятельства, мои яйца сжались от животного страха.

– Да, Радик Раисович, что-то ваш номер у меня не определился, – мой голос заметно дрожал.

– Так я со своего номера, улым, не мог целый час до тебя дозвониться, – уж подумал, что ты обиделся на меня за что-то.

«Обижаться – удел Бога и маленьких детей», – вспомнил я фразу из «Мотылька».

– Ну что вы, Радик Раисович, просто я был в таком месте, в котором телефон не ловит, – мне хотелось бросить телефон на тротуар и бежать, бежать куда глаза глядят. – Что, Радик Раисович, какое-то поручение для меня есть, – я никогда не мог держать себя в руках при испуге, всегда или заискивал или необоснованно грубил, сейчас я заискивал.

– Нет-нет, улым, просто так звоню, – узнать как дела, никуда не собираешься уезжать?

Какого чёрта он меня об этом спрашивает?! И что я должен ему ответить? Включить дурака?

– То есть как уезжать, Радик Раисович? У меня отпуск только в сентябре, – типа я не понимаю, как такое вообще можно спрашивать, ведь в понедельник на работу.

– А, ну конечно, улым, а я и забыл... Ну давай, ала бирса, до понедельника.

– До свидания, Радик Раисович, до понедельника, – он повесил трубку.

Я весь взмок. Что значит: «ала бирса, до понедельника», как это, мать твою, прикажешь понимать?! Этот урод хотел прощупать меня, – не знаю ли я что-либо об их планах касательно моей ликвидации. Самое паршивое, что я не знаю, – выдал я себя своим волнением или нет?! Недооценивать этого засранца было бы глупо. Я запрыгнул в машину и сорвался в сторону дома. Через минуту я вспомнил, что хотел позвонить Машке. Я остановился, нашёл её номер телефона на «Яблоке» и набрал его на дешёвенькой Нокии, с которой несколько часов назад звонил Коле Стасову.

– Алллло, здравствуйте, – она всегда говорила «здравствуйте», когда видела незнакомый номер.

– Мусь, привет это я, мне необходима твоя помощь, это очень важно. Давай, прям сейчас увидимся. Ты где? Ага... Угу, буду через десять минут.

Время двадцать два часа тридцать минут, я лежу на диване в своей комнате, Кеша сидит у меня на груди и рвёт мою домашнюю футболку, а Сашка орёт в клетке. Я успел купить бритву за семнадцать тысяч и всю необходимую косметику, включая духи. Ещё я купил тени для век или для глаз, хотя их в списке не было. Я рассказал Мусе часть сложившейся ситуации и часть того, как я собираюсь из неё выпутаться; завтра я заеду за Мусей в половину одиннадцатого и мы поедem в торговый центр – докупать оставшиеся вещи. Я с трудом поднялся с дивана. Поменял воду попкам, подсыпал корма. Решил испробовать новую бритву, – такой дорогой у меня никогда не было – всегда брился самыми дешёвыми станками, потому что волосы на лице толком расти начали относительно недавно. Я умыл лицо горячей водой с мылом, дважды, затем холодной, протёр льдом (скоро у меня не будет возможности блюсти гигиену лица с таким тщанием), приложил на несколько секунд полотенце; распаковал бритву, – выглядела она добротно, весила прилично; не читая инструкции, я включил прибор. Индикатор аккумулятора показывал необходимость подзарядки.

Спустя полчаса на меня снова накати́л смертный страх. Я достал бутылку с дырочкой и фольгу, пошёл на кухню. Мама с Ратмиром уехали на дачу на все выходные. Я, как следует, пыхнул. Набрал Тони. Его я не собирался грузить тревожными моментами моей жизни, не потому что не доверял, нет, – Тони я бы доверил даже продолжить собственный род, – просто

многие знания – многие печали, а в данном случае – ещё и многие опасности. «Алло, Тони, может, увидимся, что-то сна ни в одном глазу». Мы договорились выйти через пятнадцать минут. Я заварил ещё одну бройлерную плюшку. Меня накрыла волшебная волна. «Вы меня решили упечь, чёртовы у... убб... ублюдки... А вот хрен вам всем в задницу, а не «упечь» меня, Поля... Павловича... Гончарова...», – бормотал я в тумане. Я положил голову на столешницу, совершенно не чувствуя жесткости поверхности. Мне приснился мини-сон: «Весь мир знает, что есть некое существо, то ли насекомое, то ли пресмыкающееся, то ли мелкий грызун, величиной с мышь и чем-то её напоминающее. Учёные не могут его изучить, так как никто не мог удержать его в течение сколько-нибудь продолжительного времени, не известен ни пол данного экземпляра, ни возраст. Его многие-многие видели, но никто не смог запечатлеть, ни на фото, ни на видео. Многие и многие говорили, что видели его на расстоянии вытянутой руки и, даже держали его; общеизвестно, что это животное ускользает из любых клеток. Считается большой удачей наблюдать его, а уж подержать в руках – тем паче! Были люди, которые при контакте пытались его уничтожить, но, компетентные товарищи утверждают, что уничтожить тварь доступными человечеству средствами, – всё равно, что пытаться расколоть бриллиант варёной сарделькой. Многие и многие... Многие и многие... И вот, расхлябанной походкой по весенней распутице в одном из гордов на-

шей необъятной страны иду я, слушаю в наушниках Би-Би Кинга... Ступаю по доскам, кем-то предусмотрительно постеленным поверх слякоти и проклинаю сегодняшний день. А навстречу мне парочка влюблённых россиян, а в руках у девушки, кто бы вы думали, – да, это существо, – ну точно как мышь, только без хвоста. Они проходят мимо меня и, я, на всякий случай, завидую им чёрной завистью. Но что такое: существо вырывается из рук девушки и бежит по весенней грязи прямо ко мне, прыгает мне в руки, и я чувствую себя счастливым. Я глажу чёртову крысу и не знаю, что с ней делать дальше. А эта тварь начинает кривляться у меня в руках, всячески извивается и, я уже не пойму, – нравится мне эта «ни пойми что» или отвращает. Маленькие чёрные глазки устремлены прямо мне в душу. Я решаю посадить тварь в непонятно откуда взявшуюся у меня клетку. Сажаю, но не проходит и десяти минут, как тварь сбегает. Теперь моя жизнь, как и жизнь всех, кто имел контакт с этим существом, подчинена одной идее – снова завладеть треклятой «хренотенью». Проходит какое-то время, я от людей узнаю, что единственная возможность вновь изловить уникальную тварь – воспользоваться машиной времени и вернуться в том момент, когда первый и единственный раз повстречался с Ним. Что может быть проще; я прыгаю в агрегат и вот я уже снова иду по весенней грязи, а навстречу мне снова идёт парочка россиян, в руках у девушки Оно. Я уже знаю, что существо вот-вот выпрыгнет из чужих рук и устремиться ко

мне. Так и происходит, – я вижу скорбь на лице девушки, а Оно устремляется ко мне. Вот оно, в моих руках, тяжёленькое, шёрстка как у мышки, глазки умненькие. Теперь-то я хрен тебя упусти. Сажаю Его в клетку, и... оно ускользает в ту же секунду, что и в прошлый раз! Чёрт! Проходит какое-то время, уже полмира в скорби и под гнётом своей идеи Fix. В какой-то момент, мозг каждого человека на Земле одновременно, как удар тока, пронизывает одна и та же мысль относительно этого существа. Какая? Вы слышали? А вам рассказали? Передайте соседям и друзьям! Расскажите коллегам по работе. Тихо-тихо, не кричите так... Да держите же себя в руках. Да-да, вы не ошиблись, – он – то самое... Да-да, никаких сомнений, учёные подтвердили... И как мы раньше-то об этом не догадались?! Это же ОЧЕВИДНО! Эта вертлявая хрень, это пресмыкающееся, которое никто не смог удержать, да-да, он – наш БОГ!»

«Girl, You'll Be a Woman Soon...» Звонок телефона меня разбудил или просто сон подошёл к концу. На проводе был Тони. «Ты выходишь или как?»

«Да-да, я просто...» Сколько я проспал, пять минут? Время пять минут двенадцатого. Какое сегодня число? Четвёртое августа. Две тысячи двенадцатого года. Ого! Вон оно как! Я налил тёплой воды в чашку и пошёл в ванную, выдавил немного зубной пасты в рот, размазал языком по зубам, затем дважды прополоскал тёплой водой, – освежил дыхание. Потом прополоскал рот холодной водой и немного попил.

Потом взял из холодильника «Визин», – отбелил белки глаз. Вернулся в комнату, спрятал бутылку с дырочкой, открыл шкаф – взял сумку, вышел из квартиры.

Около подъезда меня дожидался Тони, он нервно курил, – он терпеть не мог, когда я говорил, что уже выхожу, а выходил гораздо позже; я это знал и он знал, что я это знаю, но я ничего с собой поделаться не мог, и Тони знал, что я ничего с собой поделаться не могу.

– Найдётся время на небольшую вылазку в город? С меня шаверма с голубем и чай. А? Соглашайся, – я очень хотел, чтобы Тони поехал со мной.

Видимо, Тони понял, что для меня это важно.

– Поехали, – сказал Тони.

И мы поехали. Тёмное время суток – идеальное условие для того, что я задумал. А задумал я – кое-что проверить. Для начала мы поехали в сторону посёлка «Мирный». Через двадцать минут, выезжая из посёлка, следуя по односторонней дороге вдоль самого дальнего от центра города из трёх озёр, я остановил машину и, под предлогом того, что мне надо в мужские кусты, увидел то, что надеялся увидеть. Дальше мы направились в сторону ближайшего к центру города озера из трёх озёр, – тут мне даже не пришлось притормаживать, поскольку я разглядел всё, что хотел, в свете фар. Теперь через улицу Вишневого и мост «Миллениум» на другой берег реки Казанки, – в кебабную на улице Мусина. Моя голова немного полегчала и я включил музыку.

*«Aussi facile qu'elle est tender
Tu sais ce sont parfois les mots tres simples
Les plus difficiles entendre
Laisse-toi guider au bord des mots
Et regarde au bout de tes pas
Le gouffre profond o sont jetes
Toutes ces phrases qu'on ne dit pas
Tous nos silences je les...»*

Звуки мелодичной песни одной из моих любимейших певиц заполнили пространство автомобиля.

Около кебабной, как всегда, было полно таксистов и другого люда. Кое-как припарковавшись, мы зашли и заняли очередь. У меня начинался приступ лютого голода.

Через десять минут, предварительно набив рот шавермой, я обратился к Тони: «У меня к тебе просьба, давай сейчас съездим – заберём Калину и подгоним её к ГАИ на Модельной улице». «Зачем?», – Тони тоже наяривал шаверму. «Хочу снять её с учёта». «Продаёшь?». «Ага», – я проглотил последний кусок и запил уже остывшим чаем. Расслабленные от еды, мы решили взять в ближайшем круглосуточном магазине по бутылке безалкогольного пива и посидеть с этим пивом на остановке автобуса рядом с кебабной. Купив пиво и, не обнаружив свободного места на остановке, мы уселись прямо на бордюре около припаркованной машины. Вечер

субботы был вечером субботы. Толпы молодых и не очень людей – группами и поодиночке – но, непременно в подпитии, проходили перед нашими глазами. Вот группка школьниц, одетых как проститутки; вот школьники-мальчишки, идут, матерясь, как завсегдатаи ночлежек; вот кавказцы; азиаты; просто местное хулиганье; вот, пожалуйста, дамы в возрасте, пытающиеся запрыгнуть в символический вагон, в котором только что отъехали школьницы. Я видел, как Тони наблюдает за согражданами. Наконец он заговорил.

– Мы с тобой, конечно, можем считать себя лучше этих людей, но, подумав немного, становится ясно, что слово «лучше» и даже слово «умнее» не отражают сути вопроса...

– Что? – я со смешным звуком отлип губами от бутылки.

– Ха-ха! Я говорю, что каждый человек относительно каждого другого человека не находится на одной линии и, даже, на одной плоскости и даже, возможно, в одной системе координат. Вот что я хочу сказать.

Я сделал вид, что интересуюсь этикеткой пива Антона.

– Ты себе тоже безалкогольное взял? – шучу я по поводу философской волны, накрывшей Тони.

Я, конечно же, прекрасно понял, что хотел сказать Антон и мне были близки его выводы. Вечер был поистине прекрасен; именно о таких вечерах гредишь, когда вспоминаешь о лете.

Меня обуяла жажда деятельности, ибо только мои быстрые и слаженные действия могли сократить до минимума ве-

роятность моего низведения.

– Она на даче у тёти Вали? – было заметно, что Тони не горит желанием отправляться в путешествие на край ночи. – Как насчёт моих прав, а точнее отсутствия оных?

– Я уже подумал об этом, я буду следовать за тобой след в след и, если остановят, выйду и суну им в рожи своё удостоверение, плюс тысячу рублей, чтобы они не чувствовали себя униженными. Ок?

– Ок...

– Только в магазин надо заехать. Купить кое-какие продукты.

Через пятнадцать минут я уже летел с тележкой по рядам продуктового магазина «Перекрёсток». Тони остался ждать в машине. Я купил консервы, которые открывались без помощи открывалки, десять бутылок негазированной воды объёмом по полтора литра, сухие хлебцы, шоколадные конфеты, несколько «Сникерсов», три коробки апельсинового сока в удобной для питья упаковке, банку маслин, банку оливок, множество всяких видов орешков, несколько упаковок жвачки в пластинках и освежителей дыхания, пять упаковок влажных салфеток, ватные диски и ватные палочки, жидкое мыло, сухари и сушки, печенье, набор пластиковой посуды, бумажные салфетки, туалетная бумага, антиперспирант – три штуки, сухой; колбаса в вакуумной упаковке, мясная нарезка в вакуумной упаковке; вернувшись в отдел бытовой химии, я взял два тюбика зубной пасты, одну жидкость

для полости рта и зубную щётку. Подкатил к кассе, думая о том, чтобы ещё взять. «Всё остальное – завтра», – сказал я себе. Кое-как дотащив огромный пакет до машины, я положил вещи в багажник. Мы рванули в сторону дачи тёти Вали, за высоким забором которой стояла моя старая машина. Когда мы вошли на участок, я переложил пакеты с продуктами в багажник старой машины. Ключей от домика у меня по прежнему не было; в сарае были спрятаны документы и ключи от Калины, – к счастью, крысы, из хулиганских побуждений, не уничтожили их.

– А сколько дней можно ездить на машине после снятия её с учёта? – спросил я у Тони, когда он уже сидел в заведённой Калине.

– Пять. Но, если едешь в другой город, то всё-таки нужны транзиты, иначе дорога может стать золотой, – Тони закурил, жестом спросив, можно ли продолжить курить в машине.

– Поподробнее, пожалуйста. Вот я купил машину, имею на руках договор купли-продажи, дальше что?

– Вообще, теоретически, ты имеешь право перегнать машину в течении пяти дней с момента подписания договора купли-продажи... Мда... Но страховку надо оформить. Можно, на основании договора купли-продажи, купить ОСАГО на месяц. Да, на месяц...

– Понятно, поехали. Я буду ехать за тобой вслед. Через две минуты догоню.

– Ну, давай, жду, покурю пока, – Тони выключил зажига-

ние.

– Нет, ты потихоньку езжай, я тебя догоню.

– Ладно, как знаешь, – Тони завёлся и начал движение.

Я подождал пока Тони на Калине скроется за поворотом, потом сел в свою машину, завёл её, развернулся так, чтобы она передними фарами «смотрела» в сторону фонарного столба. Огляделся по сторонам, – поблизости никого не было, только через пару аллей доносились приглушённые вскрики пьянствующий сограждан. Я достал из багажника медную голову Гоголя и покрывало для лежания на пляже; пристегнул ремень безопасности водителя; на водительское сиденье, предварительно накрытое покрывалом положил мешок с цементом; открыл водительскую дверь; присев на корточки, рукой нажал на педаль тормоза, поставил рычаг в положение «D», отпустил тормоз и одновременно положил голову Гоголя на педаль газа; всё произошло быстро, – я резко отпрянул от машины, водительская дверь по инерции захлопнулась, когда машина, резко набрав скорость, через десять метров, врезалась в фонарный столб.

Мы подъехали к ГАИ, когда часы показывали час ночи. Дорожная полиция нас не остановила, хотя один экипаж мы встретили. Тони загнал Калину на ближайшую к ГАИ платную парковку. Я заплатил за неделю вперёд. Тони пересел ко мне, и мы уехали домой.

– А зачем тебе эта информация? – спросил Тони, когда

мы были на полпути к дому. – Тебе нужно просто снять авто с учёта, оформить договор купли продажи с покупателем и всё. Да и снимать с учёта сейчас не обязательно, если доверяешь покупателю. Ты доверяешь покупателю?

– Как самому себе.

Семь дней до аварии

«Будущее – это просто идея, которой мы пользуемся,

чтобы не жить настоящим»

Цитата из фильма

Будильник прозвенел ровно в семь утра, что само по себе и не странно, – ведь, ровно на столько, я его поставил. Я не стал терять время на философствования и, сразу начал собираться. Новая бритва полностью зарядилась. Я побрил лицо, затем всё остальное тело, включая руки. Затем я взял свою старую машинку, нацепил насадку в четыре миллиметра и прошёлся по бровям, – если кто-то спросит, что с бровями, скажу что спалил, когда разводил огонь для шашлыков, благо такое происходит сплошь и рядом (вспомнился эпизод из «Детство, отрочество, юность»). Я остался доволен новым прибором и, на всякий случай, положил его в сумку. Потом я подумал, что ещё слишком рано и можно подремать. Я поставил будильник на девять тридцать, лёг, но уснуть не смог. Пошёл на кухню, сварил овсянку на воде и вломил её в рот; когда мне кажется, что грозит опасность,

я начинаю правильно питаться. Десять процентов Пенелопы Круз, пятьдесят процентов Сальмы Хайек, десять процентов Лизы Эдельштейн, пятнадцать – Одри, ещё пять – Дебби, в лучшие её годы... Остаётся ещё десять? Тогда ещё десять Пенелопы.

Вопреки сложившейся традиции, мне не пришлось ждать Машу долго около подъезда, – когда я подрулил, она уже стояла у дороги, и мы без промедления отправились за покупками. В первую очередь мы поехали в дисконт-центр и купили там всё необходимое, кроме парика. Со стороны мы выглядели как обыкновенная парочка, прошвыривающаяся по магазинам. Когда я выбирал определённую вещь, то передавал её Мусе, а она шла в примерочную, я заходил вместе с ней и мерил. Уже через час у меня было две пары капроновых колготок, приталенный пиджак, кофточка на пуговицах, белая тонкая рубашка с высоким воротником, тонкий чёрный шейный платок, две пары следок и юбка. «Носите на здоровье», – напутствовала Машу продавщица на кассе. «Спасибочки-спасибочки», – ответствовала Муся. Из одежды оставалось купить обувь, – сабо на танкетке, кожаные, чёрного цвета. С этим было сложнее, потому что в обувном павильоне не было зашторивающихся примерочных, – все мерили обувь, присаживаясь на пуфики напротив зеркальных тумб. Найдя нужную модель и улучив момент, когда продавщицы отвлекутся разговорами друг с другом (покупа-

тельно от разглядывания своих ног не мог отвлечь даже пожар), я просунул, заранее приготовленную ногу, в женскую обувь. Попадание с первого раза, тридцать девятый – мой. За париком пришлось ехать в дорогой торговый центр, в исторической части города. Муся примерила парик перед зеркалом, – ей явно не шли прямые длинные волосы с чёлкой, а может я просто не привык к ней-брюнетке. Короче говоря, парик я померить не смог, пришлось купить без примерки. Парик, как я и ожидал, был самой большой статьёй расходов, – длинный натуральный некрашеный волос – двадцать восемь тысяч рублей, – продавщица сказала, что это не так уж дорого для такой модели.

Когда мы, наконец, купили всё что необходимо и погрузились в машину, Маша спросила: «Расскажешь, зачем тебе этот маскарад?» «Расскажу... Потом, – ответил я. – Давай я угощу тебя обедом, вместо благодарности? Здесь полно всяких заведений». «Нет, – ответила Муся. – Хорошо, что последняя остановка Центр, – мне как раз сюда было нужно, я прям здесь сойду. Тебе больше ничего не надо?» «Нет, вроде всё купили. Тебя домой не везти, что-ли?» «Нет, здесь сойду. Созвонимся позже», – Маша открыла дверь. «Я позвоню, спасибо тебе», – мне не хотелось отпускать Машу, я думал, что мы посидим где-нибудь и, я кратенько расскажу о своих планах. Но, тем лучше, когда я рассказываю о планах, всегда энергия на их реализацию куда-то девается. Маша ушла. Я посмотрел на часы на приборной панели, – опережаю гра-

фик. К режиссеру ехать было ещё рано, но я всё равно не торопясь покатыл в его сторону. Подъехав к дому по проспекту Камалеева, я нашёл место во дворе, где я никому не мешал, и достал компьютер, чтобы сделать записи последних событий и своих мыслей относительно них.

– Зубы. Зубы у тебя – что надо. Лёгкая кривизна придаёт сексуальности... Классической красавицы из тебя не выйдет... Девушка с изюминкой – да. Знаешь актрису Тильду Свитон?

– А точно! У нас одна судья работает... – я вспомнил оборотительную улыбку Регины Петровны.

– Знаешь ли ты, что японцы, которые впереди планеты всей, – нарочито беспардонно перебил меня режиссёр. – А точнее японки, специально искривляют себе зубы, чтобы выглядеть моложе, сексуальнее и... легкомысленнее что-ли... А легкомысленность и молодость сами по себе сексуальны, ты ведь не будешь спорить. Я уже не говорю о всякого рода накладках в виде вампирских клыков, которые крепят к собственным зубам с помощью стоматологического цемента, – я уже при первой встрече заметил, что дядю Пашу иногда, что называется, несло, он поднимал указательный палец вверх – в знак того, что он вещает и не терпит того, чтобы его перебивали, при этом он как-то вытягивался в струнку, выдавал какую-то информацию. – ...И, само собой, украшения своего зубного состава бриллиантами и стразами, – не сказать,

что данная особенность очень красила режиссёра.

Дядя Паша договорил до точки и, как-то сразу обмяк и погрузнел. Сделав ещё глоток из фляжки, он произнёс: «Твои зубы записываем в плюс, как и ресницы».

Он развернул мой стул к зеркалу.

– Что ты думаешь? – спросил режиссёр, нависнув у меня над правым ухом.

Я увидел размытое пятно на том месте, где у меня должно было быть лицо. Затем, когда зрение сфокусировалось, я увидел мужское лицо, размалёванное краской; я почувствовал приступ злости – злости на себя, на ситуацию, в которой я нахожусь, на ситуацию, в которой я скоро буду находиться, злость на эту дурацкую идею с переодеванием, злость на свою наивность, на свою мать, конечно и, немного на режиссёра.

– Что думаешь? – повторил свой вопрос дядя Паша.

– Думаю... Я думаю, что мне надо снова начать пить алкоголь, потому что в тюрьме такой возможности не будет. Вот что я думаю! – заорал я и занёс руку, чтобы сорвать с себя парик, но дядя Паша угадал моё намерение и поймал мои руки.

– А ты темпераментная штучка, люблю таких, – проговорил режиссёр деланно страстным голосом, по прежнему держа мои руки. – А теперь послушай меня, любитель Станиславского... Константин Сергеевич сказал: «Борьба между мужским и женским началом вечна, неиссякаема», – он

имел в виду вовсе не отдельного мужчину и отдельную женщину. Пока ты будешь думать над этим, я тебе расскажу ещё немного... Не фокусируйся на своём отражении. Не морщи лоб, – ты похож на мыслителя, – режиссёр осторожно отодвинул чёлку моих новых волос и аккуратно, лёгким прикосновением указательного пальца, разгладил поперечные морщины на лбу. Это незначительное мимическое преобразование, изменило выражение лица ниже бровей. Как он догадался про лоб, – ведь за сплошной челкой-пони морщины были не видны. – Ты должен начать взирать на мир женскими глазами. Женщины взирают, я настаиваю именно на этом слове, на мужской мир (мужской ли он в действительности?) как на глупую детскую игру, в которой они чаще всего не принимают участия, а если и принимают, то отдают себе отчёт в том, что это всего лишь игра, – интонация режиссёра гипнотизировала меня. – Знаешь, как мамыши, сидя на скамейках вокруг детской площадки, следят умилённым взором за своими бестолковыми мальчишками, следят за тем, как они играют в песочнице, играют в войну, играют в политику, в бизнес, в спорт. Мамаши их, очевидно, любят, поскольку нельзя не любить то, что сам произвёл на свет. В этом и кроется причина того, что женщины «принимают мир таким, какой он есть», в отличие от мужчин, которым всё время нужно что-то изменять сообразно своему дурному вкусу. Женщины принимают мир и имеют своё собственное представление о реальности и о фантазии, потому что сами создали всё, что

вмещает Всё. Разумеешь мою мысль?

– А? – я очнулся от повышенного внимания. – Да тут не одна мысль, – я смотрел на отражение и, оно мне не казалось безобразным.

– Вижу, ты ещё не до конца вник, – режиссёр снова сел на свой раскладной стульчик справа от меня. – Улови самое главное – смотри открыто, люби всё, что ты видишь, ведь ты всё это создал, ты всё это родил.

– Я всё это создал, я всё родил... Бог – женщина, – неожиданно для самого себя произнёс я.

– Если допустить, что он вообще есть, то – да – женщина, – произнося эти слова, режиссёр вновь поднялся со своего стульчика, двумя пальцами одной руки взял меня за подбородок, а ладонь другой руки положил на затылок и, медленно и аккуратно придал моей голове такое положение, при котором я стал смотреть как-то исподлобья, при этом у меня сделался какой-то упрямо-капризный вид. – Вот так держи голову, так меньше вероятность, что кто-то заметит твой кадык, он у тебя, к счастью, не слишком заметный, да и платок у нас имеется... У тебя при такой постановке головы немного упрямый вид, даже капризный, но мужчинам нравятся такие девушки. Вообще нужно привыкнуть нести свою голову, как цветок на стебле, на длинном тонком стебле...

– И вот представь: ты от него во многом зависишь, и тут он ловит тебя на наглom вранье, аккуратно берёт тебя за гор-

ло и припирает к стенке, и, страшным-страшным голосом спрашивает: «Ты ведь всё врёшь, конфетка!..» Ты закрываешь глаза и... Закрой глаза и представь ситуацию, а когда откроешь, я хочу видеть страх.

Слова застряли у меня в горле, только голова отрицательно покачала. Кажется, у меня получилось.

– Отлично, – одними губами произнёс режиссёр.

– Собирайся, поедем, прокатимся, у нас ещё есть дела.

– Как! – взвизгнул я. – В таком-то виде?! – я как-то совсем забыл, что мне всё равно нужно фотографироваться на поддельные документы. Я оглядел себя с ног до головы в большое зеркало, повернулся боком, похлопал себя по, слава Богу, плоскому животу и сказал: «Поехали». А режиссёр мне сказал: «Теперь говори шёпотом, – пусть думают, что у тебя болит горло. А к моменту «дебюта» лучше бы сорвать голос».

Через две минуты мы отъезжали от театра. Для того чтобы усесться за руль, пришлось отодвинуть сиденье и отрегулировать по вылету руль, – танкетка сабо увеличила мой рост почти на десять сантиметров. Я чувствовал себя превосходно, что меня немало удивляло.

– А вы что без машины, дядя Паша? – начал я непринуждённую беседу как будто охрипшим голосом.

– У неё срок страховки истёк, да мне она и не нужна. Я же всё время бух или под кайфом.

– Вам в творчестве помогает опьянение?

– Не знаю. По крайней мере – не мешает. Я вот смотрю на тебя, – сменил тему режиссёр. – Ты инстинктивно знаешь, как нужно себя вести, не сочти за оскорбление.

– Наверное, это потому, что я очень люблю женщин, – сказал я и непринуждённым жестом откинул прядь волос от губ.

Вот мы и приехали, – от театра юного зрителя до пешеходной улицы Баумана всего две минуты ходьбы, а езды – все восемь. Я припарковался, однако мой режиссёр не спешил выходить. Я приготовился слушать и запоминать.

– Возможно, когда мы выйдем из машины и пойдём гулять, ты ощутишь противоречие. Это произойдёт из-за того, что идеальный образ, который ты держишь в голове, не совпадёт с тем, который ты увидишь в отражении в витрине, от этого ты испытаешь отвращение к себе, а твоя уверенность сменится самой настоящей паникой. С такой ситуацией почти невозможно бороться и твоя задача просто её не допустить. Сейчас ты выглядишь на четвёрку с плюсом для самого себя, а в глазах зрителя этот образ идеален, как и в твоей фантазии; ненавязчиво поддержать эту иллюзию – твоя сквозная задача.

Я тяжело вздохнул в знак того, что хочу услышать больше.

– Для того чтобы всё прошло удачно, тебе не обязательно отождествляться со всеми женщинами мира, достаточно той одной, той, которая продаёт Ягуары и Лэнд Роверы.

Я понимал, что всё главное и второстепенное уже сказано

и усвоено. Мне необходимо было сыграть роль, самую главную роль в моей жизни, от успеха которой зависело – будут ли другие роли. Тут нужно что-то большее, чем просто смелость и просто удача; мне нужен особый сорт вдохновения, возможно, тот самый, который присущ сказочной птице, которая поёт свою единственную песню, или форели перед нерестом. В моих силах было сделать всё по правилам. Если я выкручусь, тогда у меня будет куча времени, чтобы подумать над тем, как одно событие накладывается на другое, подумать над Провидением, Судьбой, Удачей, Богом, Санта-Клаусом и Розой Люксембург. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида, потом перевёл взгляд на моего спутника и улыбнулся очаровательной улыбкой.

– Так-то, – сказал режиссёр и коснулся костяшкой указательного пальца до моего подбородка. – Теперь идём по магазинам, по фотоателье и по всему что нужно, а потом ты угостишь меня едой и выпивкой в одном тихом уютном кафе, в котором по воскресеньям полным полно людей. И вот ещё: когда будешь фотографироваться на документы, расправь совсем немного ноздри и слегка прикуси щёки, как будто у тебя нет зубов мудрости.

– Прикусить щёки изнутри? – зачем-то спросил я.

– Ты отлично соображаешь! Да, изнутри.

Я сделал вдох. «И спокойное проникновение вглубь может быть вдохновением. И лёгкая свободная игра со своим чувством может стать вдохновенной. И мрачное, тяжё-

лое осознание тайны бытия – вдохновение». Итак, оставив Сверхзадачу и Сверхсверхзадачу на потом, я целиком положился на «магическое «если бы». Ближний круг внимания – ON. Публичное одиночество – ON. Выходим в Свет. Action!

Половина десятого вечера того же дня.

– Здравствуйте, примете меня сегодня?

– Только по записи, извините, – ответил татуированный и пирсингованный парнишка.

– У меня крайне скромные запросы: маленькая переводная татуировка в стиле примитивизма, ненастоящая, временная... Уверен, это не займёт много времени. Очень прошу вас... Боюсь, что она мне крайне необходима к завтрашнему дню.

– Ну, хорошо, проходите, – парень взглянул на часы.

Я уселся в кресло и закатал штанину.

– Вот на этом месте, пожалуйста. Я тут специально сбрил волосы.

– Что собой должна представлять тату?

– Голова робота Бендера Родригеса. Что может быть проще, – всего несколько штрихов.

– Ок.

– И ещё: у вас наверняка, есть старая ненужная машинка для татуировки. Я бы хотел купить такую...

Не знаю, сколько времени я шатаюсь по этому городу с це-

лью найти новый дом для моих птичек. В одной руке огромная клетка, в другой гроздь винограда, – время от времени я отрываю одну виноградину и скармливаю его Сашеньке. Кешка от винограда отказывается. Меня не очень удивляет, что маленькая птичка целиком проглатывает виноградину. Все кого я знал или не хотели брать птичек или не заслуживали моего доверия. Отчаявшись найти новый дом для попугаев, я повернул в сторону жилища. Дойдя уже до последнего поворота, я заметил огромный особняк с тонированными стёклами и, меня осенило. Конечно, это же особняк великого русского писателя Александра Пушкина! Вот ему я точно могу доверить заботу о моих «дурачках на палочке». Я позвонил в калитку. Почти сразу из глубины сада появилась толстая служанка-негритянка в чистом белом переднике. «Что вам?» – спросила она с сильным акцентом. «Позовите Пушкина, мне надо с ним переговорить», – сказал я. «Кого?! Нет здесь таких! Я плохо понимать по-русски... Уходить... Не понимать... Я совсем не говорить русский...» – она замахала руками и развернулась. Для меня было очевидно, что Пушкин на месте, просто он не желает никого видеть; я его прекрасно понимал. Я должен во что бы то ни стало добиться аудиенции.

– Постойте, скажите, что его хочет видеть (я назвал своё имя), он должен меня знать. Я – писатель. Просто передайте ему мои слова.

Негритянка скрылась за дверью. Довольно скоро дверь

вновь отворилась. На этот раз вышла стройная блондинка и на хорошем русском сказала: «А, (она назвала моё имя)! Я сейчас вас впущу, подождите», – она дошла до кованой калитки и открыла её, набрав код на электронном замке. «Какие хорошенькие», – она просунула палец в клетку, когда я проходил в калитку. «Спасибо», – ответил я. Секретарь проводила меня в гостиную на втором этаже и велела ждать. «Александр Сергеевич не любит соприкасаться с внешним миром, это плохо для творчества», – сказала она, выходя из комнаты. «Понимаю», – ответил я. Я поставил клетку на пол, рука у меня отнималась; оставшийся виноград положил на подоконник и стал смотреть в окно. Через несколько минут я услышал, как открылась дверь. Я обернулся и увидел толстую горничную-негритянку. Я с недоумением посмотрел на неё. Я было собрался открыть рот, чтобы высказать своё замешательство, но заметил за её могучим телом какое-то движение. Я сделал два шага в сторону, чтобы видеть негритянку под другим углом, – за её спиной прятался Пушкин.

Шесть дней до аварии

«Все мы – дилетанты, мы живём недостаточно долго, чтобы стать чем-нибудь большим»

Цитата из фильма

Приготовив две монеты по десять рублей на кофе, я, естественно опаздывая на добрых полчаса, зашёл в здание суда. Кофе, по понятной причине, я не попил. Не обращая вни-

мания на портрет Петрика и гвоздики, я прошёл на своё рабочее полулежачее место. Очевидно, что все были потрясены случившимся, слишком много смертей за короткий период. Слишком мало, чтобы не скрывать улыбки. Смерть – это сплетня высшего сорта. Отлично сказано... мной. Полчаса назад, стоя в пробке на мосту Миллениум, я позвонил Енисею, которого вы конечно помните. Я задал Енисею простой вопрос: «Где находятся ваши ближайшие конкуренты?» Он обещал перезвонить. Через десять минут, когда я уже стоял на последнем перед судом светофоре, Енисей перезвонил и сказал, что их ближайшие конкуренты находятся в соседней республике Марий-Эл, а точнее в столице этой республики – Йошкар-Оле. Дал адрес – улица Гагарина дом двадцать один. Улица Гагарина есть даже в муравейниках. Это ли не показатель славы?

Московское время – семь часов вечера. Я на полпути в Йошкар-Олу. В качестве таксиста я бывал в этом городе. От Казани до Йошкар-Олы примерно двести километров. Дорога не слишком плохая, поэтому я ехал быстро. Кстати сказать, моё удостоверение «невиновного» не действовало за пределами Татарстана, поэтому приходилось чтить ПДД. Это к слову. В двадцать часов вечера я уже разговаривал с уполномоченным по вопросам подделки удостоверений личности, уполномоченный крутил в руках фотографии некой девушки, которые я ему передал и говорил, что в

данный момент у них совершенно нет бланков, потому что хороший поддельный паспорт непременно печатается на настоящем бланке, предварительно украденном заботливыми паспортистками или их подельниками. Я отказывался понимать суть сказанного, потому что от положительного ответа зависела моя жизнь, и я считал, что если я не буду понимать суть сказанного, то и проблемы никакой нет. Но мне пришлось-таки врубиться... Тогда я схватился за волосы и выбежал на улицу, покрыв матом всю Марий-Эл в общем и каждого жителя в частности, забежал обратно с сиянием в глазах и спросил: «А что если я добуду чей-нибудь паспорт?» Уполномоченный по подделке ответил: «Это вариант, мы бы могли заменить фотографию, но учтите, что если этот паспорт объявлен в...» «Ладно-ладно», – прервал его размышления я. Мне, в конце концов, просто надо бежать из одной отсталой страны в другую, причём не на самолёте и не поездом. «Не пользуйся общественным транспортом», – звучал голос Регины где-то в области простаты.

– Да, – решил для себя я.

– Что «да», – спросил уполномоченный.

– Я дам вам паспорт, а вы туда вставите эту фотографию.

– Вставим, не сомневайтесь, – заверил меня уполномоченный.

– Самый быстрый срок, за который вы сделаете работу?..

– Сутки.

– Я прошу индивидуальный подход. Я плачу столько,

сколько вы скажете. И ещё: вы приедете за паспортом в Казань, а потом доставите готовый паспорт в Казань, – я пристально посмотрел на уполномоченного.

– Довольно популярная дополнительная услуга, – ответил он.

– Я так и знал.

– Послезавтра, или, крайний срок послезавтра, я позвоню и в течение двух с половиной часов хочу видеть курьера в точке в Казани, которую я назову, – я держался как человек, у которого нет лишнего времени; я и был этим человеком.

– Да, – по всем пунктам согласился уполномоченный. – Водительские удостоверения интересуют? Бланки есть в наличии.

Мы ударили по рукам, а ещё я оставил предоплату, и за водительские права тоже.

На обратном пути из Йошкар-Олы (надоело писать это слово) я набрал номер своего брата Мстислава. Когда Мсти подошёл к телефону, я не терпящим возражения тоном сказал: «Мсти, бросай все свои детские дела и езжай к папе в его загородный недостроенный дом. Переверни там всё верх дном, но найди паспорт...» (который однажды ночью, семь лет назад, какая-то пьяная тётя забыла в автомобиле папика, вместе с сумкой, пятью тысячами рублей и косметикой) «... на имя не помню кого, но там блондинка лет тридцать!»

– А что мне за это будет? – ожидаемо спросил Мсти.

– Тебе за это будет моё старшебратское уважение до конца этого года и компенсация всех накладных расходов, включая пиво в поезде Петербург-Казань, когда ты передашь мне документ на железнодорожном вокзале в городе Казани.

– Давай так, – приступил к согласованиям Мсти. – Твоё старшебратское уважение и I-pad Retina с 3G и памятью на тридцать два гигабайта.

– Ах, ты поц! Тебе надо I-поц со встроенной плойкой для пейсов! – ради юмора сказал я.

– Да или нет, высокий голубоглазый ариец, да или нет? – форсировал переговоры братец.

– Да, – согласился я. – А теперь займись делом незамедлительно. Возьми деньги у мамы, сколько даст, вызывай самое быстрое такси в Питере и ищи паспорт, потом на вокзал – за билетом... Напряги папу, пусть поможет искать паспорт. Скажи вопрос жизни и, мать её, смерти. Все расходы плюс I-поц, понял?! Как найдёшь паспорт – звони. Звони в любой час дня и ночи. В любую ночь часа или дня! Всё, отбой!!!

Музыку громче. Моя машина влетела в пределы Казани, как сперматозоид в яйцеклетку. Как сказала Масыня: «I want to жить...»

Пять дней до аварии

Вторник. Смерть Петрика от выстрела в голову принципиально отличалась от смерти Родионова от сердечного приступа. В связи с этим следователи допрашивали всех встреч-

ных и поперечных. Убийство судьи – это вам не трах в жопу (слишком много идущих подряд согласных на стыке слов) бутылкой шампанского какого-то бродяги, это совсем другое дело. Если правящий режим не может обеспечить судьям смерть в собственной постели от ожирения или старости – это повод для беспокойства.

– Что вы сказали про правительство, – переспросил следователь, когда пришла моя очередь исповедоваться.

– А? Я говорю, что... что... президент верно расстроился, когда убили судью, – сказал я, не сводя глаз со своего телефона и одновременно стирал краску с пальцев влажной салфеткой.

Весь состав суда стирал краску с пальцев.

– А откуда вы знаете, что Петрик был застрелен?! Это ведь не разглашалось в интересах следствия! – взвился один из ведущих допрос следователей.

Я испугался и потерял дар речи. Неужели я проболтался о том, что знаю, что Петрика пристрелили?! То, что он был убит знали все, но то, что застрелен...

– Откуда я помню, что я знаю, что Петрик... Я... Ты... – закоротило второго следователя, и я понял, что они так блефуют с каждым из допрашиваемых, и что я вовсе не проболтался.

Пришло сообщение от Мсти. На экране I-phone, сообщение видно сразу, его содержание: «Я нашёл! Уже взял билеты. Поезд сегодня в шестнадцать часов. Папа переживает».

Следователь схватил мой телефон и ознакомился с содержанием сообщения.

– Кому вы собирались мстить? Петрику? – обличительным тоном спросил умеющий читать чужие сообщения следователь.

– Мсти – мой младший брат, полное имя Мстислав, в честь Растроповича, – пояснил я.

– А почему Мстислав, а не Растропович, раз уж в честь Растроповича? – снова пытался уличить меня во лжи следователь.

– Растроповича звали Мстислав, – без лишнего выпендрёжа, объяснил я.

– Будем считать, что мы вам поверили, – двусмысленно, насколько позволял его куриный мозг, сказал следователь. – А что ваш брат Растропович нашёл?

Мне надоел этот цирк, и я начал глумиться над этими персонажами мультфильмов по имени Детектор Лги и Цап Царапыч:

– Он на днях девственность потерял, а сейчас нашёл. Взял билет до Москвы, чтобы показать находку по центральному телевидению. А папа переживает... Ну, а вы бы за своего сына при таких обстоятельствах разве не переживали?!

– Вы нас считаете идиотами, молодой человек? – спросили они почти хором.

– Ни в коем случае!

Через пять минут.

– Где был? Кто может подтвердить?

– Дома. Мама, Иннокентий, Александра.

– Кто такие? Где работают? За кого голосовали?

Рабочий день пошёл насмарку: прочитал меньше пятидесяти страниц художественной литературы. Ствол, видимо, ещё не нашли.

Я переживал, что до конца рабочего дня не успею встретиться с Региной Петровной, но за пятнадцать минут до конца допрос меня закончился. Я взвился по лестнице на этаж, где находился кабинет Регины. Постучал и вошёл в приёмную. К счастью у неё не было заседания. Помощница пошла доложить о моём приходе. Регина согласилась меня принять. Войдя к ней в кабинет, я поздоровался и жестом спросил, могу ли я говорить не боясь того, что нас кто-то услышит (Бонд, Брук Бонд...). Она кивнула.

– Мне нужен юрист, которому я могу доверять. Лучше адвокат, – сказал я.

Регина Петровна взяла своё «Яблоко» и начала перебирать контакты. Найдя нужный, набрала номер и заговорила:

– Алло, Тимур. Тимур, ты сейчас свободен? Нет. Жаль. А когда? Завтра... У меня есть клиент для тебя, – Регина прикрыла рукой микрофон и обратилась ко мне. – Завтра в обеденный перерыв.

Я кивнул.

– Завтра в час дня... Час десять. Рядской садик. Передам. Спасибо, – положила трубку. – Всё понял? Запиши номер

Тимура.

Четыре дня до аварии

«Если тебя ненавидели, значит и любили тоже»

Из фильма

«Допросы, допросы, опять допросы...» В час десять пополудни я припарковался у входа в Рядской садик, что в нескольких минутах езды от суда. С нуля до четырёх лет я с родителями жил напротив этого парка, в деревянном двухэтажном доме в коммунальной квартире; этот дом давно снесли, а на его месте построили красивое шестиэтажное элитное жильё. Именно по аллеям этого парка я гулял с мамой, будучи совсем маленьким. Мама-то прожила в этом месте двадцать шесть лет. У меня был велосипед типа «Жук», – красный с чёрным, с широким сиденьем обитым чёрным дерматином и с подпоркой для спины, на котором я катался по аллеям Рядского садика. Однажды на прогулке я обкакался; мама сняла с меня грязные трусы, а колготки и шорты снова надела. Я крутил педали в сторону дома и ванной в одних колготках и шортах, а мама шла впереди с моими обкаканными трусами в руке. Я и потом иногда обкакивался (последний раз даже будучи женатым человеком), но тот раз был особенный, если вы понимаете... В те года я был уверен, что в зарослях кустарника, что недалеко от бюста Горького, обитают матрёшки.

Я увидел знакомое лицо, – того самого красавчика-адво-

ката, которого до этого видел дважды. Скрестил пальцы на удачу, чтобы этот самый Тимур оказался он, и набрал номер, данный мне Региной. Пошли гудки, Красавчик вытащил из кармана телефон и сказал: «Алло!»

В пятнадцать часов пятнадцать минут (удача при мне) мой второй телефон осветился звонком от Мсти. Он прибыл на вокзал. Я продиктовал ему свой домашний адрес и проинструктировал по поводу передачи паспорта курьеру из Йошкар-Олы. Позвонил маме, чтобы она впустила Мстислава в мою комнату. В восемнадцать часов ровно я вышел из здания суда. В этот же самый момент Мсти передал паспорт курьеру из соседнего региона (я их свёл посредством телефонной связи) в районе двух детских садов, примерно в том месте, где мы беседовали с Региной Петровной, сидя в её машине. Мне предстояло узнать почём фунт пробок, прежде чем я увижу во плоти своего брата. Через пятьдесят пять минут я вошёл в дверь квартиры и увидел Мсти и маму на кухне, они разговаривали и пили чай. Мсти показывал маме на телефоне какие-то фотографии. Мы обнялись с братом. Я умылся и переоделся. Дела были вроде бы сделаны, поэтому мы решили выехать в город.

Первым делом мы отправились в торговый центр, где я купил Мсти обещанный «яблочный» продукт. Сидя в ресторанном дворике и обмывая покупку, я также оплатил Мсти

все накладные расходы, связанные со спонтанной поездкой. Осталось компенсировать моральный вред, а для этого у меня имелся первоклассный (как его обозвал Шамиль) гашиш. Я набрал номер Маши, – к счастью она согласилась нас принять, правда, только после двадцати двух ноль-ноль. У нас была уйма времени, а именно час и двадцать минут, и мы сидели и болтали о том о сём.

– Билет обратно взял? – задал я последний на сегодня касающейся дела вопрос.

– Да, завтра в два дня.

– Сам поедешь на вокзал, я должен быть на работе, – предупредил я Мсти.

Мсти изрядно нагрузился пивом в ресторанным дворике, но по его виду этого нельзя было сказать. Мы с Мсти сильно пили только однажды, и меня ещё в тот первый раз удивила способность Мсти держать себя в руках и вообще никак не выдавать своё сильнейшее опьянение. Я сам уже бормотал всякий бред, когда как Мсти рассуждал как трезвый и умный. И сейчас, после четвёртой пол-литра, мой пятнадцатилетний брат был как будто трезв. Надо сказать, что в свои пятнадцать лет, Мсти выглядел не намного младше меня. Поэтому, хоть покупка и употребление алкоголя с несовершеннолетним лицом и является преступлением, всё равно никто на это не обратит внимание.

– Ты ведь не накушаешься до положения риз?! Не опозоришь меня перед моим другом Машей?! – деланно строго

спросил я у брата.

– Текет изи, мэн, я из Питера, – я в любом состоянии культурнее, чем вы.

Мстислав ковырялся в I-pad'е, подключившись к местному Wi-Fi, и балагурил. Про паспорт ни о чём не спрашивал, наверное, ждал, что я сам расскажу, но я не касался этой темы. Об отце мы тоже не разговаривали, но можно представить, что проницательный папик догадывается о том, что один из его сыновей влип по самые кисточки ушей.

– Ну, всё, рванули, к Мусе, – сказал я. – Давай мне бит, чувак, мы сегодня празднуем!

Мы заглянули в алкогольные ряды и купили бутылку текилы, а также лаймы и замороженную пиццу. На парковке торгового центра Мсти заметил, что передний бампер моей новой машины разбит.

– У тебя и на старой машине точно так же было! – сказал он.

– Ага, это рок!

– Этот бампер тоже от мороза треснул? Ха-ха!

– Ага! Ох уж эти знаменитые казанские августовские морозы! – со смехом сказал я.

Мы сели и пристегнулись. Мсти был воодушевлён.

– Дай-ка своё «яблоко», – я наберу Эн, – поздороваюсь, – сказал Мсти.

Я дал трубку.

– Какой код? – спросил Мсти.

– Двенадцать ноль восемь.

Мсти сосредоточился на звуках в трубке.

– Алло! Да, это я. Ну что? Теперь ты согласна заняться сексом?

Я совершил бросок к своему телефону, но Мсти удалось увернуться.

– Какого чёрта ты делаешь, козёл, – зашипел я.

– Держи, – кинул мне в руки трубку Мсти. – Я пошутил.

– Ах ты, негодяй! – выдохнул я с облегчением. – Я ж поверил.

Мсти предложил:

– Включи что-нибудь заводное, типа: «Моя Москва – здесь решают вопросы...»

– Я знаю круче: «Моя Казань – здесь решаются споры, моя Казань – здесь чак-чака горы!.. Йоу!..» Нет! Врубаю классику! – я покрутил свой старенький I-rod и отыскал, что хотел.

Машина наполнилась чудесными звуками нашей с Мсти любимой питерской группы:

«Тема, тема – это реальная тема.

Меня поддоставала вся ваша система.

Какой-то мрак всё разложено по полкам.

Бороться с этим 0 бесполезно, нету толка».

Мы синхронно поводили головами в такт музыке.

*«Можно быть волком, да и то не долго,
Я почти один, а паразитов вон сколько.
Всё так гладко, что становится гадко,
Правда, слова – анархия мать порядка».*

– Е-ху! Чувак, давно не слушал «Кирпичей», – перекрикнул магнитофон Мсти.

*«У тебя всё так мило, всё так благополучно
Иди ты на... мне с тобой скучно.
Тебе здесь не место, мне с тобой тесно,
Мы не вместе – это песня про тесто».*

К куплету:

*«Меня не подомнёт ваша сраная машина.
Я живу жизнью простого гражданина.
Моя жизнь проста и иногда скучна,
Во всяческих трудах протекает она».*

– мы подъехали к дому Муси.

– Сейчас познакомишься с моим другом Машей, – сказал я.

– Ага, а Маша познакомиться с твоим братом Мстиславом, – сказал Мсти.

– Ты прям экстрасенс!

Обстановка с первых секунд стала замечательная. После первой плюшки я так воодушевился, что начал отличать ремесло от искусства. Мы ходили гоголями вокруг Маши, я – Николаем Васильевичем, Мсти – птицей. Орали, пели, матерились, смеялись, слушали музыку, катались по полу. Подключились новой игрушкой Мсти к Машиному Wi-Fi и смеялись над картинками со страницы в контакте Мсти. Я, будучи обкуренным до полусмерти, подавился воздухом, а Мсти, обкуренный до полужизни, едва не реинкарнировался в кофемолку. Маша с высоты своего нарко-опыта, снисходительно смотрела на нас и на себя (!) с высоты мотылька, порхая вокруг люстры. В какой-то момент я изобразил из себя строгого человека, взял из рук Мсти планшет, поковырялся в нём и изрёк: «Надеюсь, молодой человек, вы будете использовать эту электронно-вычислительную машину для самообразования. Вот смотрите: это – клитор», – с этими словами я развернул планшет к зрителям. Мсти так смеялся, что его едва не вырвало.

Спустя какое-то время. Последние пять минут мы беседовали о птицах, в частности о моих «попках».

– Я же не Николай Дроздов, и не Дрозд Николаев; я действительно не знаю, что у них на уме, – резюмировал я.

– Ооох, надо бы завязывать с этой штукой... Дурная привычка, – рассуждала Муся о своём.

– Просто ты девушка-привычка, девушка-привычка – это

ты! Трам-пам-пам-пам... – веселился Мсти.

– Эту вредную привычку не стоит указывать в анкете при приёме на работу, – подмахнул я.

– Прочитай книгу Алана Кара: «Как я умер от рака», – пошутил я.

– Ха-ха-ха... А! А-а-а! – засмеялась красавица-Муся. – Кофе? Чай?

– Кофе, – хором ответили мы с братом.

Муся встала, подошла к кухонному шкафчику, достала кофемолку... да, достала кофемолку, насыпала в него кофе, включила в розетку, нажала кнопку, – кофемолка начала молоть. «Что ты мелешь кофемолка?! Я сбежал из книжной полки, я кричу из под обломков...»

– Понюхай, как пахнет, – Муся приблизила открытую кофемолку к моему носу, потом к носу Мстислава.

Я сделал осторожный вдох, боясь вдохнуть сам кофе.

– Да... Вкусно. Мне две дорожки, пожалуйста, – сострил я.

На кофемолке была надпись: «Scarlet».

– А знаешь, что я сейчас вспомнил. Мне этой ночью приснилась Скарлет Йохансон... Представляешь? – ошарашено проговорил я.

– Угу... – Муся занималась кофе.

– ...с огромным членом, – закончил я мысль.

Мсти хлопнул себя по колену, собираясь снова выпасть в осадок, но мой серьёзный вид заставил всех нахмуриться.

Спустя какое-то время.

– Ты так похож на мексиканца... Маленький... эта твоя рубашка, кожаная сумка с... наркотиками, – серьёзно проговорила Муся.

– Пор фавор, Мария! Не при ребёнке! – умоляюще ответил я, показывая рукой на, опрокидывающего очередную стопку текилы, Мстислава. – Марка моей сумки звучит, как имя одной из жён Хэма, кстати...

– Ты говорил.

– Разве?..

Маша, смеясь, спросила:

– Мсти, скажи что-нибудь по-петербургски!..

Мсти призадумался, а потом сказал:

– Поднесите мне, пожалуйста... шаверму... Я тут: лежу около бордюра.

На обратном пути мы с Мсти продолжили слушать песни, на которых выросли, я до ста с небольшим сантиметров, а Мсти до ста с большим.

*«Трэш и угар, я люблю развлекаться,
Предъявите документы, давайте братцы,
Ты же был зайчиком до недавних пор
Что ж тебя стабильно так тянет в хардкор?
Бабосов нема, воровать неохота,
Может быть просто найти себе работу?»*

*Нет уж спасибо, бац! ты уже бежишь,
Они за тобой – "Куда ты мальши?".
Бац, нифига не видно, ощущаешь движение?
В багажнике машины, напрягай воображение,
Кругом одна измена, враги и там и сям,
Ой ты блин комик Евгений Петросян.
Бац, ты на дороге, надо делать ноги
Опять чуть не влип, хвала вам о Боги.
И так каждый день.*

*С утра я просыпаюсь думаю – "Не фига себе! вот я раз-
влекаюсь".*

*Сigaretы дым и огонь – вода
Вот так я развлекаюсь...
Красные глаза – это ерунда
Вот так я развлекаюсь...
Утро наступает это не беда
Вот так я развлекаюсь...
Больше никогда не занесет сюда
Вот так я развлекаюсь...»*

Мама, как я и думал, заранее разложила мой диван, чтобы мы с Мсти могли сразу с порога упасть и уснуть. Засыпая, Мсти пробормотал: «Мстислав-стакан передаёт всем привет... Поль, не говори моей маме, что я лёг спать, не почистив зубы». До рабочего дня оставалось шесть часов. Вот так мы развлекались, спасибо моему другу Маше.

Три

«Никогда не теряйте себя самого на сцене»

К. С. Станиславский

Как ни странно, но я пришёл вовремя на работу. Прошёл в зал заседаний и сел на свой раскладной стул. Первое заседание было назначено на послеобеденное время. Я придвинул стул к стене, чтобы был упор для головы и закрыл глаза. Потом я решил немного почитать. На «Яблоке» открыл файл и начал читать главу о сверхзадаче писателя. Первые же абзацы несли глубочайший смысл: «Достоевский всю жизнь искал в людях Бога и Чёрта. Это толкнуло его к созданию «Братьев Карамазовых». Вот почему богоискание является сверхзадачей этого произведения.

Лев Николаевич Толстой всю жизнь стремился к самоусовершенствованию, и многие из его произведений выросли из этого зерна, которое является их сверхзадачей.

Антон Павлович Чехов боролся с пошлостью, с мещанством и мечтал о лучшей жизни. Эта борьба за нее и стремление к ней стали сверхзадачей многих его произведений».

Я свернул текст и задумался над вероятной сверхзадачей моих произведений, если я стану писателем. Какая-нибудь эгоистическая сверхидея подойдет. Или сверхэгоистическая идея?.. Или что-нибудь связанное с непротивлением счетам оплатой... Зазвонивший телефон прервал мои размышления. Это был мой адвокат. «Здорово, – у меня есть свой ад-

вокат!» – подумал я.

– Поль, это Тимур. Я заключил договор страхования жизни от твоего имени. Бенефициар – твоя мать. Сумма, как и предполагали... Всё в порядке. Пока.

Я снова закрыл глаза. Снова зазвонил телефон. Это уполномоченный по подделкам.

– Поль, всё готово. Как договаривались, в десять вечера на том же месте, где встречались с твоим братом? У вашей девочки довольно странная фамилия...

Я снова облокотился на стену. Всё это чёткое движение стоило изрядных денег. К вопросу о дополнительных заёмных средствах: сейчас самое время посетить отделения тех банков, которые мне одобрили кредиты. Если читатели помнят, то в первый день мне одобрили один кредит на девяносто тысяч, и я сразу получил деньги. В течение последних рабочих дней позвонили ещё из двух банков: в одном дают сто пятьдесят, в другом – сто восемьдесят. Самое время «самовольно покинуть рабочее место» и заняться своими личными делами.

Первым делом я заехал в страховую компанию и купил полную страховку для своей Феи. Выйдя из страховой конторы, я набрал номер Мсти, чтобы убедиться, что он не проспит поезд. К моему удивлению, Мсти был не только на ногах, но бодр и весел. Я в очередной раз подивился его (анти)алкогольной устойчивости.

Тут же в центре были отделения одоббивших кредиты банков. Один из них выдал кредитную карточку, которую я тут же выпотрошил.

К двум часам дня я был на своём рабочем месте. Хотя, кого это волновало...

В двадцать два часа десять минут я сидел перед своим Vaio в своём кресле. Кеша и Саша сидели на клавиатуре и выпученными глазками смотрели на кадр из фильма Элегия. Я засунул палец в рот и издал чпокающий звук, – птички синхронно вздрогнули и обернулись на меня. Кеша снова отвернулся к экрану, а Александра продолжала следить за мной.

– Эй, Сашка – мелкая какашка, эй, Кешка – мелкая ка... кешка! – позвал я своих друзей.

Я открыл паспорт. У «моей девочки» действительно была странная фамилия: «Булавка». Украинская, наверное. Место регистрации: Владивосток. Улица Лагутенко, дом сто девять, квартира тридцать один. «Лучше и пожелать нельзя! Это почти как на Луне», – подумал я. Включил ещё один светильник и внимательно рассмотрел страницу с фотографией. Права категории «А», «В» и «С», – госпожа Булавка, при желании может водить маршрутное такси, как мило. «Как настоящая», – подумал я о человеке на фотографии. «Как настоящие», – подумал я о документах. Полностью удовлетворённый качеством своего нового паспорта, я прилёг на диван. В душе, помимо ставших обыкновенными волнений,

появилось чувство, что я о чём-то забыл. О чём-то принципиально важном. «Хм... хм...»

Два

«Мы не можем вырвать из книги нашей жизни ни одной страницы, но мы можем бросить всю книгу в огонь»

О. Уайльд

Пятница. Рабочий день прошёл в каком-то тупом оцепенении. Не исключено, что таким образом мой мозг боролся с невероятным страхом. Последние дни, несомненно, сделали из меня другого человека; точнее, от старого меня не осталось ничего, а новый ещё в процессе формирования. Почему я там пессимистично смотрю на своё будущее, ведь я ни разу ещё не погибал?.. Когда я возвращался с обеда (война войной...), позвонил папик, но, едва я нажал кнопку «Принять», как зазвонил телефон для связи с «мамочками». Я сказал папику, что перезвоню и схватил «мамочкофон», но это был Николая. Я мигом вспомнил о том, что мне не давало покоя (если это слово вообще употребимо в связи с событиями последних дней), то, что я забыл, то, чёрт возьми, принципиально важное!..

– Поль?..

– Да, Коля!

– Слушай внимательно. Посылочка для тебя готова, можно сказать ещё тёплая. Сегодня в одиннадцать часов вечера

встречаемся около главного здания университета.

– Спасибо, Николая. Я всё запомнил.

Моё сердце забилося в два раза быстрее. О, Николая, топ апі, что бы я без тебя делал!.. Посылочку от Николая надо было где-то хранить и, я был бы ни я, если бы не позаботился обо всём заранее (хоть и забыл о посылочке). На внушительной по размеру связке ключей, которую я всегда таскал с собой, имелись два ключа, которые открывали дверь в пока что пустующую квартиру усопшей тёти Вали. Там я и буду хранить «посылку от Николая», пока не придёт время её задействовать в моём хитроумном плане.

Знаете сколько стоит бывшая в употреблении морозильная камера? Ответ: семь тысяч рублей. И пять сотен, чтобы затащить её на третий этаж. Ещё полторы недели назад, от такой деловой нагрузки, какую я испытываю сейчас, я бы откинул коньки, а сейчас, в половину второго ночи, сидя за своим компьютером и записывая эти строки, я чувствую, что способен на вечернюю пробежку... Гипотетически, конечно... Всем известен факт, что в чрезвычайной ситуации (война, стихийное бедствие, Универсиада), люди не болеют. Скажу больше: даже мелкие проблемы со здоровьем отступают.

В половине одиннадцатого вечера, когда я уже ехал на встречу с Николая, мне позвонил Раисыч и сказал, что даёт мне выходной на завтрашний день. Тут бы мне и задумать-

ся... Я тут же набрал номер Шамиля и попросил его перенести нашу обыкновенную субботнюю встречу на другое время, а лучше на другой день. «Я буду в другом месте, по заданию начальства», – пояснил я. Шамиль призадумался и пообещал перезвонить. Я молился, чтобы он не заподозрил, что тучи надо мной сгустились донельзя (если, конечно, он не был осведомлён о готовящихся в отношении меня действиях). Мне нужен был этот пакет! К счастью, спустя десять минут Шамиль перезвонил и велел мне приехать в воскресенье в полдень.

Один

**«Ни олень на склоне, ни человек на поле боя
никогда не слышат тот выстрел,
которым его убивают»**

Цитата из фильма

Суббота. Это был тот самый день, на который я назначил спецоперацию по спасению собственной шкуры. Но факт того, что субботний день не заладился с самого утра, внёс существенные коррективы в мои планы. Поздним вечером, когда я, обедневший на сто пятьдесят тысяч рублей и запуганный до полусмерти, выйду из отделения полиции Центрального района, у меня останутся только сутки для принятия окончательного решения, точнее даже не для решения, а для претворения неделю назад задуманного решения. По порядку.

В семь утра в домофон позвонили. И так как у нас квартира с номером один, и к нам звонят все, кто только может – почтальоны, гости соседей, коммунальщики, бригады скорой помощи, интернетчики, лифтёры и так далее – мы не собирались открывать. Я к тому моменту спал уже впол-мозга. Я понял, что опоздал, когда, проникнувшие в подъезд посетители, начали настойчиво трезвонить в нашу входную дверь. Если кто-то не знает: полиция и скорая помощь особым манером звонит в дверь. При известном опыте даже можно научиться отличать звонок врачей и звонок полицейских, но в обоих случаях, находящийся внутри квартиры человек сразу понимает, что к нему пришло само государство, само правосудие...

Меня забрали, что называется, тёплого. Я просил разрешить мне почистить зубы, но это было признано блажью. На моих запястьях сомкнулись наручники, но крутым я себя не почувствовал. Когда меня уводили, мама стояла в прихожей и задавала глупые вопросы. Я, ненавидя её всем сердцем, велел найти в моём «яблочном» телефоне некоего «Красавчика» и рассказать, что меня забрали. «Код блокировки экрана: двенадцать ноль восемь!.. Двенадцать ноль восемь!.. Красавчик!..» – орал я из подъезда, понукаемый двумя обезьянами.

Меня усадили в комнате без окон и, явно издеваясь, попросили никуда не уходить.

– Трудно в повседневной жизни целиком и полностью

уйти от стереотипов. Как стереотипов, проявляющих себя внешне (видных для других людей), так и внутренних стереотипов, которые бродят внутри тебя самого. Даже наши сложноинтерпретируемые мысли несут на себе неизгладимое клеймо стереотипа... Вы меня понимаете, Павел Павлович? – обратился ко мне следователь, снова надев очки.

Я просидел четыре часа в этой комнате, прежде чем пришёл мой собеседник. Он был не такой, как те два идиота – герои мультфильмов, – которые допрашивали всех сотрудников суда в уютном залитым солнцем зале заседаний. Этот работник отдела убийств являлся лучшим работником всех месяцев. Просидев несколько часов в комнатке без окон, с тусклой лампочкой под потолком, а потом, увидев в дверях этого человека, сразу хотелось говорить, говорить много, долго, честно (предельно), образно, но по делу, говорить вдохновенно!

– Да-да, мне близка ваша точка зрения, – я немного поёрзал на стуле.

– Хорошо, – произнёс человек. – Хорошо. Тогда вы не будете сильно удивлены, когда через полчаса придёте в сознание и почувствуете озноб, сильную тошноту, головокружение и гул в ушах, словом, типичные симптомы сотрясения мозга.

В моих глазах вспыхнул страх, и следователь, конечно, увидел его. Он много раз видел страх в глазах сидящих напротив него людей. Можно даже сказать, что вызывать страх

– это его работа. Прежде чем я снова открою рот, я должен запрятать свой страх как можно глубже. Я забыл сказать, что через пять минут после начала нашей беседы (допроса) между мной и следователем появился, запакованный в целлофан, пистолет, очень похожий на тот – со звездами на боках рукоятки, – который я имел глупость держать в руках.

– Я верю в разум, Павел Павлович. Да, я верю, что вы разумный человек и подпишите признательные показания.

Да где же красавчик Тимур. Неужели мама не позвонила ему?! Я посмотрел на следователя полными противоречивых чувств глазами. Он, в очередной раз проявив глубочайший ум и богатейший опыт, сказал:

– Поймите, – нам совершенно не важно: совершили вы или нет инкриминируемое вам преступление, потому что имеющаяся против вас улика диктует вам только одну модель поведения... А именно: вы признаётесь в содеянном без каких-либо оговорок, а потом ваш адвокат ищет способы смягчения приговора, ну там: психическое заболевание, ревность, личная неприязнь, роковое стечение обстоятельств, страсть и так далее, в общем на сколько работает фантазия.

– Я согласен на явку с повинной, – сказал я.

Эти слова произвели на следователя глубокое впечатление. Мне показалось, что я попал в яблочко. Но я ошибся.

– Нет, уважаемый, Павел Павлович, не выйдет. Во-первых, у нас есть против вас улика. Во-вторых... А впрочем, всё на этом, – он снова снял очки. – Я уважаю Фёдора Михай-

ловича, но здесь совсем другой набор исходных данных, чтобы я мог тебе сказать: «Покайся, Родион. Перекрестись...»

Наступила тишина. Впрочем, тишина была относительной, ибо кровь шумела у меня в ушах. Я медленно втянул в себя воздух и проямлил:

– Мне просто необходимо поговорить с моим адвокатом... Только я не знаю его номер, мне нужен мой сотовый телефон...

– Этот телефон, – сказал следователь, достав из кармана мой старый телефон.

Я с облегчением вздохнул, потому что понял: «мамочкофон» и «яблокофон» по-прежнему лежат дома.

– Да... – проговорил я и потянулся к своей трубке.

– Это не обязательно, – проговорил следователь, убирая мой телефон обратно к себе в карман. – Ваш адвокат давно здесь. Я сейчас разрешу ему войти.

Я вздохнул с облегчением. Значит, мама дозвонилась до Тимура.

– Пойдите, – сказал я уже привставшему со стула следователю. – У меня предложение...

Итак, я купил себе времени до утра понедельника за сто пятьдесят тысяч. Красавчик отдал за меня деньги в руки допрашивавшему меня следователю. Я подписал внизу чистого листа, и был отпущен на свободу до семи утра понедельника тринадцатого августа двенадцатого года, когда должен буду

вернуться навсегда... Будь у меня при себе вышеозначенная сумма денег, я бы остался без неё и без временной свободы. А так... Коррупция меня сюда уpekла, коррупция же меня выручила. «Или я с этой минуты под стражей и вы без денег. Или я через тридцать шесть часов под стражей, а вы при ста кусках! Говорю вам: завтра у меня день рождения», – дрожа как лист, проговорил я. «Сто пятьдесят», – ответил следователь. Потом добавил: «Если сбежишь, мы всё равно тебя найдём».

Я пришёл домой и сразу отправился в ванную. Когда я вышел, мама, встретившаяся мне в прихожей, с гордостью заявила:

– А дозвонилась до Красавчика!

– И что?! Тебе медаль за это выдать?! Животные в цирке и не такое проделывают, – потом поколебавшись, прибавил: – Спасибо.

«Спасибо маме, спасибо Красавчику, всем спасибо...»

Сел за компьютер. Из соседней комнаты был слышан звук телевизора: «Он повесился или его повесили?», – тревожным тоном вопрошал ведущий. Открыл почту. В Яндекс-почте всегда есть новое слово, в этот раз было слово «прострация». Итак, прострация – это истощенность, упадок сил, сопровождающийся безразличием к окружающей действительности. «У меня такой нет», – решил я.

Последний день

«Надо творить навеки, однажды и навсегда»

К. Д. Бальмонт

Воскресенье. Я обнаружил себя лежащим на диване и смотрящим в потолок. В голове вертелось смутное воспоминание из раннего-раннего детства: будто мы сидим с мамой в нашей коммунальной квартире (той, что была раньше в центре Казани, в доме, который давно снесли). Мама лепит для меня из пластилина всяких зверушек, а я радуюсь. Я же ничего не леплю, просто беру пластилин и втираю его в свою фланелевую пижаму. А мама меня не ругает, а наоборот: помогает мне втирать пластилин в пижаму; смеётся вместе со мной. Было это или нет?.. Не сумев понять: спал я или нет, – встал, открыл клетку с «два дурачка – пара» и пошёл чистить зубы. Выдавлив пасту на щётку, я услышал звук сработавшего будильника:

*«White brothers and sisters. Come with me
I'll fill you with desire
Take my hand and walk this land
Together...»*

Значит, сейчас ровно шесть утра и ровно пятьдесят одна минута. Кешка и Сашка весело подпевали звонку будильника. Я умилился. Насыпал полные кормушки зерна, поменял воду в поилках и в ванночке для купания, потом, помешкав,

посыпал весь пол клетки зерном, – неизвестно, когда о вас вспомнят в следующий раз; все десять упаковок, накануне купленного мной корма, поставил на видное место на две внешних полки шкафа. Я попрощался с моими близкими существами. «Всё живое дышит. Это первое, что делает живое существо, вступая в мир. Но не это о нём знают окружающие. Им он заявляет о своём существовании не дыханием, а криком». Или... чириканьем! У тебя, Сашуленька, будет шанс стать мамой и, я не буду беспокоиться о том, что вы с Кешкой плодите беспризорников, потому что как они устроятся в жизни – это их забота, твоя забота – дать им шанс. Кеша смотрел на меня и не знал что сказать.

Через пятнадцать минут я вышел из дома и, если всё пойдёт по намеченному плану, то – вышел в последний раз. Заехав в ближайший Макавто за кофе и бутербродом, я устремился на дачу, где до завтрашнего дня отдыхали мама с Ратмиром.

Через тридцать минут быстрой езды, – видеофиксация моих превышений скорости была мне на руку, – я подъехал к домику. Время: восемь часов восемь минут; удача при мне. Естественно, все ещё спали. Придётся разбудить, это ещё больше разозлит мать.

Спустя десять минут наш с матерью разговор принял нужное мне направление. Мы стояли около моей машины на аллее и одинаково жестикулировали при разговоре, что выда-

вало в нас довольно близкую родственную связь.

– Зачем ты вообще приехал сюда? Да ещё в такую рань?! – раздражённо спросила мать.

– Тебе о чём-нибудь говорит словосочетание: «пластилиновая пижама»? Или пижама в пластилине? Мы с тобой никогда не мазали пижаму пластилином, а?

– Нет, не говорит... Как ты тут оказался в такую рань?

– Говорю же тебе, я ночевал в соседнем садоводстве. Мы тут с сотрудниками... Шашлыки тут делали... Меня интересует вопрос: мне какая-нибудь жилплощадь достанется? Вот смотри – у тебя есть квартира в собственности, так? У бабули есть квартира в собственности, так? Бабуля унаследовала квартиру тёти Вали, которую тут же подарила тебе! А мне?!.. Мне, мне, мне-то что-нибудь достанется?! – я играл безупречно, как будто меня действительно крайне интересовал этот вопрос.

– А ты не собираешься случайно сам заработать на квартиру? – она почти всегда говорила убедительно – признак полного отсутствия сомнений. А полное отсутствие сомнений – это признак полного отсутствия ещё кое-чего.

– А может ты за свою жизнь заработала хоть на одну квартиру?! Ты ведь просто получила её при разводе! Научи своим примером, как заработать на квартиру. Почему бы вам с бабулей не продать мне квартиру тёти Вали за тысячу рублей?! – я вперился горящим взглядом в мать.

– Нет! Я буду её сдавать! Потом продам все квартиры и

куплю дом. Живи в этой сколько влезет или покупай на свои деньги!!! – я это уже слышал раньше.

– Пошла на хер! Когда тебе в старости придётся работать уборщицей или посудомойкой, то тебе неудобно будет ездить из пригорода на работу каждое утро, – всё-таки она меня жутко бесила.

– Сам будешь работать посудомойкой или полы мести в питерском метро!!!

– Чёртова идиотка, я работал посудомойкой и, если придётся, буду работать ещё!

– Сволочь, ты и будешь работать посудомойкой, – там тебе самое место, писатель хренов!!! Ничего не получишь... В твоём возрасте...

– Бл..., изыди!!!

– ...в твоём возрасте дети помогают родителям, а ты...! Дима вон... Из Питера своим матери деньги посылал... Ты сам рассказывал.

– Дима-то – сын обычной смертной женщины, а я – сын королевы; так же ты о себе думаешь, после второй рюмки?! С тобой разговаривать, что Богу молиться, – бесполезно...

– За что ты так ненавидишь мать?! Гнида ты, больше ничего... – она развернулась и начала уходить, но мой иступлённый шёпот заставил её остановиться.

– Он мне говорил такие вещи, которые говорить ребёнку не имеет права ни один взрослый. Он рисовал перед моим воображением забавные перспективы, – его безумные сло-

ва были и остаются для меня реальностью. А я, дурак, всегда защищал тебя в меру своих детских сил, а ты меня всегда предавала, – слёзы злобы и отчаяния потекли из моих глаз. – Пудель, на которого плюют, чтобы не плевать на пол, вот кто я был для тебя. Мои интересы ниже всяких интересов! Я просто не понимал этого раньше; понял только потом, но до сих пор не могу поверить... Я – самая мелкая разменная монета в твоём кошельке; ни хорошо, ни плохо – твой выбор. Ты спрашиваешь: почему я тебя ненавижу?! У меня было время подумать, почему я «так отношусь к матери». На самом деле, я к тебе никак не отношусь. Кто-то рождается для бесконечных сомнений, кто-то, чтобы всегда чувствовать себя правым; ты – всегда права. Ты для меня – пустое место, утопическая идея о матери... Ты доживёшь до глубокой старости, в глупости и комфорте, у тебя будет много времени... Ты его потратишь с умом – на просмотр телепрограмм... – я задохнулся и сел на землю, прислонившись спиной к двери машины.

Мать тем временем скрылась за поворотом аллеи. Мне на всё наплевать... На всё и на всех. Я должен спасти свою жизнь, этим я сейчас и занимаюсь. А матери будет легче, если она будет меня ненавидеть. Да...

Через сорок минут я въехал в город и остановился около заправки; открыл компьютер и начал записывать; на запись последних событий ушло двадцать пять минут.

Что и говорить, воскресенье – удобный день для авто-

мобильных перемещений по городу. До полудня оставалось ещё два с лишним часа. У меня не было острой необходимости в этой халтуре сегодня, по крайней мере, ради двенадцати тысяч рублей, которые мне неизменно платил Шамиль за перевозку; сегодня моей целью было это самое «кое-что», которое не будет передано «мамочке», а останется навсегда в моём полном и безраздельном распоряжении. Как с пользой для дела скоротать время до полудня? Припарковавшись в теньке, я снова открыл компьютер и принялся за редактирование своих заметок.

– Ну, давай, Поль Палыч, не выпускай из рук телефон, – Широколицый проводил меня и свой товар теми же словами, которыми провожал меня и свой товар последние полгода.

Я почти вышел из подвала, когда Шамиль меня догнал и спросил:

– А почему Раисыч велел тебе не приезжать вчера на чеки?

– А ты ничего не знаешь? – спросил я с усмешкой.

– Нет, а в чём дело? – Шамиль, видимо, действительно не знал.

– Он обиделся на меня за то, что я трахнул его жену, – с серьёзным видом ответил я.

Шамиль расплылся в недоверчивой улыбке.

– Да уж, – продолжил я. – И дочку его, и мать, и кошку...

Шамиль рассмеялся и сказал:

– Тогда я не буду знакомить тебя со своей кошкой, – от греха подальше!.. Ха-ха-ха!..

Мы душевно засмеялись.

– Ладненько, – утирая слёзы, сказал Шамиль, жди звонка от «мамочки».

– Ага, буду ждать звонка, – ответил я.

Проезжая по набережной Казанки, я опустил стекло и выкинул сим-карту, с которой всегда звонил Широколищину, и на которую приходили звонки от «мамочек». В фильмах всегда показывают, как выкидывают в реку сотовый телефон, но зачем выкидывать телефон, когда можно выкинуть только сим-карту? Отвечу, – для эффекта. А нет, не для эффекта, – в некоторых странах телефонный аппарат покупается вместе с контрактом оператора; у нас такой проблемы нет. Вот выкинутая мною сим-карта, вообще не долетела до воды, если её подберёт какой-нибудь проходимец и захочет ею воспользоваться, – так тому и быть, мне от этого – ни горячо, ни холодно. Да уж, от выкидывания лёгкой, почти невидимой, карточки, эффекта никакого, вот если телефон, представьте: я опускаю стекло автомобиля (непрерывно в замедленной съёмке), изящным взмахом кисти швыряю в сторону водоёма дорогой смартфон, он (в замедленной съёмке, конечно) летит, кувыряясь, по воздуху и, в последний перед погружением в пучину момент, сверкает логотипом надкушенного яблока или надрезанного арбуза. Ладно, киношники, когда будете снимать этот эпизод, можете показать, как

мой герой избавляется от трубки, но на самом деле, это была всего лишь сим-карта, которая грохнулась тут же – в пыль у заднего колеса машины.

Я набрал Аркадия и договорился с ним о встрече через полчаса в ресторанном дворике Меги.

– ...А я тебе говорю, что людей нельзя уловить на иную наживку, кроме Гуманности! Я это прочитал в «Вокруг Света»!

– Давай сменим тему... – Аркадий отпил апельсинового сока.

Я немного подумал и с улыбкой сказал:

– Как сказал бы солдат-срочник: «Погода оставляет желать секса».

– А как сказал бы солдат-срочник-пограничник: «Погода навевает желание перейти границу», – почти не задумываясь, подхватил Аркадий.

– Ага! А как сказал бы солдат-срочник-пограничник на границе с Таиландом: «Погода навевает желание перейти границу дозволенного», – немного подумав, сказал я.

– Мы прям как нынешний министр обороны на селекторном совещании.

– Точняк...

Нам принесли пиццу формата «крышка от люка» и два чая. Аркадий поспешил достать пакетик из чашки, чтобы чай не успел стать слишком крепким.

– Ты слишком быстро достаёшь заварку, – чай не успевает

завариться, – я не в первый раз говорил об этом Аркадию, я много лет наблюдаю, как он не даёт чаю толком завариться. Почему-то меня это сильно беспокоило.

– Я не люблю крепкий чай, – Аркадий извлёк пакетик и выжал его, намотав на ложку.

– Я понимаю, что твоя кровь подсказывает тебе класть поменьше заварки, но ты вообще не обязан обделять себя паке-тированным чаем, – я порядком волновался, меня эта тема зацепила.

– Вот ты пристал со своим чаем!

– Слушай, ты слишком рано достаёшь пакетик с чаем, в этом твоя проблема, парень! – я помахал у него перед носом указательным пальцем, как это делают крутые парни в кино, когда говорят: «в этом твоя проблема, парень».

Аркадий уразумел шутку, и мы рассмеялись.

– Что-нибудь из просмотренного-прочитанного за последнее время оставило след в твоей душе? – спросил я, после того как мы съели по первому куску пиццы.

– Да... Был даже один отечественный фильм, как ни странно. «Не думай про белых обезьян». Смотрел?

– Нет. А что там такого?

– Во-первых – все диалоги в стихах. Во-вторых – необычные, немейнстримные актёры снимаются. Да и вообще, притчевый сюжет в основе фильма. «Мир тождественен личности героя», – пожалуй, это – основная мысль.

– У! – мне знакома такая точка зрения, и я её, в общем-то,

разделяю.

Через несколько минут мы рассуждали о том, как выстраивать сюжет художественного произведения.

– Я хочу, чтобы повествование начиналось с какого-нибудь незначительного слова или действия; образно говоря: из мрака появляется кончик пряжи, потом зритель видит нить, далее – веретено, потом прялку, затем бабку, которая прядёт, потом всё избу, деревню, райцентр и так далее, – размышлял я. – В общем от частного к общему.

– Ты прям как Шукшин говоришь! – смеялся Аркадий Семёнович.

– А я и есть Шукшин, – отвечал я, запихивая в рот кусок пиццы.

– Как на работе? – резко сменил тему Аркадий.

От этого вопроса на меня нахлынули воспоминания и ожидания будущих событий, особенно при негативном развитии оных, и я раскис, – кусок застрял у меня в горле.

– На работе?.. У меня на работе... всё... хоро...шо. Я увольняться собираюсь. Всё! Баста! Покупаю комнату в Петербурге – городе белых ночей, и начинаю новую жизнь, жизнь петербургского бледного интеллигента, – я закончил фразу, но продолжал покачивать головой.

Аркадий, похоже, не заметил моего замешательства и, будничным тоном, продолжая жевать, сказал: «Понятненько». У меня зазвонил старый телефон. Это была моя тётя – сестра папика.

– Привет, Польш!

– Привет тётя!

– Поздравляю тебя с днём рождения, желаю здоровья, счастья в личной и семейной жизни (она всегда так шутила), материального благополучия. Чтобы всё у тебя получалось! – закончила она мысль.

– Спасибоочки-спасибоочки, только знай, если у меня всё будет получаться, то человечеству не поздоровиться, – пошутил я.

– Ну и пусть, делов-то, – тётя засмеялась. – Что-нибудь планируешь в этот светлый день?

– Есть одна задумка... – нарочито таинственно ответил я.

– Ну, всего!

– Спасибо, тётя!

Распрощавшись с Аркадием, я спустился на первый этаж торгового комплекса и купил в магазине электроники маленький лёгкий ноутбук от Sony. Он мне необходим. Было бы странно, если бы мой обычный компьютер вдруг исчез, поэтому мне нужен был новый. Ещё я купил самую дешёвую флэш-карту на два гигабайта.

Мгновение спустя моя жизнь поделилась на «до» и «после». Носоглотка стала фюзеляжем летящего на максимальной высоте дальнемагистрального самолёта, – такая же холодная и стремительная. «Стремительная носоглотка» – смотрите во всех кинотеатрах. Ещё секунда и я испытал без-

адресную благодарность за жизнь и за данное мне в пользование прекрасное (не побоюсь преувеличить) тело, которое способно так сильно чувствовать. Я потянулся к замку зажигания своего Volvo, предвкушая наслаждение, которое испытаю сначала от звука мотора, а потом и от ощущений от вождения. Чёрт, жил ли я до этого?! Мне в голову пришла забавная мысль: вроде я раньше думал, что жизнь моя делится на «до первого секса» и «после», потом я думал, что моя жизнь делится на «до получения военного билета» и «после», далее на «до развода с женой» и «после», потом на «до получения диплома о высшем образовании» и «после», ещё на «до прочтения трудов К.К.» и «после прочтения»... Ну и в том же духе. А оказывается, что жизнь делилась на «до этого «Белого Вдоха» и «после БВ». Хм, «БВ». Здесь правильнее сказать не «после», а «во время». С тех пор как я начал развивать эту мысль и до её окончания прошло две секунды. Ха, кокаин – ускорь свою жизнь. Завожу машину. Включаю «D». Размеренно отчаливаю. Наслаждаюсь. «Чтоб я сдох; остановись мгновенье, ты – прекрасно».

– Прокатимся? Не отказывайся, всё-таки у меня сегодня ДР, – я боялся, что Эн откажется от встречи.

– Хорошо, – неуверенно произнесла Эн. – Когда подъедешь?

– «Не успеешь сказать «черничный пирог», – как Брюс Уиллис ответил я.

– Чёрничный пирог...

– «Ну, может не так быстро...»

– Мы живём в самые лучшие времена. Тот факт, что на Земле более семи миллиардов человек, делает возможным абсолютно всё. Все люди, которые когда-то жили на планете, а затем умерли (а потом снова жили и снова умерли), собрались вместе в настоящее время, привнеся в него всё хорошее и всё плохое, что когда-либо существовало. Надежды и страхи, любовь и мечты всей человеческой цивилизации замешались в огромном миксере – времени настоящем. Диско и регги, милитари и гламур, D&G и LV, Hummer и SLK – всё реально и всё имеет право на существование, больше не существует «не модного». Закон ускорения исторического времени диктует свои правила восприятия. Это тот случай, когда за один день ты можешь прожить целую жизнь. Выбирай и бери! Плати чем сможешь и когда сможешь! К оплате принимается душа, у тебя много души?! Кажется, у меня кровь из носа пошла, нет, это всего лишь сопля...

«Я ещё немного-много подожду, только вот чего не знаю я сама...» – колонки не так уж плохи, если не делать громко.

– Мы победили такие предрассудки как голод и чувство ответственности, на очереди зависимость от нефти и пива! Сегодня, чтобы чувствовать себя в центре Вселенной, не обязательно жить в центре Вселенной! Бери всё самое лучшее из того, что когда-либо придумало человечество. Все

люди сегодня здесь, все здесь! Дураки к дуракам, умные к кому хотят, голубые к кому хотят, все – к кому хотят!.. Мы все собрались на грандиозную вечеринку и нам решать, когда она закончится. Писатель сказал: «Мир всё равно нельзя спасти, так давайте уж отгуляем праздник до конца». У каждого персональный Рай и Ад, никаких коммуналок. Я люблю жизнь и перестаю её бояться. Самое время «объять необъятное»!

«Я тебе не всё, но всё же, расскажу, сколько я ночей бессонных провела...» – ходу моих мыслей не мешала музыка.

– «..И внял я неба содроганье,

И горний ангелов полёт,

И гад морских подводный ход,

И дольней лозы прозябанье!..» – моя память работала как никогда хорошо.

– Это ты сочинил?!

– Нет, блин, Пушкин!

Это время, когда "грязные сучки будут наказаны" и файф дей вор, то есть это время возмездия, Эн! Это время блюза и танго в одном флаконе и хард-кор ремиксов на Александра Вергинского, то есть это время возможностей! Это время дешёвого пойла и дорогого фунта стерлингов, то есть это время вдохновения, Эн! Ты слушаешь меня, Эн?! Это время таких красавиц как ты и немного таких ублюдков как я. Это самое время индивидуального счастья и массового пох...зма!

«Столько проливала слёз я без тебя; я тебе не всё, но всё

же покажу и с тобой убежим сейчас туда. По шоссе мы летим, мы летим по шоссе; знаю все, сколько зим, я искала тебя на встречной полосе».

– Ты знала, что кролики спят урывками по несколько минут?!

– Мм... Интересно...

– «Мы мчимся навстречу смерти в сумраке остывающего дня!» – восторженно прокричал я.

– Что ты такое говоришь? – дрогнувшим голосом произнесла Эн, предварительно убавив музыку.

– Это не я, малышка, это Френсис Эс Фицджеральд...

– А... Тогда ладно, – она снова прибавила.

– Что у нас есть кроме жизни, малышка; что нам нужно, кроме жизни... – начинал явно переигрывать я.

Но я не вкладывал особого смысла в слова, которые говорил, для меня они звучали совсем не так, как для слушателя, меня это устраивало.

– Хочешь ещё одну цитату? – при этих словах я ускорил машину до ста восьмидесяти километров в час. Мимо пронеслись объекты дорожной инфраструктуры, – гостиница, шашлычка, стоянка для фур, парочка проституток, заправки по обе стороны дороги, справа мигнул красный огонёчек видеофиксатора, который добавил в свою память номер моей машины, чтобы завтра первым делом выслать мне штраф за превышение скорости.

– Ну, давай, – было заметно, что Эн тревожится по поводу

моей вменяемости и безопасности нашего с ней движения. Я не хотел нервировать Эн, поэтому сбросил скорость до девяноста.

– «Мы умираем лишь однажды, но всю жизнь».

– У... А это кто сказал? – переварив фразу, спросила Эн.

– Не знаю, кто-то из американцев, у них есть время задумываться о таких вещах.

Ночь, скорость и близость красивого человека действовали не хуже наркотика. Я, как обычно, осознав красоту окружающей действительности, не впал сразу после этого осознания в уныние, ибо больше не хотел утащить всё это великолепие с собой в могилу; возможно в этот момент я поумнел до той степени, когда понимаешь, что жизнь – это только настоящий момент и, ты счастливчик, если смог растянуть его... задержаться на его вершине какое-то время. В этот момент я был кольцом на пальце царя Соломона.

– Я бы не хотел, чтобы ты на меня злилась, я прошу прощения... Я тут вспомнил: когда я учился в пятом классе, я купил сотовый телефон – сэкономил на обедах – у меня у первого в классе появился мобильник; помнишь, я попросил тебя позвонить на него мне в определённое время? Мне никто не звонил, а я хотел похвастаться телефоном перед одноклассниками. Помнишь?! Ты позвонила ровно-ровно в то время, на которое мы договорились. Я, с важным видом, попросил у учительницы разрешения выйти из класса и переговорить. Выйдя в коридор, я обмолвился с тобой несколько-

ми словами, ведь связь в те времена была жутко дорогой, повесил трубку, постоял немного и зашёл в класс. Вот смех-то! Помнишь, Эн? Ты тогда была, получается, в третьем классе. Удивительное дело, Эн, – сколько тебя знаю – ты всегда была на год младше меня... – я притих. – Всё так коряво, возможно потому, что я живу в первый раз, – снова заговорил я.

– Да ладно уж, что было, то было...

– Лучше и не скажешь... Лучше и не скажешь.

Мы повернули друг к другу головы и рассмеялись.

– Все прощают всех за всё? – прищурившись, спросил я.

– Все прощают всех... за всё, – уставившись в пол, с грустью в голосе сказала она. Потом подняла взгляд на меня и сказала: «Да».

На следующем съезде, я свернул в сторону города, ещё через двадцать минут, причалил к подъезду Эн.

– Сейчас домой поедешь? – спросила Эн, высунув одну ногу из машины.

– Конечно, завтра же на работу, – изобразив зевоту, ответил я.

– Хорошо покатались, надо бы в следующие выходные куда-нибудь...

– Конечно! Я тебе позвоню, – не знаю, какой раз за последнюю неделю соврал я.

У меня было ещё полно дел. А ведь какая тёплая ласковая августовская ночь. Не сегодня-завтра начинается звездопад. Я включил громкость.

*«...От нас не убудет, что было, что будет;
Что было, что будет этой ночью
Забудем, будем мы с тобой разбудим
Мой дом ночью этой опустел...»*

В кармашке слева всё ещё лежал учебник по философии. Я его так и не дочитал. Где-то было высказывание, которое мне сейчас близко, хотя полностью не отражает ситуацию. Так... Где же это место... Вот. Слушайте: «Люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность. Ибо редко случай оказывает сопротивление разуму, чаще же всего в жизни мудрая проницательность направляет к достижению поставленной цели». Можно спорить? Можно. Тем более, что спустя несколько веков было доказано, что «на всякого мудреца...», это тоже не про меня. Вообще-то, довольно опрометчиво сидеть и листать книжку, когда катаешься по быстро нагревающейся сковороде.

Я всё-таки ещё заеду домой, – взгляну «последний-препоследний» раз на своих «дурачков на палочке». «Что лучше всего?» «Удача».

«Для того, чтобы написать Иванова(у), не надо самому быть им», – сказал Константин Сергеевич.

– Прощайте, режиссёр. Вместо «спасибо» возьмите вот

это, здесь без малого полкило, – из новой красной сумки появился початый брикет «ангельской пылицы».

Режиссёр расплылся в улыбке удивления и благодарности.

– Что ж, красавица, за необычную услугу – необычное вознаграждение... Может на дорожку?... – режиссёр не мог скрыть привалившего счастья.

– Почему нет, – я подцепил немного порошка на пластмассовый ноготь.

Уже в дверях, я обернулся и сказал: «Не забывайте спать». «А ты не забывай, что жизнь прекрасна, если не бояться её».

Что я вижу, выходя на улицу? Ответ: жизнь. Скажу больше: жизнь замечательных (с некоторыми купюрами) людей. Робко бредущую по обочине дороги жизнь. Мужчина в чёрной рубашке с небольшим пивным животом, курит и стучит ногой по колесу своей машины. Птицы, предчувствуя рассвет, издают свойственные их виду звуки. Собака с перебитой лапой и добрыми глазами принюхивается к только ей уловимым запахам. Августовская ночь в средней полосе России, я узнаю твой запах даже через тысячу лет. Жизнь – прекрасное и наивное нечто. Я скорблю по всем живущим существам на Земле; я сочувствую вашим несчастьям; разделяю ваши тревоги и солидарен вашим страхам. Я чихаю как собака и зеваю как птица. Я – собака, я – птица. Больше не хочу быть бессмертным, иначе боль станет невыносимой и... безысходной. Я с вами, я – один из вас. Живой – счастливый. Живой – несчастный. Неважно. Для меня пара-

докс жизни заключается в том, что я не знаю – на каком этапе земного существования нахожусь, – в самом начале, середине или при смерти? Может это только начало, – период окукливания? Молодой ангел в бронированных перьях; без сомнений, без пола, без гражданства, без жалости. Первый побег из многих? Единственный побег? Бесконечный источник опьянения – осознание себя живым. Августовский ночной воздух... Мне пора идти. Идти, ехать, снова идти и лететь. Мимо прошла компания молодёжи, от них доносились какие-то возгласы и смех, они не матерились и не старались показаться крутыми, это были интеллигентные молодые люди; один из них аккуратно положил допитую бутылку в мусорное ведро. Подул ветерок, и я почувствовал, как мурашки пробежали у меня по ногам, забежав под (не думал, что скажу когда-нибудь такое) юбку. Тем временем компания скрылась за углом дома, они направились «куда-то, где ждёт веселье, и, разделяя чужую радость, я желал этим людям добра».

Что касается меня, то я сейчас сделаю следующее: сяду в машину и начну движение. Чуть позже я пересяду в свою старую машину, но до того момента нужно ещё многое сделать. Когда всё будет готово, я проеду по пустому городу до улицы Голубева; остановлюсь около одного из десятиэтажных домов и допишу эти строки, затем скину этот документ на флэш-карту, флэшку положу в заранее приготовленный конверт с именем получателя; сотру из памяти нетбука всю информацию; войду в подъезд, открыв его с по-

And it said

You should know that love will never die

But see how it kills you in the blink of an eye

Камера всё выше и выше. Сначала песня звучит только из колонок авто.

I know love is a hot white light

It knocks you down and then leaves you dry

Oh how can it be sweet mama tell me why

Why all loves disciples have to wither and die

Зритель чувствует острое желание жить, благодать разливается по телу, как рюмка ледяной водки на голодный желудок. Камера выше, – автомобиль с главным героем мельче. Музыка начинает звучать в полную силу, отовсюду; теперь качество звука зависит только от модели телевизора или акустики кинотеатра.

Please sister, help me come on do what you should

Please give me something I'm not doing so good

I'm gone, done wrong is there nothing you can say

Please sister help me I'm not feeling ok

Наконец, солнечный свет становится таким ярким, что полностью заливают экран.

*Give me believe that my time will come
And a toll free helpline if I find someone
But she said
You gave away what you never really had
And now your purse is empty I can see why you're sad...*

Снизу вверх начинают идти титры...

Послесловие от рассказчика

**– Любую задачу реально выполнить,
если разбить её на выполнимые части.**

– О! Мы с вами смотрим одни сериалы!

Вы уж, уважаемые киношники, сами решайте: как лучше снять заключительные эпизоды этой истории. Но чтобы непременно было напряжение, саспенс, интрига, сепсис (?), скепсис (?), детектив, мелодрама, триллер... всё необходимое, чтобы привлечь зрителя. Ах да, Хеппи Энд!

И ещё. Я знаю, что российский книжный рынок испытывает дефицит детской и подростковой продукции. Вот эта книга – чем не вариант?! Заменить «гашиш и кокаин» на «гематоген и детскую присыпку» и в печать! Со временем эта повесть, или что это за литературная форма такая, могла бы стать классикой на подобии «Ловец во ржи», – только там мужчина рассказывает от лица ребёнка, а здесь ребёнок от лица мужчины. Ну, да хватит желчи...

Лето, осень, зима, весна, лето (Универсиада, которая подарила нашему городу много асфальтированных направлений), снова осень...

Осень всегда оказывает на меня странное, в двух словах необъяснимое воздействие. Представьте, что вас что-то очень долго тревожит, что-то вроде долга (в широком смысле этого слова), трудновыполнимого обещания или тяжёлой болезни, осознания сделанной глупости или совершённой подлости, бремя завышенных ожиданий или горечи от понимания простой истины и вдруг... момент, когда всё становится неважно; будущее больше не тяготит своей неопределённостью, потому что будущего больше нет, да и не было никогда; прошлое не велит быть таким же глупым, трусливым или мелочным, каким был когда-то; ещё капля осенней эссенции... ещё капля. Настоящее отпечатывает на сетчатке глаза и... планета перестаёт вращаться. «Листья падали, падали, падали, и никто их не мог удержать...»

К осени тринадцатого года страсти на всех фронтах улеглись. Внезапно появилась возможность осуществить ранее задуманную поездку. Не было планов на потом, а было немного денег и конституционное право на перемещение. Я зашла на почту и нажала кнопку «написать». В адресной строке ввела адрес: «makpal_timeralieva@mail.ru», написала: «Дорогая Макпал, когда ты планируешь быть в Нью-Дели?» Нажала «отправить».

Конец